

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ

Теория. История. Современность

Ученые записки. 2015

Выпуск 10

| ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО |
МОСКВА | 2015

УДК 316.343.644
ББК 60.55
К 79

Авторский коллектив:

*О. Виссер, Н. Мамонова, М. Споор, А. Никулин, А.В. Гордон,
А.В. Посадский, А.В. Соболев, Ш. Мерль, В.П. Данилов, В.В. Кондрашин,
С.Н. Игнатова, О.Б. Божков, О.П. Фадеева, С. Вегрен, И. Троцук,
И. Копотева, А.М. Никулин, Е.С. Никулина, П.Н. Зырянов, И.А. Кузнецов,
В.В. Бабашкин, А. Куракин, М.И. Роднов, М.Г. Пугачева*

Под редакцией

А.М. Никулина, М.Г. Пугачевой, Т. Шанина

Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки.
К 79 2015. Вып. 10 ; под ред. А.М. Никулина, М.Г. Пугачевой, Т. Шанина. —
М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 354 с.

ISBN 978-5-7749-1129-5

Десятый, юбилейный выпуск ежегодника «Крестьяноведение 2015», совпавший с юбилейными датами его основателей – профессоров В.П. Данилова и Т. Шанина, содержит статьи, обзоры, рецензии российских и иностранных ученых, посвященные теории, истории, современности отечественных и международных аграрных исследований, связанных с анализом проблематики социальной дифференциации, локальных культур, «зеленой революции», продовольственной безопасности, кооперации. Сборник включает в себя материалы по сельскому развитию как России в целом, так и отдельных российских регионов в особенности Нечерноземья, Поволжья, Сибири.

УДК 316.343.644
ББК 60.55

ISBN 978-5-7749-1129-5

© ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», 2015

Содержание

Предисловие..... 7

ТЕОРИЯ

Виссер О., Мамонова Н., Споор М., Никулин А.

Тихий продовольственный суверенитет
среди громкой продовольственной безопасности 10
Гордон А. В. Деревня и город Китая в условиях
дезинтегрированного роста..... 36

ИСТОРИЯ

Посадский А. В. Помощь семьям крестьян, призванных
в армию, в Саратовской губернии в 1915 году 57
Соболев А. В. Русский институт сельскохозяйственной
кооперации в Праге..... 74
Мерль Ш. Как удалось Сталину воспрепятствовать
«зеленой революции» в России? К вопросу о торможении
аграрно-технического прогресса (1927–1941)
Перевод с английского Н. Штильмарк 88
Данилов В. П. О русской частушке 148
Кондрашин В. В. Теодор Шанин — ученый и организатор науки 171

СОВРЕМЕННОСТЬ

Игнатова С. Н., Божков О. Б. Российский сельскохозяйственный
предприниматель: формирование
и воспроизводство социальной группы..... 185
Фадеева О. П. «Дело было в Пенькове»:
как агрохолдинги завоевывают сельские районы Сибири 197
Вегрен С., Троцук И. Сельские домохозяйства
в условиях российского продуктового эмбарго..... 234
Копотева И. Койвусельга: 20 лет спустя..... 264
Никулин А. М., Никулина Е. С. Мошинский куст:
ветви жизнедеятельности северной сельской местности 274

АРХИВ

Зырянов П. Н. «Школа Сидорова».

Воспоминания младшего современника.

Публикация И. А. Кузнецова 295

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бабашкин В. В. «Парадная беднота»

и другие участники коллективизации..... 321

Куракин А. А. Ключевые вопросы и темы исследований

сельскохозяйственной кооперации в мире

(по итогам конференции МКА)..... 328

Роднов М. И. XXXIV сессия международного Симпозиума

по аграрной истории Восточной Европы 333

Пугачева М. Г. Международная конференция

«Кооперация, самоуправление, самоорганизация

и продовольственная безопасность» 337

Сведения об авторах 345

Annotation..... 347

Contents

Foreword.....7

THEORY

Visser O., Mamonova N., Spoor M., Nikulin A.

Quiet food sovereignty within loud food security10

Gordon A. V. Chinese town and village under the disintegrated growth36

HISTORY

Posadskiy A. V. The help for the families of peasants called

to the army in the Saratov province in 1915.....57

Sobolev A. V. Russian Institute of Agricultural Cooperation in Prague.....74

Merl S. How did Stalin manage to prevent the “green revolution”

in Russia? On the question of slowing down

the agro-technical progress (1927–1941)88

Danilov V. P. On the Russian chastushka148

Kondrashin V. V. Teodor Shanin — a scientist

and science organizer171

THE PRESENT TIME

Ignatova S. N., Bozhkov O. B. Russian agricultural entrepreneurs:

the formation and reproduction of the social group.....185

Fadeeva O. P. “It happened in Pen’kovo”:

How agroholdings conquer the rural areas of Siberia197

Wegren S., Trotsuk I. Rural households under

the Russian food embargo234

Kopoteva I. Koyvuselga — 20 years later264

Nikulin A. M., Nikulina E. S. The Moshinsky bush:

some branches of life in the northern countryside274

ARCHIVES

Zyryanov P. N. “Sidorov School”:

The memoirs of a younger contemporary (Kuznetsov I. A.).....295

SCIENTIFIC LIFE

Babashkin V. V. "The grand poor" and other participants of collectivization	321
Kurakin A. A. Key issues and research questions of the agricultural cooperation studies: The results of the ICA conference	328
Rodnov M. I. XXXIV International symposium on the agrarian story of Eastern Europe.....	333
Pugacheva M. G. International conference "Cooperation, Self-government, Self-organization and Food Security: Past and Present"	337
Annotation.....	347

Предисловие

Десятый, юбилейный выпуск ежегодника «Крестьяноведения» совпал с юбилейными датами его соредкторов-основателей — 85-летием профессора Теодора Шанина и 90-летием со дня рождения профессора Виктора Петровича Данилова. Профессор Данилов — аграрник-энциклопедист — как известно, занимался не только изучением социально-экономической, но и социокультурной истории крестьянства. В данном выпуске мы публикуем его статью «О русской частушке», являющуюся эталоном междисциплинарного изучения истории сельской жизни России.

Теодору Шанину его ученик, ныне сам маститый ученый-аграрник профессор В. В. Кондрашин посвятил юбилейный очерк, в котором описал основные вехи жизненного и интеллектуального пути Шанина, его вклад в российское и мировое крестьяноведение.

В разделе «Теория» в статье «Тихий продовольственный суверенитет среди громкой продовольственной безопасности», написанной в содружестве нидерландскими и российскими учеными О. Виссером, Н. Мамоновой, А. Никулиным и М. Споором, поднимается вопрос о различении понятий «продовольственный суверенитет» и «продовольственная безопасность» в международном и российском контекстах. Авторы выделяют особый тип продовольственного суверенитета — российский, как формирующийся «снизу» — со стороны семейных сельских и городских домохозяйств — и дают ему определение «тихий продовольственный суверенитет».

Другая статья теоретического раздела «Деревня и город Китая в условиях дезинтегрированного роста», принадлежащая исторiku и культурологу А. В. Гордону, описывает общие и особенные характеристики взаимоотношений города и села при высокой социальной и региональной дифференциации современного Китая.

В разделе «История» представлены тексты, посвященные судьбоносным событиям сельской России XX в. Статья А. В. Посадского «Помощь семьям крестьян, призванных в армию, в Саратовской губернии в 1915 году» анализирует взаимодействие фронта и тыла России столетней давности в период Первой мировой войны на саратовских исторических материалах.

Судьба российских аграрников-кооператоров, оказавшихся в 1920-х гг. в эмиграции на территории Чехословакии, рассматривается в статье А. В. Соболева «Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге», анализирующей обширное теоре-

тическое и практическое наследие русской кооперативной мысли, до сих пор не утратившей своего интеллектуального значения.

Собственно советский период российской аграрной истории представлен статьей немецкого историка Ш. Мерля «Как удалось Сталину воспрепятствовать «зеленой революции» в России? К вопросу о торможении аграрно-технического прогресса (1927–1941)». Автор подчеркивает, что еще в 1920-х гг. российская аграрная наука во многом вышла на передовые рубежи собственной аграрно-экономической «зеленой революции». Однако сталинский погром школ российских аграрников во время коллективизации, сопровождавшийся невиданным ростом бюрократического администрирования в сельском хозяйстве, несмотря на все его широкомасштабные технократические мероприятия, привел к торможению и блокировке интенций «зеленой революции» в СССР.

Раздел «Современность» содержит тексты, характеризующие ряд основных социальных, экономических, политических и культурных тенденций сельского развития современной России. В статье С.Н. Игнатовой и О.Б. Божкова «Российский сельскохозяйственный предприниматель: формирование и воспроизводство социальной группы» на материалах эмпирического исследования в российском Нечерноземье описываются основные направления и черты развития современного российского сельского предпринимательского слоя.

В статье «Сельские домохозяйства в условиях российского продуктового эмбарго» С. Вегрена и И.В. Троцук анализируются особенности социально-экономического поведения сельских домохозяйств России в обстановке внешнеполитических санкций последнего времени, связанных с введением российского эмбарго на аграрную продукцию ряда стран Запада.

Как всегда, в ежегоднике есть несколько региональных кейсов современного сельского развития. В статье О.П. Фадеевой «Дело было в Пенькове»: как агрохолдинги завоёвывают сельские районы Сибири» представлен механизм экспансии сверхкрупного аграрного производства в экономику сибирских сельских сообществ.

Социально-антропологический очерк И.В. Копотевой «Койву-сельга: 20 лет спустя» посвящен анализу постсоветской трансформации типичного леспромхозного поселка Республики Карелия, а в статье А.М. Никулина и Е.С. Никулиной «Мошинский куст: ветви жизнедеятельности северной сельской местности» рассматривают вопросы сельской эволюции мелких селений на юге Архангельской области. Оба текста иллюстрируют серьезные проблемы деградации сельских поселений северного Нечерноземья,

а также возможные способы преодоления их долговременной депрессии.

В разделе «Архив» публикуются воспоминания замечательного историка-аграрника Павла Николаевича Зырянова, рисующие картину человеческих характеров и интеллектуальных исканий советских историков — сотрудников Института Истории СССР АН СССР 1960-х — 1980-х гг. Данная публикация подготовлена И.А. Кузнецовым.

В хронике «Научной жизни» В.В. Бабашкин представил рецензию на новейшие монографические исследования в области отечественной аграрной истории. А.А. Куракин, М.И. Роднов и М.Г. Пугачева подготовили обзоры крупных междисциплинарных международных аграрных конференций, состоявшихся в Париже, Самаре и Москве.

А. Никулин

О. Виссер, Н. Мамонова,
А. Никулин, М. Споор

Тихий продовольственный суверенитет среди громкой продовольственной безопасности

Аннотация. Авторы статьи намерены проанализировать, чем является продовольственный суверенитет в ситуации, когда общественная инициатива и активизм сельских жителей ослаблены предшествующим советским и постсоветским опытом индифферентного политического существования на фоне громкой государственной идеологической кампании об укреплении продовольственной безопасности. Фокусируясь на российских реалиях, мы обрисовываем контуры особого типа продовольственного суверенитета и, отталкиваясь от концепта «тихая устойчивость», определяем его как диверсифицированный, закамуфлированный и сформированный «снизу» — *тихий продовольственный суверенитет*. В нем роль и значение личных подсобных хозяйств всячески преуменьшается государством и отчасти самими домохозяйствами: и они, и государство склонны рассматривать личные подсобные хозяйства не как альтернативу агропромышленному комплексу, а как некое его дополнение (хотя порой именно продукцию домохозяйств отличают более высокие показатели полезности, экологичности и социальной значимости). Тихий продовольственный суверенитет часто исключает ту открытую полемику, которая обычно ассоциируется с гарантиями продовольственной безопасности. В статье мы обозначаем перспективы развития тихого продовольственного суверенитета как движение населения снизу за продовольственную безопасность, подчеркивая важность исследования неявных повседневных форм ее обеспечения.

Ключевые слова: продовольственный суверенитет; продовольственная безопасность; сельский активизм; личные подсобные хозяйства; малые сельхозпроизводители; дачи; постсоциалистический период.

Какие очертания обретает продовольственный суверенитет в условиях, когда активизм сельской самоорганизации слаб или отсутствует, что характерно для большинства постсоциалистических стран?¹ Продовольственный суверенитет обычно рассматривается как нечто тесно связанное с крестьянскими социальными движениями, которые способны сформировать устойчивый дискурс о нем и воплощать его в жизнь посредством коллективных действий, поэтому исследования продовольственного суверенитета, как правило, фокусируются на глобальном Юге и Западе, *оставляя без внимания постсоциалистические государства Евразии, в частности, Россию, Украину, страны Центральной Азии и Китай*, где проживает огромная доля мирового населения и сосредоточена значительная часть сельских территорий. Крупнейшие сельскохозяйственные производители России и большинства стран бывшего Советского Союза (например, Украины и Казахстана) придерживаются дискурса и практик обеспечения продовольственного суверенитета, которые радикально отличаются от общемировых его трактовок (см., напр.: Declaration of Nyéléni, 2007; Torres, 2003; Берген, Троцук, 2013; Шагайда, Узун, 2015). Хотя глобальные Юг и Запад также расходятся в интерпретациях продовольственного суверенитета (Patel, 2009), российское его определение принципиально отличается от всех существующих трактовок², поэтому изучение ситуации на постсоветском пространстве и, прежде всего, в России, будет способствовать более точному пониманию сути продовольственного суверенитета — понятия, которое обретает всю большую популярность в мире.

Поскольку до сих пор исследований продовольственного суверенитета в России не проводилось, как, впрочем, и на всем постсоветском пространстве³, первый вопрос состоит в том, можно ли вообще говорить о понятии или мерах по обеспечению продовольственного суверенитета в постсоциалистических странах. Словосочетание «продовольственный суверенитет» практически не встречается в российском государственном дискурсе и средствах массовой информации, а если и используется, то, как правило, в качестве синонима национальной продовольственной

¹ То же самое можно сказать и о городских движениях.

² См. различные определения в: Declaration of Nyéléni, 2007; Desmarais, 2007; Edelman, 2009; Statement on peoples' food sovereignty, 2002. Берген, Троцук, 2013; Шагайда, Узун, 2015.

³ Единственное исключение: DeMaster K. Navigating De- and Re-peasantisation: Potential Limitation of a Universal Food Sovereignty Approach for Polish Smallholders. Paper for the conference «Food Sovereignty: A Critical Dialogue». Yale University/ISS, 2013.

безопасности (см., напр.: Super, 2012): государственная политика сосредоточена на гарантиях продовольственного суверенитета и самообеспечения страны посредством поддержки крупных сельскохозяйственных производителей. Тем не менее, хотя в российских дискуссиях понятие «продовольственный суверенитет» встречается редко, проблемы, им обозначаемые, несомненно, крайне важны для страны.

В России сложился особый тип продовольственного суверенитета, поскольку в стране не существует организованных субъектов, которые могли бы явно и четко сформулировать соответствующие дискурсы и скоординировать свои действия. Однако определенные шаги и не проговариваемые вслух идеи продовольственного суверенитета широко распространены среди населения и формируются по модели «снизу — вверх» — мы объединяем эти практики в понятие «тихий продовольственный суверенитет», отталкиваясь от концепта «тихая устойчивость» (Smith, Jehlička, 2013). Мы убеждены, что действия по обеспечению продовольственного суверенитета играют важную роль в жизни российского общества: сельские домохозяйства производят значительную долю национального продовольствия в процессе или в связи со своими локальными жизненными практиками, а поскольку по большей части речь идет об экологичном производстве, то подобные практики вполне укладываются в глобальные трактовки продовольственного суверенитета. В частности, дискурс о правах человека, являющийся важным элементом продовольственного суверенитета (Claeys, 2013; Declaration of Nyéléni, 2007), прослеживается и в стратегиях тихого продовольственного суверенитета. Однако экономическое и экологическое значение российских домохозяйств, которые, например, производят больше картофеля, чем все коммерческие компании США и Великобритании вместе взятые (Ries, 2009), на наш взгляд, недооценивается в политике российского правительства. Еще более примечательно, что это значение преуменьшается и самими мелкими производителями. Тем не менее поразительная производительность частных домохозяйств и тихий продовольственный суверенитет в России объясняются, во-первых, исторически устойчивыми представлениями и деятельностью по продовольственному самообеспечению, которые сложились в советскую эпоху тотального продуктового дефицита; во-вторых, в недавнем прошлом *симбиотическим слиянием крупных сельскохозяйственных предприятий и сельских домохозяйств — когда последние отдавали фактически задаром крупным хозяйствам свои земельные паи и свою рабочую силу, а крупные хозяйства позволяли домохозяйствам подворовывать у себя*

ресурсы по еще советскому принципу «и все вокруг колхозное — и все вокруг мое» (Lindner, Nikulin 2004).

Сельский социальный активизм в России

В России пространство действия для сельского социального активизма крайне ограничено. В советскую эпоху все общественные организации создавались «сверху». После распада Советского Союза в 1991 г. формирование социальных движений «снизу» стало юридически возможно, но за семьдесят лет социалистической жизни, где не было места реальным общественным инициативам, население утратило доверие к коллективным действиям и солидаристским идеологиям и не выработало навыков мобилизации снизу. Кроме того, люди были слишком озабочены последствиями «шоковой терапии» 1990-х гг. — резкой либерализации цен, повсеместной приватизации и радикального снижения государственных расходов на социальную сферу (Mamonova, Visser, 2014). Россияне оказались не способны к коллективной мобилизации для противостояния кризисным явлениям и предпочли преодолевать трудности, в том числе продуктовый дефицит, используя традиционные советские практики ведения личного подсобного хозяйства и ресурсы неформальных социальных сетей взаимных обменов.

В результате в 1990-х гг. в России возникло очень мало общественных движений, причем преимущественно в городах (часть сельских движений также была сформирована горожанами, имеющими личные подсобные хозяйства). С середины 2000-х гг. появляются некоторые сельские социальные движения (Mamonova, Visser, 2014), однако, вследствие усиления бюрократического давления на организации гражданского общества, эти движения либо оказались полностью подконтрольны государственным структурам, либо превратились в фантомные — не осуществляющие реальной деятельности. Единственным общественным движением, которое сохраняло тесные связи с сельскими жителями, являлся общероссийский «Крестьянский фронт», защищавший селян от посягательств на их земельные участки, но и он, не выдержав бюрократического давления и отсутствия у населения социальной воли к мобилизации, был распущен в 2013 г. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что сельские социальные движения в России крайне слабы или практически отсутствуют, не обладая ни социальным авторитетом, ни властью (Mamonova, Visser, 2014).

Странный продовольственный суверенитет: аналитическая оптика

Продовольственный суверенитет обычно рассматривается как феномен, тесно связанный с неким социальным движением, которое способно сформировать, распространять и претворять в жизнь соответствующий дискурс, превращая его в коллективное действие. Проникновение идей продовольственного суверенитета на мировую политическую арену, очевидно, связано с появлением транснационального социального движения Виа Кампесина и других крестьянских и фермерских объединений (например, Международного комитета по планированию стратегии продовольственного суверенитета). Изучение продовольственного суверенитета, помимо преодоления ограничений исследований продовольственной безопасности, выступает и особой областью анализа социальных движений, фокусируясь на их дискурсивных аспектах (дискурсы, интерпретации фермерства) и организационных проблемах (лидерство, транснациональные союзы и открытые/массовые формы коллективного действия).

В последнее время ряд исследователей стали рассматривать продовольственный суверенитет не только как связанный исключительно с деятельностью некоей совокупности социальных движений. Особое значение для нас имеют те проекты, что не ограничиваются анализом «глобальных объединений» социальных движений, а обращаются и к локальным формам сопротивления расширению глобальной продовольственной системы (Ayres, Bosia, 2011), хотя локальные микроформы протеста «все еще остаются в тени крупных саммитов и широкомасштабных мобилизаций» (Ayres, Bosia, 2011: 1)¹. Сегодня наметился рост интереса к акторам вне рамок общественных движений и к разным субъектам (масштабам) продовольственного суверенитета, например, в модели «множественных суверенитетов» (McMichael, 2009), но все же в фокусе научного анализа остаются именно социальные движения. Соответственно, возникает вопрос, какие формы обретает (или в будущем может получить) продовольственный суверенитет в ситуации, когда социальные движения крайне слабы или не существуют. Можно ли говорить о продовольственном суверенитете в государствах, *где социальные движения запрещены (как в Китае) или их деятельность находится под пристальной опекой (как в России)?*

¹ Некоторые авторы полагают, что в последнее время исследования продовольственного суверенитета оказались слишком локально фокусированными (Iles & Montenegro, 2013).

В России, как и во многих других постсоциалистических странах и/или полуавторитарных режимах со слабыми или отсутствующими социальными движениями, необходимы особые аналитические инструменты для изучения продовольственного суверенитета. Мы предлагаем сосредоточиться на рутинных практиках и привычных действиях (включая взаимосвязи крупных и мелких хозяйств), где формируется «повседневное сопротивление» (Scott, 1985), и «приглушенных дискурсах» (Ardenner, 1975). Такая аналитическая оптика радикально отличается от характерной сегодня для исследователей фокусировки на явных дискурсах (публичные выступления и заявления) и от доминирующих в литературе, посвященной социальным движениям и продовольственному суверенитету, трактовок коллективных действий посредством понятий «фреймы», «мобилизация» и «стратегии» (см., напр.: Claeys, 2011; Desmarais, 2007; Torres, 2011).

Прежде изучение продовольственного суверенитета в значительной степени сводилось к исследованию дискурсов, стратегий мобилизации и истории развития Виа Кампесина (Desmarais, 2007; Torres, 2011), что вполне понятно, учитывая решающую роль этого социального движения в определении и популяризации, хотя и не в изобретении, понятия «продовольственный суверенитет» (Edelman, 2014). Акцент на привычных повседневных практиках, а не деятельности социальных движений, предполагает иную трактовку понятия «право», которое часто встречается в литературе, посвященной продовольственному суверенитету. Так, Декларация Ниелени (Declaration of Nyéléni, 2007) определяет его как «...право народов на здоровую и культурно приемлемую пищу, полученную с помощью экологически безопасных экономически устойчивых методов, а также право самостоятельно определять свой пищевой рацион и способы ведения сельского хозяйства».

Не вполне понятно, идет здесь речь о правах в строгом юридическом смысле или о неких неформальных социальных договоренностях. Ряд исследователей (напр., Hospes, 2014) полагают, что выбор понятия «народы» вместо «люди» (индивиды) в качестве субъекта прав серьезно усложняет перевод претензий на продовольственный суверенитет в юридическую плоскость, например в права человека (более позитивно данное определение оценивает Claeys, 2013). Поскольку юридическое влияние модели продовольственного суверенитета (пока еще) достаточно слабо, нам представляется корректным говорить о правах как об установленных нормах: следуя призыву учитывать правовой плюрализм концеп-

ции продовольственного суверенитета (Hospes, 2011), мы обратимся к работам по антропологии (von Benda-Beckmann et al., 2006) и будем считать права (например, имущественные) многослойными конструкциями.

Так, Ф. вон Бенда-Бекманн с коллегами (von Benda-Beckmann et al., 2006) предлагает рассматривать право собственности на четырех уровнях: идеология, законодательство, социальные нормы/традиции и (повседневные) практики. Литература, посвященная отношениям собственности, в основном фокусируется на двух первых уровнях (часто они сливаются), игнорируя два последних. Применение многоуровневого анализа позволяет обнаружить симбиоз российских частных хозяйств и крупных сельскохозяйственных предприятий (несмотря на все идеологические и юридические разногласия между ними), который крайне важен для понимания тихого продовольственного суверенитета. Как упоминалось выше, это понятие является производным от концепта «тихая устойчивость» (Smith, Jehlička, 2013), введенного по результатам исследований в постсоциалистических странах Центральной Европы, где производство здоровой и экологически чистой сельскохозяйственной продукции оказалось возможным без соответствующих дискурсов и социальных движений, поэтому продовольственный суверенитет здесь действительно является «тихим». Причем данный концепт не имеет политического измерения, поскольку речь не идет о правах и установленных нормах. Мы настаиваем именно на том, что тихий продовольственный суверенитет не имеет политического измерения, поэтому его изучение требует обращения к антропологическим работам по правам собственности и понятию «повседневное сопротивление» (Scott, 1985).

Помимо бесед с лидерами сельских социальных движений (см. методологию исследования в: Mamonova, Visser, 2014) эмпирическую базу статьи сформировали качественные интервью и наблюдения за сельским населением и владельцами дачных участков. *В целом было проведено 80 интервью (20 — в Алтайском крае, 18 — во Владимирской области, 32 — в Московской области в течение 2013), 10 интервью и множество неформальных бесед с главами домохозяйств, государственными чиновниками и представителями агропредприятий в Белгородской области в ноябре-декабре 2013 г. Но прежде чем перейти к оценкам (тихого) продовольственного суверенитета, мы охарактеризуем российские частные хозяйства и крупные сельскохозяйственные предприятия в их взаимосвязи и отчасти в контексте имущественных отношений реформ 1990-х гг.*

Постсоциалистические аграрные реформы и симбиотические отношения: советское наследие

Крупномасштабные аграрные реформы начались в России после распада Советского Союза в 1991 г. Приватизация сельскохозяйственных земель осуществлялась посредством распределения паев, «долей», а не реальных земельных участков, как в большинстве стран Центральной и Восточной Европы. Сельское население могло выбирать — либо сохранить свои земельные доли в качестве собственников-наследников колхозов и совхозов, либо превратить свои земельные права в реальные земельные участки и основать на них семейные фермы. Немногие сельские жители решились создать фермерские хозяйства — рост их числа замедлился уже в середине 1990-х гг. вследствие негарантированности прав собственности, бюрократических препон и отсутствия доступа на рынок (Pallot, Nefedova, 2007). В результате крупные сельскохозяйственные предприятия, наследники колхозов и совхозов, почти полностью сохранили за собой свои земли — число хозяйств со средним размером угодий в несколько тысяч гектаров оставалось поразительно стабильным. Более того, на протяжении 2000-х гг. в стране возникали так называемые «агрохолдинги» — компании, которые состоят из нескольких крупных сельскохозяйственных предприятий и/или прочих структур, интегрированных в единую систему производства. Сельские жители в основном остались наемными работниками на крупных сельскохозяйственных предприятиях, но в то же время расширили (более чем в два раза) личные подсобные хозяйства.

В советском сельском хозяйстве сосуществовали две формы производства: с одной стороны, высокомеханизированные и субсидируемые, но при этом часто неэффективные, колхозы и совхозы; с другой стороны, небольшие, но высокопродуктивные, получающие личные подсобные хозяйства работников колхозов и совхозов. Хотя личные подсобные хозяйства занимали лишь 5 % сельскохозяйственных земель, сельское население, используя ручной труд на своих крошечных огородах (размером от 0,1 до 0,25 га), в 1989 г. производило, как это ни удивительно, 22 % сельскохозяйственной продукции России (Food and Agricultural Policy Reforms, 1992). Кроме того, многие домохозяйства имели (и сегодня имеют) дачи (летние домики с садом вблизи городов), и на дачных участках выращивают фрукты и овощи для собственного потребления и обмена. В настоящее время каждая вторая российская семья имеет дачный участок в среднем примерно в 0,01 гектара, и 47 % из них выращивают овощи и фрукты примерно на половине этой площади (Nefedova, 2008).

Столь впечатляющие масштабы производства на приусадебных участках (особенно с учетом дачников) рассматривались в литературе как несомненное доказательство, что как только ограничения советского периода в отношении частных хозяйств будут сняты, сельские жители мгновенно создадут независимые фермерские хозяйства. Однако этот прогноз базировался на неверном понимании сути (неформальных) отношений собственности на сельских территориях. Хотя с идеологической и юридической точек зрения колхозные/совхозные хозяйства и приусадебные участки считались независимыми друг от друга, на уровне повседневных практик и устойчивых сельских традиций они были тесно связаны в формате «симбиоза» (Visser, 2006; Nikulin, 2003; Никулин, 2010). Так, домохозяйства получали большое количество продукции потому, что имели доступ к ресурсам колхозов и совхозов: начиная с получения молодняка и выпаса скота на коллективных пастбищах и заканчивая использованием колхозной и совхозной техники на своих приусадебных участках — благодаря этому домохозяйства могли обеспечивать собственную продовольственную безопасность и получать дополнительные доходы, продавая или обменивая излишки своей продукции. Руководители колхозов и совхозов были заинтересованы в оказании всевозможной поддержки семьям своих работников, используя таковую как средство трудовой мотивации — уровень заработных плат на крупных сельскохозяйственных предприятиях был крайне низок. Помимо официальной поддержки, широко распространена была и практика изъятия (расхищения) из колхозов и совхозов всего того, что было нужно домохозяйствам их работников.

Иными словами, границы между коллективными и частными хозяйствами имели скорее декларативный, а не реальный характер, каковой в значительной степени сохранился и в постсоветский период (Visser, 2006, Фадеева, 2015). В 1990-х гг. крупные сельскохозяйственные предприятия переживали серьезный кризис, месяцами не выплачивая заработную плату, — чтобы выжить, сельские домохозяйства увеличили приусадебные участки и стали активно растаскивать имущество колхозов и совхозов. В 2000-х гг., когда крупные сельскохозяйственные предприятия отчасти восстановили свои позиции и повысили уровень заработной платы, домохозяйства несколько снизили свою производственную и экономическую активность, хотя она остается еще достаточно высокой¹. Если к концу советского периода (1989 г.) российские личные

¹ Крупные сельскохозяйственные предприятия в основном продолжали оказывать личным подсобным хозяйствам поддержку, но постепенно снижали «ассортимент» предоставляемых товаров и услуг (Nikulin, 2003, 2009; Visser, 2009).

подсобные хозяйства производили 22 % сельскохозяйственной продукции страны, то в 2012 г. эта доля возросла до 43,2 % (Structure of agricultural output by farm types, 2012). В целом земельные реформы 1990-х гг. непреднамеренно сохранили сложившийся в советский период симбиоз крупных сельскохозяйственных предприятий и личных подсобных хозяйств.

Тихий продовольственный суверенитет: дискурсы, суть и причины «тишины»

Хотя сельские (и некоторые городские) домохозяйства играют основополагающую роль в продовольственном обеспечении России, производя значительную долю сельскохозяйственной продукции, их роль в национальной продовольственной безопасности и суверенитете упускается из виду или сознательно игнорируется. В этом разделе мы обозначим особенности дискурсивного восприятия частных домохозяйств государством и крупным агробизнесом, оценим производительность и устойчивость мелких хозяйств и покажем специфику их собственных дискурсов.

Дискурсы государства и агробизнеса в отношении мелких хозяйств

Российское правительство и элита агробизнеса считают доминирование в сельском хозяйстве крупных агропредприятий исключительно позитивным фактом, несмотря на все связанные с ним социальные и экологические риски (в частности, деградации почв вследствие выращивания монокультур) (Nikulin, 2009; Visser et al., 2012). Соответственно, роль личных подсобных хозяйств оценивается в целом более умеренно, по крайней мере, когда речь заходит об их сельскохозяйственном и экономическом значении, — доминируют такие эпитеты, как «отсталые», «пережиток прошлого», «не имеющие долгосрочной перспективы», «несоответствующие санитарным требованиям» и др. В качестве примера приведем высказывание вице-президента Российского зернового союза А. Корбута: «С 2008 года происходит снижение доли личных подсобных хозяйств в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции. Я всегда об этом говорю с радостью. С одной стороны, это свидетельство того, что постепенно люди отказываются от ЛПХ, начинают полноценно трудиться на своей основной работе и получать более-менее достойную заработную плату. Другой вопрос — экономический. ЛПХ как форма ведения хозяйства остались только на постсоветском пространстве. Это своеобразный символ общин-

ного строя и сталинской коллективизации. Ненормально, когда человек работает на основной работе и дома еще как-то успевает копать в огороде и держать коровенку. Снижение доли ЛПХ — нормальный процесс, потому что это производство неэффективное. И в свете предстоящего вступления России во Всемирную торговую организацию их судьба мне кажется довольно плачевной»¹.

Западные ученые также часто характеризуют рост количества личных подсобных хозяйств в постсоветский период в негативном ключе как «способ выкарабкаться из кризиса переходного периода с помощью приусадебных участков» (Seeth, et al., 1998). По мнению Дж. Пэллот и Т. Нефедовой (Pallot, Nefedova, 2007: 202), «частные хозяйства изображались как некий официально признаваемый “иной” внутри агропродовольственной системы», то есть как полная противоположность якобы современным и эффективным крупным сельскохозяйственным предприятиям.

Тем не менее, хотя личные подсобные хозяйства дискурсивно презентуются как отсталые и неэффективные, а потому практически не получают прямой государственной поддержки, их вклад в обеспечение российского населения основными продуктами питания остается значительным — 93% выращиваемого в стране картофеля, 80% овощей, 51% молока и 54% мяса (Росстат, 2013). Впрочем, следует отметить, что личные подсобные хозяйства (особенно дачные участки) иногда все же оцениваются государством позитивно, но только в качестве элемента здорового образа жизни (пребывание на природе, потребление свежих продуктов) или способа отдыха, а не с позиций своей производительности и роли в агропродовольственной системе.

Производительность, устойчивость и локальность

Россия достаточно успешно обеспечивает себя продовольствием и использует имеющиеся у нее ресурсы (с точки зрения материальных затрат). В таблице ниже представлены данные по урожаям наиболее важных сельскохозяйственных культур, которые показывают, что в настоящее время производительность сельских домохозяйств почти аналогична таковой у крупных агропредприятий, а до недавнего времени была даже выше. Производительность крупных сельскохозяйственных предприятий обеспечивается, прежде всего, государственной поддержкой, использованием химических удобрений, пестицидов и техники. Домохозяйства добиваются аналогичной урожайности практически

без поддержки государства и преимущественно традиционными методами¹.

Урожайность в крупных сельскохозяйственных предприятиях и в личных подсобных хозяйствах (тонн на гектар)

	1991	2001	2012
Крупные сельхозпредприятия			
Зерновые*	1.44	1.83	1.69
Картофель	9.24	9.95	16.64
Овощи	13.59	13.58	21.44
Сельские домохозяйства			
Зерновые*	2.67	1.80	1.37
Картофель	11.52	10.86	12.63
Овощи	15.96	15.40	19.90

* Включая бобовые.

Источник: урожайность рассчитана на основе статистических данных об урожаях и размерах обрабатываемой земли (Росстат, 2013).

Использование традиционных методов обеспечивает экологически чистое производство: вместо агрохимикатов применяются органические удобрения (навоз, компост), затраты топлива минимальны, потому что тракторы используются редко (иногда для вспашки), некоторые виды работ осуществляются с помощью лошадей (Pallot, Nefedova, 2007; Visser, 2009). Подобные экологичные практики хозяйствования объясняются не столько заботой об устойчивом развитии или сохранении локальной агросистемы, сколько стремлением выращивать здоровую, экологически чистую продукцию (особенно оно характерно для дачников), отсутствием возможностей покупать дорогие удобрения и заинтересованностью в таких методах работы на приусадебном участке, которые бы гарантировали его плодородие в долгосрочной перспективе. Следующее высказывание Т. Семеновой, представителя «Крестьянского фронта», подтверждает, что именно личный интерес частных землевладельцев оказывается гарантией экологичности их сельскохозяйственной деятельности: «Они заинтересованы в сохранении плодородности своей земли <...> Крестьяне в основном используют органические удобрения. Они поддерживают плодородность зем-

¹ См.: Подсобное хозяйство — пережиток прошлого или реалии российского села? <http://altapress.ru/story/80477>.

¹ Часть государственной поддержки, выделяемой крупным сельскохозяйственным предприятиям, «утекает» в личные подсобные хозяйства благодаря их симбиотическим отношениям, однако лишь очень незначительная часть, особенно после того как с конца 1990-х гг. ужесточился контроль за собственностью крупных хозяйств (Visser, 2009).

ли, применяя сидераты. Также они используют севообороты...». 61-летний житель Владимирской области в интервью подчеркнул: «Картофель сажаем для себя <...> чтобы не покупать в магазине! Посмотрите на магазинную картошку. Ей пять лет, а она прекрасно выглядит — чистая, ни гнили, ничего! <...> А это значит, что в ней куча пестицидов! А в той картошке, что мы сажаем, их нет».

Хотя преимущества личных подсобных хозяйств сложно назвать бесспорными, в целом сегодня появляется все больше работ, в которых утверждается, что мелкие формы хозяйствования более устойчивы с экологической точки зрения (см., напр., Altieri et al., 2011). Действительно, в России достаточно широко распространен отказ от удобрений (особенно от пестицидов), хотя вряд ли кого-то удивит тот факт, что некоторые сельские домохозяйства используют химические удобрения. В ходе опроса, проведенного в 2001–2002 гг. среди 43 крупных сельскохозяйственных предприятий, 12% из них указали, что снабжают пестицидами своих работников (Visser, 2009), хотя этот показатель (как и помощь удобрениями в целом) оказался намного ниже иных форм поддержки домохозяйств — вспашки участков (98%), предоставления кормов (79%) и пастбищ (53%). Интенсификация производства в личных подсобных хозяйствах с начала 1990-х гг. преимущественно обеспечивалась расширением обрабатываемых земельных участков, но, прежде всего, достигалась за счет тяжелого труда (Visser, 2009).

Мелкое сельскохозяйственное производство в России имеет локальный характер, поскольку продуктовая цепь здесь предельно коротка — буквально от грядки до обеденного стола. В то же время производственная и продуктовая цепи в личных подсобных хозяйствах весьма устойчивы: большую часть собственной продукции домохозяйства потребляют сами и/или обмениваются ею с односельчанами, остальное продают на рынках своего района, вдоль дорог или приезжающим в поселение оптовым закупщикам (Pallot, Nefedova, 2007). Основную часть излишков домохозяйства обменивают через сети родственников и знакомых, выстраивая тот тип социальных связей, что высоко ценился и имеет длительную культурную традицию в советской эпохе (Zavisca, 2003).

«Тихий» дискурс домохозяйств

Дискурс сельских домохозяйств сложно «услышать», он носит неявный характер (большинство воспроизводит официальную точку зрения, хотя случаются и расхождения с ней), но при этом устойчив и повсеместен. Для большинства ведущих личное подсобное хозяйство оно является средством выживания в условиях низкой заработной платы или внезапной потери работы, то есть

реакцией на сложную жизненную ситуацию. То же самое утверждает и большинство дачников. Мы согласны с исследователями (см., напр., Ries, 2009), которые полагают, что роль личного подсобного хозяйства в качестве подушки безопасности, способа выживания в условиях неожиданного экономического кризиса или личного несчастья, куда более важна, чем его рекреационное, оздоровительное или экологическое значение (Zavisca, 2003). Как сказал один из дачников в интервью: «Поверьте, даже если все вообще развалится, мы умеем и привыкли выживать» (Ries, 2009). Наш респондент из деревни Прокудино Владимирской области, который обрабатывает лишь половину своего земельного участка, заявил: «В голодный год мы все десять соток картошкой засадим».

Наблюдается поразительный парадокс: экономическое и экологическое значение личных подсобных хозяйств несомненно, но сельское население предпочитает о нем «помалкивать», видя в них только ресурс выживания в сложной жизненной ситуации. Подобное умалчивание роли личных подсобных хозяйств позволяет нам, обратившись к понятию «тихая устойчивость» (Smith, Jehlička, 2013: 148), обозначить наблюдаемый диффузный тип продовольственного суверенитета как «тихий» — он призван, в первую очередь, обеспечивать выживание в опасной ситуации (хотя обладает и дополнительными функциями, о которых будет сказано ниже), нежели гарантировать автономизацию сельскохозяйственной деятельности.

Что касается недооценки экологического значения личных подсобных хозяйств (отчасти вследствие отсутствия у них средств на закупку удобрений, гербицидов и пр.), то тут оптимально понятие «тихая устойчивость». Оно было предложено по результатам исследований в Польше и Чехии, однако следует отметить, что между государствами Центральной Европы и постсоветскими странами существуют принципиальные различия как в организации социалистического сельского хозяйства, так и в проведении земельных реформ (помимо всего прочего). В частности, если сравнивать ситуацию в России и Польше, то характерный для российского сельского хозяйства симбиоз крупных предприятий и личных подсобных хозяйств для Польши не свойствен — здесь существовало лишь несколько совхозов, а доминировали независимые фермеры. Впрочем, для нас важно, что эти страны объединяют схожие постсоциалистические условия жизни и что многие их сельские и городские жители ведут личное подсобное хозяйство. Таким образом, «тихая устойчивость» — «это новое понятие, обозначающее широко распространенные практики, имеющие позитивные экологические и социальные результаты, которые ни прямо, ни опосредованно

не имеют отношения к рыночным операциям, но в то же время не рассматриваются их участниками как нацеленные исключительно на экологические задачи или обеспечение устойчивого развития» (Smith, Jehlička, 2013: 148). Эти практики «тихие», потому что их субъекты «озабочены скорее ролью государства и качеством продуктов, чем воздействием на окружающую среду продовольственной системы как таковой» (Smith, Jehlička, 2013: 155), то есть речь идет не о некоей программе, будущих целях или противостоянии существующим нормам, а о тихом, но целенаправленном производстве продовольствия параллельно рыночной системе.

В России тихий и параллельный характер деятельности частных хозяйств подтверждается повсеместным согласием сельского населения с их официальной классификацией — как и в советский период, они именуются «личными подсобными хозяйствами», а меньшая распространенность таких терминов, как «ферма» или «сельскохозяйственное предприятие», весьма показательна. Слово «домохозяйство» имеет коннотацию домашних занятий: значительная часть работ на приусадебном участке осуществляется женщинами, поскольку он считается частью расширенного домашнего хозяйства. Эпитет «подсобное» также крайне важен: в Советском Союзе с его принципом полной занятости личные подсобные хозяйства действительно служили дополнительным источником дохода и продуктов питания по отношению к работе сельских жителей в колхозах и совхозах. Однако с началом спада сельскохозяйственного производства, повлекшего за собой задолженности предприятий по заработной плате, сразу после развала Советского Союза роль личных подсобных хозяйств возросла — сельские жители стали наращивать производство на своих земельных участках (как и горожане на дачных) (Visser, 2009). Хотя с 2009 г. доля личных подсобных хозяйств в общем объеме сельскохозяйственного производства определенно снизилась, они все еще являются основным источником дохода для значительной части сельского населения, а также важным ресурсом продуктов питания и способом сбережения денег для многих горожан. Иными словами, если в советский период понятие «личное подсобное хозяйство» соответствовало действительности, то сегодня принижает его реальную роль в сельском хозяйстве в целом и как источника доходов сельского населения в частности. Впрочем, как уже упоминалось выше, сами сельские домохозяйства все еще воспринимают свои приусадебные участки как подсобные по отношению к работе на крупных сельскохозяйственных предприятиях.

Личные подсобные хозяйства все еще имеют решающее значение для выживания, поэтому мало кто хочет от них отказаться,

тем не менее столь же незначительно число сельских жителей, которые бы согласились расширить свои земельные участки в ситуации трудоустройства с высокой заработной платой (Nefedova, 2008). Значительное число сельских домохозяйств сокращает свою производственную деятельность (но не отказывается от нее), и мало кто из сельских жителей (или дачников) сегодня всерьез воспринимает личное подсобное хозяйство как жизнеспособную альтернативу крупным предприятиям и торговым сетям. Сельские жители тоскуют по советскому прошлому и приветствуют возрождение колхозов и совхозов (Pallot, Nefedova, 2007). Паразителен тот факт, что негативное восприятие государством и агробизнесом личных подсобных хозяйств отчасти находит отклик у сельского населения, что, видимо, объясняется многолетней традицией использования приусадебных участков как подсобных и длительной стигматизацией сельской жизни в целом (Reis, 2009), которые подкрепляются официальным и медийным дискурсом. При этом, хотя главы личных подсобных хозяйств часто говорят о снижении их роли в сельском хозяйстве страны, мы практически не встречали тех, кто предсказывает полный отказ населения от них.

Политическое измерение тихого продовольственного суверенитета

Многие авторы полагают, что именно политическое измерение — фундамент продовольственного суверенитета (Claeys, 2013; McMichael, 2009; Patel, 2009), поскольку в его основе лежит «коллективная борьба за альтернативы глобальной неолиберальной, предельно капиталистической и контролируемой корпорациями модели развития сельского хозяйства» (Desmarais, 2007). Элементами политического измерения являются: стремление передать контроль за производственными ресурсами фермерам, требования фермеров признавать и соблюдать их права и борьба (против государства и/или агробизнеса) за эти права. И на первый взгляд в России политическое измерение тихого продовольственного суверенитета отсутствует: не наблюдается ни соответствующих требований, ни открытой борьбы. Поэтому возникает вопрос: можно ли вообще говорить о продовольственном суверенитете применительно к России, то есть имеем ли мы право говорить не только о тихой устойчивости, но и о тихом продовольственном суверенитете?

Если говорить о целях и требованиях, то сторонники и исследователи продовольственного суверенитета полагают, что его суть — во-первых, стремление разрушить доминирующую продовольственную систему, основанную на агрохолдингах (это то, против чего выступают сторонники продовольственного суверенитета), во-вторых, желание создать систему демократического контроля за производством (и потреблением) продовольствия силами независимых мелких фермерских хозяйств (это то, за что выступают сторонники продовольственного суверенитета) (Desmarais, 2007; McMichael, 2009; Declaration of Nyéléni, 2007; Patel, 2009). Рассмотрим, насколько эти декларации реальны в России.

Во-первых, следует сразу подчеркнуть, что, в отличие от большинства стран, где идея продовольственного суверенитета возникла в ответ на угрозу мелким фермерам со стороны агрохолдингов, в России ее истоки совершенно иные. В российском обществе сельские жители традиционно получали массу преимуществ от наличия крупных сельскохозяйственных предприятий в качестве их работников и просто сельских жителей (полная занятость, весь комплекс социальных услуг, поддержка личных подсобных хозяйств работников совхозов и колхозов). Основной проблемой, с которой сталкивались городские и сельские жители как потребители, был постоянный дефицит свежих и разнообразных продуктов: длинные очереди перед полупустыми продовольственными магазинами стали уже классическим свидетельством причин развала советской системы. Таким образом, если повсеместно доминирование и вездесущность (вытеснение всех прочих производителей) крупных сельскохозяйственных предприятий считались проблемой, то в России, наоборот, беспокойство граждан вызывало недостаточное количество сильных колхозов и совхозов.

Во-вторых, возникает вопрос: являются ли требования большего контроля и стремление к полной автономии ключевыми критериями для признания российских практик особой формой продовольственного суверенитета? Мы полагаем, что российские домохозяйства считают возможность выращивать фрукты и овощи своим неотъемлемым правом, но это право никак не артикулируется, будучи конституировано длительной исторической традицией, поэтому распоряжение собственным мелким хозяйством считается естественным порядком вещей, то есть сельские домохозяйства просто не видят необходимости итак проговаривать очевидное. Кроме того, право выращивать собственные продукты (хотя бы часть) необязательно влечет за собой требование полного продовольственного самообеспечения. Согласно Положению

Ассоциации борьбы за продовольственный суверенитет народов под ним понимается «право народов самостоятельно определять свой рацион и модель сельского хозяйства; <...> а также степень своей самодостаточности» (Statement on peoples' food sovereignty, 2002).

Для россиян параллельное по отношению к крупным сельскохозяйственным предприятиям существование их личных подсобных хозяйств — вполне приемлемая культурная форма и норма, поэтому симбиотические отношения с агропредприятиями они предпочитают полной самостоятельности. Пока их праву производить собственную экологически чистую и здоровую продукцию никто не угрожает, сельские домохозяйства не видят причин для протестов. У сельских жителей «есть основной ресурс — приусадебный участок — в неотчуждаемой собственности» (Pallot, Nefedova 2007: 203), и вряд ли ему что-то угрожает, потому что земельные участки сельских домохозяйств слишком малы, чтобы привлечь внимание крупных сельхозпредприятий. Однако доступ домохозяйств к ресурсам последних всегда носил неформальный характер, и именно здесь «юридические основания для требований домохозяйств зачастую шатки или отсутствуют» (Pallot, Nefedova 2007: 106). Этот доступ всегда гарантировался негласным общественным договором, согласно которому сельские жители хранили молчание, пока крупные сельскохозяйственные предприятия поддерживали симбиотические отношения с их личными подсобными хозяйствами или, по крайней мере, не запрещали им пользоваться своими ресурсами.

Если дискурс о правах столь приглушен в тихом продовольственном суверенитете, то возникает вопрос, насколько в принципе можно говорить о его существовании, то есть обладает ли тихий продовольственный суверенитет потенциалом политической борьбы или же он по самой своей сути аполитичен? На наш взгляд, домохозяйства заявляют о своих правах и вступают в борьбу только в том случае, если под угрозой окажется их негласный общественный договор с крупными сельскохозяйственными предприятиями о симбиотических отношениях (или, по крайней мере, о сосуществовании). Подтверждение тому — яростный протест мелких хозяйств против объявленной государством борьбы со свиным гриппом осенью 2013 г.: после начала эпидемии в Белгородской области губернатор принял решение уничтожить все поголовье свиней и выплатить их владельцам компенсации. Это решение вызвало бурную общественную реакцию — письма в газеты, митинги, и создание небольшого протестного движения «Колос». Именно такие государственные решения часто воспринимаются сельскими домохозяйствами как предлоги

для уничтожения личных подсобных хозяйств в интересах крупных сельхозпроизводителей. Вот как, например, высказался один мелкий фермер: «Сначала свиней уничтожат, потом кур, всю птицу <...> В конце концов не мытьем, так катаньем истребят последних крестьян» (Чума уничтожает российское свиноводство, 2013).

С колхозных времен практиковавшееся расхищение сельскими жителями ресурсов крупных сельхозпредприятий также может рассматриваться как форма борьбы с ними — «повседневное сопротивление» (Scott, 1985). Это не протест против крупных агропредприятий как таковых, потому что сельские домохозяйства вряд ли представляют свою жизнь без них; это скорее возмущение тем, что предприятия сворачивают поддержку сельских сообществ, чтобы сократить расходы (Nikulin, 2003; 2009), то есть протест против одностороннего разрыва негласного общественного договора о симбиотических отношениях (Pallot, Nefedova 2007: 124; Виноградский, Виноградская, 2012).

Приведенные примеры показывают, что нельзя считать тихий продовольственный суверенитет абсолютно аполитичным. Мы согласны с Дж. Пэллот и Т. Нефедовой, что «...сельская Россия стала аренной безмолвной, но твердой противостояния рыночным реформам со стороны населения, стремившегося сохранить доступ к тем ресурсам и услугам, на которые оно считало себя вправе рассчитывать» (Pallot, Nefedova, 2007: 106). То, что требования сельских домохозяйств редко высказывались открыто и тем более отстаивались в активной борьбе, объясняется, прежде всего, тем, что они сохраняли возможность выращивать и потреблять «здоровую и культурно приемлемую пищу», как им того хотелось.

Предпосылки формирования социальных движений за продовольственный суверенитет

Чтобы оценить вероятность появления движения за продовольственный суверенитет, рассмотрим существующие здесь возможности и препятствия. Первое препятствие имеет когнитивный характер: сельское население связывает понятие суверенитета исключительно с государством, например, с «суверенной» или «управляемой» демократией, которую формирует существующий режим, или с национальным продовольственным самообеспечением, синонимом которого иногда выступает продовольственный суверенитет. Продовольственные практики и нарративы сельских жителей в основном концентрируются вокруг обеспечения домохозяйств продуктами питания. Российская ситуация в этом

смысле напоминает ту, что сложилась в Гондурасе (Boyer, 2010), где кампания Виа Кампесина за продовольственный суверенитет провалилась, потому что не учла особенностей мировоззрения крестьянства, которое ассоциировало суверенитет исключительно с полномочиями национального правительства, а продовольственную безопасность — с собственным стремлением гарантировать сельским сообществам социальное воспроизводство в нестабильном обществе и непредсказуемой природной среде. Это схоже с российскими реалиями, где в условиях постоянного продуктового дефицита ведение личного подсобного хозяйства стало жизненно важной стратегией преодоления его последствий.

Другой фактор, препятствующий формированию движений за продовольственный суверенитет, — низкий потенциал мобилизации сельских сообществ, что объясняется их фрагментированностью (между дачниками, владельцами личных подсобных хозяйств и фермерами существуют часто разные формы отчуждения) (Pallot, Nefedova, 2007: 36–38), а также демографической структурой с сильным перекосом в пользу пожилого и экономически неактивного населения (Nefedova, 2008). Кроме того, для сельского населения не характерны мотивы коллективного действия (Mamonova, Visser, 2014).

Не менее важное препятствие — уже отмеченные ранее симбиотические отношения крупных сельскохозяйственных предприятий и домохозяйств. Симбиоз выгоден мелким хозяйствам, но сдерживает развитие фермерской инициативы и поддерживает сложившееся положение дел — доминирование агрохолдингов. Симбиоз препятствует основанному на понятии прав переводу сельского хозяйства на фермерскую основу, в котором государство могло бы поддержать зачатки движения за продовольственный суверенитет. Неизбежная реакция населения на невыплату зарплат и арендной платы за землю, на любой экономический кризис — поиск спасения в личном подсобном хозяйстве или на дачном участке. Как в 2002 г. в интервью О. Виссеру заявил руководитель фермерского хозяйства (аналогичным образом высказываются и дачники — см., напр., Ries, 2009: 201): «Во Франции фермеры вышли на улицы, чтобы протестовать, а в России сельские жители молчат, потому что всегда могут перебиться с помощью своих приусадебных участков».

Однако если симбиоз населения с государством в сельской местности оказывается под угрозой, можно прогнозировать быструю мобилизацию, как показал пример реакции домохозяйств на государственные меры борьбы со свиным гриппом. Осуществляемая сегодня модернизация (на самом деле продолжающаяся индустриализация) агрохолдингов, ужесточение санитарных требований

и возрастающее влияние иностранного агробизнеса вследствие недавнего вступления России в ВТО оказывают на симбиоз дополнительное давление (Фадеева, 2015), создавая, таким образом, предпосылки и стимулы для осмысления российским населением значения продовольственного суверенитета.

Заключение

Как правило, идею продовольственного суверенитета воплощают в жизнь сельские движения, но в России реальные общественные движения крайне редки и слабы, а само понятие «продовольственный суверенитет» почти не используется в дискуссиях в своем буквальном значении. Тем не менее нельзя считать это понятие полностью отсутствующим или не соответствующим российской действительности — просто здесь продовольственный суверенитет имеет особый характер, формируясь негласно и «снизу», поэтому мы называем его «тихим», отталкиваясь от устойчивого термина «тихая устойчивость» (Smith, Jehlička, 2013). Тихий продовольственный суверенитет играет важную роль в российском обществе, где городское и сельское население, ведя личное подсобное хозяйство, производит значительную долю потребляемого продовольствия вблизи или непосредственно в местах своего проживания, причем в соответствии с экологическими требованиями. Кроме того, обмены продуктами между домохозяйствами формируют социальные сети, которые высоко ценятся и имеют долгую историческую традицию (Ries, 2009), а также параллельную рыночным обменам агробизнеса реальность. Все это, несомненно, соответствует тем трактовкам продовольственного суверенитета, которых придерживаются глобальные социальные движения.

Экономическое и экологическое значение личных подсобных хозяйств игнорируется и преуменьшается российским правительством, но, что еще более удивительно, — отчасти и самими сельскими домохозяйствами (Kitching, 1998; Pallot, Nefedova, 2007). Тихий продовольственный суверенитет не противопоставляет себя открыто существующей продовольственной системе посредством своей продукции, требований или идей, а фокусируется на экономических и экологических выгодах для индивидов, а также на культурно приемлемых формах социального взаимодействия, порождаемых обменами собственной продукцией. Дискурс о правах, крайне важный для продовольственного суверенитета, в России не столько отсутствует, сколько приглушен — укоренен

в устойчивых исторических традициях самообеспечения, а потому воспринимается как само собой разумеющийся.

Тихий продовольственный суверенитет имеет слишком размытый характер, чтобы можно было расценивать его как полноценное общественно движение, но некоторые формы его проявления в России все же существуют. Чтобы общественное стремление к продовольственному суверенитету смогло оформиться, ему необходимо преодолеть множество препятствий, в частности, отсутствие единых трактовок продовольственного суверенитета и безопасности среди российских мелких хозяйств и низкий мобилизационный потенциал сельского населения (вследствие социальной фрагментации сельских сообществ). Симбиоз личных подсобных хозяйств и крупных сельскохозяйственных предприятий также является сдерживающим фактором, но разрушение симбиоза, что сегодня происходит все чаще, может спровоцировать также активизм вокруг продовольственного суверенитета.

Мы полагаем, что ситуацию в России можно рассматривать в общемировом контексте дискуссий и борьбы за продовольственный суверенитет. Некоторые средства массовой информации даже объявили, что российские личные подсобные хозяйства способны накормить все мировое население (Russia's small-scale organic agriculture, 2012). Наши исследования показывают, что продовольственный суверенитет в формате повседневных практик и дискурсов намного шире распространен в постсоциалистических странах, чем можно было бы ожидать, если бы мы считали его единственным индикатором наличия соответствующих социальных движений. Признание данного факта будет способствовать открытости движения за продовольственный суверенитет.

Критический читатель может задаться вопросом, не толкает ли нас трактовка тихого продовольственного суверенитета как его полноценной формы на скользкий путь, грозящий ослаблением позиций и без того широкого понятия. Мы признаем существующие риски и понимаем, сколь сложно включить тихий продовольственный суверенитет в его устойчивые интерпретации с концептуальной и практической точек зрения, когда речь заходит о формировании социальных сетей в отсутствии мощных общественных движений. Однако определение продовольственного суверенитета и так не отличалось статичностью на протяжении двух десятилетий, поэтому нужно включать в него новые практики, чтобы добиться «разумного баланса между местными реалиями и всеобщими действиями» (Desmarais, 2007: 135) и представлениями, обеспечив жизнеспособность продовольственного суверенитета.

Тот факт, что тихий продовольственный суверенитет не проявляется (пока) в открытом социальном действии, не должен считаться проблемой: в постсоциалистических странах устойчивая ориентация на симбиотические отношения с крупными предприятиями и скрытые и спорадические формы противостояния могут быть более эффективными, чем полномасштабные движения. Российская «суверенная» или «управляемая демократия» не предусматривает особых возможностей для социальной мобилизации, поэтому весьма вероятно, что общественное движение за продовольственный суверенитет столкнется с противодействием государства, что уже в настоящее время происходит с некоммерческими организациями в городах (Mamonova, Visser, 2014). Наоборот, российское правительство может взять на вооружение понятие продовольственного суверенитета, если оно станет популярным, например, разработав собственную его оригинальную концепцию без угрожающих сложившемуся положению дел элементов, что уже оно неоднократно проделывало с городскими и сельскими движениями и их идеями, создавая встроенные в государственные институты организации гражданского общества (Mamonova, Visser, 2014). Таким образом, маловероятно, что российское движение за продовольственный суверенитет будет соответствовать неким глобальным аграрным критериям в духе Виа Кампесина (исп. — Путь Крестьянства) — скорее оно будет подчиняться российскому сельскому симбиозу центрального и локального в духе Виа Кремлины (рус. — Путь Кремля).

Список литературы

1. *Алехин И.* (2012). Подворье: атавизм или шанс? // <http://www.kuzbass85.ru/2012/01/18/podvore-atavizm-ili-shans>.
2. *Вегрен С., Троцук И.В.* (2013). Продовольственная безопасность в Российской Федерации / Крестьяноведение: теория, история, современность. Вып. 8. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. С. 243–269.
3. *Виноградский В., Виноградская О.* (2012). Парадоксы земельной аккумуляции // Земельная аккумуляция в XXI веке. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. С. 179–196.
4. *Никулин А.М.* (2010). Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. Т. 11. № 1. С. 17–33.
5. Росстат. (2013). http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy.

6. *Фадеева О.П.* (2015). Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию; ИЭОПП СО РАН.— Новосибирск.
7. *Шагайда Н.И., Узун В.Я.* (2015). Продовольственная безопасность: проблемы оценки // Вопросы экономики. № 5. С. 63–78.
8. Чума уничтожает российское свиноводство. 2013 // URL: <http://www.ttp-inform.ru/security/3588.html>.
9. *Altieri M.A., Funes-Monzote F.R., Petersen P.* (2011). Agroecologically efficient agricultural systems for smallholder farmers: contributions to food sovereignty // *Agronomy for Sustainable Development*. No. 32. P. 1–13.
10. *Ardener E.* (1975). Belief and the problem of women // S. Ardener (ed.) *Percieving Women*. L.: Malaby Press. P. 1–17.
11. *Ayres J., Bosia M.J.* (2011). Beyond global summitry: food sovereignty as localized resistance to globalization // *Globalizations*. No. 8. P. 47–63.
12. *Benda-Beckmann von K. and F., Wiber M.* (eds.) (2006). *The Changing Properties of Property*. L., N.Y.: Berghahn.
13. *Boyer J.* (2010). Food security, food sovereignty, and local challenges for transnational agrarian movements: the Honduras case // *Journal of Peasant Studies*. No. 37. P.319–351.
14. *Claeys P.* (2013). An overview of La Via Campesina's Right-Based Claims over the last 20 years. Paper for the conference «Food Sovereignty: A Critical Dialogue». Yale University/ISS.
15. Declaration of Nyéléni. 27 February 2007. Selingué Mali // URL: <http://www.nyeleni.org/spip.php?article290>.
16. *DeMaster K.* Navigating (2013). De- and Re-peasantisation: Potential Limitation of a Universal Food Sovereignty Approach for Polish Smallholders. Paper for the conference “Food Sovereignty: A Critical Dialogue”. Yale University/ISS.
17. *Desmarais A.-A.* (2007). *La Via Campesina. Globalisation and the Power of Peasants*. Halifax: Fernwood Publishing.
18. *Edelman M.* (2014). Food sovereignty: Forgotten genealogies and future regulatory challenges // *Journal of Peasant Studies*. P. 1–20 // doi:10.1080/03066150.2013.876998.
19. Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR. (1992). *An Agenda for Transition*. Background working paper. Vol. 1. Washington: The World Bank, 1992.
20. *Hospes O.* (2014). Food sovereignty: the debate, the deadlock and a suggested setour // *Agriculture and Human Values*. No. 31. P.119–130.
21. *Iles A., Montenegro M.* (2013). Building Relational “Food Sovereignty Across Scales: An Example from the Peruvian Andes.

- Paper for the conference «Food Sovereignty: A Critical Dialogue». Yale University /ISS.
22. *Kitching G.* (1998). The revenge of the peasant? The collapse of Russian agriculture and the role of the peasant 'private plot' in that collapse, 1991–1997 // *Journal of Peasant Studies*. No. 26. P. 43–81.
 23. *Lindner P., Nikulin A.* (2004). "Everything Around Here Belongs to the Kolkhoz, Everything Around Here is Mine" — Collectivism and Egalitarianism: A Red Thread Through Russian History? // *Europa Regional* 12. P. 32–41.
 24. *Mamonova N., Visser O.* (2014). State marionettes, phantom organisations or genuine movements? The paradoxical emergence of rural social movements in post-Soviet Russia // *Journal of Peasant Studies* // doi: 10.180/03066150.2014.918958.
 25. *McMichael M.* (2009). Food sovereignty, social reproduction and the agrarian question // *A. Haroon Akram-Lodhi, C. Kay* (eds.) *Peasants and Globalization. Political Economy, Rural Transformation and the Agrarian Question*. N.Y.: Routledge. P. 288–312.
 26. *Nefedova T.* (2008). Russian rural areas by the eyes of its inhabitants // *N. E. Pokrovskiy* (ed.) *Ugric Project: The Environment and the People of the North*. M.: Society of professional sociologists.
 27. *Nikulin A.* (2003). The Kuban kolkhoz between a holding and a hacienda // *Focaal*. No. 41. P. 137–152.
 28. *Pallot J., Nefedova T.* (2007). *Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Soviet Russia*. Oxford: Oxford University Press.
 29. *Patel R.* (2009). What does food sovereignty look like? // *Journal of Peasant Studies*. No. 36. P. 663–706.
 30. *Ries N.* Potato ontology. Surviving post-socialism in Russia // *Cultural Anthropology*. 2009. No. 24. P. 181–212.
 31. Russia's small-scale organic agriculture model may hold the key to feeding the world. 2012 // URL: http://www.naturalnews.com/037366_russia_home_gardens_food_production.html.
 32. *Scott J. C.* (1985). *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press.
 33. *Seeth H. T., Chachnov S., Surinov A., von Braun J.* (1998). Muddling through economic transition with garden plots // *World Development*. No. 26. P. 1611–1623.
 34. *Smith J., Jehlička P.* (2013). Quiet sustainability: Fertile lessons from Europe's productive gardeners // *Journal of Rural Studies*. No. 32. P. 148–157.
 35. Statement on Peoples' Food Sovereignty (2002). // Peoples' Food Sovereignty Network // URL: http://www.peoplesfoodsovereignty.org/statements/new%20statement/statement_01.htm.
 36. Structure of agricultural output by farm types in the Russian Federation // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sel2.htm.
 37. *Super E.* (2003). Harvest 2012 // URL: http://odnako.org/blogs/show_21679.
 38. *Torres F.* (2003). The Via Campesina. Peasant-led agrarian reform and food sovereignty // *Development*. No. 54. P. 49–54.
 39. *Visser O.* Household plots and the symbiosis with the large farm enterprises in Russia // *M. Spoor* (ed.) *Land, Peasants and Rural Poverty in Transition. The Political Economy of Rural Livelihoods*. L., N.Y.: Routledge, P. 76–98.
 40. *Visser O.* (2006). Property, labour relations and social obligations in Russia's privatised farm enterprises // *K. and F. von Benda-Beckmann, M. Wiber* (eds.) *The Changing Properties of Property*. L., N.Y.: Berghahn. P. 205–234.
 41. *Visser O., Mamonova N., Spoor M.* (2012). Oligarchs, megafarms and land reserves: Understanding land grabbing in Russia // *Journal of Peasant Studies*. No. 39. P. 899–931.
 42. *Zavisca J.* (2003). Contesting capitalism at the post-Soviet dacha: The meaning of food cultivation for urban Russians // *Slavic Review*. No. 62. P. 786–810.

Деревня и город Китая в условиях дезинтегрированного роста

Аннотация. Анализируется динамика неравенства между городским и сельским населением и формы его проявления при переходе Китая к рыночной экономике и интенсивному промышленному росту. Отмечается значение этого неравенства как фактора перераспределения ресурсов из аграрной сферы в развитие промышленности. Подчеркивается нарастание кризисных явлений в сельском обществе и обращается внимание на попытки китайского руководства справиться с ними.

Ключевые слова: Китай; деревня и город; реформы; экономический рост; социальное неравенство; урбанизация; трудовая миграция; демография; экология.

При Мао Цзэдуне Китайская Народная Республика выглядела одной из самых эгалитарных стран мира, тем не менее именно при Мао были заложены основы социопро пространственного разделения страны, которое в полной мере проявилось в период реформ, позволив некоторым исследователям говорить о «двух Китаях» — параллельном сосуществовании городского и деревенского обществ, из которых одно максимально пользуется плодами бурного экономического роста, а другому столь же максимально достаются его издержки (One country, two societies, 2010).

В чем проявляется размежевание и как собственно феноменальный экономический рост способствовал обострению неравенства между деревней и городом? А также на что меньше обращают внимание — как деревенско-городская поляризация способствовала прорыву от государственно-плановой экономики к рынку и возникновению китайского экономического чуда?

В литературе о современном Китае закрепились две позиции: Во-первых, коммунисты пришли к власти благодаря крестьянской революции, и в результате стала реализовываться крестьянская утопия всеобщего равенства. Во-вторых, в отличие от российской компартии, пришедшей к власти при «сравнительно короткой и имевшей узкую базу городской революции», компартия Китая, утверждает историк крестьянских восстаний в Китае Элизабет Перри, победила в «ходе продолжительной и всеохватывающей

мобилизации крестьянства. Эта богатая революционная история оставила ценный практический опыт, воплотившийся в особенностях социальной организации и форм контроля (над обществом. — А.Г.), обеспечив КПК важные политические преимущества, которые до сих пор позволяют ей выдерживать испытание времени» (Growing pains, 2014: 6–7).

Однако, рассуждая о перспективах сохранения коммунистического режима в КНР в сравнительно-историческом плане, классик современной американской синологии упускает из виду мощное крестьянское движение радикального характера в России (крестьянскую революцию 1902–1922 гг., о которой писали Виктор Петрович Данилов и Теодор Шанин) и, в частности, поддержку, оказанную в центральных губерниях России большевикам во время Гражданской войны.

По моему мнению, в обоих случаях — в России и в Китае — точнее говорить об активном участии крестьянства в революции, приведшей к власти коммунистические партии¹. Коммунистов между тем вдохновляли марксистские установки тотального преобразования традиционного общества. Это и предопределило фатальную судьбу крестьянства, коему была отведена роль ресурсной базы. Следует отметить, что при этом были использованы оригинальные формы и идеологические формулы для перекачки этих ресурсов в индустриально-городскую сферу².

Принципиального отличия от злоключений капиталистической модернизации, обобщенных в концепции «первоначального накопления капитала», ни в СССР, ни в Китае не обнаруживается (если не считать форсированных темпов социалистической модернизации, обусловленных едва ли не в первую очередь соперничеством двух идеологических систем и отразившихся в высшей мере в тех испытаниях, что выпали на долю тружеников земли).

В Китае трагедия крестьянства развернулась в период «великого скачка» 1958–1961 гг., подточившего деревню мобилизацией сил на крупномасштабное ирригационное строительство и интенсивную сельскую индустриализацию в сочетании с максимальным изъятием прибавочного (отчасти необходимого) продукта из аграрной экономики, и последовавшего великого голода, унесшего жизни нескольких десятков миллионов (почти исключительно) жителей китайской деревни. Именно в этот период и консолидировалась — как

¹ На эту тему существует значительная литература начиная с книг Баррингтона Мура и Эрика Вольфа. Из новейших см.: Osinsky, 2014: 318–341.

² Относительно коллективистских экспериментов ограничусь здесь замечанием, что сущность «первоначального накопления» как изъятия ресурсов из деревни ни в Советском Союзе, ни в Китае они не меняли.

режим раскола страны по социопространственному принципу — система регистрации граждан КНР по месту жительства (*хукоу*).

Призванная вначале помочь КПК навести порядок в занятых в ходе гражданской войны городах, *хукоу* стала впоследствии ограждать города от голодающих крестьян. В ходе реформ побочный продукт «великого скачка» система *хукоу* оказалась неожиданно важным фактором экономического роста и вместе с тем обернулась негативными социальными последствиями, сохраняющими свою остроту по сей день.

Китайское крестьянство, начав путь реформ с деколлективизации и выхода на рынок, заложило базу общенационального экономического рывка. Освобожденный от коллективистской обезлички и всевозможных мобилизаций крестьянский труд воплотился в избытке дешевого продовольствия, которое, в свою очередь, обеспечило — в качестве важнейшего экспортного преимущества — низкие цены на продукцию китайской промышленности. Быстро развивалась сфера услуг, возродился мелкий бизнес, складывался полноценный национальный рынок. «Ножницы цен» вместе с сельскохозяйственным налогом обеспечили первоначальное накопление капитала для промышленности.

Однако последствия промышленного подъема для деревни оказались противоречивыми, а динамика — неблагоприятной. В первые годы реформ (1978–1985) сельскохозяйственные доходы росли на 10% ежегодно, с середины 1980-х гг. только на 2%, в конце десятилетия началась стагнация (Hu Van Luong, 1998: 68–69). Центр рыночных реформ, а с ним и доходы переместились в города. В 1997–2003 гг. доходы горожан росли вдвое быстрее доходов крестьян, в результате чего имущественное неравенство достигло тройного уровня, а с учетом тех социальных льгот, коими пользовались только горожане — шестикратного! (Китай: угрозы, 2005: 301).

Одним из важнейших достижений в период «реформ и открытости» явилась ликвидация массового недопотребления китайских крестьян. Однако в отношении качества жизни очень характерным следует считать различие в потреблении высококалорийных и особо ценных для сбалансированного питания продуктов. По данным 2012 г. в деревне потребление мяса на душу населения в 1,5–2 раза ниже, чем в городах (в кг.): свинина 14,5 и 21,2, говядина и баранина 1,9 и 3,7, птица 4,5 и 10,8 соответственно). По остальным ценным продуктам различие достигает двух- и трехкратного уровня: яйца — 5,9 и 10,5, рыба и морепродукты — 5,4 и 15,2, молочные продукты 5,0 и 14,0 (Xu Zhun, 2014: 28).

Неравенство продолжает расти несмотря на то, что в середине 2000-х гг. в сельские районы были направлены крупные ассигнова-

ния. Если в 2002 г. реальные доходы средней сельской семьи были втрое ниже доходов городской, в 2007 г. — вчетверо (!). (Growing pains, 2014: 47–48). Меняются каналы и формы выкачки ресурсов из аграрной сферы, и получается, что государство, как гласит поговорка, «одной рукой дает, а другой забирает». С отменой (2006 г.) сельскохозяйственного налога и известным смягчением «ножниц цен» на первое место выходит реквизиция крестьянских наделов¹.

Вторую экономику мира отличает высочайший уровень имущественного неравенства, хотя это отнюдь не означает, что в ходе реформ «бедные беднели, а богатые богатели». Доходы бедных слоев тоже, как правило, увеличивались, но доходы имущих росли значительно опережающими темпами. В результате индекс Джини, оценивавшийся в 1981 г. в 0,28, достиг к 2009 г. 0,49 (снизившись в 2012 г. до 0,47). Этот показатель, хотя и ниже, чем в большинстве стран Тропической Африки и Латинской Америки (0,60), однако значительно выше, чем в развитых странах (0,35 в США или Великобритании) или в странах Восточной Азии (0,30), а также в бывших социалистических государствах Восточной Европы (0,25–0,30). Единственное исключение в этом ряду — Россия с аналогичными (0,45) показателями неравенства (Growing pains, 2014: 41–42).

В чем причины? Япония или Южная Корея, которые следовали той же стратегии экспортно-ориентированного трудоинтенсивного экономического развития, добивались при аналогичных темпах роста экономики существенно меньшего социального неравенства. Конечно, Китай — огромная страна и значительно разнообразней, чем соседи в Восточной Азии. Главное, однако, не географический фактор, а, говоря словами гарвардского профессора Мартина Уайта, «наследие государственно-планового социализма» (Growing pains, 2014: 45).

За имущественным неравенством, в конечном счете, кроется разделение страны по социопространственному признаку на две части. Половину имущественного неравенства в общенациональном масштабе создает демаркация между городом и деревней, а если к этому добавить дифференцирующий собственно деревню пространственный фактор — контраст между успешно коммерциализующимся приморьем и континентальной глубиной, поляризация достигнет критических значений.

Этому разделению страны на социопространственные зоны способствовали два обстоятельства маоистской эпохи: чтобы покинуть деревню, крестьянин должен был получить разрешение от началь-

¹ Об этом на аграрном семинаре в Интерцентре (Москва, октябрь 2005 г.) красноречиво повествовал профессор Института экономики АОН Китая Лю Сяохуэй (Китай и Россия, 2007: 270–271).

ства народной коммуны, а чтобы выжить в городе, приезжий должен был получить право на городской паек. С началом реформ указанные препятствия мобильности населения исчезли: после 1978 г. были распущены народные коммуны, прикреплявшие крестьян к месту жительства, а возникший в городах рынок мог обеспечить приезжавших дешевыми продуктами питания. Следствием явился бурный и все нараставший приток в города трудовых мигрантов: 22 млн в середине 1990-х, 79 млн в 2000 г., 220 млн к 2010 г., недавно пройдена отметка в 260 млн (Chinese migrant, 2013).

Китайское экономическое чудо свершилось «на спинах сельских рабочих — мигрантов из деревни <...> Ни одна из реформировавшихся социалистических экономик не имела таких идеальных условий для капиталистической трансформации, как Китай», — утверждает директор Центра китайских исследований Мичиганского университета Мэри Галлахер (Growing pains, 2014: 81). Китайская модель развития воплотила сегрегацию в виде «жесткой разделительной линии между горожанами и сельскими жителями». Китай стал *мастерской мира* благодаря тому, что его фабрики «выжимали колоссальный прибавочный продукт из деревни». Будучи исключенными из государственной системы социального обеспечения, ее жители существовали в основном за счет натурального хозяйства. «Их жизненные потребности были минимальными, однако их стремление найти новые возможности трудоустройства — безграничным» (Growing pains, 2014: 82).

Директор Института политических исследований Педагогического университета Центрального Китая Ху Юн уверен: «Чтобы понять “китайское чудо”, мы прежде всего должны понять китайского крестьянина» (Hu Yong, 2011: 5). Трудолюбие, бережливость, стойкость и другие крестьянские качества стали двигателем экономического рывка. С началом реформ китайские крестьяне работали с тем же усердием, что и их предки в прошлом, тогда как условия рынка создали возможность роста крестьянского благосостояния. Доходы крестьяне предпочитали обращать в сбережения, высокий уровень которых позволяет стране справляться с воздействием глобальных колебаний и кризисных явлений в финансовой сфере. Предприниматели получали большие доходы, но и мигранты зарабатывали гораздо больше, чем у себя в деревне. Издержки на зарплату были минимальными, а прибыль большой, обеспечивая приток инвестиций, в первую очередь из-за рубежа. В 1990-х гг. недовольство крестьян выразилось в многочисленных выступлениях, но здесь сыграла роль извечная привычка довольствоваться малым. Стойкость крестьян к материальным лишениям, подчеркивает ученый КНР, и есть то, что позволило китай-

скому обществу преодолеть трудности реформирования, которые не выдержали другие страны с переходной экономикой, в первую очередь, Советский Союз (Hu Yong, 2011: 11).

Заполнившие города крестьяне образовали ту самую, по Марксу, «резервную армию труда», что сотворила чудо форсированной индустриализации. Можно считать это вторым актом «реформирования снизу», начатого с распада народных коммун. Подобно тому как при деколлективизации решающую роль сыграл порыв самого крестьянства, искавшего выход из постоянного недоедания и избавление от угрозы голода (Гордон, 2006), мотивом массовой миграции в города сделалось желание крестьянской массы выбиться из нищеты, в которой в дореформенном Китае пребывало более половины населения¹.

И так же, как с деколлективизацией (тут можно понять приведенные в начале статьи рассуждения Элизабет Пери), китайское руководство проявило мудрость, санкционировав крестьянскую миграцию. Если при переходе к курсу «реформ и открытости» большинство партийных кадров и специалистов КНР склонялись к выбору «индустриализации без урбанизации»², то оно исходило из двух посылок: во-первых, реальная опасность переполнения уже предельно населенных китайских городов маргиналами, во-вторых, сохранение в отдельных районах остатков сельской индустриализации времен «великого скачка».

Наследие этой протоиндустриализации реализовалось в начале реформ в бурном росте «предприятий поселков и волостей» (Китайская деревня, 2003: 74–90). Вскоре, однако, произошла стагнация³, к тому же продукция отрасли отличалась невысоким качеством, не отвечая требованиям экспортно-ориентированного развития. Риск массовой миграции из деревни в города, на который пошло китайское руководство, оказался оправданным.

Урбанизация с ее важнейшим элементом миграцией и сделалась важнейшей предпосылкой бурного экономического роста. При сохранении многомиллионного сельского населения страна за годы реформ стала преимущественно городской: в 1978 г. го-

¹ В конце правления Мао Цзэдуна за чертой бедности (1,25 долл. США в день на человека) находилось примерно 60 % населения, сейчас осталось менее 10 % (Growing pains, 2014: 50).

² Эксперты называли этот курс «рурбанизацией». Классик китайской социологии Фэй Сяотун характеризовал его словами: «Оставляя сельское хозяйство, не покидать землю, поступаая на предприятия, не покидать сельской местности» (Китайская деревня, 2003: 75).

³ В начале 1990-х гг. в «предприятиях поселков и волостей» насчитывалось 120 млн занятых, в 2003 г. — 140 млн (One country, two societies, 2010: 5).

рожан было 18%, сейчас почти 54% населения (Urbanizing China, 2014). Притом, однако, лишь 36% китайцев имеют городскую прописку (China releases, 2014). А это означает, что $\frac{1}{5}$ часть проживающих в городах не могут считаться полноправными гражданами. Не менее 135 млн выходцев из деревни, кроме дискриминации в оплате и условиях труда, испытывают трудности с доступом к медицинским и образовательным учреждениям, проблемы с социальным страхованием и пенсионным обеспечением.

Дискриминация сельских мигрантов в городе типологически характеризует неравноправное положение всего сельского населения. Проблема неравенства выражается не только в шкале доходов. Разрыв усугубляется резким различием между городом и деревней именно в отношении доступа к социальным благам, а дефицит социального обеспечения оборачивается ожидаемо негативными последствиями для сельского населения.

На рубеже третьего тысячелетия смертность новорожденных в сельской местности равнялась 38 промилле при 12 в городах, материнская смертность соответственно 58,2 и 22,3 на 100 тысяч. К настоящему времени различие по показателям детской смертности несколько сократилось и гораздо более значительно — по материнской, хотя даже последняя все же остается в деревнях на 38% выше. О состоянии сельского здравоохранения свидетельствует, в конечном итоге, и интегрированный показатель качества жизни: продолжительность жизни в деревне, по данным 2006–2010 гг., была на пять лет меньше, чем в городах: 72 и 77 лет соответственно (Growing pains, 2014: 56, 59–60).

Китай в последнее время тратит немалые средства на здравоохранение. Государственные расходы выросли с 4% ВВП на душу населения в 1990 г. до 5,2% в 2011 г. (при феноменальном росте самого ВВП). Хотя по доле расходов в эту сферу Китай заметно отстает от Мексики (6,2% ВВП) или Бразилии (8,9%), но столь же заметно превосходит Индию (3,9%). При этом, однако, львиная доля ассигнований (60%) идет на содержание городских больниц.

Наблюдатели свидетельствуют: показательные для большинства китайских городов сверкающие, точно витрины магазинов, оснащенные дорогостоящим новейшим оборудованием с хорошо подготовленным квалифицированным персоналом современные больницы представляют разительный контраст с убогими глинобитными, однокомнатными строениями сельских здравпунктов, где еще врачуют порой народные лекари (Growing pains, 2014: 56–57, 65).

Не менее разительны контрасты в сфере образования. В городах растет численность студентов университетов, в сельской местности

во многих уездах сокращается число школьников. Главными бенефициарами громадных государственных вложений в развитие высшего образования сделались молодые горожане. На их стороне преимущество при поступлении, которое обеспечивают качество школьного образования в городах и специализированная экзаменационная подготовка.

Обычный потолок образования для сельской молодежи — поступление в колледж, с диаметрально отличными от студентов-горожан перспективами трудоустройства. Выпускники элитарных университетов, сосредоточенных в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, в богатых прибрежных провинциях, могут рассчитывать на престижную и высокооплачиваемую работу; выпускники колледжей, особенно в бедных провинциях континентального Китая, нередко сталкиваются с безработицей.

Если и есть китайская модель университетского образования, ее «трудно назвать социалистической», констатирует профессор Гарвардского университета Уильям Кёрби. Ежегодная плата за обучение даже в государственных университетах в полтора раз превышает средний годовой доход сельской семьи. К тому же возникает парадокс: в частных университетах, где плата за обучение значительно выше, нередко учатся более бедные студенты, поскольку абитуриенты побогаче и со связями имеют больше возможностей поступить в государственные университеты (Growing pains, 2014: 153–154). Так формируется будущая элита страны, воспроизводя неравенство между богатыми и бедными регионами, закрепляя разрыв между городом и деревней.

С внедрением рыночных отношений горизонтальные экономические и человеческие связи, которым государственно-социалистическая система препятствовала, начали возрождаться, интегрируя китайское общество. Одновременно переход к рыночной экономике породил отчаянную конкуренцию между районами и провинциями Китая, которая разделила их на преуспевших и отставших; и такое разделение не только не ослабевает, а, напротив, усиливается, порождая контраст между быстрорастущими вширь и ввысь городами Востока (особенно к югу от Янцзы) и застойной сельской периферией регионов Запада и Центра. Совершенно очевидно, что созданная реформами ситуация всячески благоприятствует местностям и слоям населения, которые и так уже пользуются преимуществами. И с силой этой инерции развития последних десятилетий власти уже ничего по большому счету поделать не могут.

Последние законодательные инновации в сфере социального обеспечения уравнивают горожан с трудовыми мигрантами, рабо-

тающими на одних и тех предприятиях. Однако реально это происходит в экспериментальном порядке, свидетельствуя отчетливо и об остроте проблемы, и о глубине разрыва между различными категориями китайских трудящихся. В стремительно развивавшемся в 2000-х гг. центре Западного Китая¹ Чунцине на 33 млн жителей приходится 20 млн граждан с сельской пропиской. В 2010–2011 гг. здесь было ассигновано 208 млрд юаней на то, чтобы довести уровень социального обеспечения лишь шестой части (3,4 млн сельчан до городских стандартов (Growing pains, 2014: 76–77).

Социопространственная дезинтегрированность дополняется и усиливается административно-хозяйственным дуализмом сложившегося государственного устройства страны. Истоки этого дуализма — дробление страны на автономные социальные ячейки, построенные по принципу самообеспечения, который укоренился в политической стратегии КПК со времени гражданской и анти-японской войн. Позицию местных властей усилила «великая пролетарская культурная революция» 1966–1976 гг., нанеся значительный урон централизации, особенно в хозяйственной сфере. В самом начале реформ значение центральной власти было восстановлено, однако при этом, считают исследователи, сложился своеобразный баланс между централизацией и децентрализованностью государственного управления.

Последствия видятся двоякими. «Многое в уникальных достижениях современного Китая, — подчеркивают профессор Бостонского университета (США) Джозеф Фьюсмит и преподаватель Чжэцзянского университета (КНР) Гао Сян, — следует отнести на долю местных властей, которые выступали в роли экспериментальных лабораторий для национальной политики и одновременно как конкуренты в гонке за лучшие показатели в развитии» (Growing pains, 2014: 171).

Усилия местных чиновников были мотивированы не только перспективой выдвижения на следующий кадровый уровень, но и существенными материальными благами, получение которых было неформализованным, но фактически санкционированным сверху результатом успешности местного развития. В соответствии с системой финансового договора (*caizheng baogang*) провинции перечисляли центру фиксированную часть получен-

ных доходов, оставляя себе излишек. Так «на местах поощряли к наращиванию производства» (Growing pains, 2014: 171).

Система явилась мощным двигателем экономического роста. Заботясь о кровных интересах, местные власти всячески поощряли предпринимательство и различную частную инициативу. Но чем дальше, тем больше в ходе реформ обнаруживались издержки хозяйственного двоевластия. Поскольку оговаривались доходы только провинциальных правительств, у нижестоящих уровней власти (уезды и особенно поселки) ощущался хронический недостаток средств, который компенсировался за счет сверхобложения местных жителей различными поборами, что в 1990-х гг. вызвало мощную волну массовых крестьянских выступлений, главным образом, в Центральном Китае, где местные власти рьяно пытались состязаться с преуспевшими приморскими провинциями Восточного Китая (Bernstein, 2008).

Вопреки господствующему среди западных политтехнологов мнению о преимуществах децентрализации для благосостояния населения, в Китае местные власти не слишком обременены заботой о потребностях жителей. Таково следствие состояния всей государственно-административной системы и конкретно — независимости местных чиновников от тех, кем они управляют (выборы происходят только на низшем уровне — административной деревни).

Притом что хозяйственная автономность местных властей создает все больше сложных проблем перед высшим руководством, последнее, как бы это на первый взгляд ни казалось парадоксальным, отнюдь не проявляет серьезного желания изменить сложившуюся систему отношений. Причина, по мнению Фьюсмита и Гао Сяна, в том, что сочетание административно-хозяйственной децентрализации со строгой подчиненностью кадров по партийной вертикали становится для высшего руководства «жизненно важным механизмом предупреждения» народного недовольства (Growing pains, 2014: 181).

Время ответственности за положение дел на местах и условия жизни населения ложится на местные власти. В то же время центральная власть имеет возможность вмешаться в случае серьезного столкновения между чиновниками и населением и, скорректировав действия первых уступками массовым требованиям, погасить конфликт. Поддерживая народные требования, центральное правительство сохраняет свой престиж и укрепляет доверие. Критически отзываясь о местных чиновниках, массы, как показывают социологические обследования, сохраняют более благожелательное отношение к правительственным органам.

¹ Его бурный рост воплощал установку на развитие Запада, долженствовавшую смягчить социопространственный разрыв между приморскими провинциями и континентальной глубиной. Многозначительно также, что во главе Чунцина стоял Бо Силай, политическая и управленческая линия которого была осуждена как популистская.

Явно негативным образом характеризует деятельность местных властей пренебрежение к экологической безопасности. При этом следует отметить ради справедливости, что в экологическом бедствии страны слились в один клубок самые различные пороки современного этапа развития КНР — от правительственных установок «рост прежде всего» до низкой экологической культуры сельского населения. Предельная интенсивность использования ресурсов породила глубокий и непреходящий экологический кризис.

Разрушение природной среды — засорение воздушного пространства городов, загрязнение источников воды, деградация почвы — явилось самым прямым и неблагоприятным следствием экономического рывка. Не менее десятка провинций страдают от дефицита воды, а эти провинции дают 45 % ВВП, 40 % продукции сельского хозяйства и более половины промышленной продукции. По данным Геологической службы Китая более четверти стоков основных речных систем страны непригодны даже для промышленного или сельскохозяйственного пользования (Growing pains, 2014: 186).

Исключительных размеров достигла деградация почвы. По оценкам Китайской Академии наук, 20 млн га обрабатываемой земли поражены солями тяжелых металлов, а 40 % страдают от эрозии почвы (Xu Zhun, 2014: 34). Историческая житница Китая — Лёссовое плато в настоящее время не имеет равных в мире по степени почвенной эрозии. Химизация сельскохозяйственного производства ведет к усиливающемуся загрязнению почвы и подпочвенных вод солями тяжелых металлов и диоксидами. Симптоматическое следствие — появление «раковых деревень», где уровень онкологической заболеваемости в десятки раз превышает общекайтайские показатели¹.

Остроту экологической проблемы нельзя всецело отнести к ответственности государственных и местных органов власти или к корыстности крупных корпораций. Большим вопросом китайского общества остается низкая экологическая культура населения, которая самым губительным образом проявляется в аграрной сфере, где стремление к жизнеспособности крестьянских «парцелл»² оборачивается неумеренным использованием минеральных удо-

¹ Лю, географ из университета Центрального Миссури (США), сообщил в 2010 г. о полутысяче (459) установленных им «раковых деревень», в части которых онкологическая заболеваемость в 30 раз превышала среднекайтайский уровень (Growing pains, 2014: 187). См. также: Lora-Weinright, 2010: 79–99.

² Средний размер крестьянских наделов (0,5 га) в современном Китае на порядок меньше хозяйственного оптимума (Китай и Россия, 2007: 267).

брений и химических средств защиты растений, игнорированием, подчас элементарных требований техники безопасности.

Исследователи рассуждают даже об известной деморализации сельского населения, доходящей до аморальных проявлений в стремлении к преуспеванию любой ценой. Порой встречается сознательное нарушение господствующих в обществе моральных и правовых норм и осознанное допущение вреда от своих действий для других людей. Подобная безнравственность является следствием наложения одних общественных ценностей на другие, пишут американские и китайские социоантропологи, исследовавшие глубинные процессы трансформации массового сознания. В деревне чаще всего речь идет о совмещении партикуляристской морали локального социума с универсальными принципами современных рыночных отношений (Deer China, 2011: 55). Характерные примеры дает ставшая массовым явлением практика фальсификации продуктов и медикаментов.

Началось это социальное бедствие в 1980 г. в уезде Цзыцзян прибрежной провинции Фуцзянь¹. Местные «предприятия поселков и волостей» стали в большом количестве производить медикаменты из крахмала, сахара и других пищевых продуктов, к 1985 г. таковых было уже 57, и производили они более сотни наименований препаратов, сделавшись серьезными конкурентами государственными фармацевтическим заводам. Возможно, именно последнее обстоятельство побудило центральные власти приступить к разбирательству. Были привлечены более тысячи частных лиц и местные органы власти. Влиятельному в партийной иерархии провинциальному начальнику пришлось уйти в отставку (Deer China, 2011: 57).

В 1999–2004 гг. на огромных площадях в уезде Сяньхэ провинции Хэбэй крестьяне использовали для увеличения массы лукавиц сильно действующий пестицид. Хотя после такой обработки над полями распространялся стойкий раздражающий запах, тревогу забили лишь после приезда столичных журналистов. Между производителями лука и властями установилась круговая порука.

Смысл ее объяснили работники одного из сельских предприятий, производившего пищевые добавки из изношенной обуви. На вопрос корреспондента центрального телевидения, понимают ли они, что от их продукции могут пострадать покупатели, рабочие отвечали: «Ну и что? Мы их не знаем. Здесь никто не будет есть эти продукты» (Deer China, 2011: 58).

¹ Провинция явилась одним из лидеров в переходе экономики страны на рыночные рельсы.

Круговую поруку случается оправдывают и партийным курсом на подъем народного благосостояния. Когда корреспондент указал местному начальнику на опасные последствия злоупотреблений с производством продуктов питания и лекарствами, тот, в свою очередь, указал на ряды новых домов в поселке, прибавив с гордостью: «Думаю, мой высший долг перед Небом — дать моим бедным землякам возможность стать богаче» (Deer China, 2011: 60).

В литературе встречаются описания самых вопиющих случаев. «В марте 2013 г., — пишет директор Центра азиатских исследований Совета по международным отношениям США Элизабет Икономи, — жители Шанхая наблюдали, как по протекающей через город реке Хуанпу плывут туши более 16 000 мертвых свиней. Живущие выше по течению фермеры провинции Чжэцзян (одной из самых развитых в Китае. — А.Г.), столкнувшись с массовым заболеванием животных, вместо того, чтобы сжечь трупы, как требовал закон, просто сбросили их в ближайший водный источник» (Growing pains, 2014: 184). Подобные факты экологического бескультурья отмечались и в других местах.

Партикуляристская мораль, с которой не смогли справиться даже при Мао, становится угрозой не только для отдельных граждан. Вместе с подрывом продовольственной безопасности государства она подрывает доверие в обществе, представляя такую же социальную угрозу, как коррупция, моральный вред от которой не менее разрушителен, чем политический. Многозначительное явление — огораживание деревень, явное свидетельство непростых отношений жителей со своим окружением¹.

У партикуляристской морали есть и другая сторона. Целые сельские общины еще хранят воспоминания о трагическом прошлом и своем сопротивлении произволу властей (Thaxton, 2008). Участники массовых акций, выступающие против злоупотреблений местных властей, апеллируют к нормам социальной справедливости, удержавшимся в идеологическом каноне КПК, обретая в них легитимность своих действий². И порой, констатируют исследователи, это становится «удачным проявлением морального образа жизни в современном Китае» (Deer China, 2011: 272).

¹ В 2001 г. мне довелось в провинции Шаньдун, имеющей впечатляющую историю крестьянских выступлений и заодно сельского бандитизма, побывать в одной из таких деревень, окруженной двухметровой глинобитной стеной. Добавлю, при появлении нашей группы и до ухода нас сопровождал назойливый лай довольно многочисленных собак, выполнявших, по всей видимости, сторожевые функции.

² Этот аспект выделен в обобщающей монографии, посвященной сельскому протесту 1990-х гг. (O'Brien, 2006).

Можно констатировать, что кризисные явления, поражающие глубоко преобразующееся китайское общество, особенно пагубно отражаются на жизни деревни и положении крестьянства. Иначе, чем экологический кризис, но не менее сокрушительно в долгосрочной перспективе воздействует на сельский мир кризис демографический.

Угроза нависла над таким вековым китайским институтом, как патриархальная семья, которая при деколлективизации сыграла ведущую роль в сохранении социального порядка и наращивании сельскохозяйственного производства. Долговременный демографический эффект принудительного ограничения рождаемости исключительно тяжело будет сказываться, считает профессор социологии Йельского университета Дебра Дэвис, именно на китайской деревне, на моральном климате и устойчивости сельской семьи.

Дело идет к постепенному, но неизбежному утверждению поколенной структуры 2 – 2 – 1, когда единственному наследнику придется заботиться о двух представителях старшего и двух среднего поколения семьи. Но уже в настоящее время есть тревожные симптомы, свидетельствующие о серьезном неблагополучии основной ячейки демографического воспроизводства, социальной организации и хозяйственной деятельности в аграрной сфере. Кроме конфликта поколений, спровоцированного столкновением индивидуалистической морали с патриархальными ценностями, масштабным следствием интенсивной трудовой миграции сделались разделенные семьи¹. Основательно подтачивает сельский мир гендерная диспропорция.

Политика «одна семья — один ребенок» при сохранении патриархальных традиций², а главное, из-за дефектов социальной политики и, прежде всего, из-за отсутствия до последнего времени пенсионного обеспечения в деревнях, стимулировала умерщвление девочек либо на стадии беременности матерей, либо как отказ от выхаживания после родов³. В начале реформ (данные 1980 г.) соотношение новорожденных мальчиков и девочек было близким к норме 108 к 100, в 1990-х дошло уже до 120 к 100. Причем в сель-

¹ На упомянутом семинаре в Интерцентре об этом с горечью, как серьезной угрозе говорил профессор Института экономики АОН Китая Линь Ган. См. (Китай и Россия, 2007: 269–270).

² Дочь, по традиции после замужества переходя жить в другую семью, не являлась гарантией ухода за престарелыми родителями.

³ Этим и обусловлено не в последнюю очередь крайнее превышение детской смертности в деревнях, которая остается в три с лишним раза выше городских показателей (между тем статистика материнской смертности отличается только на трети).

ской местности эта динамика стала еще более критической, дойдя до 123 к 100, что, по некоторым подсчетам, сулит одиночество 38 млн юношам (Growing pains, 2014: 30; Increasingly difficult, 2015).

Брачные отношения в высокой степени коммерциализуются. Выкуп за невесту может достигать до 100 тыс. юаней¹ и больше (Increasingly difficult, 2015). На крестьянку в условиях исхода мужчин в города ложится двойная нагрузка, вместе с тем и возможности ее необыкновенно расширяются. Сельчанки тоже уходят в города и нередко добиваются значительного успеха в различных сферах. Теперь именно они поддерживают свои семьи, и такая поддержка высоко ценится в деревне, в том числе в моральных категориях как признак почитания родителей (даже если городское преуспевание молодых сельчанок достигается в сфере сексуальных услуг).

Демонстрируя эрозию традиционных институтов, число разводов в КНР за годы реформ выросло с 4 до 21,8%; причем в деревне в 70–80% случаев инициаторами выступают жены. И причиной служит обычно не традиционный конфликт со свекровью, а «поиск счастья», стремление к совершенствованию, желание женщины повысить свой социальный и моральный статус.

Оборотной стороной женской эмансипации становятся житейские драмы: следствие сложности самоутверждения сельской женщины, с одной стороны, и мужского одиночества — с другой. Современный Китай — страна широкого распространения психических заболеваний², и немалую долю в эту тревожную статистику вносит деревня. Психические расстройства зачастую сопровождаются суицидальными проявлениями. По отчетам 2011 г., распространенность суицида в деревнях втрое превышает городские показатели (Deep China, 2011: 279; Zhang, 2014).

Власти в последнее десятилетие предприняли масштабные усилия, чтобы смягчить неравенство между городом и деревней, между развитыми прибрежными провинциями и отсталой континентальной глубиной. Еще при Цзян Цзэминя в начале 2000-х гг. был провозглашен курс «Великого развития в Западном регионе», наиболее отсталой и аграрной части страны. При Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао (2004–2012) последовали огромные вложения средств в рамках программ «создания гармонического общества» и «построения новой социалистической деревни»³. В 2003 г. ввели

¹ Примерно 16 400 долл. США.

² См.: Moore M. China has 100 millions people with mental illness // Telegraph. 2009. April 28. Подробнее см.: Deep China, 2011.

³ О том, как реализуется эта программа, см.: Ahlers, 2013.

систему медицинского страхования для сельских жителей («новая кооперативная медицинская схема»), субсидируемую центральными и местными властями.

Были достигнуты определенные успехи, но одних программ и фондов помощи малоимущим слоям, обделенным благами экономического роста (если сохранятся нынешние тенденции развития, благоприятные для тех категорий населения, что уже добились успеха), недостаточно. Так, субсидии на страхование для одного сельского жителя выросли к настоящему времени с 20 до 300 юаней, притом размеры медицинской страховки в городе в 9 раз превышают страхование для сельского жителя, а общие расходы на городское здравоохранение в расчете на одного жителя втрое выше. (Growing pains, 2014: 56–61).

«Только если китайское руководство предпримет радикальные и комплексные реформы (налоговой политики, схемы инвестирования, государственного банковского кредитования, доступа к образованию, системы хукоу и многого другого) <...> можно будет взять под контроль галопирующее неравенство доходов», — вывод одного из исследователей, с которым трудно не согласиться (Growing pains, 2014: 48–49).

Поднебесная стоит на рубеже неизбежных перемен, которые непосредственным образом затронут и отношения между городом и деревней. Те преимущества, которые дал социопро пространственный разрыв, сходят на нет. Прежде всего это касается демографического дивиденда — высокой доли трудоспособного населения. Впервые в истории страны численность пожилых людей старше 60 лет превысила численность детей до 5 лет и при том заметно возрастает численность тех, кому больше 85 (Deep China, 2014: 24). По демографической структуре страна вышла на уровень развитых, отнюдь не достигнув этого уровня по материальному благосостоянию. Как говорят специалисты: «Китай стал стареть, прежде чем разбогател».

Рост численности трудоспособного населения прекратился, а с 2020 г., вслед за снижением его доли в общей численности народонаселения, оно начнет снижаться и в абсолютных цифрах. Если в Японии между кульминацией экономического роста и снижением численности трудоспособного населения прошло 25 лет, в Южной Корее — 15, в Китае, отмечает профессор экономики Китая Калифорнийского университета (Сан-Диего) Барри Ноутон, эти исторические моменты совпали. С отягчающими последствиями и для продолжения экономического роста, и для функционирования системы социального обеспечения! (Growing pains, 2014: 22).

Приток дешевой рабочей силы из деревни снижается, рынок труда сужается, в промышленности наиболее развитых приморских провинций заметно ощущается нехватка неквалифицированной рабочей силы. Между тем пассивности и нетребовательности сельских мигрантов приходит конец. Уже у второго поколения, замечает ранее цитировавшийся Ху Юн, очевиден отход от установок на тяжелый труд. Их интересует не только зарплата, но и условия труда (Hu Yong, 2011).

Специалисты считают вехой для всего рабочего движения в Китае забастовку весной 2010 г. на заводе «Хонда» в провинции Гуандун, приведшую к остановке всех китайских предприятий фирмы и к цепной реакции стачек по всей стране. Застрельщиками забастовочного движения выступили молодые рабочие-мигранты, которые поставили принципиальные вопросы типа разрыва зарплат между различными категориями работников и игнорирования их интересов во Всекитайской федерации профсоюзов¹.

Опасаясь социальной нестабильности, требования этого огромного отряда рабочего класса начало поддерживать правительство. Премьер Госсовета Вэнь Цзябао инициировал в 2003 г. кампанию против хронических задержек с выдачей зарплаты мигрантам. С середины 2000-х гг. зарплата малоквалифицированных рабочих стала расти на 10 % ежегодно и к 2012 г. в реальном исчислении в 2,5 раза превысила уровень 2003 г. Это значит, что Китай достиг важного поворотного пункта, который наблюдатели называли «конец дешевого Китая» (Growing pains, 2014: 21).

В создавшихся условиях китайское руководство делает ставку на продолжение урбанизации как фактор сохранения темпов экономического роста. Чтобы привлечь дополнительную рабочую силу и создать нормальные жилищные условия для мигрантов, планируется расширение существующих и создание новых городов. Предполагается, что к 2020 г. в городах будет проживать 60 % жителей Китая (China releases, 2014). Однако этот проект выглядит далеко не бесспорным. Гигантские масштабы индустриального и жилищного строительства, развитие городской инфраструктуры изменили лицо целых уездов, издревле представлявших продовольственную житницу страны.

Характерный пример — округ Сучжоу провинции Цзяньсу². При одной из древних династий сюда был проложен Великий

канал, по которому в столицу Поднебесной поступал рис. Аграрное преуспевание района воплотилось в создании замечательных садово-парковых ансамблей, которые могут оспорить пальму первенства по обширности и изяществу у столичных. И сейчас Сучжоу преуспевает (5-е место по среднедушевому доходу среди китайских городов), но источники богатства сменились. Теперь большая часть окрестностей превратилась в промышленную зону, в которой размещаются многочисленные высокотехнологичные предприятия ведущих транснациональных корпораций¹.

У бурной индустриализации существует оборотная сторона. Перестройка страны на рыночные рельсы повлекла за собой подлинно социальные катаклизмы: десятки миллионов работников госсектора при реструктуризации своих предприятий в середине 1990-х гг. были уволены. От 30 до 60 млн² (по разным оценкам) крестьян потеряли за время реформ свои земельные наделы. К середине 2000-х гг. урбанизация привела к отчуждению 10 % сельскохозяйственного земельного фонда страны (Китай и Россия, 2007: 265).

Более поздними данными я, к сожалению, не располагаю³, но совершенно очевидно, что этот драматический процесс прогрессировал. Продолжение реквизиций крестьянских наделов между тем создает угрозу не только продовольственной безопасности страны, но и становится важнейшим фактором крестьянского недовольства, выливаясь то там, то здесь в протестные выступления.

По данным обследований, проведенных *Landesa Rural Development Institute*, если в 2008 г. озабоченность реквизицией земли выражали 29 % опрошенных крестьян, то в 2011 г. уже 43 % (China releases, 2014). Острейшая проблема размеров материальной компенсации крестьянам за утраченные наделы остается нерешенной до сих пор. Нередко на этой почве протест перемещается в города, где деревни сохраняются в качестве своеобразных анклавов⁴ (Kuang, 2013). Стремясь привлечь девелоперов, власти

¹ Ориентируюсь в значительной степени на личные впечатления 2001 г.

² Такую оценку привел в 2005 г. профессор Лю Сяохуэй (Китай и Россия, 2007: с. 271).

³ По официальным статистическим данным площадь обрабатываемых земель стабилизировалась на отметке 120 млн га (в 1996 г. — 130 млн га), но, по всей видимости, это завышенные данные, поскольку на статистику радикально влияют установки о запрете отчуждения сельскохозяйственной земли (см.: Xu Zhun, 2014).

⁴ Появился даже специальный термин для обозначения типа урбанизирующейся деревни, *чэнчжункунь* (буквально «деревня посреди города»). Такие

¹ Единственная официально разрешенная организация профсоюзов.

² Расположенная в низовьях Янцзы провинция считается третьей в иерархии успешных, по уровню среднедушевого дохода, уступая только Гуандуну и Чжэцзяну.

занижают цену аренды земли, а соответственно, и выплату причитающейся по закону компенсации крестьянам. Так, цена отчуждаемой земли оказывается значительно ниже рыночной, становясь отчетливым выражением социальной несправедливости.

Руководство КПК стремится решить проблему продовольственной безопасности и крестьянского недовольства, не изменяя курсу на дальнейшую урбанизацию. Пришедшие к руководству в 2013 г. Си Цзиньпин и Ли Кэцзян провозгласили стремление к углублению реформ. Программные заявления нового руководства, сделанные на ноябрьском пленуме ЦК КПК 2013 г., предусматривают «строжайшую систему защиты пахотных земель» и одновременно — необходимость «удовлетворять спрос на землю, связанный с урбанизацией». Предусматривается «сокращение реквизиций земли», «повышение уровня жизни крестьян, чья земля была реквизирована» и при этом — «обеспечить долгосрочные гарантии для жизненно важных отраслей народного хозяйства». Чтобы решить эти в известной мере взаимоисключающие задачи, была выдвинута цель «объединить городские и сельские земли в единый рынок землепользования».

Не была оставлена в стороне и коренная проблема гражданской разделенности китайского общества. В принятом на пленуме «Постановлении ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ», которое провозглашается программным документом о «всестороннем углублении реформ на новой исторической точке развития», ставится задача «постепенно устранять барьеры между городскими и сельскими районами, связанные с системой прописки» (Вопросы и ответы о 3-м пленуме, 2013).

Вопрос о социопространственной дезинтеграции выносится, как видим, на принципиальную высоту. В коммюнике ноябрьского пленума ЦК КПК 2013 г. было подчеркнуто, что «дуальная структура между городом и селом является главным препятствием, сдерживающим их интеграцию». А потому «необходимо усовершенствовать институты и механизмы, сформировать рабочие-крестьянские отношения нового типа между городом и селом, позволяющие широким слоям крестьян равноправно участвовать в процессе модернизации и совместно пользоваться ее плодами»¹.

деревни распространены в юго-восточных провинциях Китая, их особенно много в мегалополисах возникшего за годы реформ на месте рыбацкой деревушки Шэньчжэня и Гуанчжоу, которые выступают в авангарде новейшей волны урбанизации, поступательно поглощая окрестные селения этих густонаселенных провинций (см.: Li Tian, 2008).

¹ http://russian.news.cn/china/2013-11/12/c_132882616.htm

У рабочих и крестьян Китая скептицизм в отношении продолжения реформ между тем сохраняется: «Мы поверим в них, когда увидим» (Growing pains, 2014: 18).

Список литературы

1. Вопросы и ответы о 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (2013). <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjzqh/t11.112348.htm>. Date 2013/12/27
2. Гордон А. В. (2006). Опыт аграрных преобразований в КНР // Россия и современный мир. № 2.
3. Китай и Россия: Социально-экономическая трансформация (2007) / Ред. Л. Н. Никифоров, Т. Е. Кузнецова, М. Б. Гусева. М.: Наука.
4. Китайская деревня: Рубеж тысячелетий (2003) / реф. сб. М.: ИНИОН.
5. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию (2005) / ред. В. Михеев. М.: Центр Карнеги.
6. Ahlers A. L., Schubert G. (2013). Strategic modeling: “Building a new socialist countryside” in three Chinese counties // China quarterly. No. 216.
7. Bernstein T. P., Lu Xiaobo. (2008). Taxation without representation in contemporary rural China. Cambridge: Cambridge univ. press.
8. China releases plan to incorporate farmers into cities (2014) // New York times. March 17. http://www.nytimes.com/2014/03/18/world/asia/china-releases-plan-to-integrate-farmers-in-cities.html?_r=1
9. Chinese migrant workers exceed 260 million by 2012 (2013) // Xinhua News Agency. May 23. http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-05/27/c_132411765.htm (accessed August 1, 2013).
10. Deep China: The moral life of the person. What anthropology and psychiatry tell us about China today (2011) / Kleinman A., Yan Yunxiang, Jing Jun e. a. Beverley Hills: University of California press.
11. Growing pains: Challenges for a rising China (2014) / Perry E. J., Naughton B., Davis D. S. e. a. // Daedalus. Vol. 143. No. 2.
12. Gough N. (2015). China’s economy puts new pressure on its lopsided job market // New York times. April 21. <http://www.nytimes.com/2015/04/22/business/international/chinas-economy-puts-new-pressure-on-a-changing-job-market.html?ref=todayspaper>
13. Hu Yong. (2011). The expansion of peasant rationality: An analysis of the creators of the “China miracle” — Challenging existing theories a. proposing new analytical approaches // Social sciences in China. Beijing. Vol. 32. No. 1.

14. *Hy Van Luong, Unger J.* (1998). Wealth, power and poverty in the transition to market economy // *China journal*. No. 40.
15. Increasingly difficult for rural men find woman (2015) // *Chinasmack*. March 15. <http://www.chinasmack.com/2015/stories/increasingly-difficult-for-rural-chinese-men-to-find-wives.html>
16. *Kuang Xianwen, Göbel Ch.* (2013). Sustaining collective action in urbanizing China // *China quarterly*. No. 216.
17. *Li Tian.* (2008). The chengzhongcun land market in China: boon or bane? A perspective on property rights // *International journal of urban and regional research*. Vol. 32. N. 2.
18. *Lora-Weinright A.* (2010). An anthropology of “cancer villages” // *Journal of contemporary China*. Vol. 19. No. 63.
19. *O'Brien K., Li Lianjiang* (2006). Rightful resistance in rural China. Cambridge, Mass.: Cambridge univ. press.
20. One country, two societies: Rural-urban inequality in contemporary China (2010) / M.K. Whyte, ed. Cambridge, Mass.: Harvard univ. press.
21. *Osinsky P., Eloranta J.* (2014). Why did the communists win or lose? A comparative analysis of the revolutionary civil wars in Russia, Finland, Spain, and China // *Sociological forum*. Vol. 29. No. 2.
22. *Thaxton R.* (2008). Catastrophe and contention in rural China: Mao's Great leap forward, famine, and origins of righteous resistance in Da Fo. Cambridge (Mass): Cambridge univ. press.
23. *Thornton P.* (2005). Comrades and collectives in arms: Tax resistance, evasion, and avoidance strategies in post-Mao China // *State and society in 21st — century China: Crisis, contention and legitimation* / Ed. by Gries P.H., Rosen S. New York; London: Routledge Curson.
24. Urbanizing China (2014) // *New York times*. March 23. <http://www.nytimes.com/pages/opinion/index.html>
25. *Xu Zhun, Zhang Wei, Li Minqi.* (2014). China grain production: A decade of consecutive growth or stagnation? // *Monthly review*. Vol. 66. No. 1.
26. *Zhang Joe.* (2014). The Disintegration of Rural China // *New York times*. March 23. <http://chinadigitaltimes.net/2014/11/disintegration-rural-china/>

А. В. Посадский

Помощь семьям крестьян, призванных в армию, в Саратовской губернии в 1915 году

Аннотация. Тема статьи — помощь семьям крестьян Саратовской губернии, призванных в армию годы Первой мировой войны. Помощь имела чрезвычайное значение в условиях массовой потери деревней рабочих рук. Главным источником послужили рапорты земских начальников — материал, сравнительно редко используемый исследователями. Автор высказывает соображения о том, какие факторы могли бы сделать поддержку семьям более эффективной.

Ключевые слова: крестьянство; Первая мировая война; сельское хозяйство; взаимопомощь; земство; земский начальник

Основная полемика по поводу государственной помощи в 1914–1917 гг. вращается вокруг соотношения величины правительственного пособия и реальных нужд потерявшего рабочие руки хозяйства на фоне прогрессирующей всю войну дороговизны. Конкретные обстоятельства, конечно, складывались по-разному, так как, помимо казенного пособия, в помощи семьям призванных участвовали церковные попечительства, благотворительные организации, земства. Характерно, что сами солдаты нередко считали пособие большим и весьма критически относились к недовольству собственных жен своим положением. Как справедливо отмечают Н. Л. Пушкарева и П. П. Щербинин, «и современники, и историки при желании всегда находили свидетельства как критического положения семей призванных на войну <...> так и вполне достаточного уровня их жизни, а порой и обогащения в условиях военной поры...» (Пушкарева, Щербинин, 2005: 155). В то же время конкретно-исторические исследования в этой области по-прежнему в дефиците.

К началу 1915 г. Саратовская губерния включала в себя 10 уездов, объединявших 291 волость с 2935 сельскими обществами,

из которых более 60% — бывших владельческих крестьян. В губернии насчитывалось 76 земских участков. Крестьянское население составляло около 2,5 млн человек и было представлено в основном русскими, в северных уездах также — мордвой, чувашами и татарами, в южных — значительным массивом немецких колонистов, заметным числом малороссов.

Земельная обеспеченность крестьян была различной, они активно покупали и арендовали землю. На 4 млн надельных десятин приходилось 0,8 млн купленных. Из 1,18 млн десятин частновладельческих земель большая часть сдавалась крестьянам на один посев. Более 3 десятин на двор имелось у примерно 58% крестьянских дворов, по официальной статистике (242725 из 418993); безземельных хозяйств насчитывалось 16474 (около 3,9%), имевших менее 1 десятины — 23590 (5,6%)¹.

1905 год показал, насколько остра в губернии аграрная проблема. Губерния в разы превысила общероссийский уровень по числу крестьянских выступлений и разгромов усадеб. Соответственно, и на правительственный вариант решения аграрного вопроса отклик был значительный, хотя и весьма не равномерный (Посадский, 1999; Посадский, 2000).

Всеобщая мобилизация 1914 г. продемонстрировала высокую обеспокоенность семей по поводу потери рабочих рук. Так как летом 1914 г. были подняты все запасные и ратники I разряда (к тому же в разгар рабочего сезона), то уже осенью обнаружили трудности с полевыми работами. Со временем они только нарастали.

Далеко не все рапорты о помощи, составлявшиеся в конце июля — первых числах августа 1914 г., на фоне всеобщей мобилизации, были благоприятны для семей призванных (данные по Вольскому уезду). Где-то бесплатную уборку заменяли единовременной выплатой 3–5 руб., где-то отговаривались отсутствием работников и лошадей, поздним временем уборки².

Зачастую о делах в деревне судят по сообщениям прессы или по земским анкетам, вкус к коим у земств весьма развился в предвоенные и военные годы. Мы предлагаем ознакомиться с мнением администраторов — земских начальников, которые ближе всех стояли к крестьянам и с участием которых проводились многие мероприятия государства в деревне³. Обрисованная далее карти-

¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 400. Оп. 1. Д. 1510. Л. 119–120.

² ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8898. Л. 232, 233об.—238.

³ Далее использован материал, содержащийся в деле Саратовского губернского правления: ГАСО. Ф. 23. Саратовское губернское присутствие.

на относится к лету 1915 г. Это первый по-настоящему военный рабочий сезон, когда отток рабочих рук из деревни был уже очень ощутим. В свою очередь, власти тоже были весьма озабочены опасностью сокращения посевов.

В июле 1915 г., через год после всеобщей мобилизации, земские начальники по предписанию губернского присутствия от 9 (22) июля, предоставляли сведения о положении в семьях призванных и принимаемых для помощи им мерах. В результате возник довольно обширный массив сведений практически по всей губернии. Земские начальники нередко прилагали протоколы сельских сходов, в деле отложились также информация вольского уездного съезда земских начальников, царичинского исправника. Информацию предоставили 69 земских начальников из 76. По крупнейшим черноземным уездам — Балашовскому, Аткарскому, Петровскому, Сердобскому — информация полная. Отсутствует несколько рапортов по Камышинскому, Кузнецкому и другим уездам, что не меняет общей картины. При этом земские начальники неоднократно присылали более чем по одному рапорту. В нескольких случаях один земский начальник обслуживал два участка, и тогда, как правило, текст рапортов бывал идентичен. Это свидетельствует не только об административной нерадивости, поскольку один начальник, естественно, принимал одинаковые меры в обоих подведомственных участках.

В центре внимания земских начальников находился ключевой вопрос — положение семей призванных и организация помощи им. Рассмотрим ситуацию, сложившуюся в различных уездах губернии по переписке земских начальников. В скобках указаны номера земских участков (в каждом уезде нумерация начиналась с единицы).

Аткарский уезд

Приговоры о помощи были составлены еще весной и добросовестно исполнены. Жалоб не было. Земство отпускало деньги волостным попечительствам. Лысогорское попечительство купило на них жнейки для семей призванных (1, 4). Общества составили приговоры о помощи только тем семьям, в которых не осталось работников-мужчин. Рожь убрана. Были случаи отказа обществ в оказании помощи, но при личном разъяснении сходы «охотно»

Оп. 1. Д. 8898. Сообщения земских начальников об уборке хлебов в семьях призванных.

соглашались и составляли соответствующие приговоры. Приложения подробные росписи нуждающихся семей и помогающих (2, 10). В семьях, где не осталось мужчин, работали родственники, использовалась трудовая помощь односельчан. Зимой почти все общества составили приговоры, в большинстве которых перечислены семьи, нуждавшиеся в помощи. Всего таких — 234 по участку. Более мелкие общества удостоверяли приговорами, что по зажиточности нуждающихся нет. Обязательства в большинстве случаев исполнены без принуждений. Жалобы солдаток на медленность работ улаживали сельские правления. Земство помощи не оказывало (3). Все общества согласились с распоряжением, составили приговоры и оказали помощь. Волостные попечительства отпускали пленных австрийцев. В то же время приговоры сходов по этому участку, приложенные к отчету, рисуют не столь благостную картину. Так, по Даниловской волости 4 общества согласились помочь, 8 отказались. По Галаховской волости 5 обществ согласились, остальные категорически отказались. Один из отказов мотивировался отсутствием рабочих рук, — более половины населения мобилизовано, — и тем, что у призванных имеется пособие и скот в хозяйствах, так что они вполне способны нанять работников. Официально оформленное согласие помогать отнюдь не было огульным. Галаховский сход назвал три семьи, к которым назначены поименованные помощники. Такие же адресные приговоры составлены и по другим обществам. Помощь же тем, кто не оценивался как «крайне нуждающийся», возлагалась на родственников, без указания, кто кому помогает (5). Помощь оказывали родственники и сельские общества. В феврале сельские общества, хотя не все, составили приговоры о помощи. 31 общество указало в приговорах семьи, нуждавшиеся в помощи, остальные обязались помочь всем нуждающимся. Жалоб мало. Земство не помогало (6). Составлены приговоры о посеве и уборке в семьях призванных. Убирали, в основном по праздникам, родственники и соседи. В Баландинской волости (Баланда — крупное торговое село) частное попечительство выдавало единовременное пособие на наем работников (7). Все общества согласились составить приговоры, помощь оказана. В приговорах подробно указано, кто кому помогает и в каких видах работ. Сходы были далеко не полные из-за занятости крестьян. Оговаривалась помощь или конкретным семьям, или только тем, кто лишился мужских рабочих рук, иногда оговаривалась помощь только на наделной земле. Были и отказные приговоры. Волостные попечительства должны предоставлять военнопленных австрийцев (8). Хлеб в основном убрали сами семьи, частично с помощью родни и других лиц. Земство выдало беднейшим 200 руб. (9).

Балашовский уезд

Семьи с родней своевременно убирали урожай (1). В Благовещенской волости согласились помочь 5 обществ и отказались 8, включая Благовещенское. В Песчанской волости три общества согласились оказать добровольную помощь в уборке нуждающимся, которые лично попросят родственников или соседей. Остальные общества в помощи отказали. Среди записанных в протокол причин отказов: зажиточность семей призванных, их объединение с родственниками, отсутствие сил из-за призывов (2). Энергичный земский начальник Кетриц в апреле объехал 12 обществ третьего участка, которые в феврале отказались составить приговоры об общественной помощи. На этот раз приговоры получить удалось. Однако общества взяли или подчеркнуто добровольные обязательства («по своему усмотрению, в пределах возможности» и т.п.), или же с упоминанием «крайнего случая», или констатировали у семей призванных наличие родни, которая и должна помогать. Весною же проверяли списки на семьи призванных по второму Дурникинскому обществу. Оказалось, что семь семей «совершенно зажиточных» и с зажиточной родней, — в помощи не нуждались; у двух семей земля оказалась продана, две солдатки сдали землю в аренду, еще одна, бедная, но бездетная, с просьбами не обращалась. По Мордовско-Карайской волости несколько словесных жалоб солдаток оказались, по проверке, неосновательными. Этот земский начальник настойчиво добивался мирских приговоров о помощи, сходы более или менее упорно отказывались. В Усть-Щербединской волости семьям широко помогала родня и частью военнопленные. Сходы трудно оказывалось собрать, так как крестьяне, чрезвычайно дорожа временем, работали и в праздники. Жалоб на неуспешность уборки от семей не поступало. Земство помощи не оказывало. В Ольгинской волости большая часть семей успешно убиралась сама. 34 бедным и одиноким семьям перед уборкой раздали 260 руб. волостные комитеты общества Красного креста. Жалоб на неуспешность уборки от семей не поступало. В Красноколенской волости также помогала родня, частично — общества. Более состоятельные взяли военнопленных. В Красном Колене одна солдатская жена просила помощи, но сход, по ее зажиточности, упорно отказывал. Этой же волости уездная землеустроительная комиссия предложила труд добровольцев — учеников народных училищ. Правление сообщило лишь о трех изъявивших желание обществах, коим требовалось 17 учеников. Сходы не желали давать письменные обязательства. В Романовской волости большую помощь оказали родственники, знакомые и частично военнопленные. Земство помощи не оказывало. В Бобылевской во-

лости только само Бобылевское общество согласилось помогать беднейшим из призванных, что и делалось. Убрали 20 семьям на 30 десятинах. Старшина объяснил, что сначала боялся за успешность уборки, однако напрасно: никто с просьбами и претензиями не обращался. Во всех обществах работы шли обменом: мужики солдатам косят косилками, а солдатки за это вяжут снопы на полях тех, кто им косил. Общественной помощи не требовалось. 30-ти беднейшим семьям Красный крест и земство выдали 90 руб. Некоторые крестьяне использовали военнопленных. В Дурникинской волости семьи убрались своими силами; в Дурникине помогали родственники и частично пленные, в Инясеве — по назначению схода. Поступило две просьбы дать пленных. Крестьяне пропадали в полях, сходы не созвать. На Дурникино попечительство, организованное Красным крестом и земством, выдало 434 руб. 69 семьям призванных, то есть по 5–10 руб. на десятину. В Мордовскокарайской волости семьи, оставшиеся без работников, нанимали работников, брали военнопленных, пользовались общественной помощью в праздничные дни. Уборка прошла без крайней нужды. Старшина докладывал 31 июля (13 августа), что все солдатки могут обойтись без помощи, при том, что в помощи по праздникам никто не отказывал. Он привел шесть фамилий солдаток, которые лично несли мужской труд; по их примеру и остальные стали работать. На двух с трудом собранных сходах крестьяне заявили, что в помощи не отказывают, но приговоров давать не будут, помогают же, по обыкновению, родственники. Сельские должностные лица объяснили, что после уборки помощью осенью 1914 г. некоторые солдатки предъявили иски в волостной суд по поводу плохой уборки. Помогавшие попали в ответчики или свидетели. Балашовский объединенный комитет по просьбе земского начальника выслал для волости 150 руб., которые и разделили на 66 семей призванных (3, 6). Работы в семьях завершены согласно весной составленным приговорам, жалоб не поступало. Земство помощи не оказывало (4). По распоряжению земского начальника все сельские общества составили приговоры о помощи, причем «сами крестьяне указывали в приговорах, кто кому окажет помощь и в каком именно размере, обязуясь каждый, чаще всего, перед своими родственниками». Для не имеющих родственников общества назначали помощь от семей, из которых нет мобилизованных, «чем достигалась уравнительность несомой всеми тяготы в хозяйствах». Работали безотказно, в соответствии с приговорами, по воскресеньям и праздникам (5,10). Рожь убирали сами семьи с родней. Земство отпустило 2–3 жнейки для использования по очереди наиболее нуждающимися (7). К уборке «привлечень» сельские общества и отдельные лица, способные, по семейному

и имущественному положению, оказать помощь. Озимые убраны (8, 9). На предложение составить приговоры некоторые общества отказались. В Самойловской волости в приговорах с отказом помогать фигурировали ссылки на пособие и факт мобилизации практически изо всех дворов. Земский начальник запросил помощи у земства; управа прислала на Самойловский район две косилки-лобогрейки для семей призванных. Солдатки обращались непосредственно к земскому начальнику (11).

Вольский уезд

Вмешательство земского начальника не потребовалось. По Белгородненской волости помощь оказывала родня, жнейки отпускала Багайская экономия графини Е.И. Шуваловой, в Ключевской волости работали родня и соседи, а Шиханская экономия той же землевладелицы отпускала жнейки. В Терсинской волости жнейки отпускало волостное попечительство, на них работали ученики Вольского сельскохозяйственного училища. Училище и помимо того отпускало учеников на работы. В той же волости работало 40 учеников-добровольцев Вольского реального училища, «помощь ими производится большею частью в хозяйствах отрубщиков, все работы по уборке производятся успешно, умело и аккуратно». Уездное земство отпустило по 75 руб. на Белгородненскую и Ключевскую волости. Нужды не предвиделось (1). Уборка успешна из-за крестьянской взаимопомощи и большого количества жатвенных машин, приобретенных крестьянами в последнее время. Приговоры о помощи составлены (2, 5). При обсуждении общества отказались выдать приговоры о помощи, но словесно обещали помогать по мере сил и возможностей. Последнее исполняется; при обращении жен за помощью общество в первый же праздник охотно идет помогать, отказов не было. Общества «обещаются» помочь и в молотье. Земский начальник заказал у земства молотилки (3). Уборке много помогла своевременная выдача казенного пособия, благодаря чему некоторые семьи смогли нанять работников. Земский начальник «небезуспешно» пропагандировал «помочи» (4). Урожай в семьях успешно убран. «...Сходы всегда отзывчиво относились к оказанию помощи, но облекать в форму приговоров обязательную помощь не решались, опасаясь дать повод к предъявлению судебных исков со стороны призванных в случае невыполнения приговоров»¹. Убирали

¹ ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8898. Л. 146.

родственники и односельчане в праздничные дни. Земство выделило по 50–75 руб. на волость (6).

Камышинский уезд

В Усть-Захарьинской волости помогали родня и общество рабочей силой. В Поповском обществе в десяти семьях имелось по одному пленному. Леснокарамышский районный комитет оказал денежную помощь по Макаровскому и Починовскому обществам. В Леснокарамышской волости семьи рабочей силой были обеспечены. В Голокарамышской волости нанимали и снаряжали рабочих общества (это волости немцев-колонистов) (1). Помощь оказывали назначенные по приговору общества лица. В Топовской волости — оказывалась еще и денежная помощь (2). Все общества согласились помогать и составили приговоры. Земский начальник при объездах опрашивал солдаток, сколько осталось неубранного хлеба. Некоторые семьи, признанные зажиточными, убрали сами, с помощью родни, некоторые пользовались военнопленными, которых отпускало земство (3). Сельские общества согласились составить приговоры; рожь убрана с помощью сельских обществ. Земский начальник опрашивал солдаток при объездах. Земство и кто-либо еще помощи не оказывали. Некоторые семьи, признанные зажиточными, убрали сами с помощью родни, некоторые пользовались отпущенными земством военнопленными (4, 8). В Золотовской волости помогала родня и отчасти общества — нарядом рабочих и «помощью». В Золотом (торговое село на Волге) платили деньгами по 5–15 руб. на семью. Кроме того, волостной и уездный комитеты выдали деньгами 864 руб. помощи. В Ахматской волости семей, потерявших работников, мало. Из 36 хлебопашеством занимались лишь 4, и те, по зажиточности, в помощи не нуждались (6). Все общества оказывали помощь и работой, и деньгами. Из земских средств выдано пособие 60 семьям по Усть-Кулалинской волости и 120 — по Банновской (7).

Кузнецкий уезд

Помогала в основном родня в праздники. Земский начальник изредка вмешивался для оказания помощи одиноким и беднейшим: привлекал через старост зажиточных односельчан. Существенно помогли земские жнейки с инструкторами — две в Никольской волости и три в Евлашевской. Земство организовало также дружины из учащихся. Но они малочисленны и малопродук-

тивны. Так, 10 гимназисток на первом и четвертом участках сжали за две недели всего 20 десятин (1). Семьи в основном справлялись сами. В одно общество, по ходатайству семей, земство прислало две жнейки с рабочими (2). Помогали родня и общество по праздникам (4). Помощь оказывалась в ограниченном количестве. Наскафтымская волость категорически отказалась составлять приговоры, некоторые общества приняли обязательства в Шемышейской, Дубровской и Чаадаевской волостях, Камешкирская волость приговоры составила. Однако ни одно из согласившихся обществ не подписалось оказывать помощь «огульно». Крестьяне объясняли, что солдатки получают пособие, некоторые, надеясь на общественную помощь, продали лошадей. «Местное население на вещи смотрит трезво; даром никому ничего делать не желает и с солдаток берут за вспашку пара и посев озимей не менее 10 руб. за казенную десятину, когда обыкновенно эти работы стоят не более 4–5 рублей»¹. Земство отпускало жнейки, но их требовалось больше. Земский начальник, кроме «разъяснений», никакими средствами воздействия не располагал (это обстоятельство посчитал нужным подчеркнуть земский начальник шестого участка) (6).

Петровский уезд

Земский начальник вменил старшинам и старостам в случае затруднений наряжать для помощи в праздничные дни родственников и еще не призванных. И те и другие от помощи не отказывались. Иной поддержки не было (1, 2). Действенной мерой оказалось привлечение подростков как для найма, так и для помощи. Эта мера оказалась легко выполнимой, так как все солдатки располагали деньгами от пособий. Помощь сельских обществ не потребовалась. Некоторые солдатки официально отказались от общественной помощи. Земство помощи не оказывало (3, 5). Сельские сходы от составления приговоров отказались. Помощь оказывали родня и соседи (4, 6). Земский начальник на сходах, через должностных лиц и при объездах «внушил» мысль взять семьи призванных под покровительство. Уборка в семьях шла успешно, помимо родни помогали и сельские общества (7). Разъяснения возымели действие; убрали обществом тем, кто не в состоянии справиться сам. Многим семьям помогали родственники. В Старо-Славкинской волости попечительство выдавало самым бедным по 3 рубля

¹ ГАСО. Ф.23. Оп.1. Д.8898. Л. 229об.

на избу, и в Малой Сердобе той же волости районное попечительство и приходский попечительский совет открыли приют-ясли для детей солдаток (8).

Саратовский уезд

Земство отпустило жнейки и дало беспроцентную ссуду; деньги выдавались в зависимости от величины посева, по 8–40 руб. Население «с участием» слушало увещевания о помощи призванным. В праздничные дни, «помочами», посев призванных должен быть убран (1). Сельским управлениям поручено предложить сходам оказать помощь семьям призванных. Некоторые общества помогали деньгами, другие обязались «натурой» (работой). В большинстве случаев помощь оказывалась натурой родственниками. Земство предоставляло возвратную денежную ссуду. Семьи призванных Базарно-Карабулакской волости от этой помощи отказались (2). Жалоб на уборку обществами не поступало; земство выделило деньги (4). Уборка производилась жатвенными машинами, которые в этом году приобретены значительным количеством хозяев. Семьи же призванных, помогая в большинстве случаев родственникам в вязке хлеба, в виде компенсации за свой труд получали машину для уборки своего хлеба. Весьма часто и почти повсеместно бывали случаи объединения нескольких солдаток в артели для уборки хлеба друг у друга. Большую помощь в деле уборки оказала выдача казенного пособия, каковое как раз пригодилось на расход, связанный с уборкой. Земский начальник велел составить списки наиболее нуждающихся в общественной помощи семей призванных. Для этого по сельским обществам избраны комиссии. Они произвели выборку из имевшихся на весну списков, внесли изменения в связи с прошедшими с весны мобилизациями. Так были выбраны наиболее нуждающиеся, помощь им оказана преимущественно денежная. Для единичных случаев вопиющей нужды, дабы хлеб не остался неубран, старшинам приказано применять принудительные наряды на работы (5). За «невозможностью содействия» со стороны сельских обществ земский начальник собрал волостные и земские попечительства. Ягоднополянская волость признана, при незначительности надела, «вполне обеспеченной» (единственная в уезде волость из немцев-колонистов). Полчаниновская и Норская волости признаны нуждающимися в дополнительном изыскании средств. От земства получено 2800 руб. Основная тяжесть легла, таким образом, на попечительства (6). Беднейшим из семей призванных помогали родственники и односельчане. Последние —

нарядами по распоряжению земского начальника в неотложных случаях, особенно в тех обществах, которые выдали приговоры о помощи. Земство предоставляло возвратную ссуду. Во многих семьях были военнопленные, оказавшие «существенную помощь». В Сокуре работала партия в 9 учеников саратовской гимназии под руководством председателя волостного попечительства и учителя (7). Земский начальник распорядился помогать и разъяснил, что хозяйствам, где есть лошади, но нет рук, следует помогать работой, при обратной ситуации — нарядом подвод (8).

Сердобский уезд

Уборка шла успешно. Земский начальник заблаговременно, на средства лотереи-аллегри, закупил и выдал 13 жнеек и 504 руб. 300 руб. выдало земство, семьям призванных помогали родственники (1). Семьи успешно убирали своими силами. Земский начальник просил земство дать по 200 руб. каждому волостному попечительству. Земство прислало Дуровскому попечительству 150 руб., Голяевскому — 100, Сосновскому — 50, Вертуновскому 100 руб. Деньги будут немедленно разосланы (2). Уборка успешна. Семьи, располагавшие деньгами, нанимали, остальным помогали родственники и частично сельские общества (3). Земский начальник «воздействовал» с целью добиться помощи. Уборка очень успешна, помогала родня и односельчане; земство отпускало военнопленных (4, 5). Работы у призванных шли несколько медленно из-за нехватки рук. На предложение земского начальника обязаться помощью общества ответили отказом по неимению средств. Земство отпустило некоторым семьям военнопленных (6). В семьях призванных убирали с помощью родственников, частично — наемными рабочими (7). Убирали хлеба с помощью найма и родственников. Земский начальник ходатайствовал по возможным благотворительным адресам о денежной помощи. Председатель уездного земства прислал 100 руб. и отдельно по 75 руб. — Владыкинскому, Курганскому и Урусовскому волостным попечительствам (8).

Хвалынский уезд

Земский начальник рекомендовал обществам помогать семьям призванных, не дожидаясь земской поддержки. Сходы указывали беднейшие семьи и способы помощи: или силами родни, или по назначению общества. Более зажиточные семьи были записа-

ны на жнейки, выдаваемые земством. Лишь богатым не помогали, но и у них было право записываться на жнейки после нуждающихся. Для Чернозатонской и Федоровской волостей куплены три жнейки на частные средства для той же цели. Немного денег солдаткам давала уездная Елизаветинская комиссия (1). Уборка прошла успешно, частью — земскими жнейками. Одна жнейка работала в Селитьбенской, по две — в Акатномазинской, Самодуровской и Широкуберакской волостях. В Апалихинской волости из-за полного неурожая население разошлось на заработки. Общественная помощь также применялась. Земство и все благотворительные учреждения обследовали степень нужды семей призванных. По каждой волости составлены списки с указанием, какая часть посева будет убрана земскими жнейками; остальное — самостоятельно или помощью (2). Помогали родня и общества. Земство предоставляло жнейки по наименьшей стоимости работ (5). Помощь оказывали родственники (6).

Царицынский уезд

Убирали сами семьи, при помощи родни и общества. У тех, кто не имеет ни работников, ни родни, работали также добровольцы — учащиеся со своими орудиями. Земство отпускало косилки и молотилки (1, 2). Особых затруднений не наблюдалось. Земский начальник просил 300 военнопленных, получил 96, но их труд оказался продуктивен. Земство отпустило около 3000 руб. на наем косарей и уборку, а также выделило 12 жнеек для бесплатного пользования семьям призванных. Распределяли помощь земский начальник, волостные попечительства и земский агроном (3). Земство своими жнейками и рабочей силой обслужило 394 десятины с расходом на найм около 1100 руб. по Александровской и Ольховской волостям (4).

Четыре волости осмотрел Царицынский исправник. Он отметил, что несправляющимся семьям запасных помогают соседи и знакомые — скотом, машинами или личным трудом. В Ивановской волости работали дружины учащихся средних учебных заведений Царицына (в самом Ивановском — 35 человек). Руководили дружинами агрономы, скот давали крестьяне. Земство разослало священникам деньги — для наиболее нуждающихся в помощи. Поля запасных убирались охотно и старательно. Крестьяне опасались за предстоящий посев, семьи призванных его вряд ли способны были осилить: или рук нет, или скот распродан, так как некому ухаживать.

Общая картина помощи по губернии представлена в табл. 1. Следует иметь в виду, что формализация докладов земских начальников неизбежно дает серьезные погрешности. Так, земская помощь неоднократно выделялась после прямых обращений тех же земских начальников, то есть не была инициативной. Многие мероприятия по поддержке семей проводили комитеты или попечительства как с земским, так и частным и правительственным присутствием. Отмеченный вид поддержки мог наличествовать, но не иметь решающего значения. Денежная помощь могла быть как безвозмездной, так и в виде льготной ссуды. Тем не менее таблица демонстрирует присутствие помощи от разных агентов, а также то, что наиболее близким и массовым видом таковой была помощь в виде работ со стороны односельчан.

Таблица 1

Виды помощи семьям крестьян, призванных в армию, в Саратовской губернии в 1915 г. по сведениям земских начальников (указаны номера земских участков)

Уезды	Трудовая помощь односельчан	Частная инициатива, попечительства, Красный Крест	Помощь земства деньгами, в том числе ссуды	Помощь земства машинами	Помощь земства военнопленными
Аткарский	все	7	1, 4, 9	–	8
Балашовский	все	3, 6	–	7, 11	3, 6
Вольский	все	1	6	–	–
Камышинский	все	–	6, 7	–	–
Кузнецкий	все	1	–	1, 2, 6	–
Петровский	все	8	–	–	–
Саратовский	все	7	2, 4, 6, 7	1	7
Сердобский	все	–	1, 2, 8	–	4, 5, 6
Хвалынский	все	1	–	2, 5	–
Царицынский	все	1, 2	–	1, 2, 3, 4	3

Таким образом, помощь семьям призванных оказывалась по следующим направлениям: трудовой вклад односельчан, возмездный или безвозмездный, помощь земства, участие военнопленных, коими распоряжалось также земство, участие специально созданных волостных попечительств, участие учеников средних учебных заведений, наконец, частная инициатива. При этом без массового участия односельчан проблема нехватки рабочих рук была нерешаемой.

Можно было бы ожидать наиболее деятельного и умелого участия со стороны мощной и разветвленной структуры местного самоуправления — земства. Однако это не так или, по крайней мере, далеко не везде так. Земства охотнее раздают на руки деньги, чем проявляют инициативу, например, в деле обеспечения деревни, потерявшей рабочие руки, уборочной техникой. Земства нередко стремились специализировать помощь, дабы не дублировать правительственную поддержку, создавали органы с включением государственных служащих. Так, сердобский уездный земский комитет по оказанию помощи раненым и семействам призванных на войну имел в своем составе, помимо членов управы и ряда гласных, уездного предводителя дворянства, городского голову, священника, уездного и санитарного врачей. За год комитет провел 22 заседания, на которые приглашались земские начальники, представители земских и волостных попечительств. Они делали доклады о нуждах семей призванных, обсуждали соответствующие вопросы в пределах своей территориальной компетенции. Комитет организовал участковые земские попечительства и разработал для них инструкцию.

Комитет руководствовался следующим соображением: помогать прежде всего тем, кто по каким-либо причинам лишен правительственной помощи или не может ею довольствоваться. В частности, такой незащищенной категорией оказывались родственники — иждивенцы призванного, которым не полагалось казенного пособия (дяди, племянники, тесть, теща). Для крестьянского большинства, как считалось, казенный паек обеспечивал пропитание, и помощь земство сосредотачивало на иных нуждах: обработке полей, уборке, строительстве после пожара и т. п. В 1915 г. на продовольственную помощь было израсходовано более 7000 руб., на обсеменение полей — 3600, на уборку хлебов — 2500 руб. (числа округлены). Характерно, что на 1916 г. был запланирован большой — более 5000 руб. — расход на приобретение жатвенных машин¹. Отметим любопытный нюанс. В событиях 1905 г. отличился прежде всего обширный черноземный Балашовский уезд, а также Аткарский. Балашовское земство было эсеровским, политически активным, и уезд обоснованно считался эсеровским гнездом. В части же обеспечения семей призванных политизированное балашовское земство, как и соседнее аткарское, не выглядит пионером и новатором. Хотя по части, например, использования военно-

пленных балашовское земство разработало целую систему¹. Стоит помнить также, что весьма значительную часть земского бюджета составляли правительственные субсидии².

Участие экономий в помощи крестьянам отмечено только единожды, в Вольском уезде. Зато это участие вполне эффективное — помощь жатвенными машинами. Здесь же успешно работали ученики сельскохозяйственного училища. Частная инициатива помощи отмечена и в Хвалынском уезде. На всю губернию — весьма скромно.

Формы крестьянской взаимопомощи были довольно разнообразны. Солдатки и мужчины-односельчане обменивались трудовыми услугами; участвовали подростки; помощь, как можно понять, достаточно дружно оказывалась односельчанами в выходные и праздничные дни. При этом абсолютно господствовал трезво-функциональный подход. Начисто отвергались огульные обязательства, в приговорах скрупулезно перечислялись нуждающиеся, в помощь наряжались, как правило, родственники. Напротив, местные власти оказались в плену своего рода «административного славянофильства». Один земский начальник даже разослал

¹ Вопрос об использовании военнопленных обсудило уездное агрономическое совещание, которое постановило довольствовать военнопленных по нормам обычного работника; для использования в крестьянских хозяйствах были признаны уместными артели из пленных. Потребности уезда оценивались в 7500 военнопленных, из расчета: 2000 для экономий, 500 для мелких единоличных владельцев и 5000 — по волостям для крестьянского населения. Истребовать пленных решили с конца мая, когда начинаются покос и пахотные работы, на срок не менее трех месяцев. В каждой волости предполагался уполномоченный уездной земской управы из числа членов попечительств Красного креста, Земского союза и волостных, правлений кооперативов с жалованьем в размере 60 руб. в месяц. Для надзора над работающими пленными вводился институт сторожей-десятников в помощь полиции. Один такой персонаж предполагался не более как на 25 пленных. Сторож получал 30 руб. жалованья. Для облегчения надзора принято было отправлять пленных в экономию или село партиями не менее как из 10 человек. Гласный Н. А. Салов заявил, что следует принимать пленных, даже если их дадут всего в пределах 1000 человек на уезд (об этом шла речь на губернском совещании), ибо «уже и теперь некоторые землевладельцы, ничего не дожидаясь, начинают приглашать к себе военнообязанных» (то есть подданных вражеских государств, проживавших в России, по-современному выражаясь — интернированных). Балашовское земство выработало специальный регламент — «проект правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы». См.: Журнал и доклады Балашовской уездной земской управы экстренному Балашовскому уездному земскому собранию, бывшему 15 февраля 1915 г. Балашов, 1915. С. 3, 6–7, 22–25, 26–28.

² На 1914 г. на правительственную агрономическую помощь в Саратовской губернии выделялось 263443 руб. и по дополнительной смете — еще 21100 руб. В пособие земствам выделялось 98332 руб. См.: Журнал Особого агрономического совещания при Саратовской губернской землеустроительной комиссии 8 июня 1913 г. Саратов, 1913. С. 21, 22, 15.

¹ См.: Журналы Сердобского 50-го очередного уездного земского собрания 30 сентября, 1 и 2 октября 1915 г. (23-го по закону 12 июня 1890 г.) и чрезвычайных собраний 29 апреля и 22 декабря 1915 г. Сердобск, 1916. С. 191–196.

волостным правлениям копию статьи «Возрождение “толоки”» («Новое время» № 14122 от 5 (18) июля 1915 г.) с предписанием объявить ее на ближайших сходах. Надежда была, что сходы захотят помочь, однако же «без водки». «Толока» или «помочи», если и возрождались, то без ностальгического пафоса, в наиболее функциональном варианте для крестьянского сообщества. В помощи не отказывали, но малейшее подозрение на иждивенческие мотивы семей призванных встречало отпор.

Показательно, что машины, жатки или жнейки достаточно привычны в деревне, многие крестьяне их приобретали, пользовались прокатными. Прокатные станции открывались в губернии весьма быстрыми темпами. Так, на 1913 г. по правительственной линии планировалось открыть 16 новых прокатных станций в шести уездах, на 1914-й — еще 15 в восьми уездах, с доведением общего числа таковых до 72. И правительственная, и земская агрономическая организация переходила от уездного к участковому (районному) типу¹.

Привлеченные материалы показывают, что культурного или технического барьера при использовании машин не ощущалось. Действительно, Саратовская губерния уже на 1910 г. числила около 19500 жнеек в крестьянских руках, уступая по этому показателю лишь пяти губерниям Южного Степного края, а также Самарской и Оренбургской². Помощь машинами оказывалась наиболее эффективной в условиях ухода рабочих рук. Закупка и производство машин в достаточно развитой земледельческой губернии ослабляли как раз самую сложную проблему России в условиях войны — слабую механизацию труда. Отток рабочих рук тяжело бил по русскому хозяйству именно по этой причине. Вероятно, акцентировка внимания и правительственных, и общественных инстанций на этом аспекте поддержки могла бы сделать помощь семьям более действенной.

Крестьяне вполне освоили правовое поле, по меньшей мере, на уровне волостного суда. Солдатки грозили судом и подавали иски при нерадивости односельчан. Похоже, что данное обстоятельство было немаловажным при упорном нежелании сельских обществ давать безусловные письменные обязательства о помощи.

¹ См.: Журнал Особого агрономического совещания при Саратовской губернской землеустроительной комиссии 24 мая 1912 г. Саратов, 1912. С. 13, 16, 19; Журнал Особого агрономического совещания при Саратовской губернской землеустроительной комиссии 8 июня 1913 г. Саратов, 1913. С. 19, 29, 30.

² См.: Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995. Раздел 5.3. Табл. 15. Почти столько же — 17580 — имелось и молотилок в крестьянских хозяйствах губернии; большим количеством располагали только Ярославская, Пермская и Вятская губернии.

Сам отказ выдать протокол о помощи совершенно не означал, что помощи никому не окажут.

После описанных событий на первое место в настроениях населения вышла «дороговизна» — рост цен и обесценивание денег. Недовольство спекулянтами стало прорываться в разгромных эксцессах, были такие и в Саратовской губернии (Posadskii, 2002). Сами крестьяне тоже были захвачены азартом спекуляции и «деловым» настроением¹. В частности, чрезвычайно росли цены на рабочие руки. Летом же 1915 г., при весьма напряженной ситуации, преобладает еще вполне дельный, безрефлексивный настрой крестьян. Они здраво и успешно преодолевают экстремальную ситуацию. Помощь им поступает с разных сторон, в том числе со стороны новых организаций, созданных после начала войны. Это волостные и частные попечительства, различные комитеты уездного и — нового — районного уровня. Более эффективная поддержка, большая инициатива землевладельческих и общественных кругов в деле помощи крестьянам могли бы, вероятно, существенно снизить напряжение в деревне и сузить пространство завышенных ожиданий от черного передела и т. п., что связывалось со сменой власти и открыло, два года спустя, дорогу революции.

Список литературы

1. Посадский А. В. (2000). Диалектика общинного и индивидуального на пределе экстенсивного развития // Социс. № 4. С. 83–92.
2. Посадский А. В. (1999). Потенциал и тормоз реформы: Саратовская губерния // Правда Столыпина. Альманах. Вып. 1. Саратов: «Соотечественник». С. 253–264.
3. Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. (2005). Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. Т. 3. № 2. С. 147–162.
4. Posadskii A. V. (2002). The First World War: A Russian National Perspective July 1914 to February 1917 (Materials from Saratov Province) // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 15. March. No. 1. P. 57–90.

¹ Показательный пример деревенских настроений предреволюционных недель февраля 1917 г. (на материале Донской области) см. в очерке Ф. Д. Крюкова «В сугробах»: Крюков Ф. Д. На Германской войне. На фронте и в тылу. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 528–543. (Первая публикация: Русские ведомости. 1917. 1, 10, 16, 22 февраля.)

Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге

Аннотация. Статья, восстанавливая во многом неизвестную и забытую страницу истории отечественной кооперации, посвящена деятельности Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Рассматривается процесс зарождения и развития кооперативной научно-образовательной школы русского зарубежья. В основу статьи положены материалы Государственного архива Российской Федерации (Русский зарубежный исторический архив, фонд 5938).

Ключевые слова: сельскохозяйственная кооперация; научно-образовательная школа; русское зарубежье.

Вынужденная эмиграция русских ученых после 1917 г. не прервала многообразной научно-образовательной деятельности отечественных исследователей, продолжавших изучение российской действительности. Как отмечал один из историков русского зарубежья С. П. Постников, «имея в своем составе много ученых и вообще образованных людей, эмиграция развила большую культурную работу. Во всех странах были организованы Русские академические группы. Число ученых в 20-х гг. превышало 500 человек (среди них 5 академиков, 140 профессоров университетов и высших учебных заведений и более 300 научных работников), а за 35 лет на научном поприще, по расчету П. Е. Ковалевского, трудились не менее тысячи русских научных работников. Силами этих ученых и при материальной поддержке правительств славянских государств и меценатов были созданы многочисленные русские Высшие учебные заведения и ученые общества» (Политика, идеология, быт и труды русской эмиграции, 1993: 5).

В 1920-х гг. Прага стала основным центром научной мысли русской эмиграции. В столице Чехословацкой Республики были учреждены Русский юридический факультет, Русский педагогический институт им. Я. А. Коменского, Русский институт коммерческих знаний, Русское высшее училище техников путей сообщения, Русский народный университет, Кондаковский институт, Экономический кабинет профессора С. Н. Прокоповича, Зоологический семинар, Философское общество, Общество им. Ф. М. Достоевского,

Научно-исследовательское объединение, Русское историческое общество, другие научные учреждения, в том числе Русский институт сельскохозяйственной кооперации.

Мысль организовать Кооперативный центр в области научно-образовательной деятельности, подготовки деятелей русской кооперации возникла у группы кооператоров, оказавшихся по разным причинам в вынужденной эмиграции, но продолжавших служить делу, которому отдавали свои силы и знания в России. Идея нашла свое воплощение 18–20 мая 1921 г. в Праге во время Всеславянского кооперативного съезда, созванного Чешской Земледельческой Еднотой (Центральный Союз сельскохозяйственных кооперативов). На особом совещании русских кооператоров (представители Московского народного банка — А. Н. Анцыферов, Х. В. Автономов; представители Сельскосоюза — И. В. Емельянов, С. В. Маракуев, В. М. Бензин, представители Союзов артелей смолокуров, лесорубов и пр.) было принято два важных решения: 1) устроить годичные курсы для русских кооператоров, 2) организовать кооперативное издательство¹.

В отличие от так и несостоявшегося учреждения кооперативного издательства, требовавшего крупных финансовых вложений и устойчивого спроса на специфическую издательскую продукцию, кооперативное образование сразу пустило свои корни. Его организаторы понимали, что кооперативная работа, широко развернувшаяся в России в предшествующие два десятка лет, под влиянием политики большевиков, стремившихся переменить основы социально-экономического и политического строя, сильно расстроена. Некоторые ветви кооперативного движения, например кредитная и сельскохозяйственная, были совершенно уничтожены декретами советской власти. Другие виды, сохранившие старые названия, утратили свою кооперативную сущность и обратились в распределительные органы советского государства, как, например, потребительская кооперация. Многие работники кооперации или оказались в эмиграции, или, в силу материальной нужды, занялись в России деятельностью, не имеющей ничего общего с кооперацией. Немало видных кооперативных работников погибли во время Гражданской войны и последовавшего затем террора. Наконец, нельзя было не считаться и с тем, что кооперативная идеология под влиянием огосударствления экономики и общественной жизни в России испытала значительные перемены, а принципы старой кооперации утратили свою прежнюю непререкаемую цен-

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6532. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.

ность, уступив место новым взглядам, новым течениям, следуя которым практические деятели далеко отделились от основных целей и идеалов кооперации.

Поэтому требовалась подготовка специалистов, которые со временем должны были посвятить себя деятельности в области сельскохозяйственной кооперации в России. Предполагалось, что на их Родине, которая со временем освободится от большевиков, они должны будут стать организаторами и руководителями кооперативных учреждений, для развития которых в России имелись особо благоприятные бытовые и экономические условия: многочисленное крестьянское население, низкий уровень сельскохозяйственной культуры и техники, раздробленность хозяйств, требующих объединения их в кооперативные учреждения.

Исходя из этого учредители образовательных курсов поставили перед собой задачи: собрать как можно больше старых кооперативных работников, рассеянных в разных странах Европы; обновить их знания в области экономики, кооперации, права и техники сельского хозяйства; дать им возможность временно жить на средства вспомоществования; сплотить группу единомышленников, сильную кооперативной солидарностью и готовую к взаимопомощи; укрепить их кооперативную идеологию, показать перспективы будущего и вдохнуть веру в их достижимость.

Намерения эти встретили поддержку и сочувствие, как в кругах чешского общества и лично у главы Чехословацкой Республики Томаша Масарика, так и среди русской эмиграции и тех кооперативных учреждений, которые сохранили за границей свои офисы и некоторые денежные средства. Эти средства и позволили организаторам разработать положения о курсах, сметы, выработать программы преподавания и создать небольшой административный аппарат, приступивший к работе по консолидации русских кооператоров из разных стран и отбору прочих лиц, пригодных для зачисления к обучению. Одновременно эта администрация договаривалась с рядом выдающихся русских ученых и кооператоров о привлечении их к чтению лекций и руководству практическими работами слушателей.

С курсов повелся отсчет деятельности Института как высшей кооперативной школы и научного учреждения, собирающего ученые силы для разработки многих неясных вопросов теории кооперации. Его организаторы руководствовались следующими идеологическими положениями. «Русский Институт Сельскохозяйственной Кооперации в Праге учрежден группой русских кооператоров-эмигрантов. Вдали от родины они продолжали за границей служить тому делу, которому отдавали свои силы и знания в России. Они

поставили себе две цели: 1) распространить кооперативные знания среди русских эмигрантов в Европе и 2) сохранить и углубить ту идеологию кооперативной работы, которую они руководствовались в своей прежней деятельности. Последнее почиталось тем более необходимым, что коммунистическая партия, правящая в России, в своем стремлении переменить все основы экономического и политического строя уничтожила совершенно одни кооперативные организации (кооперативы сельскохозяйственные и кредитные) и извратила другие (потребительские), сделав из них государственные органы распределения продуктов.

Учредители Института полагали в основу своего понимания кооперации следующие принципы: 1) кооперация есть свободная экономическая ассоциация граждан, и принудительное использование ее государством для его надобностей искажает природу этой ассоциации; 2) кооперация есть экономическая категория *suì generis*, имеющая свои ясно определенные задачи и строго очерченную сферу деятельности, и потому она отнюдь не должна рассматриваться, как мост, по которому человечество из современного нам экономического строя должно быть переведено в строй социалистический; 3) крупнейшие достижения кооперации лежат в области применения ее форм к производственным процессам в сельском хозяйстве и потому, несмотря на чинимые над сельскохозяйственной кооперацией в России и после ее восстановления в 1922 г. насилия и извращения ее сущности, она возродится и еще сыграет исключительно важную роль в деле экономического восстановления России; во всех прочих странах, где земледелие является основой благосостояния народа, сельскохозяйственная кооперация имеет и будет всегда иметь важное значение»¹.

К 1 сентября 1921 г. были созданы: 1) Попечительский совет, состоящий из видных чешских и русских общественных деятелей, задачей которого являлось изыскание средств для проведения обучения и выполнение представительских функций; 2) Административный комитет, в круг обязанностей которого входили все административно-хозяйственные действия (канцелярия, финансы, обеспечение визами, устройство общежитий, приобретение учебных пособий, снабжение слушателей бельем и одеждой, организация экскурсий и т. п.); 3) Академический совет, руководящий научно-образовательной работой курсов.

Подбор слушателей, вывезенных из Сербии, Болгарии, Турции (Константинополя), отчасти принятых из числа русских, прожива-

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

ющих в Праге, оказался достаточно удачным и облегчил осуществление намеченной программы. Проблема с обеспечением помещений на месяц отодвинула начало занятий, которые начались 2 октября и закончились 18 мая 1922 г.

Из принятых 62 человек в мае 1922 г. курсы закончили 57. Среди них преобладали уроженцы казачьих областей (Войска Донского — 24, Кубанского — 17, Терского — 10), так как казачество составляло основу русской эмиграции, которая поступала с юга, с портов Черного и Азовского морей. Среди слушателей насчитывалось 14 человек с высшим образованием, со средним образованием — 16 человек, со специальным образованием (учителя, агрономы и т. п.) — 27 человек. Возрастное деление выглядело так: от 20 до 25 лет — 11 человек, от 25 до 30 — 18 человек, от 30 до 40 — 20 человек, от 40 до 50 — 3 человека. По профессиям слушатели распределялись на три основные группы: кооператоры — 20 человек, учителя — 16, агрономы и сельские хозяева, земледельцы — 21.

Учебные занятия шли по 28 часов в неделю. Было прочитано 723 лекции, в том числе по сельскому хозяйству — 194, по экономическим наукам 175, по кооперации — 115. Слушатели на практике ознакомились с положением земледельческих промыслов, сельского хозяйства и с состоянием кооперативной работы в Чехословакии, совершили несколько учебных экскурсий на заводы, выставки, в музеи и т. п. По окончании курсов слушатели экзаменовались, и 47 из них получили диплом на звание Инструктора сельскохозяйственной кооперации.

Для содержания курсов потребовалось 345700 крон, из них оплата лекций профессоров — 37250 крон. В среднем на каждого выпускника было израсходовано 816 крон в месяц. Доля учебных расходов в общей сумме затрат составила 13,5 %, организационно-административных — 7,5 % и содержание слушателей — 79 %. Для покрытия расходов были получены средства из различных источников, самые крупные из них: ассигнование Лондонского Комитета русских кооперативных организаций — 141000 крон, пожертвования Земского комитета помощи земледельцам — 30000 крон, ассигнование МИД Чехословакии — 53460 крон.

Множество заявлений, поступивших от лиц, желающих получить научно-образовательную подготовку для кооперативной деятельности, показали жизненную целесообразность начатого дела. Все это побудило Административный комитет Русских кооперативных и сельскохозяйственных курсов на своем заседании 28 декабря 1921 г. принять решение «приступить немедленно к осуществлению проекта об учреждении в Праге Института сель-

скохозяйственной кооперации, постоянно действующего и имеющего флаг Русской кооперации»¹.

В Положении о Русском институте сельскохозяйственной кооперации в Праге говорилось: «§ 1. Русский Институт Сельскохозяйственной Кооперации в Праге есть высшее специальное учебное заведение с двухгодичным курсом, имеющее целью подготовку деятелей сельскохозяйственной кооперации в России и разработку вопросов теории, истории и практики кооперативного движения. § 2. Институт учрежден следующими лицами: профессором А. Н. Анцыферовым, Х. В. Автономовым, А. Г. Винничуком, И. В. Емельяновым, С. В. Маракуевым, В. П. Родионовым и профессором К. Г. Шиндлером»².

Таким образом, Русский институт сельскохозяйственной кооперации (далее — РИСХК), открывшийся в Праге в 1921 г. сначала в виде учебного заведения с годичным курсом, в 1922 г. развернул свой учебный план на два года до 1200 часов, в 1923 г. — до 1800 часов. Институт располагался по адресу Прага, Винограды, отель «Beranek»³.

Уже в начале 1922 г. после конкурсных испытаний состоялся новый прием 61 действительного слушателя и 10 вольноопределяющихся. Учебные занятия, начавшиеся 24 апреля, обеспечивались все еще средствами Московского народного банка. Но продолжение деятельности Института стало возможным лишь благодаря помощи чехословацкого правительства, которое благожелательно отнеслось к делу русских эмигрантов и, начиная с 1922 г., стало отпускать достаточные суммы на содержание учреждения, включая оплату преподавателям и стипендии слушателям. Не взималось никакой платы за право обучения. Зачисленные в Институт действительные слушатели получали стипендии, специально назначенные МИД Чехословакии в размере 660 крон ежемесячно. Помимо этого МИД помогал всем студентам в обеспечении полным комплектом одежды, приобретении учебных пособий и пр.

Персональный состав учащихся постепенно изменялся, потому что с каждым годом в нем меньше состояло лиц с практической кооперативной подготовкой, но появлялось больше молодежи, окончивших общеобразовательную среднюю школу и стремившихся к высшему образованию. Вследствие этого продолжительность обучения увеличилась до трех лет (с 1924), и в 1925 г.

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Ф. 6532. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 36.

Институт стал нормальной высшей специальной школой с 6-местровым курсом. В него принимались только лица с законченным средним образованием, педагогический персонал обладал высшей научной квалификацией; сформировалась специальная библиотека, были организованы семинары для углубленной разработки кооперативных и аграрных проблем в строго научной их постановке. Институт издавал свои научные «Записки», в которых сотрудничали помимо его профессоров другие лучшие научные силы русской эмиграции. Привлекались также кооперативные деятели других стран Европы, статьи которых помещались в русском переводе.

За пять лет своего существования РИСХК издал ряд учебных пособий, согласованных с программами преподавания. В нем обучался 631 слушатель, из которых 367 человек завершили курс обучения. Женщины составляли четвертую часть слушателей.

По состоянию на 28 декабря 1925 г. в числе слушателей РИСХК насчитывалось:

	Стипендиатов	Нестипендиатов	Всего
На 1 курсе	35	44	79
На 2 курсе	45	11	56
На 3 курсе	61	23	84
Всего	141	78	219

Внимание к Институту проявляли не только русские, но и лица других национальностей, желающие получить образование. В 1926 г. обучались кроме 174 русских 23 болгарина, 5 сербов, чехов и словаков — 5, других национальностей (литовцев, румын, эстонцев и др.) — 15 человек. Это свидетельствует о том, что РИСХК обслуживал не одни только нужды русской эмиграции, но имел самостоятельное значение как высшая школа, востребованная европейской кооперацией.

В «Обзрении преподавания в Русском Институте Сельскохозяйственной Кооперации в Праге» за 1925 г. отмечалось, что «Цель Института — подготовить деятелей русской земледельческой кооперации для того, быть может, недалекого будущего, когда Россия твердо станет на путь обновления и возрождения своего хозяйства. Учредители Института уверены, что в процессе восстановления экономической жизни крупная роль должна принадлежать кооперации, т. е. организованной взаимопомощи и сложению индивидуальных хозяйственных усилий в целях достижения наивысшего экономического эффекта. В учебном плане Института, каким он

стал после длительной и тщательной переработки, значительное внимание уделено наукам сельскохозяйственным и юридическим. Институт не берет на себя задачи подготовить специалистов агрономов, но агрономические науки включены в учебный план, потому что деятели кооперации, работающие над улучшением крестьянского земледельческого хозяйства, должны знать его формы, условия в которых оно развивается и пути, ведущие его к экономическому прогрессу.

Русская деревня, являющаяся ареной деятельности кооперативных работников, никогда не была воспитана в идеях права и законности. Послереволюционный период русской истории еще более укрепил бесправие и произвол, проникшие во все отрасли хозяйства и общественной жизни крестьянства. Поэтому в высшей степени необходимо, чтобы будущие деятели сельскохозяйственной кооперации, которые должны будут вступить в тесное общение с крестьянской деревней, сами должны быть вооружены достаточными юридическими знаниями и укреплялись в понятиях законности и государственного правового порядка. Институт полагает, что лица, получившие подготовку в его стенах, приобретут не только теоретические и практические познания в области предстоящей им деятельности, но и усвоят твердую веру в кооперацию, как в хозяйственный метод и могущественный моральный фактор, оздоравливающий человеческие отношения и созидующий прочное общество, построенное не на вражде и соперничестве, а на солидарности и взаимном организованном сотрудничестве» (Обозрение преподавания, 1925: 3).

Неустанная работа профессорской коллегии и многолетний опыт преподавания позволили создать учебный план и подробные программы каждого курса. Учебный план и программа РИСХК были утверждены Министерством земледелия Чехословацкой Республики в 1925 г. План оказался настолько образцовым, что, например, болгарское правительство при учреждении Кооперативного Института в Софии приняло его за основу своих программ. Постановка преподавания заслужила одобрительные отзывы со стороны инспектирующих РИСХК высокопоставленных лиц (Маракуев, 1925).

Учебный план Института включал в себя 35 предметов, излагаемых на 2664 лекциях, на ряде практических занятий и в 5 специальных семинарах, где под руководством профессоров РИСХК научно исследовались вопросы теории и истории кооперации, эволюции аграрного движения. Преподаваемые науки объединялись в пять основных групп: науки вспомогательные, преподаваемые в объеме, необходимом для усвоения основных дисциплин агроно-

мических (567 лекций); науки агрономические (462 лекции); науки юридические (336 лекций); науки экономические (516 лекций); науки кооперативные (774 часа).

Помимо перечисленных предметов для слушателей были организованы курсы чешского, французского, немецкого и английского языков, а для слушателей-иностранцев — курсы русского языка, что облегчало им прослушивание лекций.

Цикл кооперативных наук открывал курс «История кооперативного движения», который рассматривал хозяйственную деятельность, а вместе с ней и кооперацию, в известном смысле слова, от самых истоков человечества до современности. «История» увязывала развитие капитализма и возникновение современной кооперации. Разбирались первые потребительские общества в Великобритании и общества, учрежденные последователями Роберта Оуэна. Выяснялся феномен потребительского общества в Рочделе. Подробный обзор возникновения и развития различных кооперативных организаций охватывал множество европейских стран (Франция, Германия, Дания, Ирландия, Италия, Чехия, Польша, Югославия, Болгария). Не была обойдена вниманием история возникновения и развития союзов, в том числе МКА. Анализировалась эпопея отношений между государством, местным самоуправлением и кооперацией, а также отношения между производственной и потребительской кооперацией. Давалась поэтапная ретроспектива кооперации в России: от середины 1860-х гг. до издания нормального устава потребительских обществ, второй этап — до мировой войны, третий этап — до издания закона 1917 г., четвертый этап — советская кооперация.

«Теория кооперации» рассматривала кооперативные направления или школы начиная от зачатков кооперативного учения у Шарля Фурье, Роберта Оуэна, Филиппа Бюше, Луи Блана и заканчивая коммунистическим направлением кооперации, выявляла отличия и сходства кооперативизма с христианством, анархизмом и социализмом. Здесь анализировались принципы рочдельских пионеров, изучалась школа английских христианских социалистов, Нимская школа во Франции. Подробно разбирались взгляды теоретиков кооперации Германии, Швейцарии, Франции, Англии, США, Бельгии. Подчеркивалось отсутствие общепринятой теории кооперации, давался анализ различных определений понятия кооперации, а также классификация и терминология кооперации.

К преподаванию, которое велось на русском языке, привлекались до 30 русских профессоров, преподававших в русских высших школах, и среди них — все лучшие русские теоретики кооперации:

Анцыферов А.Н. — статистика и политическая экономия, Тотомианц В.Ф. — история кооперации, Емельянов И.В. — введение в изучение земледелия и т.д.

Совет постановил установить должности постоянных преподавателей в Институте с окладом жалованья в 1600 крон в месяц (при условии прочтения в месяц обязательных лекций в количестве 16 часов). Утвердить на должностях постоянных преподавателей следующих лиц: профессора А.Н. Челинцева (в 1925 г. он выехал в СССР) на кафедре сельскохозяйственной экономики, профессора И.В. Емельянова на кафедре сельскохозяйственной кооперации, профессора К.Е. Храневича на кафедре кооперативного кредита, лектора А.А. Рышкина на кафедре сельского хозяйства.

В конце каждого семестра проводились испытания в знании прослушанных и завершенных курсов. В зависимости от числа полученных удовлетворительных и весьма удовлетворительных экзаменационных баллов присуждались дипломы 1-й или 2-й степени. К дипломным работам предъявлялись весьма серьезные требования: дипломное сочинение представляло собой самостоятельное исследование какого-либо частного вопроса кооперации, но тема предварительно одобрялась Учебной коллегией. Написание дипломной работы слушателю отводилось два месяца по окончании последних испытаний.

Институт смог собрать значительную библиотеку, насчитывавшую до 7000 томов, среди которых с достаточной полнотой была представлена русская и иностранная литература по кооперации, экономике и сельскому хозяйству¹.

Очень активно велась исследовательская деятельность преподавательского состава. Так, только в первые два года существования Института были подготовлены работы: А.Н. Анцыферова — «Революция и русское земледелие», Д.Н. Иванцова — «К вопросу о природе кооперации», И.В. Емельянова — «Кооперативные организации среди земледельцев», В.Ф. Тотомианца — «Кооперация в России», В.А. Косинского — «Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономический фактор», «Мобилизация земельной собственности» и др.

С марта 1924 г. при Институте началась подготовка к званию и должности доцента слушателей института, окончивших курс обучения. Проходила и защита диссертаций. Так, в 1924 г. И.В. Емельянов защитил диссертацию на степень магистра по теме «Коо-

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 11. Л. 89–90; Как работает Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге // Газета «Венкова». Русский отдел. 1925. 25 октября.

перативная организация среди земледельцев». Официальными оппонентами выступали профессора В.А. Косинский, В.Ф. Тотомианц, В. Брдлик, неофициальными — академик П.Б. Струве, профессора А.Д. Билимович, А.Н. Анцыферов, А.Н. Челинцев, С.Н. Прокопович.

Слушатели, особо успешно окончившие курс и выделившиеся своими знаниями и способностями, имели возможность остаться на 2 года при Институте для подготовки к преподавательской деятельности. При Институте к 1927 г. подготавливались к педагогической деятельности 7 наиболее способных и одаренных слушателей, из которых двое уже были допущены к преподаванию, как завершившие свою подготовку.

Для публикации трудов профессоров Института в период с 1924 по 1929 г. издавались научные сборники «Записки Русского Института Сельскохозяйственной Кооперации» (*Annales de l'Institut Russe de cooperation agricole*), в которых выходили статьи на кооперативные, экономические и агрономические темы и в которых помимо профессоров РИСХК сотрудничали другие лучшие научные силы русской эмиграции, а также привлекались кооперативные деятели других стран Европы, чьи статьи помещались в русском переводе. Было выпущено шесть книг, каждая объемом около 15 п.л. Научная деятельность сотрудников института отражалась не только в научных статьях, обзорах, рецензиях, публикуемых в «Записках Русского Института Сельскохозяйственной Кооперации в Праге», но и на страницах специальных кооперативных журналов, издававшихся на русском языке в Праге — «Хутор» и «Хозяин».

Научно-исследовательская работа в русской кооперативной школе проходила в условиях полной научной свободы. Пути исследовательской мысли не ограничивались никакими требованиями или условиями, так как считались «с двумя переплетающимися друг с другом обстоятельствами: с естественным и законным стремлением дать научное освещение богатому материалу из области кооперативной жизни — с одной стороны и с неустраимой индивидуальностью данной исследовательской силы — с другой» (От редакции, 1926).

Преподаватели института и его слушатели принимали активное участие в организации ежегодной сельскохозяйственной выставки в Праге, где функционировал русский отдел. Причем в 1925 г. отдел был удостоен диплома Чехословацкой Республики.

Таким образом, Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге представлял собой уникальное учреждение кооперативного образования, органично сочетавший теорию и практику, уровень и профили кооперативного образования, и обладавший

всеми атрибутами высшей школы. Действительно, как и во всех вузах, в Институт принимали только лиц с законченным средним образованием; обучение продолжалось три года, как, например, в Высшей торговой школе; учебный план по объему преподаваемых в нем наук сопоставим с учебным планом любого иного вуза, как бывших российских, так и иностранных; преподавание осуществлялось интенсивно, во всяком случае не ниже, чем в других вузах; занятия проходили в течение 9 месяцев в год, при 30 недельных лекциях и, кроме того, практическим занятиям, например, на 2 курсе уделялось 16 часов в неделю; преподавание вели преимущественно лица, имеющие право вузовского преподавания, то есть имевшие ученые звания магистра и доктора или занимавшие штатные профессорские кафедры в российских вузах; использовались те же методы преподавания, как и в других вузах; слушатели за время своего обучения сдавали 33 экзамена и зачета по всем преподаваемым им предметам, причем экзамены принимали комиссии, чем гарантировалась полная объективность оценки познаний экзаменуемых; после сдачи всех экзаменов каждый слушатель представлял письменную работу на утвержденную Учебной комиссией тему.

Слушатели Института получали образование, совершенно адекватное тому, которое предлагал каждый европейский вуз того времени, и потому им надлежало бы пользоваться теми же правами, какие присваивались всем действительным студентам, оканчивающим вузы. Однако предоставление слушателям РИСХК всех прав окончивших высшую школу встретило формальные препятствия. Прежде всего само существование Института и его устав не получили законного утверждения парламентским актом Чехословацкой Республики, и, по-видимому, как учреждение для русских эмигрантов едва ли он мог получить такое утверждение. Во-вторых, предоставление вообще всех прав слушателям Института, как неподданных Чехословакии, едва ли было возможно. Поэтому руководство РИСХК не могло возбуждать по этим вопросам ходатайства, но считало справедливым и целесообразным, чтобы слушатели с успехом окончившие курс, были удостоены дипломов, которые с внешней стороны носили бы законный и официальный вид.

В первый год своего существования РИСХКооперации в Праге обеспечивался средствами, поступившими в основном от русских заграничных кооперативных организаций, из других частных источников, и потому он не обращался за помощью к правительству Чехословацкой Республики. Впоследствии истощение своих средств и увеличившееся число слушателей вынудили учреди-

телей обратиться за материальной поддержкой к Министерству иностранных дел. Поддержка стала оказываться в надлежащих размерах. Так Институт сделался учреждением, зависимым от гуманитарной помощи чехословацкого правительства. Но рассматривать РИСХК как эмигрантское учреждение едва ли правильно, так как значительная часть его учащихся, не меньше 30–35 %, и русские и иностранцы, обращались к нему в основном для того, чтобы подготовиться к предстоящей деятельности, и содержались за свой счет, не получая стипендий.

С 1927 г. чехословацкое правительство начало сворачивать «русскую акцию поддержки», что отразилось и на положении Института, преподаватели которого глубоко сожалели о прекращении полноценной деятельности своей высшей школы, на создание которой было положено столько труда и энергии, затрачено столько материальных средств. Они считали, что сохранение РИСХК было бы весьма полезно и для России, и для других государств, в первую очередь, сельскохозяйственных и славянских стран. Они надеялись, быть может, что уже близко то время, когда Институт мог бы быть перенесен на родину и там продолжал бы свою деятельность, так успешно развившуюся благодаря братской помощи чешского народа. Но и в условиях ожидаемой ликвидации РИСХК доказал свою жизнеспособность и полезность в деле подготовки будущих строителей кооперативного и аграрного движения. К большому сожалению, судьба Института была такой же, как и многих других русских учреждений, основанных в Чехословакии. Из-за недостатка денежных средств научно-образовательная работа сворачивалась, и с 1928 г. Институт существовал формально. Еще некоторое время функционировали заочные кооперативные курсы. Окончательная ликвидация Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге произошла в декабре 1935 г.

Несмотря на все трудности эмигрантской судьбы, русские ученые продолжали исследовать природу и сущность кооперативных организаций, выяснять их специфику, анализировать пути их развития. Прага поддержала в сложное время материально и морально наших соотечественников — исследователей кооперации, творческое наследие которых оказалось важным и ценным даже сегодня, спустя почти сотню лет. Современные потомки, продолжатели научного творчества русских ученых, помнят такую кооперацию и благодарны за такую большую поддержку чешским друзьям и коллегам.

Список литературы

1. *Маракуев С.* (1925). Сельскохозяйственное образование для русских в Чехословакии // *Хозяин*. № 17–18.
2. *Обозрение преподавания в Русском Институте Сельскохозяйственной Кооперации в Праге.* (1925). Прага.
3. *От редакции.* (1926) // *Записки Русского Института Сельскохозяйственной Кооперации в Праге.* Прага.
4. *Политика, идеология, быт и труды русской эмиграции, 1918–1945: Библиография: Из каталогов Библиотеки Русского Зарубежного Исторического Архива.* (1993) / сост. С.П. Постников. New York, Т. 1.

Как удалось Сталину воспрепятствовать «зеленой революции» в России? К вопросу о торможении аграрно-технического прогресса (1927–1941)

Аннотация. В статье делается попытка ответить на вопросы, в чем заключалась суть усилий внедрить аграрно-технический прогресс при переходе к насильственной коллективизации и каковы были долговременные тенденции в изменениях урожайности. Анализируются события насильственной коллективизации, проблемы при введении севооборота (1932–1935), усилия, предпринимаемые с целью наведения порядка в земельных отношениях посредством «передачи земель колхозам “навечно”» (1935–1937). На примере «программы для Нечерноземья» 1935–1936 гг. показан разрыв между теоретическими планами и горькой реальностью. Освещается реакция государства на потерю госзапасов сортового посевного зерна после неурожая 1936 г. и перекладывание партийным руководством ответственности за провал «зеленой революции» и «лучшей жизни» на экспертов. Рассматриваются четвертая попытка «зеленой революции» 1939 г. в связи с работой Бенедиктова, применение жестокого насилия по отношению к аграрным производителям, грандиозные региональные планы по преобразованию природы и их результаты.

Ключевые слова: «зеленая революция», коллективизация, сталинизм, севообороты, аграрная политика.

Большевики-марксисты, совершая переход к «социалистическому» сельскому хозяйству, которое, как они считали, должно осуществляться на крупных предприятиях, ожидали революционных преобразований производительных сил (Merl, 1985b; 1988). Ученые-аграрники работали над первым пятилетним планом для сельского хозяйства, и одновременно в конце 1920-х гг. в стране произошел «хлебный кризис», причину которого Сталин обозначил как «саботаж социалистической системы» из-за «сбоя поставок крестьянами» и использовал в качестве предлога для насильственной коллективизации. Народно-хозяйственное планирование обещало быстрое внедрение в производство знаний аграрных специалистов и тем самым значительный рост урожайности и продуктивности животноводства. Особенно амбициозны

были проекты, позволяющие связать воедино сельскохозяйственное и индустриальное производство в форме агроиндустриальных комбинатов и таким образом преодолеть разрыв в уровне жизни между городом и селом (ср.: Davis, 1974; Merl, 1985a). Споры при этом вызывала не столько сама по себе цель «аграрной модернизации», сколько пути ее достижения. Основная масса интеллигенции, как и партия, была убеждена в том, что пришло время «цивилизовать» и перевоспитать мелких крестьян подобно кочевникам на юго-востоке (Kindler, 2014). Многие эксперты-аграрники — представители организационно-производственной школы — хотели, напротив, приступить к делу с другого конца: вначале изучить интересы и потребности аграрных производителей и поддерживать их в процессе развития их производственных технологий (Bruisch, 2014).

Даже поверхностный взгляд на явные недостатки мелкокрестьянского способа производства (дробность наделов, чересполосица, обилие земли, пропадающей под межниками (граничными бороздами), дальнотемелье, примитивная техника, невежество производителей) наводил на мысль, что достаточно преодолеть некоторые из них — и урожаи вырастут. Сравнение с Западной Европой наглядно показывало, что потенциал здесь был очень высок (Merl, 1993: 17)¹. Решающей предпосылкой для перехода к более интенсивным формам хозяйствования были отмена крепостной зависимости, а также проведение землеустройства — процесс, начавшийся в России лишь со столыпинской реформой 1906 г. Это открыло крестьянам (пусть и с опозданием от Центральной Европы на сто лет) возможности для реализации производственного потенциала. Аграрная модернизация при этом поддерживалась системой сельского самоуправления (земства), а ближе к концу XIX в. возросла роль государственной аграрной администрации. Необходимые специалисты (агрономы, ветеринары, землеустроители и др.) получали подготовку в высших и специальных учебных заведениях (Bruisch, 2014: 73–98; Yaney, 1982). Скачкообразно выросло количество сельских кредитных обществ после того, как российское государство в 1905 г. последовало примеру Пруссии и предоставило им государственные кредитные средства, погашение которых гарантировало с помощью государственных инспекторов. Эти общества ориентировали своих членов на различные меры по улучшению аграрного производства, организовывали получение ресурсов и облегчали крестьянам выход на рынок (Merl, 2008).

¹ Показатели в растениеводстве и животноводстве оставались на уровне, который Германия превзошла еще в конце XVIII в.

С 1890-х гг. все больше крестьян занимались совершенствованием управления своим хозяйством. После столыпинской реформы вырос их спрос на мероприятия по землеустройству в целях консолидации их земельных наделов. Заметно вырос спрос крестьян (прежде всего в юго-восточных регионах) на сельскохозяйственные машины (Merl, 1985a; 1981).

Почему я использую в своей статье термин «зеленая революция», который, как известно, приобрел мировую известность лишь в 1960-е гг.? Дело в том, что он точно соответствует целям и стремлениям Советского Союза в конце 1920-х — начале 1930-х гг. — быстрому росту урожаев за счет комплексного улучшения технологии посева и введения новых, более урожайных сортов. Предполагалось использовать оптимально пригодные для каждого региона семена, систему орошения, химические удобрения и средства защиты растений; за счет внедрения научных достижений планировалось модернизировать методы посева, стабильно повысить урожаи и устранить угрозу неурожая — в мире все это воспринимается как «зеленая революция». Первым государством, которое успешно осуществило ее, считается Мексика, где в начале 1940-х гг. начались совместные работы Фонда Рокфеллера и правительства Мексики. Производство пшеницы и кукурузы должно было стабильно вырасти, что позволило бы преодолеть зависимость от импорта. В течение десяти лет в рамках реализации программы были выведены высокоурожайные короткостебельные сорта пшеницы, которые с 1963 г. выращивались на 95 % всех предназначенных под пшеницу площадей страны. По сравнению с 1944 г. урожайность выросла в шесть раз. Вдохновившись этим успехом, в начале 1960-х гг. к сходному проекту приступило правительство Индии. Усовершенствованные сорта пшеницы и здесь привели к значительному росту производства. Чтобы облегчить производителям адаптацию к новой технологии сева, индийское правительство активно поддержало программу за счет *гарантированных цен*, бесплатного орошения и *значительных субсидий*. Однако «зеленая революция» повлекла за собой также серьезные нежелательные последствия и новые проблемы — в первую очередь, связанные с проектами по орошению¹.

Внешние предпосылки для стабильного повышения эффективности советского сельского хозяйства на рубеже 1920-х — 1930-х гг. были очень хорошими. С начала XX в. значительно выросло число экспертов-аграрников, они успели изучить региональные особен-

ности земледелия и в 1920-х гг. были вполне в состоянии разработать концепции всеобъемлющих реформ (Bruisch, 2014; Merl, 1985a; 1985b; Yaney, 1982). Заметно выросло и число сельских хозяйств, желавших улучшить методы своей деятельности. В 1920-х гг. в процессе реализации политики «Лицом к деревне» к ним добавилось немало зажиточных середняков (Merl, 1981). В данной статье я бы хотел ответить на вопрос, почему страна с блестящими учеными-аграрниками, которые с конца XIX в. занимали в некоторых областях аграрной науки ведущие места в мире, в 1930-е гг. смогла внедрить в практику лишь ничтожно малую часть их знаний. Даже если до 1927 г. меры были направлены на хозяйственную структуру единоличных крестьянских дворов, то эксперты-аграрники стремились к укрупнению производственной структуры благодаря кооперативной организации крестьян (Bruisch, 2014; Чаянов, 2003). В конце 1920-х гг. урожайность в растениеводстве и эффективность в животноводстве по сравнению с Европой оставались очень низкими, меры по их повышению, по логике вещей, должны были привести к оглушительному успеху, но вместо этого в 1930-е гг. урожайность упала еще ниже. Чтобы выявить те факторы, которые перевернули наметившуюся ранее тенденцию, я сформулировал вопрос: как удалось Советскому Союзу при диктатуре Сталина предотвратить «зеленую революцию»? Ответ на этот вопрос прольет свет и на то, почему настоящая «зеленая революция» так и не произошла вплоть до развала Советского Союза и почему даже в поздней фазе брежневской эпохи страна страдала от тяжелых неурожаев.

Конечно, приступать к желанной «зеленой революции» с комплексного изменения аграрной структуры, основанного на насилии, было контрпродуктивным. Резкая замена мелкокрестьянских хозяйств на колхозы и совхозы лишила опоры все достижения, достигнутые прежде при землеустройстве. Вновь нужно было начинать с нуля, но даже это можно делать лишь после укоренения коллективных хозяйств как формы производства. Партийное руководство поначалу игнорировало это, будучи глубоко убеждено, что трактор сам по себе есть решение всех аграрно-технических проблем¹. В действительности дело обстояло наоборот. Землеустройство явилось предпосылкой того, чтобы благодаря внедрению тракторов лучшая обработка полей могла бы принести пользу.

¹ Заместитель наркома земледелия РСФСР, А.И. Муралов, в феврале 1932 г., мудро рассудив, отклонял обе крайности: и то, что нет земледелия без землеустройства, и то, что трактор «делает землеустроителя лишним землемером, потому что сам обеспечит все». См.: Социалистическое землеустройство. 1932. № 1. С. 1.

Чтобы понять, какие именно факторы в Советском Союзе помешали повышению урожайности, нужно ответить на вопросы: почему государство в течение 1930-х гг. предприняло минимум четыре крупных кампании для внедрения агрикультурных мероприятий? Почему все эти попытки провалились настолько явно, что народный комиссар земледелия И.А. Бенедиктов в 1939 г. вынужден был подвести удручающие итоги? Почему приказы партии и правительства по землеустройству и введению севооборотов не исполнялись, и какие неформальные институты вместо этого определяли действия аграрных производителей, ответственных лиц в колхозах и местного партийного и советского аппарата? Почему аграрные производители так надолго потеряли всякий интерес к повышению урожайности? Исследования поведенческих стратегий директоров индустриальных предприятий показали, что они «должны были нарушать закон для того, чтобы выполнить его» (Filtzer, 1986: 109; Merl, 2012; 2007; Berliner, 1957). Государство никогда вовремя не предоставляло предусмотренные планом ресурсы, и для выполнения плана им приходилось задействовать неформальные каналы, но в случае успеха они почитались как герои. Возвращенное Сталиным к жизни в 1930 г. единоначалие на индустриальных предприятиях санкционировало такой подход. Ответственные функционеры в аграрной сфере находились в значительно менее благоприятной ситуации. Партия испытывала глубочайшее недоверие к крестьянам и постоянно вмешивалась в производственный процесс, пытаясь контролировать любую деятельность. Если директора промышленных предприятий могли компенсировать провал командной экономики за счет средств наполняемого государством фонда заработной платы, что и позволяло им давать взятки для получения нужных для производства ресурсов, то в аграрном секторе выплачиваемые государством за аграрную продукцию цены не покрывали даже производственных затрат. Вплоть до своей смерти в 1953 г. Сталин придерживался установки на то, чтобы выкачивать из сельского хозяйства средства на индустриализацию.

Происходившее в Советском Союзе лучше всего соответствует схеме бесконечной катастрофы: передышка — новая катастрофа — новая передышка. За 60 лет (1929–1989) вновь и вновь всё начинали с нуля. Мы сконцентрируемся на многочисленных переломах, которыми режим реагировал на им же вызванные катастрофы. В рассмотренный период времени к ним относились в первую очередь:

- изменение производственной структуры вследствие коллективизации, из-за которой долгое время оставалось неясным, какие земли каким хозяйствам принадлежали;

- голод 1932–1933 гг. в совокупности с падежом рабочего скота ослабил эффективность полевых работ. Его долговременными последствиями были зарастание полей сорняками, снижение качества полевых работ и нарушение оптимальных сроков их проведения;
- введение колхозной системы¹; связанный с ней натуральный налог высчитывался исходя из размеров посевных площадей зерновых и поэтому блокировал переход к разумным севооборотам;
- неурожай 1936 г. привел к новым потерям сортовых семян и надолго похоронил надежду на «лучшую жизнь», обещанную Сталиным. Причиной отсутствия ожидаемой «зеленой революции» он объявил осознанный саботаж со стороны экспертов;
- концентрация сил на производстве вооружений начиная с 1937 г., привела к сокращению поставок тракторов. Горючее для проведения полевых работ стало нормированным, а общая эффективность снизилась;
- хороший урожай 1937 г. пробудил стремление аграрных производителей вернуть себе доходы путем возвращения к персональным формам хозяйствования. Чтобы этого не произошло, партия в 1939 г. сделала ставку на массовое насилие в форме принудительного переселения и изъятия излишков земель из приусадебных участков.

Исходное положение (1927 год) и первый пятилетний план

В 1927 г. были еще отчетливо различимы плоды столыпинской аграрной реформы. Меры по совершенствованию аграрных технологий и землеустройству в 1920-х гг. последовательно продолжали вводиться в жизнь в изначально задуманном виде, то есть ориентировались на частные крестьянские подворья (Merl, 1985a; Yaney, 1982; Bruisch, 2014)². К. Бруиш и Дж. Яни указывают на то, что специалисты-аграрии были в основной массе сторонниками частных крестьянских хозяйств (Yaney, 1982; Bruisch, 2014). Однако не имеет особого смысла слишком сильно акцентироваться на их

¹ Ср. о понятии колхозной системы: Merl, 1990.

² Яни игнорирует разницу между внутрихозяйственным и межхозяйственным землеустройством, поэтому он приходит к преувеличенным оценкам о продвижении землеустройства до 1929 г.

«враждебности» по отношению к большевистским представлениям о социалистическом крупном предприятии, поскольку карликовое мелкокрестьянское предприятие ни в коем случае не было их идеалом. Все ожидали, что крестьяне добровольно объединятся в кооперативы, а некоторые эксперты участвовали в международных дискуссиях об оптимальном размере хозяйств (Merl, 1988; Bruisch, 2014: 211–221). Суть конфликта состояла в том, обязательно ли было убеждать крестьян в необходимости и полезности принимаемых мер или же аграрную модернизацию следовало производить исключительно за счет государственного принуждения. Многие считали, что залог успеха в землеустройстве и введении севооборотов состоит в том, чтобы затронутые ими аграрные производители добровольно высказывались за подобные мероприятия, следили за их соблюдением и видели собственную выгоду в повышении урожаев, ради чего готовы были бы больше работать. Однако большевистские лидеры из сталинского окружения, напротив, не доверяли крестьянам, а позднее — и колхозам. Они полагали, что главные устремления крестьян направлены на саботаж социалистической системы и считали необходимым направлять им детальнейшие предписания как вести полевые работы.

1927 год стал поворотным в аграрной политике. При разработке пятилетнего плана было решено опираться при проведении аграрной модернизации на существующие сельские общины, вместо того, чтобы исходить из запросов отдельных крестьян. Землеустройство сельских общин должно было завершиться с помощью так называемых «упрощенных мер» в течение семи лет, однако при этом систематически, по гнездовому методу охватить этими работами все мелкие регионы. Это означало усиление принципа осуществления работ сверху, но еще не окончательный отказ от предложений экспертов¹. Планы первой пятилетки в окончательной редакции весны 1929 г. предусматривали также, что в долгосрочной перспективе будет преобладать внутринадельное землеустройство. Так, до 1932/33 г. планировалось устранить дальнотерриторию на 68,3 млн гектаров и на 137,9 млн гектаров — чересполосицу. Однако даже оптимальный вариант плана предусматривал землеустройство для колхозов всего на 34,9 млн гектаров и совхозов — на 14 млн гектаров. Землеустройство между деревнями должно было по оптимальному варианту достичь 148,5 млн гектаров (Merl, 1985a: 189; Пятилетний план, 1930: 338). В октябре 1927 г. Центральный Комитет выпустил директивы для нового закона о землепользовании и землеустройстве. Принятый 15 декабря 1928 г.

Закон о землепользовании и землеустройстве ограничил возврат земель при выходе из колхоза, чтобы не нарушать севооборот. Однако из-за противодействия крестьян отказались от положения, согласно которому по решению большинства сельской общины в колхоз должны были входить все ее члены (Merl, 1985a: 180f).

Эти, казалось бы, ограниченные нововведения, осуществлявшиеся с расчетом на дальнейшее существование личных крестьянских хозяйств, на практике были перечеркнуты другими мерами, принимавшимися в то же время. Под давлением Сталина местные исполнители в заготовительной кампании 1927/28 г. активно применяли против крестьян насилие и вдобавок пытались ускорить создание колхозов, используя в качестве рычага землеустройство. Принцип ученых-аграриев о согласовании работ с крестьянами оказался под угрозой. Для совершенствования аграрной технологии государство, таким образом, сделало ставку на применение насилия, существенно расширив объем работ, оно не предоставило в распоряжение хозяйствам дополнительные средства. Высказываемые современниками идеи о финансировании звучали как авантюрные планы. Так, В.М. Молотов перед Ноябрьским пленумом 1929 г. говорил, что финансирование должно осуществляться через экспроприацию крестьян в процессе коллективизации (Ibid.: 391–397)¹. Однако как можно было такими средствами финансировать инвестиции, если крестьянский инвентарь неизбежно утрачивал всякую рыночную стоимость, он не объяснил.

В связи с тем что росла неуверенность в правильности проводимой партией аграрной политики, а следовательно, и беспокойство о будущей структуре сельского хозяйства, в 1928 и 1929 гг. был осуществлен переход к экономным методам землеустройства. На повышении урожайности они, видимо, не сказались вовсе. При так называемом групповом землеустройстве разбивка земель на отдельные дворы не проводилась. Каждым 40–60 дворам отводился земельный массив от 800 до 1200 гектаров, и при этом его не делили на участки под севооборот. Крестьяне должны были сами решать, как им с этим справиться. В конце 1929 г. ЦК приказал быстро завершить коллективизацию: полностью прекратить индивидуальное землеустройство и сосредоточить все силы на сплошной коллективизации. Работы должны были проводиться в упрощенной форме, чтобы их можно было завер-

¹ Милютин // Известия. 1927. 23 ноября. Ср. также: Merl, 1985a: 176–190.

шить еще до начала весеннего сева 1930 г. (Ibid.: 189f). Этот срок из-за нехватки кадров и чрезвычайно малых предоставленных материальных средств был абсолютно нереалистичным. «Однако землеустройство, проведенное зимой 1929/30 г., оказалось одним из наиболее эффективных средств давления в рамках насильственной коллективизации, поскольку крестьяне, видя, что они могут потерять лучшую и нужную для продолжения своего индивидуального хозяйства землю, не могли уклониться от вступления в колхоз» (Ibid.: 213).

Наряду с землеустройством в 1920-х гг. пропагандировались и «простые аграрные мероприятия», такие как очистка и использование улучшенного посевного зерна. Вместе с призывами бороться с вредителями они обещали повысить доходность мелких хозяйств со слабым техническим оснащением при относительно ничтожных государственных затратах. Количество пунктов по очистке зерна выросло в РСФСР между 1925 и 1928 гг. вдвое, а процент очищенного зерна в общей массе посевного — с 6 до 25%. Учитывая эти цифры приказ правительства к весне 1929 г. увеличить долю очищенного зерна до 50% лишен какой бы то ни было связи с реальностью. К тому же «чрезвычайные меры» в хлебозаготовках подорвали доверие крестьян к правительству и затруднили процесс обмена простого зерна на очищенное. Хотя использование чистосортного семенного зерна во второй половине 1920-х гг. заметно выросло, но в посевную кампанию 1928/29 г. им были засеяны всего лишь 8,5% общих посевных площадей (Ibid.: 190–192).

В апреле 1929 г. власти предписали надавить на крестьян с тем, чтобы те придерживались «агроминимума». Осуществлялось это давление через сельские общины. Агроминимум предусматривал использование улучшенного либо сортового посевного зерна, обязательную борьбу с вредителями и сорняками, а также совершенствование обработки почвы и использование удобрений. Партия требовала, чтобы общины, также как индустриальные предприятия, учреждали бы «сельскохозяйственные производственные советы», а для контроля задействовали аграрных уполномоченных. Тому, кто по решению деревенского схода не придерживался агроминимума, грозило изъятие земли (Merl, 1985a: 193–195). Очевидно, партия полагала, что если систематически переносить в деревню принципы организации труда индустриальных предприятий, то крестьяне будут исполнять ее приказы. То, что сначала нужно было создать для этого материальные предпосылки, из партийного сознания вытеснялось. По расчетам того времени предполагалось с помощью агроминимума за короткий срок повысить урожай примерно на 27%. Максимального эффекта ожидали также от исполь-

зования селекционного посевного зерна и борьбы с вредителями: от каждого мероприятия — 10%-ного повышения урожайности¹.

Агроминимум представлял интерес из-за того, что его вполне можно было применить в рамках НЭПа как инструмент для соблюдения единых требований к обработке полей, в ситуации, когда еще не было полностью разрушено доверие крестьян к властям. Он основывался на концепциях, разработанных экспертами-аграрниками для первого пятилетнего плана. Правда, эксперты требовали, чтобы обязательное исполнение агроминимума подкреплялось материально. Представители Народного Комиссариата земледелия (НКЗ) в середине 1929 г. безуспешно протестовали против того, что аграрные уполномоченные не имели в своем распоряжении никаких материальных стимулов, даже не обладали элементарной специальной подготовкой. Партийный подход грубо нарушал концепцию экспертов, по которой государственное принуждение должно было, как минимум, увязываться с материальным стимулированием. Поэтому того эффекта повышения урожайности, на который надеялись, так и не произошло. Тем не менее агроминимум вполне может послужить отправной точкой, чтобы оценить, хотя бы приблизительно, потенциал мелкокрестьянских хозяйств в повышении урожаев в 1930-х гг. Если бы начата в 1920-е гг. и заложенная экспертами в пятилетний план политика была бы продолжена, то к середине 1930-х гг. можно было бы ожидать повышения средней урожайности зерновых приблизительно на 25%, с 8 до минимум 10 центнеров с гектара. Для этого государству не пришлось бы ни вкладывать дорогостоящих инвестиций, ни осуществлять механизацию тягловой силы. Это не слишком похоже на «зеленую революцию», однако по сравнению с 1920-ми гг. позволило бы заметно повысить чистый сбор зерновых². В реальности же в колхозах и совхозах средняя урожайность упала до 7 центнеров. Иными словами, валовой сбор зерновых в случае отсутствия насильственной коллективизации мог бы быть в 1930-х гг. выше реального минимум на 40%, а чистый — даже наполовину³.

Медленное, но постоянное повышение урожайности зерновых началось в 1870-х гг. Можно считать этой же тенденцией и то, что в середине 1920-х гг. урожай с гектара вновь несколько подросли. Постановления партии о том, чтобы в 1929 г. в течение нескольких

¹ Матюхин В. В. К постановлению сессии ЦИК СССР о подъеме урожайности // Пути сельского хозяйства. 1929. № 1. С. 8–19.

² Поскольку вычеты для посева и кормов оставались неизменными, чистый сбор зерновых должен был расти сильнее, чем валовой урожай.

³ Все данные относятся к реально полученному урожаю по расчету «амбарного урожая».

месяцев скачкообразно повысить эти цифры, не имели никакого отношения к реальной жизни. Начиная с 1929 г. все аграрные кампании основывались на государственном насилии при помощи массовой мобилизации в ряды уполномоченных. Производственные задания спускались вниз, вплоть до отдельных деревень, и при этом государство не чувствовало никакой ответственности за материальное обеспечение собственных приказов. Запуск социалистического соревнования в посевной кампании 1929/30 г. еще более усилил и без того ее формальный характер. Заданные цели не могли быть достигнуты (Merl, 1985a: 212f). В таких условиях практика землеустройства грозила превратиться в деструктивный элемент, препятствующий развитию производительности сельского хозяйства. Впрочем, партия и эксперты и далее придерживались целей «зеленой революции» посредством совершенствования производственной технологии и введения севооборотов. Это ставило партию в зависимость от ученых-экспертов, ведь только они одни могли разработать научно-обоснованные севообороты. В Наркомземе и в исследовательских институтах работали компетентные ученые, и как минимум часть централизованно разработанных планов была вполне обоснована с точки зрения аграрной науки. Однако же партийная верхушка не доверяла и экспертам (ср.: Bruisch, 2014: 224–257).

Статистические данные об изменениях урожайности с гектара

Чтобы хотя бы приблизительно проследить, как менялась урожайность с гектара в 1930-х гг., следует учитывать долговременные процессы. Рассмотрение по отдельным годам показывает, что при благоприятных погодных условиях постоянно повторялись хорошие урожаи. Это затрудняет выводы о прямом эффекте мер по улучшению методов выращивания. Чтобы все-таки понять, какой успех имели такие меры, нужно рассмотреть средние урожаи с гектара за долгие годы¹. Урожаи зерновых колебались между

¹ Публикуемые в Советском Союзе данные о пятилетних периодах не могут быть использованы, потому что они намеренно манипулируют сравнениями. Так, включение неурожая 1924 г. в период с 1924 по 1928 г. создает слишком неблагоприятную картину об эффективности мелкокрестьянского хозяйства, период времени с 1936 по 1940 г. искажает картину в пользу крупных хозяйств. Хотя она включает в себя неурожай 1936 г., но и урожай 1940 г. А это искажает результат, поскольку включает урожай с территорий, только что аннексированных на западе.

1925 и 1930 гг. от 7,5 до 8,5 центнера (в среднем 8,0), между 1931 и 1939 гг. — от 5,4 до 9,3 центнера (в среднем 7,0)¹. Таким образом, создается однозначная и показательная картина результативности советских крупных аграрных предприятий в 1930-х гг., которую дальше можно дифференцировать по культурам. В то время как в конце 1920-х гг. мелкокрестьянские хозяйства по зерновым и картофелю смогли вновь достичь уровня урожайности до 1914 г., то в 1930-х гг. валовая урожайность обеих культур в среднем держалась на уровне примерно на 15% ниже. Если вычесть из этих цифр семенное зерно, то оказывается, что чистая урожайность зерновых культур и картофеля в 1930-х гг. упала почти на 25%. Ситуация с сахарной свеклой и хлопком была совсем иной. В первой половине 1930-х гг. урожаи обрушились здесь еще сильнее, чем у зерновых и картофеля. Однако с 1935 г. они поползли вверх, правда, не дойдя до результатов 1913 г. (см. табл. 1). Объяснение простое: рост урожайности хлопка и сахарной свеклы в 1935 г. связан с резким повышением закупочных цен на обе культуры, государство стало выплачивать цены, покрывающие расходы. В выращивании сахарной свеклы были задействованы только небольшие рабочие группы, которые несли ответственность за ход работ за высокие урожаи с гектара они получали премии, с 1935 г. могли получить почетный титул «стахановец». В колхозах, где выращивали хлопок, колхозники с 1935 г. получали такие выплаты, что могли через рынок покрыть свою потребность в продовольствии (Merl, 1990b: 371–390). Что касается картофеля и зерновых, то государственные цены за обязательные поставки, напротив, покрывали лишь около 20% вложенных средств, да и эта цифра вследствие инфляции стремилась вниз.

К слову сказать, в долгосрочной перспективе оценка эффективности советских крупных предприятий также выглядит неблагоприятно. Результаты карликовых крестьянских хозяйств, которые те показывали в 1913 г. либо, соответственно, в конце 1920-х гг., были достигнуты вновь лишь к началу 1950-х. Превышены они были только по хлопку — за счет значительных инвестиций в орошение. Затем, между 1956 и 1965 гг., урожаи зерновых и картофеля поднялись примерно на 25% и дошли до того уровня, который при продолжении тенденции показали бы мелкокрестьянские предприятия в середине 1930-х гг. Вплоть до прекращения существования Советского Союза статистика не дает даже намека на «зеленую революцию». Между 1966 и 1985 гг. средний урожай

¹ Подсчитано по: Merl, 1990b: 40. Урожай 1930 г. базируется еще в значительной мере на осеннем севе, проводимом крестьянами-единоличниками (Ibid.: 205).

Таблица 1. Показатели урожайности с гектара и надоев с коровы в период 1913–2013*

Годы в ц на гектар	1913	1925- 1930	1931- 1939	(1935- 1939)	1946- 1950	1951- 1955	1956- 1960	1961- 1965	1966- 1970	1971- 1975	1976- 1980	1981- 1985	1986- 1990	1991- 1995	1996- 2000	2001- 2005	2006- 2010	2011- 2013
Зерновые	8,2	8,0	7,0	(7,3)	6,7	8,0	10,1	10,2	13,7	14,7 12,9	16,0 13,8	14,9 13,0	16,5	15,7	15,1	18,8	20,7	20,9
Хлопок	13,0***	8,3	9,2	(11,7)	13,6	16,9	20,5	20,6	24,1	27,3	28,1	25,6						
Сахарная Свекла**	168	159	110	(140)	111	154	184	165	228	217	237	218	230	179	177	241	309	414
Картофель	76	81	69	(67)	97	81	94	94	115	113 106	117 106	115 104	110	110	105	112	129	142
Лен- долгунец (волокно)										3,1	2,5	2,9	3,2		4,0	5,7	7,5	8,9
Зерновая кукуруза										23,7	27,8	29,0	29,8		22,4	31,5	33,9	45,3
В кг/год	1913			1940	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2013
Молоко/ Корова	982			1185	1370	1924	1779	1853	2110 2264	2204 2282	2149 2169	2330 2334	2731	2153	2502	3176	3776	3893

Курсив: территория СССР в границах между 1922 и 1939 годами. После 1945: территория РСФСР

* Составлено и подсчитано по: Merl S. Вауер unter Stalin, табл. 2. р. 40. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 13–17; Российский статистический ежегодник 2006. М., 2007. с. 448–462. Российский статистический ежегодник 2013. М., 2014. Таблицы 15.17 и 15.35.

**Фабрика.

*** 1909 – 1913; 1913 = 10,8.

зерновых не превышает 16 центнеров с гектара. Интересно, что урожайность зерновых достигает максимума при переходе к 1990-м, когда вмешательство государства ослабевает. В 1990-х гг. она вновь падает. С середины 2000-х гг. начал приносить свои плоды импорт западной сельскохозяйственной техники и высокоудойных коров. Примерно с 2006 г. урожайность отдельных культур (среди них сахарная свекла, зерновая кукуруза и лен), а также надой молока с коровы¹ превышают максимальные показатели советского времени (1966–1985) на 50% и даже заметно выше. Поскольку в полеводстве продолжалось прежнее экстенсивное хозяйство, а новоиспеченные консорции на своих гигантских площадях были особенно заинтересованы в получении исключительно краткосрочных прибылей, успех последних лет скорее всего объясняется улучшением качества сельхозтехники и появлением высокоудойных коров, а вовсе не прорывом в улучшении технологии посева. Единственная страна Восточного блока, пережившая в 1970-х гг. «зеленую революцию» и удвоившая урожай кукурузы, — Венгрия (Merl, 1988: 158–163; Varga, 1984).

Реальные изменения урожайности в 1920–1930-х гг. зависели в первую очередь от наличия тягловой силы. Показатели 1928 г. были достигнуты лишь к началу 1950-х гг. но затем постоянно были выше (Merl, 1990b: 43–48; Miller, 1970). В падеже рабочих лошадей между 1929 и 1933 гг. было виновато государство — именно оно чрезмерно изымало зерно. Поступление тракторов в 1930-е гг. не могло компенсировать потери лошадиных тяговых сил. Падение эффективности особенно заметно было при неблагоприятных погодных условиях, поэтому в 1930-е гг. колебания урожайности и были особенно сильны.

Насильственная коллективизация 1929–1932 годов: потеря контроля над земельными отношениями

Переход к насильственной коллективизации был осуществлен зимой 1929–1930 гг. без какой бы то ни было организационной подготовки. Как должен будет, например, функционировать колхоз, партийные верхи впервые сформулировали лишь в Уставе сельхозартели, опубликованном в марте 1930 г. Создание колхозов осуществлялось преимущественно на базе сельских общин.

¹ Хотя доярки уже при Сталине боролись за получение 3000 л надоя с коровы, но при этом практически не влияли на получение кормов и качество выделенных им коров. Поэтому средний надой с одной коровы не зависел от премирования отдельных доярок.

К вступлению в колхоз были готовы не все крестьяне, и это создавало неясность в том, какими землями вообще мог располагать колхоз. Эта неясность усиливалась еще и тем, что государственные органы рассматривали возникавшие колхозы в лучшем случае как переходную форму к более крупным предприятиям.

Социалистическое крупное предприятие всегда описывалось партией как полностью механизированное крупное предприятие на основе тракторной тяги. Агроиндустриальные комбинаты, которые фигурировали в планах на рубеже 1920–1930-х гг., должны были охватывать площадь около 20 тыс. гектаров (Davis, 1974; Merl, 1985). Поскольку государство не хотело и не могло предоставлять инвестиции, то и эти планы, равно как и «агрогорода» остались чистойшей утопией. Реальные колхозы располагали, как правило, лишь несколькими сотнями гектаров земли и базировались на крестьянском инвентаре.

Сталин и его окружение старались исключить влияние ведущих экспертов как носителей идей, противоречащих коллективизации. Первая волна чисток затронула тех, кто (как, например, расстрелянный эксперт-аграрник Моисей Вольф) публично высказывал опасения, что ускоренная коллективизация, в силу перенаселенности села, может привести к драматическим последствиям. Вольф принадлежал к разработчикам первого пятилетнего плана по сельскому хозяйству. Н. И. Бухарин просил его высказаться по поводу предложения крестьян из Самарской области учредить «крестьянские совхозы». В середине июля 1928 г. Вольф в газете «Правда» отклонил это предложение, так как государство, по его мнению, не было в состоянии гарантировать крестьянам даже минимальную заработную плату. Его аргументы дезавуировали одновременно и партийный проект, по которому крестьян сгоняли в колхозы. Вольф указывал, что животноводство в крупных комплексах из-за нехватки опыта неизбежно приведет к убыткам; механизация растениеводства резко сократит потребность в рабочей силе; тракторные колонны рентабельны только в том случае, если они задействуют людей, потребных на краткий срок уборки урожая, как поденных работников. Быстрый переход к крупным аграрным предприятиям потребовал бы, по мнению Вольфа, значительных инвестиций, чтобы обеспечить рабочими местами всю ту рабочую силу, которая высвободится в результате ликвидации крестьянского сельского хозяйства. Быстрая коллективизация также неизбежно привела бы к опасному росту неполной занятости на селе. Иными словами, Вольф уже летом 1928 г. прогнозировал опасность голода, который действительно наступил в 1932–1933 гг. и унес жизни 6 млн человек. За свою дальновидность он

заплатил жизнью: 9 января 1933 г. он был арестован и вскоре расстрелян¹.

В середине декабря 1929 г. вышла директива колхозам проводить «открытое» землеустройство и выделять крестьянам-единоличникам землю на их полях². Посев озимых крестьяне в 1929 г. провели еще индивидуально на своих наделах. Многие отказывались вступать в колхозы и даже незадолго до посева не знали, получат ли они землю. Зачастую им отводили самые дальние или малоплодородные площади (Merl, 1990b: 200–207). В начале марта 1930 г. Сталину удалось усилить и без того уже воцарившийся в земельных отношениях хаос — в «Правде» была опубликована статья «Головокружение от успехов», где он подчеркивал добровольность вступления в колхозы и тем самым дал крестьянам повод к выходу из них (Ibid.). Насильственно учрежденные и существовавшие до сих пор только на бумаге колхозы рассыпались прямо перед началом сева. Тем не менее благодаря благоприятным погодным условиям 1930 г. средние урожаи достигли 8,6 центнера с гектара. Особенно высокие урожаи были на тех полях, которые засеивались озимой пшеницей осенью 1929 г. еще индивидуально.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. и на долгое время была утеряна решающая предпосылка для введения севооборота: четкая привязка земель в течение как минимум трех сезонов сева к определенным предприятиям. Сосредоточившись на том, чтобы сломить сопротивление крестьян, партийное руководство поначалу вовсе не заметило это опасное побочное действие своей политики. Принудительное вступление крестьян-единоличников в колхозы затянулось на годы. Выделяя земли колхозам, местные органы власти проявляли не меньший произвол, чем с крестьянами. Возникшие были мелкие колхозы они пытались принудительно объединять с другими. Среднесрочная «бесхозность» почвы еще ухудшила ситуацию в сельском хозяйстве, эффективность которого вследствие падежа рабочего скота и так была очень низкой. Все это вело к тому, что плохо обрабатываемые поля зарастали сорняками.

Депортация кулаков в конце 1920-х гг. означала (в отличие от происходившего в 1950-е гг. в ГДР и Венгрии (Merl, 1988: 146)),

¹ Правда. 1928. 6 июня, 11 июля (Merl, 1993: 487–493). Моисей Вольф (1880–1933) с 1930 г. был заместителем наркома по совхозам. Реабилитирован 12.03.1957.

² На практике ср.: Сулейкин И. Д. Итоги колхозного землеустройства в весеннюю сельскохозяйственную кампанию. Доклад на заседании партийной ячейки НКЗ РСФСР от 24.06.1930 // Социалистическое землеустройство. 1930. № 5. С. 16–21; Смоленский партийный архив, WKP 54, без номера, Протокол № 2 Комиссии при партийном комитете Западной области от 19.11.1930.

что как раз самые способные и сильные сельские хозяева, наиболее заинтересованные в улучшении севооборота, были удалены из колхозов. На должность председателей колхозов партия предпочитала ставить людей, которым доверяла, потому что они умели приказывать, аграрные знания считались при этом скорее помехой. Речь шла в основном о «контроле» над крестьянами. Таким образом, на уровне предприятий интерес к «зеленой революции» на долгое время исчез. Тракторы передавались только во вновь учрежденные и оставленные в государственной собственности машинно-тракторные станции (МТС). Они также служили в первую очередь контролю и — в связи с созданными в 1933 г. политотделами — установлению дисциплины среди колхозников (Miller, 1970). Директорам МТС также не доставало элементарного опыта в аграрном производстве. В командной системе, созданной партией для управления аграрным производством, материальные стимулы до середины 1930-х гг. не играли никакой роли. В аграрном секторе получило распространение исключительно «движение ударников» и связанное с ним премирование «лучших работников», часто контрпродуктивное с точки зрения увеличения урожайности.

Партийное руководство было убеждено в том, что с тракторами и укрупнением предприятий аграрно-технологический прогресс начнется сам собой. Оно вполне сознательно мирилось с уничтожением крестьянских средств производства, потому что это «стократно окупится теми мощнейшими преимуществами, которые мы получим за счет новой обобщественной формы использования производительных сил» (Данилов, 1966: 52; Merl, 1985b: 184–211). На практике безусловный приоритет получило в деревнях изъятие зерна. Постановление «О защите социалистической собственности» от августа 1932 г., проект которого был разработан лично Сталиным, расширил понятие государственной собственности, распространив его на урожай на полях. Соответственно, в 1933 г. был изменен и статистический учет зерновых. Отныне вместо «амбарного урожая» предусматривался «биологический урожай», созревающий на полях до момента уборки. Все потери урожая относились на счет колхозников. В зависимости от погодных условий они колебались от 20 до 30 %. Летом и осенью 1932 г. несколько сотен колхозников были по новому закону расстреляны за хищения колосьев с полей. Местные государственные органы быстро поняли, что при любых обстоятельствах необходимо выполнять обязательства по сдаче зерновых государству. Поэтому у них не сформировалось ни интереса, ни понимания мер по землеустройству. Важно было только то, что в данный момент тратовалось как их успех. О том, к каким последствиям и к каким

расходам могут в дальнейшем привести их действия, они задумывались не более, чем партийная верхушка¹.

Колхозная система и севообороты в 1932–1935 годах: почему в 1932 году стартовала еще одна кампания по землеустройству?

Постоянное изменение численности колхозников из-за вхождения новых членов и слияния колхозов друг с другом делало хаос в земельных отношениях бесконечным. К тому же проблемы с тягловой силой все возрастали, а снижение эффективности деятельности колхозов становилось все более угрожающим. В 1932 г. партийное руководство было вынуждено принимать меры. Меры по упорядочению «колхозной системы» (возврат к натуральному налогу на зерновые и картофель, праву на приусадебный участок, предоплата за трудодни во время обмолота)² предполагали покончить с произволом, который с 1929 г. царил среди аграрных производителей. В то же время вполне осознавалось, что улучшение посевной технологии служит предпосылкой к повышению урожайности, а потому было решено начать кампанию по землеустройству и введению севооборотов. Это предполагало, что колхозы получат некоторую гарантию на владение отведенными им землями. Разумное отведение полей под севооборот в пределах предприятий было делом трудоемким и требовало много времени. Эти факторы не учитывались и в 1932 г., когда устанавливались более сжатые сроки.

Таким образом, «колхозная система» затруднила введение севооборотов. Поскольку натуральным налогом облагались посевные площади, краткосрочный интерес местных властей и партийной верхушки в битве за хлеб сосредоточился теперь на площадях, засеянных зерновыми. Однако любое введение эффективного севооборота неизбежно означало бы сокращение площади зерновых. Конечно, при этом отчетливое общее повышение урожайности привело бы и к росту урожая зерновых, однако рассмотреть столь сложную взаимосвязь контролеры, деятельность которых базировалась на насилии, не могли, и в реальной жизни любое сокращение площади под зерновые считалось преступлением против государства. Итак, для экспертов-аграрников квалифицированное исполнение собственных функций оборачивалось непредсказуемым риском. Любой севооборот, который ограничивал площади зерновых, мог расцениваться как саботаж хлебозаготовок. Особенно опасным было, если научно обоснованные расчеты совпадали

¹ Ср. с этим в особенности: Kindler, 2014.

² Ср.: Merl, 1990.

со стремлением колхозников сократить площади зерновых, дабы уменьшить объем подневольного труда в пользу государства.

Осенью 1932 г. партия и правительство попытались навести порядок в осуществляемой произвольно практике землеотвода¹. Условия для введения севооборотов, удобрения полей и улучшения обработки почвы они видели теперь в том, чтобы колхоз мог использовать свои земли длительное время. Местные власти обвинялись в том, что по своей воле отводили колхозные земли для учреждения совхозов или других государственных нужд и изменяли границы между колхозами без их согласия. Для прекращения подобной практики предписывалось изменять границы только при согласии как минимум трех четвертей членов соответствующего колхоза, а после этого решение должно было быть одобрено областным земельным отделом. Тем самым должна была прежде всего прекратиться практика местных органов власти использовать распределение земель как рычаг для того, чтобы укрупнять мелкие колхозы через объединение и отводить земли нескольким колхозам в совместные севооборотные наделы². В 1932–1933 гг. были также попытки объединить колхозы, снабжаемые из одной МТС, в один гигантский колхоз.

Сообщение о том, что уже в начале мая 1933 г. поля под севооборот были утверждены для 105 924 (63,7 % всех площадей) колхозов РСФСР, отражало лишь исходившее из центра давление, не более того. Звучала критика Наркомзема о том, что «погоня за количеством идет за счет качества», работы эти, как правило, делались за письменным столом, без учета особенностей конкретного колхоза, без замеров на местах, что никак не обеспечивало повышения урожаев, поскольку не принималось во внимание различное плодородие земельных наделов и неоднократно прирезались даже земли, которые вообще не могли быть распаханы³.

Отчет 1935 г., подводя итоги, давал безнадежную картину качества проведенной работы. В нем объяснялось, почему такое выделение «полей под севооборот» не оказало ни малейшего влияния на повышение урожаев. Хотя было охвачено примерно три четверти от всех 177043 колхозов РСФСР с более чем 84 млн гектаров (из общей площади в 132,6 млн, однако даже такие явные недостатки, как чересполосица (когда в пределах земельного массива

одного колхоза находились земли другого), почти нигде не были устранены. «Углубленное» землеустройство было проведено по-настоящему лишь для 3,1 % всех колхозов. 41346 колхозов (23,4 %) чисто формально выделили земельные наделы отдельным колхозным бригадам, поля под севооборот 32,1 % колхозов были перенесены на схемы из устаревших карт, часть которых рисовалась еще в 1860-х гг., без перепроверки на местах. Кроме того, Ф. Зеленин установил, что рассчитанные пахотные площади и границы часто не совпадали с имеющимися в реальности, луга и пастбища при таком «землеустройстве», как правило, не учитывались¹.

Хотя в период между 1932 г. и началом 1935 г. создавалась практически бесполезная для настоящих севооборотов документация, тем не менее многие эксперты в научно-исследовательских институтах твердо придерживались убеждения, что колхозники должны активно участвовать во введении системы севооборота². Так, Научно-исследовательский институт организации территории (НИИОТ) выпустил брошюру, которая должна была послужить местным специалистам руководством по внутрихозяйственному землеустройству³. Авторы (коллектив под руководством М. Снегирева) подчеркивали, что только если колхоз в целом и его бригады будут считать соблюдение севооборота своей насущной задачей, урожаи могут вырасти⁴. Авторы подчеркивали, что они ориентируются на задачи, сформулированные Центральным комитетом по организационно-хозяйственному укреплению колхозов от 4 марта 1932 г.⁵ Для практического применения следовало свести информацию к минимуму и выстроить ее так, чтобы на отдельных этапах аграрного производства ею легко могли пользоваться непосредственно работающие в поле — полеводы, бригадиры, трактористы. Бригадам советовали вести карту учета состояния посевов зерно-

¹ Зеленин Ф. П. Очередные задачи по внутриколхозному землеустройству и введению севооборотов // Социалистическое землеустройство. 1935. № 10. С. 5–9.

² РГАЭ. Ф. 9490. Оп. 1. Научно-исследовательский институт организации территории относился к ведению НКЗ СССР и существовал между 1932 и концом 1937 г. В разгар террора против экспертов его функции были переданы Московскому институту землеустройства и предприятиям.

³ Там же. Д. 58. К вопросу земельного учета в колхозах.

⁴ Там же. Л. 86. Ср. также: Л. 103–106. «Нужно еще раз подчеркнуть, что земельный учет в колхозе только тогда имеет смысл, если он действительно используется для улучшения основополагающих процессов аграрного производства <...> если каждая бригада использует информацию при проведении работ, а не только украшает ею канцелярию колхоза и райзо» (Л. 106).

⁵ Там же. Л. 3.

¹ Постановление СНК и ЦК от 3.09.1932 // Социалистическое землеустройство. 1932. № 66. Ст. 388.

² Там же.

³ Решение Наркомзема РСФСР от 14.05.1933 г. по «предварительным результатам введения севооборотов в колхозах» // Социалистическое землеустройство. 1933. № 13–14. С. 10f.

вых на полях и систематически вносить в нее наблюдения за развитием урожая.

Авторы брошюры подробно излагали, как следует применять изложенный материал. Например, что в потенциально засушливых регионах решающим фактором урожайности будет максимальное сокращение срока посева, а если выдержать оптимальный срок в 2–3 дня, то это увеличит урожай на 2–3 центнера с гектара. Но эти разъяснения часто не учитывали реалий колхозного производства, поскольку предполагали, что сельский хозяин может сам определить момент начала работы МТС со своими машинами. Авторы открыто критиковали и практику составления посевного плана «за письменным столом», и то, что машины выходят в поле, когда настает очередь данного колхоза, и то, что используется слишком тяжелая сельскохозяйственная техника. Представленный материал должен был дать бригаде возможность оптимально использовать производственный потенциал своих земельных наделов, например, если глубина плуга и скорость тракторов подходят для данной почвы, то сокращается расход горючего и износ тракторов¹. Таким образом, землеустроители описывали условия для оптимального использования почв, на практике же назойливая опека колхозов со стороны государства мешала соблюдению оптимальных сроков посева и сбора урожая.

В архивных материалах можно найти случаи, когда на местах проводились единичные высококвалифицированные работы по межеванию и землеустройству. Так, сотрудники НИИОТ в 1934 г. проанализировали все земельные отношения колхозов в Сафоновском районе (Западная область). Они определили качество и возможное использование каждого отдельного земельного надела, потребность в инвестициях, например, в форме мелиорации почв или удаления кустарников и древесного подроста. Возможности повышения урожая, по некоторым их расчетам, достигали 300 %². Материалы позволяют понять, что зерновые нередко выращивались на пограничных почвах — то есть таких, которые по своему качеству позволяли получать только крайне низкие урожаи. Выращивание зерновых на подобных землях можно считать пустой тратой семенного зерна и рабочей силы. Другой архивный документ указывает на пустое расходование государственных

¹ РГАЭ. Ф. 9490. Оп. 1. Научно-исследовательский институт организации территории (НИИОТ) относился к ведению НКЗ СССР и существовал между 1932 и концом 1937 г. В разгар террора против экспертов его функции были переданы Московскому институту землеустройства и предприятиям. Л. 86–106.

² Там же. Д. 63 (1934).

средств: мероприятия в Азербайджане не были согласованы с работами по орошению¹. В некоторых колхозах площадь, запланированная под посев зерновых, превышала всю имеющуюся в 2–3 раза. Кроме того, землеустройство затягивалось, поскольку для расширения оросительных систем и сооружения хозяйственных центров необходимы были значительные инвестиции².

Третья попытка «зеленой революции»: передача земель колхозам «в бессрочное пользование, то есть навечно»

В 1935 г. уже не вызывало сомнений, что и вторая попытка введения севооборотов в колхозах, не удалась. Хотя давление со стороны партии и привело к тому, что примерно у 80 % колхозов в документах сельскохозяйственных органов были зафиксированы севообороты, однако на местах, в колхозах, эти работы, как правило, не выполнялись и зарегистрированные севообороты не были согласованы с государственными планами сева.

В связи с этим в июле 1935 г. партийное руководство предприняло шумное и зрелищное действо, чтобы положить конец затянувшемуся хаосу в земельных отношениях и достичь стабильности, требуемой для внедрения севооборотов: колхозам в торжественной форме передавался «акт на бессрочное пользование землей, то есть навечно». Одновременно это должно было воспрепятствовать тому, чтобы землеустройство вновь осуществлялось только на бумаге. В какой степени этот конструкт явился детищем нужды, становится понятно, если вспомнить, насколько далеки были реальные колхозы, закрепленные теперь «навечно», от идеала социалистических крупных аграрных предприятий, существовавших в воображении экспертов в 1929 г. Многие колхозы были настолько малы, что даже не могли задействовать как следует тракторы и комбайны. Эмпирическим правилом считалось, что для устойчивости земельных отношений необходимо сохранять статус-кво в течение трех севооборотов. Севооборот, разумный в пределах одного региона, сталинская «вечность», закрепленная в Конституции 1936 г., должна была продлить как минимум лет на 10–20. Удивительно, что при этом вообще не поднималась проблема производства про-

¹ РГАЭ. Ф. 9490. Оп. 1. Д. 71 (Стенограмма совещания по землеустройству 26 июня 1935 г. в связи с поездкой бригады на Агдасскую МТС в Азербайджане.

² Там же. Л. 21–28.

дуктов животноводства (как это случилось позже, в 1938–1940 гг.), а поэтому одновременно оказывалась «навечно» закрепленной и нехватка кормов, а за ней и дефицит мяса.

Конкретный толчок к действию дал II Всесоюзный съезд колхозников-ударников, состоявшийся 11–17 февраля 1935 г. в Москве¹. Нарком земледелия М.А. Чернов напомнил о том, что Сталин на I съезде 1933 г. поставил задачу повысить уровень жизни колхозников². В принятом съездом новом колхозном уставе эта цель была напрямую увязана с улучшением посевных технологий и введением севооборота³. Съезд подчеркнул, что все еще существует большая неясность, какие земли принадлежат тому или иному конкретному колхозу. Я.А. Яковлев, в то время секретарь ЦК по сельскому хозяйству, остро раскритиковал широко распространенную тогда практику, когда незаконно изменялись границы колхозов или прирезали им земли других колхозов и совхозов. Были ликвидированы только межи, когда-то разделявшие пахотные полосы крестьян⁴.

Новый колхозный устав давал точные предписания по землепользованию. Земли должны были отводиться колхозу как закрытые сельскохозяйственные полезные площади с условием устранения еще существующей чересполосицы. Хотя земля оставалась в государственной собственности, колхозы получали ее «в бессрочное пользование, то есть навечно». Очевидно, партия, опираясь на перераспределение земель 1917 г., таким образом стремилась завоевать доверие крестьян. Каждый колхоз должен был получить документ, закреплявший размеры и точные границы земель. Дробление площади было отныне запрещено, укрупнение же, напротив, разрешалось — за счет земель госфонда или земель, используемых прежде крестьянами-единоличниками. Устав требовал разделения земель колхоза на поля под севооборот. При этом каждой отдельной полеводческой бригаде отводились постоянные наделы, сохранявшиеся в течение всего севооборота⁵.

¹ Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников 11–17 февраля 1935 г. Стенографический отчет. М., 1935.

² Там же. С. 5f.

³ Яковлев комментировал новый устав. Он потребовал, чтобы поля под севооборот нарезались каждой бригаде и намеченные севообороты соблюдались бы неукоснительно. Там же. С. 9–39.

⁴ Там же. С. 11–13.

⁵ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1935. № 11. Ст. 82. II съезд колхозников добавил слова «то есть навечно».

Ситуация для стабилизации отношений, в том числе и на селе, в 1935 г. казалась благоприятной. Была завершена коллективизация (если не считать последних оставшихся на собственной земле стариков: площадь их земли практически не превышала площади приусадебных участков и служила, как правило, только для самообеспечения (Merl, 1990b: 247–256)). Были отчасти преодолены и последствия голода 1932–1933 гг. После периода экстремальных социальных перекосов и репрессий в ходе форсированной индустриализации и насильственной коллективизации в 1934 г. наметилась стабилизация. Н. Ясный говорит о «трех добрых годах» с 1934 по 1936 г., когда был достигнут высокий промышленный рост, а упавший в начале 1930-х гг. уровень жизни вновь поднялся (Jasny, 1961). Своим бодрым «Жить стало лучше!» Сталин вселил в народ мужество, а такими проектами, как московское метро, дал людям надежду на светлое будущее. В начале 1935 г. было решено закрепить в новой «социалистической Конституции» (Stalin, 1970: 603f; Petrone, 2000) достижения в строительстве «социализма».

Сразу после съезда Наркомату земледелия были переданы функции по руководству, планированию и контролю над землеустройством. При местных земельных органах создавались отделения по землеустройству, которые должны были разрабатывать конкретные меры по землеотводу на местах, ликвидации чересполосицы, дальнотемелья, других подобных недостатков, а также введению севооборотов¹. В июле 1935 г. Совет Народных Комиссаров уточнил процедуру утверждения государственных уставов. НКЗ должен был провести требуемое землеустройство, чтобы ликвидировать все имевшиеся недостатки, внешние границы колхозов должны были быть точно измерены и отмечены граничными столбами, а затем утверждены на общем собрании колхозников².

Тот факт, что внешние границы колхозов были зафиксированы лишь в середине 1930-х гг., иллюстрирует, как велик был хаос, сотворенный насильственной коллективизацией. Некоторые земли находились на расстоянии десяти и более километров от хозяйственного центра. Многие колхозы имели лишь схематические планы своих земель. Земельные площади в таких схемах зачастую бывали завышены, и тогда планы сева требовали от колхозов распахивать больше земли, чем у них вообще имелось. В рамках принудительной экономики на селе это значило не особенно много,

¹ Постановление СНК и ЦК от 25.02.1935 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1935. № 18. Ст. 139.

² Постановление СНК СССР от 07.07.1935 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1935. № 34. Ст. 300.

но еще сильнее увеличивало объемы обязательных хлебозаготовок. Кроме того, местные советы нередко отсылали наверх сильно завышенные показатели площади посевов, чтобы самим избежать репрессий. Однако и недавно созданные районные земельные отделы были не лучше осведомлены о земельных отношениях колхозов.

С середины 1935 до середины 1937 г. в связи с новым межеванием земель последовала передача колхозам неиспользуемых совхозных земель. При этом с начала 1936 г. мелкие и особенно нерентабельные совхозы были полностью ликвидированы, а колхозы получили в общем 22 млн гектаров (треть этой площади относится к Казахстану). Полезная сельскохозяйственная площадь колхозов выросла в среднем на примерно 6%¹. Этот «великодушный жест», явно адресованный крестьянам, желавшим перед аграрной революцией иметь «больше земли», был далеко не бескорыстен. Таким образом государство элегантно избавлялось от совхозов, которые приносили ему одни убытки, и в то же время принуждало колхозы взять на себя хозяйственную обработку этих земель, по большей части истощенных. Поскольку колхоз был обязан сдавать зерно в качестве натурального налога со своих земель, засаженных зерновыми, государство совершило неплохой бизнес: с этого момента оно получало хлеб, не будучи обязанным компенсировать затраты на его производство. К тому же, передавая имущество ликвидированных совхозов коллективным хозяйствам, оно решило выжать дополнительные денежные средства. Маточное поголовье животных колхозы должны были оплатить по договорным ценам, здания поступали на баланс за вычетом износа². За все уже проведенные полевые работы колхозам полагалось сдавать продукты из следующего урожая³. Архивные документы умалчивают о том, какие настроения царили среди осчастливленных таким образом колхозников.

Работы по межеванию земель и выдаче государственных актов колхозам растянулись на срок дольше запланированного, потому что теперь, хотя бы наметками, но все же проводилось настоящее землеустройство. При этом практика распределения полей под се-

вооборот вошла в конфликт с желанием государства сохранить все выделенные земли под посевы зерновых. Никто в обществе не обсуждал очевидную противоречивость проводимой государством политики: ведь севообороты могли быть успешно введены только в том случае, если предприятиям давалась свобода — хотя бы такая, какой на практике всегда, в том числе при Сталине, обладали промышленные предприятия, однако государство требовало от колхозников бесплатного принудительного труда в выращивании хлеба, поскольку возмещало за него лишь около 20% производственных затрат.

Неоднократные катастрофические неурожаи 1930-х гг. дали толчок к разработке региональных программ развития. Постановление партии и правительства от 19 декабря 1935 г. «По укреплению колхозов и сельского хозяйства в Нечерноземной зоне» было реакцией на значительные потери из-за высокой влажности при уборке урожая в 1935 г. Постановление предусматривало в короткий срок повысить урожай зерновых в регионе вдвое — с 7–9 до 15–16 центнеров с гектара. Для этой цели требовалось учредить 266 новых МТС и построить сушилки для зерна¹. Исполнение этого постановления служит типичным примером того, как мало подобные программы соотносились с реальным положением дел в сельском хозяйстве.

Несмотря на многословные обещания, отчеты, составленные в 1936 г. уполномоченным Комиссии партконтроля, рисуют безнадёжную картину состояния сельского хозяйства в Нечерноземной зоне. Оставшиеся еще лошади в феврале были задействованы на перевозке леса. Кормов было так мало, что контролеры предсказывали дальнейший падеж лошадей еще до начала весеннего сева. Химических удобрений было тоже ничтожно мало, кому же они складировались под открытым небом на железнодорожных станциях, так что и здесь предстояли значительные убытки. Не лучше обстояли дела и с хранением семян. При перепроверке обнаружили, что часть их уже испорчена. В некоторых населенных пунктах имеющиеся запасы не совпадали с данными районных земельных отделов и не покрывали потребностей². Еще тяжелее складывалась ситуация с качеством семян. Требования на чисто-

¹ См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1935. № 37, 48, 65; 1936, № 10, 15, 16, 40; 1937 № 16. Социалистическое земледелие от 28.6.1939 г. сообщало о площади свыше 17 млн га, которая в 1935 и 1936 гг. была передана колхозам.

² Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 40. Ст. 346; для Казахстана: Там же. 1937. № 4. Ст. 7.

³ Постановление СНК от 31.10.1936 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 57. Ст. 442.

¹ Постановление СНК и ЦК от 19.12.1935 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1935. Ст. 65, 520. Насколько нереалистичны были поставленные цели, видно по тому, что из всех задач до весеннего сева на практике не было выполнено ни одной: до этого времени предусматривалось создать 175 МТС с 18080 тракторами и 67300 трактористами.

² Различные отчеты из районов от 7.02.1936 г. и 27.02.1936 г. Смоленский партийный архив. WKP 390. Л. 4–10, 14, 24, 99, 109, 121f.

сортность, кондицию и всхожесть не выполнялись. Состояние 57% из 2,68 млн центнеров семян, предназначенных для весеннего сева, в десяти исследованных районах Западной области квалифицировалось как полностью непригодное. Широко распространены были вредные примеси (прежде всего опасные сорняки) и заражение клещами. Примерно 13% семенного зерна показало очень слабую всхожесть. Поскольку других семян не имелось, контролеры рекомендовали еще раз тщательно перепроверить, в частности, на всхожесть те, что есть¹. Относительно строительства закрытых молотилок и сушильных установок и сушильных камер контролеры обнаружили, что составленные в районах планы не были согласованы с колхозами, никто не знал, где брать требуемый строительный материал². Из всех запланированных построек для хранения урожая в реальности были построены лишь немногие. Проверка подготовки к уборке урожая летом 1936 г. дала не лучшую картину. В то время как посевы льна были обработаны от сорняков, поля, засеянные зерновыми, прополоты не были. Уполномоченный увидел «совершенно желтые» поля. Председатель колхоза объяснил ему, что и прежде поля, засеянные зерновыми, не пропалывались, и рабочей силы для этого не имелось. Поля, засеянные сортовым зерном, не отличались от других, они тоже не были очищены от сорняков или примесей. Сообщалось также о высоком спросе на косы, однако в магазинах их не было³. При этом очевидно, что в Западной области еще и в 1936 г. 98% урожая всех зерновых убиралось вручную, серпом или косой.

Отчеты 1936 г. не оставляют сомнений в том, что на колхозных землях Западной области применялась более примитивная техника, чем в прежних мелкокрестьянских хозяйствах. Потеря лошадей в Нечерноземной зоне практически тракторами не компенсировалась, потому что эффективность при проведении полевых работ резко упала, что неизбежно отрицательно сказалось на и без того низкой урожайности. Последнее найденное нами сообщение о перепроверке от 28 сентября подводит итог за 1936 г. Согласно ему, ситуация в Западной области по сравнению с предыдущим годом еще ухудшилась. поголовье лошадей упало еще на 5%, потери при снятии урожая — выше, чем в 1935 г.: вместо запланированных 10–12 центнеров с гектара колосовых культур по подсчетам государственной комиссии было получено лишь 5,8 центнера. Если

учесть, что эта цифра относится к «биологическому» урожаю, ее следует снизить, возможно, до 4 центнеров. Часто потери на гектар составляли во время уборки урожая 1–1,2 центнера, во время обмолота к этому прибавлялись еще 1–1,5 центнера. В отличие от предыдущего года виновата была не слишком влажная погода, а бесконечно растянувшаяся страда. Вместо предусмотренных 12–15 дней она продолжалась больше 50 дней и осуществлялась серпами и косами. Сухая погода ускорила созревание, так что оставленное на корню зерно каждый день осыпалось, что вело к большим потерям. Автор отчета писал, что «на полях, сжатых слишком поздно, молодая поросль теперь гуще, чем по время сева». Многие колхозы, по словам составителя отчета, пытались скрыть зерно от государства¹. Медленная уборка урожая затянула также важные полевые работы осенью. В отчете упоминается также, что государственные планы сева не соответствовали севооборотам колхозов, поэтому, чтобы выполнить план сева, нужно было заново распахать площади, отведенные под пар и залежь. Руководитель областного отдела объяснил, что таким образом они вернулись назад, во времена до трехпольной системы².

Давление на колхозы с целью принудить их к сдаче больших объемов зерна происходило в 1936 г. и в других регионах. По данным Я.А. Яковлева, в Саратовском крае планы сева часто нарушали севообороты. В некоторых регионах колхозы вынуждали сеять зерно на очевидно непригодных для этого землях, из-за чего они хронически отставали по хлебозаготовкам. В Ленинградской области осенью 1936 г. площадь, зарегистрированная под колхозный сев, превышала реально имевшуюся на 10%³. Кроме «предоплаты» во время обмолота такие колхозы своим членам ничего не выплачивали⁴.

Архивные документы за 1937 г. свидетельствуют о том, что экспортеры на местах были недовольны противоречивостью одновременно исходящих из центра указаний. Так, в колхозной секции

¹ Различные отчеты из районов от 7.02.1936 г. и 27.02.1936 г. Смоленский партийный архив. WKP 390. Л. 100, 191f.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 234–236.

¹ Справка от 19.12.1935 г. для КПК при ЦК от 28.09.1936 г., составленная Алексеевым, заместителем уполномоченного КПК при Западной области. Смоленский партийный архив. WKP 390. Л. 327–350.

² Там же.

³ Снегирев М. Задачи и методы учета земель колхозов // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 10. С. 34.

⁴ Яковлев А. Из практики работы партийного контроля // Большевик. 1936. № 6. С. 66–68. Ср. также: Известия. 1940 г. 29 ноября, о завышенных показателях площади посевов в Таджикистане.

НИИОТ 2 и 3 февраля прошло совещание¹, на котором Михаил Семенов, ведущий инженер Ленинградского отдела землеустройства, критиковал вводный доклад: по его мнению, он был далек от реальности и не учитывал проблемы севера. В 1937 г. стояла задача ввести севообороты для 4500 колхозов на 1,2 млн гектаров, что при соблюдении научных требований было невозможно. К тому же ни один колхоз не был готов выплачивать от 6 до 7 руб. за гектар. Единственная возможность выполнить план — это упростить его исполнение². Маслов (Саратов) критически указывал на то, что хотя севообороты были введены еще в 1935 г., однако требовалось сначала решить вопрос, какой же севооборот должен соблюдать каждый конкретный колхоз, а районный земельный отдел исходил из того, что зарегистрированная для каждого конкретного колхоза площадь действительно имеется в наличии. Теперь же выясняется, что агрономы заложили севообороты, не зная качества почвы, и многие их расчеты оказались неверными. Так, в 1935 г. в Куриловском районе около 12 тыс. гектаров были оценены как пригодные для севооборота с включением зерновых. Перепроверка показала, что часть этих земель пригодна в лучшем случае под пастбища. Все колхозы района имели хлебно-животноводческое направление. Если же теперь группа землеустроителей переведет 50–60 % всех площадей, из-за структуры почвы не пригодных для выращивания пшеницы, под севообороты, включающие выращивание кормовых злаков, придется менять и специализацию колхозов. В старых документах почвы самого низкого качества фиксировались как поля, поскольку крестьяне их время от времени распахивали. Качество почвы на них чрезвычайно низко, и такие площади нельзя отводить под зерновые. «Мы в настоящий момент не знаем, как можно решить эти проблемы»³. Должен ли был Наркомзем выдавать разрешения? Если засчитывать значительную площадь как непригодную для выращивания зерновых, это может быть расценено как «антигосударственная деятельность». Далее Маслов указывал на то, что требуемый по Уставу отвод постоянных земельных наделов на весь цикл севооборота натолкнулся у бригад их района на решительное противодействие. Не получалось совместить научные требования, с одной стороны, и проблемы и интересы населения, с другой⁴. Пережил ли Маслов и его сотруд-

¹ РГАЭ. Ф. 9490. Оп. 1. Д. 115. Стенограмма совещания Колхозной секции при НИИОТ. 2.–3.2.1937. (112 л.).

² Там же. Л. 1–3.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 115. Л. 4–9.

ники террор 1937–1938 гг., выяснить не удалось. Но судя по тому, как он описывал проблему, вряд ли.

Потери сортового семенного зерна после 1936 года и их последствия

Неурожай 1936 г. привлек внимание к еще одной проблеме, столь же неразрешенной, как и введение севооборотов: как защитить сортовое семенное зерно, если после каждого урожая обязательным приоритетом была сдача зерна государству? Эта проблема вынуждала вводить новый порядок в семенном хозяйстве и грозило суровыми наказаниями за злоупотребления семенным зерном.

Из-за неурожая 1936 г. значительная часть селекционного семенного зерна была утеряна¹, и весной 1937 г. тема семенного зерна стало главной в прессе. Уже в конце февраля 1937 г. газеты пестрили тревожными сообщениями, например, о том, что в Марийской Республике сортовым зерном кормили скот². В колхозах, которые сеяли сортовое зерно, предлагалось незамедлительно прояснить, где оно в данный момент находится, агрономов призвали персонально перепроверить колхозные зернохранилища «Государственный план сева сортовым зерном нужно безусловно выполнить. В стране имеется избыток сортового семенного зерна. Это бесспорно. Его нужно только найти»³. В итоге площади, засеянные сортовым семенным зерном, по сравнению с прошлым годом сократились. «При этом потребовалось бы всего лишь 30 % собранного в предыдущем году сортового зерна, чтобы выполнить госплан»⁴. Аграрных управленцев упрекали в том, что они недостаточно позаботились о сохранении семенного зерна, которое отчасти было использовано на пищевые и кормовые цели⁵.

В июне 1937 г. этим вопросом занимался Пленум ЦК. Наиболее тяжкие упреки выдвигались в адрес Главного управления по зерновым при Наркомземе, которое, якобы, саботировало задачи второго пятилетнего плана и открыло возможности для использования плохих сортов. Старые проверенные крестьянские сорта зерна практически исчезли, в то время как вводились сорта,

¹ Речь Яковлева на июньском Пленуме ЦК 1937 г. «О мерах по улучшению семян зерновых культур» // Большевик. 1937. № 13. С. 17f.

² Социалистическое земледелие. 1937. 28 февраля.

³ Там же. 24 февраля.

⁴ Там же.

⁵ Там же. 21 апреля.

зачастую непригодные для местных условий. Имеющееся сортовое зерно из-за неправильных этикеток отчасти было смолото или перемешано с другим зерном на государственных складах Заготзерна и Госсортфонда. В вопросе о том, где при этом заканчивался бюрократизм и начиналось вредительство, предстояло теперь разбираться НКВД и суду¹. Начиная с 1939 г. все колхозы и совхозы имели право использовать только отборное и приспособленное к местным условиям семенное зерно. Однако главное, решающее изменение было введено в отношении государственных селекционных станций: расходы на них теперь должны были полностью выплачиваться из госбюджета². Предстояло учредить 1055 государственных опытных станций, а районным семенным колхозам для производства зерна выделялся оплачиваемый государством агроном. Дополнительно вводились материальные стимулы: с 1937 г. селекционные станции и растениеводы должны были получать премии — из дохода, который приносили выведенные и улучшенные ими сорта. Положить конец злоупотреблениям с сортовыми семенами должны были суровые кары: при нецелевом использовании — два года принудительных работ, при смешивании сортового зерна с несортовым — до трех лет³. Уже осенью 1937 г. некоторые председатели, весовщики и бухгалтеры колхозов были приговорены к лишению свободы и принудительным работам за то, что заявили простое семенное зерно как сортовое⁴.

Была учреждена государственная инспекция для сортовой проверки зерна. В качестве стимула для занятых в ней колхозников устанавливалась минимальная оплата одного рабочего дня в размере 2 кг зерна и 2 руб.⁵ В апреле 1938 г. были опубликованы предписания по созданию Государственного страхового фонда сортовых семян зерновых культур, с целью страховки от засухи и вымерзания посевов. Районные семеноводческие колхозы поощряли, выплачивая им за зерно двойную цену⁶. Поскольку и удвоенная

цена покрывала не более половины производственных расходов, эффективность такого стимула вызывает сомнения.

Насколько далеко все это было от реальности, иллюстрирует тот факт, что сниженные Наркомземом в ноябре 1935 г. «стандарты качества» для семенного зерна встретили теперь яростную критику. Посредством смягчения норм Наркомзем попытался привести стандарт хотя бы в некоторое соответствие с реальным качеством семян — поднять допустимую степень засоренности до 0,5–1%, а степень заражения головней даже до 20-кратного. С этого момента выдаваемое Госсортфондом зерно вновь должно было быть полностью свободным от головни и семян сорняков¹. Многие руководители Госсортфонда и Заготзерна не без оснований сомневались в выполнимости таких норм. Более того, обменивая свое зерно на сортовое, колхозы неоднократно получали зерно худшего качества, чем собственное².

В октябре 1937 г. также активизировались усилия по повышению урожая картофеля. Сортовыми семенами планировалось засеять 1,7 млн гектаров. В марте 1938 г. была прекращена дальняя перевозка картофеля железнодорожным транспортом, отныне каждый район должен был покрывать свои потребности за счет собственных урожаев³. Колхозам рекомендовалось работать на посадке картофеля звеньями, выделяя каждому звену земельный надел. В качестве стимула для повышения производительности — за каждую тонну картофеля свыше запланированного урожая начислять 5–6 дополнительных трудодней⁴. Впрочем, можно предположить, что ввиду неясной стоимости одного трудодня такой стимул особого смысла не имел.

Нет никаких намеков на то, что после Постановления СНК ситуация улучшилась. Значительные массы зерна теряли всхожесть из-за плохих условий хранения. Засоренность семенного зерна в колхозах, по данным от 15 декабря 1937 г., была очень высока: на Украине, например, она достигала 67% у пшеницы, 73% у овса и 85% — у ячменя⁵. При севе 1938 г. также отмечалось низкое качество семян: они были засорены, заражены клещом, показывали очень низкую всхожесть или слишком высокий процент влажно-

¹ Речь Яковлева на июньском Пленуме ЦК 1937 года «О мерах по улучшению семян зерновых культур» // *Большевик*. 1937. № 13. С. 11f; Постановление СНК СССР от 29.6.1937 г. // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР*. 1937. № . 40. Ст. 168.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ср.: *Социалистическое земледелие*. 1937. 22, 28 сентября.

⁵ Постановление СНК СССР от 17.8.1937 г. // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР*. 1937. № 45. Ст. 186.

⁶ Постановление СНК СССР от 26.4.1938 г. // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР*. 1938. № 21. Ст. 136; на основе ст. 168.

¹ Постановление СНК СССР от 13.09.1937 г. // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР*. 1937. № 60. Ст. 261.

² *Социалистическое земледелие*. 1937. 14 сентября.

³ Постановление СНК от 23.10.1937 г. // *Собрание законов*. 1937. № 70. Ст. 322; Постановление СНК СССР от 19.03.1938 г. // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР*. 1938. № 14. Ст. 86.

⁴ Постановлене СНК СССР от 19.03.1938 // Там же.

⁵ *Социалистическое земледелие*. 1938. 9 января.

сти. Обмен на сортовые семена задерживался, потому что из-за высокого урожая 1937 г. обмолот собранного зерна осуществлялся очень медленно¹. Колхозы обращались с семенами небрежно, семена мокли под дождем, засорялись². В начале 1939 г. И.А. Бенедиктов констатировал серьезные нарушения при хранении посевного материала, но обвинял он теперь уже Госплан — за то, что тот не выделил достаточных инвестиционных средств для постройки зернохранилищ, нехватку укрытий для сортовых семян. По его мнению, если Госплан не предоставит больше средств, то проблемы не исчезнут и в третьей пятилетке³.

Впрочем, для защиты сортовых семян власти после плохого урожая 1939 г. вновь прибегли к угрозам: местные органы снова могли применять наказания ради выполнения обязательств по хлебозаготовкам⁴. В 1940 г. руководители МТС отказались от соблюдения аграрных технологий, чтобы из-за сокращения норм потребления горючего не поставить под угрозу срыва выполнение планов сева⁵.

Репрессии против тех, кто слишком много знал: специалисты-аграрники в роли козлов отпущения за провал «зеленой революции»

Многие эксперты, вопреки всем трудностям верившие в возможность «зеленой революции» в советских колхозах, в 1937 и 1938 гг. были расстреляны — именно на них партийная верхушка возложила ответственность за провальные производственные показатели. Неурожай 1936 г. вновь отбросил аграрный сектор назад. Обещанная Сталиным «зажиточная жизнь» отодвинулась в далекое будущее.

Репрессии были основаны на противоречивых инструкциях к государственным актам. С одной стороны, должны были выполняться научно обоснованные севообороты, с другой — в планах сева отсут-

ствовало право сокращать площади зерновых. Выполнить оба условия одновременно было невозможно. По законам политической коммуникации в условиях диктатуры такое противоречие не могло открыто обсуждаться и, соответственно, не могло быть снято. Ответственность необходимо было спустить вниз, возложив ее на конкретных людей (Merl, 2012). Отсутствие желанной «зеленой революции» было представлено как недоработка земельных органов и Наркомзема. И лишь после того как большинство специалистов были расстреляны, а урожай с гектара так и не повысился, в 1939 г. последовали робкие изменения в политике, правда, не прервавшие традиции государственного давления на аграрных производителей.

Террор уничтожил именно тех людей, кто пытался внедрить решения партии о введении научно обоснованных севооборотов в жизнь. То, что именно Западная область попадала под удар, было отчасти связано с тем, что почвы здесь плохо пригодны для сельского хозяйства и потому были распространены мелкие колхозы. Многие колхозники продолжали жить на хуторах, введение севооборотов здесь требовало резкого сокращения площадей под зерновые¹. Партийный руководитель Западной области Румянцев был обвинен как «враг народа» и именно на него была возложена вся совокупная вина. Нет никаких оснований верить в эти обвинения² и перекладывать ответственность за ошибки на «слабость земельного аппарата».

В апреле 1937 г. «Известия» забили тревогу по поводу «антигосударственной практики» в Западной области: здесь во многих районах «исчезает» земля. В общей сложности после перекройки земли под обоснованные экспертами севообороты полезные сельскохозяйственные площади в 25 районах сократились на 112359 гектарах. «Известия» углядели в этом деятельность «врагов народа», которые всеми средствами саботировали государственный план сева зерновых и потому списали «плодородные пашни» как пастбища, болота и кустарниковые заросли. Кроме того, они упрекали руководство Западной области в том, что ради обеспечения себя дополнительным горючим в Центр передавались завышенные данные о распахке целины³. Этой статьей в «Известиях» была открыта кампания травли. За ошибки режима должен был расплачиваться партийный секретарь Западной области Румянцев, ему и некоторым другим

¹ Справка НКВД от 28.04.1938 о недостатках при весеннем севе к 25.04.1938 г. // Трагедия советской деревни, 2006: 113–118, док. 47.

² Письмо ЦУНХУ Госплана наркому земледелия Эйхе о неудовлетворительном ходе подготовки семян к весеннему севу // Там же: 539f, док. 367.

³ Записка от 4.03.1939 г., подписанная наркомом земледелия Бенедиктовым, к проекту 3-го пятилетнего плана // Там же: 372f, док. 178.

⁴ Зерно с семенных участков могло теперь «после полной засыпки семенных и страховых фондов» быть использовано для выполнения обязательств перед государством. Постановление СНК и ЦК от 10.8.1939 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1939. № 47. Ст. 360.

⁵ Ср.: Социалистическое земледелие. 1940. 5 февраля, 5 апреля, 18 мая.

¹ Ср., в частности: РГАЭ. Ф. 9490. Оп. 1. Д. 71. Стенограмма совещания по землеустройству 26 июня 1935 года в связи с поездкой бригады на Агдаскую МТС в Азербайджане.

² Это делает Шейла Фитцпатрик. См.: Fitzpatrick, 1994: 296–312.

³ Известия. 1937. 6 апреля.

сотрудникам областной администрации была отведена роль козла отпущения. 25 апреля 1937 г. Бюро западного обкома признало, что упреки «Известий» по сути справедливы: во многих районах были заложены завышенные нормы для дорог, пастбища расширены за счет полей, завышенные площади были списаны для приусадебных участков и строений, а также лесов местного значения. Распашка пара и залежных земель была выдана за распашку целины, чтобы МТС могли поднять нормы получения горючего¹. 17 июня 1937 г. местная партийная верхушка под руководством Румянцева была смещена (Fainsod, 1958: 59–61). Из этого был сделан показательный пример причин провала колхозного производства. Процессы на местах представили населению «вредительскую деятельность» бывшего областного руководства при выдаче государственных актов. Говорилось, что руководство искусственно сеяло панику, по формальным причинам отклоняя жалобы против установления границ для колхозов и отторгая земли от национальных колхозов. Кроме того, оно выделяло колхозам земли на большом расстоянии от колхозного центра или площади на владениях других колхозов. У колхозов отторгались пастбища, приусадебные участки и сады².

Имея в виду, что партийное руководство безусловно отдавало приоритет посевам зерновых, разъяснения наркома земледелия М.А. Чернова на Пленуме ЦК 1937 г. только сбивали с толку. Он не мог открыто поднять тему несогласованности этого требования с введением подлинных севооборотов, поэтому попросту сделал вид, будто этого противоречия вовсе не существует (и заплатил за это своей жизнью)³. Чернов говорил на Пленуме, что благополучно хозяйствующие колхозы чрезмерно загружены и поэтому у колхозников не возникает настоящего интереса к повышению урожая: «У нас нередко при установлении для районов и колхозов заданий исходят из тех же соображений: хорошему колхозу дают задание побольше, хотя бы это и не соответствовало его севообороту, а более слабому дают задание поменьше; невыполнение плана сева одним колхозом переложить на другой колхоз»⁴. Чернов привел множество примеров, когда выданные колхозу обязательства по севу до 30 %

превышали площади всех севооборотных полей. В отдельных случаях обязательство по севу превышало всю имевшуюся у колхоза площадь. В Западной области колхозы, по словам Чернова, четыре года подряд должны были высевать зерновые, в хлопководческих районах им приходилось семь и восемь лет подряд сажать хлопок. Отсюда и низкие урожаи с гектара. Поэтому Чернов потребовал привлекать к суду каждое должностное лицо, которое навязывало колхозу план сева, нарушающий его севооборот¹. Проблема противоречия между указаниями из центра по введению севооборотов и обязательствами по хлебозаготовкам была решена весьма элегантно: вскоре после Пленума 7 ноября 1937 г. никто иной, как сам Чернов был арестован и расстрелян как враг народа.

Подробная докладная записка НКВД о «Вредительстве в сельском хозяйстве» возлагала вину за неудачи в подъеме производительности сельского хозяйства на экспертов. Им вменялось, что они, будучи «вредителями», умышленно довели сельское хозяйство до катастрофического состояния². Кульминацией доклада было утверждение, что руководитель финансового отдела наркомзема признался, что эксперты умышленно ввели вредительскую систему севооборотов Вольфа, расстрелянного еще в 1933 г. Хотя в 1937 г. планово-финансовый отдел НКЗ был зачищен от врагов, однако нарком Чернов всего лишь заменил старых вредителей новыми из Научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства (Трагедия советской деревни, 2006: 551)³. Кроме того, вредители намеренно распространяли эпизоотии, чтобы нанести удар против системы крупных животноводческих комплексов. Ликвидация совхозов в 1936 г. теперь тоже расценивалась как «вредительство». Враги народа специально избрали для своей подрывной деятельности систему земельных органов и для этого пробрались в руководство на всех уровнях — от верхнего, в Наркомзем, до нижнего, то есть земельных органов областного и районного уровней (Там же: 551, 558f., 562–566, 568).

Необыкновенную «свободу» получили при Сталине «вредители растений» и «возбудители» болезней животных. Речь шла о том, чтобы выявить специалистов, которые якобы умышленно причинили вред. Поэтому режим сосредоточивал всю свою энергию на поиске «человеческих вредителей», которых он мог бы предъявить

¹ Смоленский партийный архив. WKP 238. Л. 80f.

² Выдержка из протокола заседания Западного обкома от 31.07.1937 г. Смоленский партийный архив. WKP 238. Л. 211–214.

³ Это типичное явление политической коммуникации при диктатуре, которое может быть интерпретировано как «регрессивное обучение». Ср.: Merl, 2012: 24f.

⁴ Чернов М.А. О введении правильных севооборотов. Доклад на Пленуме ЦК ВКП (б), июнь 1937 г. // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. № 7. С. 26.

¹ Там же. С. 26–28, 33. При нарушении севооборота предприятия дело должно было передаваться в суд.

² Докладная записка НКВД от 29.1.1939 г. по следственным материалам за 1936–1938 // Трагедия советской деревни, 2006: 550–571.

³ О вредительстве в вопросах сортовых семян см.: Трагедия советской деревни, 2006: 555–558.

населению. Это вполне соответствовало идеологии, по которой классовые враги всеми средствами подрывали социалистическую систему. Именно крупные животноводческие комплексы, сооружаемые по приказу государства, оказались идеальной питательной средой для эпизоотий. Так, в 1934 г. Наркомзему были переданы 82 животноводческих совхоза с целью производить племенных животных для колхозных животноводческих ферм. После этого поголовье животных упало с 50 до 40 тыс. животных. На предприятиях не предпринималось никакой профилактики против эпизоотий. В 1936 г. в 44 из проверенных 66 животноводческих совхозов были выявлены животные, больные бруцеллезом или другими заразными болезнями¹. Зараженные животные передавались колхозам в качестве племенных и там заражали здоровых. Зоотехников, естественно, обвинили в умышленном распространении эпизоотий.

Террор против руководящих кадров затронул в первую очередь заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК, бывшего наркома земледелия Яковлева. Он был арестован 12 октября 1937 г. Через несколько недель последовал арест наркома земледелия Михаила Чернова. Еще до этого его декреты, например, попытка уменьшить разницу между реально получаемым и официально регистрируемым «биологическим» урожаем, были объявлены вредительством. Его преемника Р. И. Эйхе постигла та же участь уже после нескольких месяцев службы: 29 апреля 1938 г. был арестован и он. Все трое расстреляны. Земельные органы также были «зачищены» от экспертов, дабы внушить населению мысль, что именно они несут ответственность за отсутствие «лучшей жизни», о которой говорил Сталин.

Насколько обширным был список погибших среди экспертов-аграрников — до сих пор нигде точно не зафиксировано. Многие высококвалифицированные специалисты и ученые после 1933 г. могли занимать второстепенные посты, чтобы уже там вносить свой вклад в строительство социализма. Большинство подверглись новым арестам и затем расстрелам 1937 г. (Bruisch, 2014: 252–257, 286–311). Из наркомов земледелия террор пережил лишь И. А. Бенедиктов, в апреле 1938 г. сменивший на этом посту Эйхе. Он умер своей смертью в возрасте 81 года. Этот железный сталинский кадр продержался на своем посту 15 лет, вплоть до смерти Сталина. После этого он занимал другие руководящие посты в экономике и представлял свою страну до 1967 г. в качестве посла в Индии.

¹ Выступление Эйхе 18 января на январском 1938 г. Пленуме ЦК // Трагедия советской деревни, 2006: 31, док. 3.

Третий пятилетний план. Бенедиктов подводит трезвый итог «зеленой революции»

После хорошего урожая 1937 г. впервые с начала насильственной коллективизации многие колхозники получили по трудодням достаточно зерна, чтобы покрыть собственные потребности. Их ответная реакция шокировала партийную верхушку: значительная часть крестьян захотела выйти из такого принудительного института как колхоз, в котором им приходилось подневольно работать на государство. Возврат к единоличному хозяйству давал им шанс снова распоряжаться собственной судьбой. Предпосылкой для этого — запрещенной для колхозников — было наличие собственной лошади, которая была необходима и для пахоты приусадебного участка, и для доставки товаров на ближайший рынок. Имея лошадь, бывший колхозник превращался в самостоятельного мелкого предпринимателя с превосходными возможностями для заработка. Потребности перевозок для местных государственных предприятий также не были урегулированы. Существовала также социальная группа, перед которой государство должно было испытывать стыд: это многодетные семьи, объяснявшие выход из колхоза тем, что, оставаясь его членами, они были не в состоянии прокормить детей¹. В 1938 г. последовала обеспокоенная реакция на эти сообщения со стороны партийного руководства²: в постановлении от 19 апреля 1938 г. ответственность за низкие выплаты колхозникам была возложена на местные партийные и советские органы³. Особенное недовольство вызвало приобретение в индивидуальное пользование лошадей⁴.

Возможность того, что колхозники станут покидать колхозы и таким образом смогут уйти из-под полного, как казалось, контро-

¹ Ср.: Merl, 1990b: 234–242; Докладная записка НКВД от 03.01.1937 из Оренбургской области // Трагедия советской деревни, 2006: 77–79, док. 5.

² Ср.: Merl, 1990b: 247–256; к вопросу запрета выхода из колхозов см.: Постановление СНК и ЦК от 19.04.1938 г. // Трагедия советской деревни, 2006: 79–81, док. 30, 100–1026 док. 42.

³ Постановление СНК и ЦК от 19.04.1938 о «неверном распределении доходов в колхозах» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1938. № 18. Ст. 116; ср. также: Merl, 1990: 386–391. При этом ответственность возлагалась не на низкие закупочные цены, а на распределение и без того ничтожных вырученных средств между инвестициями и распределением внутри колхоза.

⁴ Ср.: Трагедия советской деревни, 2006: 118f. док. 48 от 09.05.1938, в особенности Доклад НКВД на сельскохозяйственной секции ЦК о «частно-собственнических тенденциях» от 21.11.1938, док. 149 (с. 311–317).

ля государства, беспокоила Сталина¹. В 1939 г. он задал членам ЦК провокационный вопрос: не хотят ли они возврата к мелкокрестьянскому хозяйству? И тут же указал, что именно они, вследствие своего равнодушия, ответственны за подобную тенденцию. Стремление назад, к частному крестьянскому хозяйству, нужно было вовремя остановить. Сталин интерпретировал произвольно даже статистику, когда из данных о некотором подъеме занятости с 1936 на 1937 г. вывел позитивную тенденцию: «мужик» (уже само это слово выражало полное презрение Сталина к крестьянам) работал в колхозе все больше: «так что дело обстоит не так плохо, как товарищи здесь рисовали» (Трагедия советской деревни, 2006: 420). Если бы колхозы распались, крестьянину не понадобилось бы для своего мелкого участка земли ни трактора, ни комбайна. В своем полунатуральном личном хозяйстве он «сидит королем на своем приусадебном участке» (Трагедия советской деревни, 2006: 417).

Вместо того чтобы задаться вопросом о причинах катастрофических условий жизни в колхозе, сравнимых разве что с каторгой, партия в 1938–1939 гг. отреагировала новым насилием, с целью закрыть еще существовавшие лазейки для выхода из колхозов. Была запущена кампания против «выхода» колхозников, а налог на лошадей повышен настолько, что уже практически никто не мог держать рабочую лошадь (Merl, 1990b: 247–256, 286–391). Но главное — в 1939 г. были начаты две бесчеловечные кампании, еще сильнее ухудшившие условия жизни огромной массы колхозников. В мае 1939 г. началась борьба против «антизаконного расширения приусадебных участков»: поступили указания о проведении нового генерального межевания. Все земли свыше тех площадей, которые разрешены Уставом, должны были изыматься. Одновременно следовало проверить, соблюдаются ли верхние границы региональных разрешительных норм по содержанию животных в частном владении. Но решающий удар направлялся — под предлогом землеустройства — против 821000 сельских хозяйств, которые продолжали жить на своих хуторах, преимущественно в западных частях страны: «Разрешить СНК УССР, СНК БССР и Смоленскому, Калининскому и Ленинградскому облисполкомам в целях ликвидации чересполосицы и упорядочения землепользования производить в обязательном порядке сселение единоличных дворов, находящихся на хуторах» (Трагедия советской деревни, 2006: 427, док. 208). Это означало, что почти три миллиона человек следует принудительно переселить в центральные усадьбы

колхозов. Таким образом хотели покончить с еще существующими остатками индивидуальных крестьянских хозяйств. Соответствующие области должны были ежемесячно сообщать в Центр о реализации принудительного переселения. Материально-финансовой поддержки переселяемым не предусматривалось. Переселение осуществлялось в краткие сроки с невообразимой жестокостью. В 1939 и 1940 гг. были переселены 816000 хуторских хозяйств. Исполнение концентрировалось при этом на ликвидации хуторов. О том, чтобы возводить свои жилые дома заново в центральной усадьбе колхоза, должны были позаботиться сами переселяемые (Merl, 1990b: 191–197; Когтикова, 1965)¹. Средства, обещанные для сооружения новых колхозных поселений, очевидно, так и не были выплачены. Еще одно принудительное переселение, со сходным обоснованием, проводилось в то же время в орошаемых районах Кавказа и Средней Азии. Здесь оно коснулось миллионов горных крестьян, которых объединили в хлопководческие колхозы.

Планирование третьей пятилетки началось поздно — виной тому были кадровые потери в плановом аппарате в результате террора, но включало, как и прежде, введение севооборотов для повышения урожайности. И. А. Бенедиктов, новый нарком земледелия, также стремился к «зеленой революции» и подъему сельского хозяйства на новый уровень. Казалось, его больше других заботило, чтобы государственные программы не оставались только на бумаге и севообороты в колхозах действительно соблюдались. Поскольку на практике именно государственные планы по севу препятствовали колхозам соблюдать севообороты, впечатляет в первую очередь то, что Бенедиктову удалось добиться отмены плана по севу в 1940 г. Колхозам предстояло теперь самим планировать сев в соответствии с собственным севооборотом. В преамбуле закона говорилось: «...в целях поднять инициативу колхозников в деле дальнейшего увеличения урожайности зерновых культур, усиления ответственности колхозов за планирование посевов отдельных зерновых культур и вовлечения в дело планирования широких масс колхозников»². Это можно было прочесть как признание позиции экспертов, по которой успехи при разведении агрикультур зависели прежде всего от самих производителей. Однако действия партии по-прежнему оставались противоречивыми. Дело в том, что план хлебозаготовок изменен не был, он продолжал деталь-

¹ Возведение домов затормозилось, так что многим семьям пришлось провести зиму во временных жилищах.

² Постановление СНК и ЦК от 28.12.1939 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1940. № 1. Ст. 3.

¹ Речь Сталина от 22.5.1939 на Пленуме ЦК по вопросу колхозного строительства // Трагедия советской деревни, 2006: 416–424, док. 206.

но предписывать колхозникам, какие именно объемы отдельных культур они должны были сдать государству, независимо от того, предусматривал их севооборот посадку этих культур или нет¹.

Государственные мероприятия, начатые в 1939 г., наряду с принудительным переселением жителей хуторов и горных крестьян, были направлены на «преобразование природы»: осушение гигантских болотных пространств с помощью новой «Программы по Нечерноземью» на Западе, и попытки превращения голодных степей в цветущие сады — на Востоке². Чтобы создать базу для содержания скота на крупных животноводческих комплексах, во всех регионах следовало поставить под государственное регулирование кормовое хозяйство. Начало внедрения этих планов зафиксировали для потомков немецкие эксперты-аграрники после вторжения немецкой армии в Белоруссию: на них произвели глубокое впечатление проделанные всего за несколько месяцев до их появления работы по осушению болот³. Итак, непосредственно перед вторжением немецких войск в июне 1941 г. началось широкомасштабное преобразование аграрного хозяйства, размах и значение которого вполне сравнимы с последствиями коллективизации. Через десять лет после коллективизации возникшие структуры следовало перекрыть так, чтобы можно было повысить урожайность зерновых культур и продуктивность животноводства. Указание о выделении площадей под выращивание кормов гарантировало, что площади зерновых останутся и впредь предметом ожесточенных полити-

ческих споров, поскольку любое их сокращение одновременно сокращало и объем зерна, который колхозы должны были сдавать государству в качестве натурального налога.

Записка Бенедиктова от марта 1939 г. к составленному Госпланом третьему пятилетнему плану некоторым образом очерчивает новый подход. Во-первых, ее автор впервые открыто поднимает вопрос об отсутствии материальных стимулов для аграрных производителей и недостаточности государственных инвестиций (Merl, 1990b: 327–417)¹, а во-вторых, подводя беспощадный итог ошибкам последних десяти лет, аккуратно намекает на подлинные причины, вызванные государственной принудительной системой. Остановимся на этом подробнее. Хотя Бенедиктов и далее относит многое к деятельности «врагов народа», но здесь он скорее прибегает просто к официальному языку своего времени (Merl, 2012). Однако очевидно, что главную проблему имплементации аграрно-технологического прогресса он видел в отсутствии материальных стимулов для аграрных производителей и в тяжком бремени всех тех расходов, которые должны были нести на себе неспособные к оплате колхозы. Он потребовал, чтобы как минимум основные затраты аграрной модернизации взял на себя госбюджет. Отголоски реального положения дел можно увидеть и в том, что он предусматривал для части работ более длительные сроки. Однако подлинные, настоящие проблемы, то есть закупочные цены, не покрывающие даже производственные расходы, в особенности на зерно и картофель, и упорную ставку государства на насилие, принуждение колхозников к труду, он в доступных нам документах не поднимает².

Бенедиктов потребовал решительных мер для ликвидации «антиколхозных уклонений». Итак, трудовая дисциплина колхозников вновь нуждалась в укреплении. Уже в 1932 г. было установлено, что важнейшее звено трудовой организации в колхозе — бригада, однако во многих колхозах состав бригад часто менялся, кроме того, в них входили и те, кто не был занят в производстве. Бенедиктов потребовал учреждения постоянных рабочих групп, в особенности для технических культур, и указывал на успехи, достигнутые при этом с 1935 г. Важны для укрепления групп были материальные стимулы, как, например, премирование по сахарной свекле, предусмотренное правительством. Из высказываний Бенедиктова

¹ Постановление СНК и ЦК от 28.12.1939 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1940. № 1. Ст. 3. Постановление определяло в то же время, что колхозы сами должны были беспокоиться об исполнении своих обязательств по хлебозаготовкам. «Свобода» при посеве ни в коем случае не должна была становиться бременем для производства и сдачи государству хлебных или иных пищевых культур.

² Ср., в частности: Постановление СНК и ЦК от 04.01.1939 г. о расширении сева озимых и мерах по повышению урожайности в восточных регионах // Трагедия советской деревни, 2006: 330–333, док. 161; Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1939. № 3. Ст. 10. На Сибирский научно-исследовательский институт зернового хозяйства было возложено в течение трехлетнего срока вывести пригодные сорта летней пшеницы. Для разработки практических мер областям и краям в начале 1939 г. следовало созвать совещания агрономов, колхозников, работников совхозов и научных работников.

³ Von Poletika. Lagebericht nach Reise im Juli 1941. Nachlass. Hoover Institution. Stanford. Ср. также: Von Poletika. Wirtschaftsstab Ost. Kurzes Konzept. Reisebericht 24.—27.7.1941. Говорится, что за последний год советское правительство начало крупномасштабные мелиоративные мероприятия, чтобы в кратчайший срок (10 лет) осушить все болота Белоруссии. Автор говорит о высоких инвестициях и привлечении колхозников к работам.

¹ Задолженность государственных органов колхозам с 1935 г. постоянно бичевалась путем проведения кампаний, в 1938 г. — также и распределение внутри колхозов.

² Записка от 4.03.1939 г., подписанная наркомом земледелия Бенедиктовым, к проекту 3-го пятилетнего плана // Трагедия советской деревни, 2006: 372f, док. 178.

по кадровым вопросам следует, что на первый план выдвигается повышение материальных стимулов для преодоления высокой текучести кадров и повышения производительности труда. Они несколько напоминают сталинские предложения по борьбе с текучестью кадров в промышленности, изложенные в его речи перед хозяйственниками в 1931 г. (Сталин, 1951: 51–80). Бенедиктов считал, что многие из образованных специалистов покинули аграрную сферу из-за слишком низкой оплаты, их вознаграждение должно быть существенно повышено, кроме того, они должны получать материальные поощрения за хороший труд. Государство должно было, по его мнению, взять на себя все расходы на внутрихозяйственное землеустройство. Чтобы покончить с текучестью кадров и сделать возможным планирование землеустройства, землеустроителей следовало приравнять к агрономам районных земельных отделов и, соответственно, поднять их зарплату с 200 до 700 руб. (sic!) (Трагедия советской деревни, 2006: 368)¹. Неопределенность зарплат также ведет к высокой текучке среди председателей колхозов. Чтобы удерживать лучшие кадры, их вознаграждение, а также вознаграждение счетоводов нужно было поставить в зависимость от их трудовых достижений (Там же: 60–362, 368).

Значение, которое Бенедиктов отводил введению настоящего севооборота, демонстрирует доклад, составленный им специально для Молотова и Сталина в марте 1939 г. (Там же: 384–387, док. 187)². Он считал, что в первую очередь нужно провести внутрихозяйственное землеустройство, которое до сих пор делалось в основном формально, за письменным столом. Лишь 35500 (14,6%) из 243339 колхозов Советского Союза располагали к 1 января 1939 г. землеустройством, выполненным на месте и в соответствии с научными критериями. Между 1932 и 1934 гг. работы проводились без участия колхозников. К тому же земельные органы часто выдавали колхозам обязательства по выращиванию культур, которые нарушали установленный теми севооборот. Бенедиктов сообщал, что наркомзем хотел бы регулировать специфику севооборотов для отдельных хозяйственных регионов в специальных инструкциях (Там же)³.

¹ Записка от 4.03.1939 г., подписанная наркомом земледелия Бенедиктовым, к проекту 3-го пятилетнего плана // Трагедия советской деревни, 2006: 372f, док. 178.

² Опубликовано не позже 26.03.1939 г.

³ К инструкциям для отдельных областей, изданным в 1940–1941. Бенедиктов соглашался, что нужно учитывать опыт введения севооборотов в Кулундинской степи. См.: Постановление СНК и ЦК от 28.12.1936.

Примечательно, что для завершения работ по внутрихозяйственному землеустройству Бенедиктов наметил сравнительно долгий срок в семь лет. Работы, в том числе в окраинных регионах, должны были завершиться лишь к концу 1944 г. Это говорит о том, что на этот раз задача должна была решаться на уровне не только слов, но и действий на местах, с учетом имеющихся ресурсов — как кадровых, так и финансовых. Обращаясь к Сталину и Молотову, Бенедиктов подчеркивал, что разработка севооборотов обязательно должна проводиться прямо в колхозах, с участием колхозного руководства и колхозного актива, под ответственным руководством агронома вместе с землеустроителем, зоотехником и другими привлеченными специалистами. Внутрихозяйственное землеустройство должно было осуществляться в 161000 колхозов до завершения третьего пятилетнего плана в 1942 г., в оставшихся 46839 животноводческих колхозах, а также в колхозах Средней Азии и на Кавказе — лишь в 1943–1944 гг. (Там же: 366–369)¹. Сплошное межевание следовало проводить с одновременным устранением таких недостатков, как чересполосица и дальнотелье. Для 313 млн гектаров колхозно-крестьянских земель отсутствовали какие-либо документы, поэтому в третьем пятилетнем плане предстояло измерить заново и перенести в местные карты 184 млн гектаров земель, а для более 87 млн гектаров — скорректировать материал прошлых лет. Предстоящие работы должны были опираться также на аэросъемку. Чтобы правильно организовать территорию и оптимально внедрить аграрную технику, необходимо было исследовать почвы и нанести на карту растительность и водный режим. Затраты труда для этого столь значительны, что к 1942 г. такие работы можно было бы провести лишь на 95 млн гектаров, 90 млн гектаров предстояло охватить геоботаническими работами (Там же: 367). Новые севообороты позволили бы осуществить переход к посевам многолетних культур (Там же)². Для гарантии стабильности каждый колхоз должен был (как это предусматривалось еще в 1933 г.) после проведенного землеустройства получить от райисполкома свидетельство о введенном севообороте.

¹ Записка от 4.03.1939 г., подписанная наркомом земледелия Бенедиктовым, к проекту 3-го пятилетнего плана // Трагедия советской деревни, 2006: 372f, док. 178. Бенедиктов давал при этом и точные данные по расходам: 448,7 млн руб. были предусмотрены для межевания и земельной съемки, 307,4 млн руб. для внутриколхозного землеустройства, для исследований почв — 79,4 млн руб.

² Постановление СНК и ЦК от 26.10.1938 называло главные регионы, к которым оно относилось: колхозы по выращиванию кормов — МТС засушливого юго-востока, а также колхозы, выращивающие лен, сахарную свеклу и хлопок.

Изменения в нем были возможны только с разрешения облисполкома (Там же: 384–387¹).

М.П. Когтикова утверждает, что лишь при проведении межевания 1939 г. были устранены чересполосица и дальнотемелье. До 1939 г. незначительное число колхозов Нечерноземной зоны располагали севооборотами. По ее данным, годовой план 1939 г. о введении севооборотов в 30115 колхозах был выполнен приблизительно на треть (Когтикова, 1965)². Годовой план на 1940 г. (21000 колхозов) был перевыполнен: 23472 колхоза получили севообороты. На 1 января 1941 г. 45,5 млн гектаров колхозных земель были отведены под поля севооборотов, 32531 колхозов располагали своим севооборотом, в 39143 колхозах было проведено внутрихозяйственное землеустройство. Все работы на рубеже 1940-х гг. были нацелены на введение травопольных систем, однако радикального улучшения не наступило, потому что выращиваемые злаковые культуры показали ничтожно малую урожайность. Так что ожидаемого позитивного воздействия на животноводство не последовало, и почвенное плодородие также не улучшилось (Когтикова, 1965).

Решающей составной частью «зеленых революций» является борьба с животными вредителями. Ее значение в конце 1920-х гг. в Советском Союзе было известно, но с начала коллективизации ею грубо пренебрегали. Бенедиктов установил, что почти никакой химической борьбы против вредителей и болезней растений не велось. Немногочисленные инструменты для борьбы с вредителями оказались, по его словам, в основном устаревшими и непригодными. Даже то ничтожное количество ядов, которое имелось, часто не использовалось, поскольку из-за нехватки пригодного оборудования с ними могли работать только вручную. Он потребовал значительно повысить производство оборудования для борьбы с вредителями, а также необходимых запчастей. Потребности сельского хозяйства должны были полностью удовлетворяться (Трагедия советской деревни, 2006: 368–371³). Предусмотренный Госпланом

¹ Бенедиктов Сталину и Молотову. В 1939 г. для проведения работ должны были быть переподготовлены 8000 агрономов и 6700 землеустроителей направлены на курсы. Землеустроителей, которые уже работали по другим специальностям, он призывал вернуться.

² За недостаточную подготовку введения севооборотов в колхозы Наркомзем получил выговор. Ср.: Постановление СНК СССР от 15.04.1939 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1939. № 26. Ст. 164.

³ Записка от 4.03.1939 г., подписанная наркомом земледелия Бенедиктовым, к проекту 3-го пятилетнего плана // Трагедия советской деревни, 2006: 372f, док. 178. Для большинства инструментов он требовал десятикратного увеличения производства.

уровень механизации полевых работ Бенедиктов расценивал как слишком низкий и сомневался, что запланированный уровень в 80% может быть достигнут к весеннему севу 1942 г., ведь фабрики загружены совсем другими производственными обязательствами. Впрочем, некоторые из тех машин, которые он в 1939 г. требовал для сельского хозяйства, вплоть до прекращения существования Советского Союза так никогда и не были предоставлены в достаточном количестве или качестве. В особенности это касается машин для уборки кормов (Там же: 369).

С 1938 г. нарастают проблемы с внедрением сельскохозяйственной техники. С 1937 г. в связи с расширением производства вооружений замедлилась поставка новых тракторов, с 1938-го — прицепных орудий и комбайнов. Это отразилось на показателях сельского хозяйства, эффективность при проведении полевых работ упала. Серьезные последствия имело расточительное обращение со скудными ресурсами, резко сокращался срок жизни техники в сравнении с западным сельским хозяйством, что вело к постоянным новым затратам. Из-за плохого технического обслуживания и текучести кадров среди трактористов и комбайнеров с 1938 г. снижалось количество исправных тракторов и других сельскохозяйственных машин. Нормирование горючего и сокращение поступления новой сельхозтехники еще сильнее снижали общую эффективность полевых работ.

Еще Эйхе в начале 1938 г. предупреждал о последствиях нарастающей диспропорции между поставками тракторов и готовностью ремонтных мастерских. Из 5819 МТС 2088 не располагали никакими мастерскими и лишь 1200 могли осуществлять капитальный ремонт. Многие тракторы теперь нуждались в капитальном ремонте¹. В 1939 г. Бенедиктов возложил ответственность за то, что строительство хозяйственных и жилых построек для МТС в последние годы заметно отстало от поставок технического оснащения, на недостаточность предоставляемых Госпланом инвестиционных средств. У 1400 МТС все еще не было мастерских для текущего ремонта, 3500 МТС не имели отапливаемых гаражей для автомобилей. Только 60% тракторов и комбайнов стояли в укрытиях, остальные оставались под открытым небом. Столь же мало внимания уделялось и условиям жизни трактористов и комбайнеров; МТС были крайне плохо обеспечены жильем и социальными учреждениями (Трагедия советской деревни, 2006: 371–373)².

¹ Выступление Эйхе 18 января на январском 1938 г. Пленуме ЦК // Трагедия советской деревни, 2006: 31.

² Записка от 4.03.1939 г., подписанная наркомом земледелия Бенедиктовым, к проекту 3-го пятилетнего плана // Трагедия советской деревни, 2006: 372f, док. 178.

Бенедиктов указывал на то, что многие МТС не оснащены базой горючего, что служило причиной для новых потерь. Он призывал Госплан как минимум вдвое повысить бюджетные расходы, предусмотренные на третью пятилетку (Там же: 372f).

Плохое техническое состояние тракторов, опоздания в подвозе горючего и семян приводили к многочисленным авариям и длительным простоям, из-за чего страдало качество сева: зачастую предписанные агротехнические мероприятия не проводились, а семена использовались низкого качества. Нормы сева понижались, сев проводился на плохо обработанных полях, в некоторых регионах — вручную. Тракторы не могли работать ночью, потому что у них не включались фары¹. Подобные проблемы затрудняли и уборку урожая. Так, НКВД летом 1938 г. сообщал о трудностях при использовании комбайнов из-за плохого ремонта, отсутствия запасных частей и высокой текучести кадров среди комбайнеров, из-за чего в некоторых местах приходилось убирать урожай вручную, жатва продвигалась очень медленно. Из-за засухи и жары сильно осыпалось созревшее зерно. Потери на полях были очень значительны, так как комбайны использовались неграмотно, комбайнеры не имели достаточной квалификации. В отдельных случаях доклад сообщал о потерях 4 центнеров с гектара. Плохо организован был и вывоз зерна с полей. Часто созревший на полях хлеб не охранялся, из-за чего случались поджоги. Среди сельского населения ходили слухи о предстоящей войне или голоде². Если упоминалось, что нехватка свободных хранилищ после высокого урожая 1937 г. затрудняла прием зерна нового урожая, это говорит о том, сколь мало было подготовлено советское сельское хозяйство к высоким урожаям вследствие «зеленой революции»³. В 1938 г. зерно, как и прежде, портилось, потому что лежало без всякого укрытия на линиях железной дороги, и организовать его вывоз не удавалось⁴. Эти сообщения иллюстрируют, как сильно разрастались в сельском хозяйстве скудные ресурсы из-за отсутствия жестких бюджетных рестрикций (Корнаи, 1990).

Зафиксированные современниками показатели урожайности хлебных злаков в 1939 г. превышают амбарный урожай более чем на 30%, для картофеля — примерно на 15%. Только на первый

взгляд удивляет, что в совхозах потери были практически такими же (амбарный урожай был на 2,1 центнера ниже официально зарегистрированного «биологического» урожая), ведь условия производства там были практически такими же. Потери урожая были в 1939 г. выше, чем в предыдущем году, потому что сбор урожая очень затянулся. Снова говорилось о плохом ремонте комбайнов и тракторов, а также высокой текучести кадров среди комбайнеров¹. Одну из причин высоких потерь урожая Госплан видел в том, что комбайнеры не несли материальной ответственности за качество своей работы и все равно получали премии, даже если были виноваты в высоких потерях урожая. Так, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке был отмечен водитель, собравший урожай с 717 гектаров за 22 дня. Однако на его полях потери урожая составляли примерно 3,2 центнера на гектар (то есть почти половину «биологического урожая»). Исходя из этого Госплан потребовал в месячный срок составить новые правила оплаты труда, которые они должны были повысить заинтересованность комбайнеров в качестве их труда. К потерям вела и плохая конструкция некоторых типов комбайнов. Особенно технически неудачны были комбайны типа «Коммунар» (Трагедия советской деревни, 2006: 502–505).

И в 1939-м, и в 1940 г. случалось, что земли колхозов неверно учитывались в планирующих органах, а реально обрабатываемые площади в отчетах вышестоящим органам завышались (Когтикова, 1965: 287ff). По информации Снегирева, данные о площадях колхозов, передаваемые планирующим органам, нередко на 10% и больше превышали реальные². Осенью 1940 г. заявленные посевные площади колхозов Таджикистана превосходили обрабатываемые в реальности иногда более чем вдвое³. Госплан, адресуясь нарком земледелия Эйхе, в конце 1937 г. называл решающим фактором для выдачи обязательств по севу земельный учет: «Имеются нередкие случаи, когда вследствие вредительского задания по посеву колхозы вынуждены распахивать имеющиеся у них выгоны, оставляя скот без пастбища»⁴. Перепахивались посевы клевера и люцерны, когда требовалась чистая залежь.

¹ НКВД по вопросу весеннего сева от 28.4.1938 г. // Трагедия советской деревни, 2006: 113–118, док. 47.

² НКВД Ежову от 25.07.1938 г. // Там же: 171f, док. 72.

³ Ср.: Особый доклад Ежову от 4.08.1938 г. // Там же: 186f, док. 78.

⁴ Доклад Берии от 23.10.1938 Сталину, Молотову и Ежову // Там же: 293f, док. 137. Ср. также: док. 158 (от 31.12.1938).

¹ Госплан по вопросу урожаев 1939 г. (8.03.1940 г. или ранее) // Трагедия советской деревни, 2006: 500–512, док. 246.

² Снегирев М. Задачи и методы учета земель колхозов // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 10. С. 34.

³ Известия. 1940. 29 ноября.

⁴ Справка от 28.12.1937 // Трагедия советской деревни, 2006: 548, док. 370.

Подневольный труд: почему колхозников трудно было удержать в колхозах?

Ничтожно низкая оплата труда вкупе с экстремальной сезонностью побуждали многих колхозников искать за пределами колхоза работу, за которую им платили бы деньги, или концентрировать свое внимание на личных приусадебных участках¹. Орджоникидзевский край в 1938 г. сообщал об отчетливом росте случаев выхода из колхозов. 30–40% всех трудоспособных членов колхоза на работу в колхозе не являлись. В Калининской области некоторые председатели колхозов не желали оставаться на своих постах: по их словам, их колхозники занимались работой вне своих колхозов, потому что за выработанные ими трудовые они никакого зерна не получили (Трагедия советской деревни, 2006: 315, док.149)². Конечно, для колхозников было невозможно согласиться с тем, что они в собственном колхозе как «совладельцы» получали только «палочки», которые под обозначением «трудовые» маркировали их долю при «распределении прибыли» к концу года, в то время как соседний колхоз платил им за тот же труд зарплату как поденным наемным работникам. Поскольку большинство колхозов не хлопководческого направления никакой прибыли не получали, то к концу года нечего было и распределять. В качестве типичного примера можно рассмотреть оплату в артели Гречишкино под Старобельском на Украине. Один трудовой полевых работ приносил колхозникам в 1940 г. 64 копейки. 1,14 руб. за трудовой в животноводстве также фактически были не более чем подаванием. Только в виноделии труд колхозников действительно окупался — здесь трудовой приносил 8,40 руб. Все имеющиеся годовые отчеты колхозов показывают сходные отношения. Если колхозники продавали хоть что-то на базаре — это составляло большую часть их денежных поступлений³.

Участие колхозников в работе было очень разным. В современных сообщениях умалчивается, что наряду с ничтожным вознагра-

ждением за труд играла свою роль и очень неравномерная нагрузка, объем работы, а также опыт, трудовые ничего не приносили, если были заработаны после обмолота и предоплаты осенью (Merl, 1990b: 324–417). Распределение по возрасту и полу показывает, что не участвовали в колхозном производстве или участвовали менее чем с 50 трудовыми, в первую очередь подростки и женщины. Мужчин в этой группе практически не было. Они, очевидно, активнее работали в колхозе, по крайней мере, на оплачиваемых в течение всего года «командных постах». Это указывает на недостаточное предложение труда в колхозах. Женщины и молодежь составляли резерв, который приходил на помощь, когда во время уборки урожая требовалась дополнительная рабочая сила. Безусловно, женщины чаще были заняты на приусадебных участках¹. Один день работы там приносил, как правило, заметно более высокий доход, чем «трудовой» в колхозе. Даже колхозники, имевшие более 200 трудовых, получали за счет своего труда на приусадебном участке пятикратно более высокий доход. В отчете также приводились данные о том, что колхозы использовали труд поденных рабочих (Трагедия советской деревни, 2006: 413–416).

Перед Пленумом ЦК в мае 1939 г. Сталин приказал проверить, нет ли возможности переводить «туеядцев» в другие колхозы. «Во-первых, туеядцев, людей, которые присосались к колхозу, а пользы не дают — их нужно вытряхивать <...> они пожелают переселиться в другие области: Омскую, Красноярскую, Приволжье, там много земель, в Казахстан, на Дальний Восток и прочее»². Одно из шумных следствий недостаточной оплаты труда колхозников за их труд зимой 1938/1939 гг. обратило на себя внимание прокуратуры. В докладах Сталину и Молотову говорилось, что в колхозах привлекались к труду несовершеннолетние дети моложе 14 лет и что им приходилось исполнять тяжелые работы наравне со взрослыми. Неоднократно случалось, что они не посещали школу. Органы прокуратуры потребовали, чтобы Наркомзем ограничил подобную практику на законодательном уровне³.

¹ Отчет Госплана от 8.04.1938 г. Сталину и др. // Трагедия советской деревни, 2006: 90–97, док. 37.

² Ср. также: Справка НКВД Ежову о настроении в деревне перед уборкой урожая // Там же: 183–186, док. 77.

³ Известия. 1941. 12 марта; ср. также: Годовые отчеты колхозов. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 141. Л. 244–237; годовой отчет колхоза Буденного, Сталинградской обл., за 1940 г.: за все обязательства по государственным поставкам колхоз получил 65871 руб., и, напротив, ничтожные по объему продажи овощей на местном базаре принесли в колхозную кассу 77455 руб. Ср. также: Merl, 1990b: 371–417.

¹ Отчет Наркомзема об общей площади приусадебных участков колхозников (до 15.5.1939 г.) // Трагедия советской деревни, 2006: 413–416, док. 205.

² Сталин на Пленуме ЦК в мае 1939 г. // Там же: 423.

³ Особое сообщение от 19.10.1938 г. // Там же: 288–290, док. 133; Вышинский Сталину и Молотову от 23.3.1939 г. // Там же: 383f, док. 186.

Выполнение программы по введению севооборотов и преобразованию природы 1940–1941 годов

Одновременно с сосредоточением инвестиций в секторе вооружения — между 1939 и 1941 гг. — начались и крупномасштабные мероприятия по преобразованию природы. Изъятие земельных излишков из приусадебных участков и насильственное переселение хуторян и горных крестьян служат примерами не только жестокости, но и бессмысленности этого принуждения — значительная часть земель, отторгнутых от приусадебных участков, впоследствии не использовалась.

Объявленные Бенедиктовым уточнения вводимых севооборотов на региональном уровне реализовывались в 1940–1941 гг. Постановления не оставляют сомнений в том, что колхозы так и не получили обещанную им свободу решений в вопросах севооборота, решения о севооборотах по-прежнему исходили от центра. Центральные органы на законодательном уровне предписывали регионам совокупную площадь для каждой отдельной культуры. С 1942 г. вновь вводились централизованные планы сева, которые в то же время должны были служить основой для обязательств отдельных колхозов по хлебозаготовкам. Полная неудача также и этих мер в отношении «зеленой революции» была ценой, которую сталинскому Советскому Союзу пришлось заплатить за то, что аграрные производители фактически бесплатно выполняли принудительные работы.

Первое подобное постановление было издано 5 марта 1940 г. для Украины¹. В нем была поставлена цель создать «надежную кормовую базу», выполнить условия для комплексной механизации и повысить площади под садовыми, винодельческими и многолетними культурами. В засушливых регионах предписывалось создание лесозащитных полос против ветровой эрозии². Введение севооборотов должно было идти одновременно с мелиорационными работами и освоением целины³. Закон централизованно устанавливал размеры посевных площадей по каждой культуре для всей Украины. Этих показателей колхозы должны были достичь за очень короткий переходный срок для введения севооборотов

¹ Соответствующие постановления издавались для нескольких хозяйственных регионов. Они были направлены на важные для региона культуры, предусматривали введение севооборотов во всех колхозах в первой половине 1940-х гг., а также укрепление агрикультурных мер.

² Постановление СНК СССР от 05.03.1940 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1940. № 5. ст. 149.

³ Там же.

уже в 1942 г. Поэтому сразу же к закону прилагался план сева 1942 г. для всей Украины¹. Архивный материал позволяет понять, что за кулисами, как и раньше, шел торг за размер посевных площадей под зерновые. При этом партийная верхушка в качестве «компромисса» настояла на том, что с 1942 г. площадь зерновых вновь достигнет размера 1937 г., хотя к этому времени благодаря освоению целины совокупная площадь должна была вырасти². Севообороты отдельных колхозов пытались втиснуть в прокрустово ложе посевного плана. К тому же местные власти и в 1940 г. продолжали распоряжаться колхозной землей по собственному произволу, изымая ее для различных государственных нужд, разве что бюрократический путь здесь несколько усложнился — о нарушении закона на местах нужно было теперь сообщать Наркомзему и затем получать санкцию правительства³. Закон предусматривал перемещение важных производственных отраслей с приусадебных участков в колхозы. Чтобы успешно передать в колхозы такие трудозатратные производственные отрасли, как животноводство, а также плодо- и овощеводство, государству следовало бы предотвратить значительные инвестиции и предложить колхозникам материальное вознаграждение за увеличение их труда. Но к этому Сталин и в 1940 г. был готов не больше, чем при осуществлении насильственной коллективизации 1929 г. Подъем агрокультуры и повышение урожайности по-прежнему базировались на принуждении со стороны государства. Если в отдельных случаях и обещались «материальные поощрения», то они не реализовывались из-за того, что расчет шел по «биологическому урожаю». В благоприятных условиях разница между тем, что вызревало «на корню», и тем, что попадало в колхозные амбары и регистрировалось как «официальный урожай», составляла 20%. То, что не было заработано, не могло быть и распределено, поэтому никакой «дополни-

¹ Там же. Как показатель задания для посевной площади Украины в 1942 г. были предписаны 13,92 млн гектаров зерновых при общей площади пашни 24,9 млн гектаров и 2,89 млн гектаров черного пара. При этом в каждом колхозе нужно было к 1942 г. выделить участки под общественные сады.

² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 2611, к дискуссиям и спорам между планировщиками РКЗ, СНК Украины и «Микояновской» комиссией.

³ Ср., напр.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 2620. О санкционировании изымания земель колхозов в Смоленской области. По поручению Облсполкома СНК санкционировал изъятие земель под строительство железной дороги, торфяные разработки и МТС. Площади приусадебных участков, изъятые в 1939 г. у колхозников, отнесли к городскому земельному фонду. Многократно происходили уже описанные выше объединения колхозов. Более 100 дел, идущих в 1940 г. только в Смоленской области, затронули почти сотню колхозов. Речь идет о нескольких сотнях тысяч гектаров земли.

тельной прибыли» продуктами не происходило ни при сборе картофеля, ни при сборе зерновых.

Парадоксальность действий государства

Со времен реформы Столыпина российское государство, чтобы уменьшить существовавшее на тот момент отставание от Западной Европы, активно вмешивалось в производство. В этом контексте решающим признаком «зеленой революции» была интервенция государства с целью повышения урожаев и совершенствования аграрных технологий. 1929 г. стал временем тяжелейшего перелома: вместо того чтобы работать над системой материальных стимулов и кредитов, Советский Союз сделал ставку в первую очередь на государственное принуждение. Власть издавала приказы, не желая при этом нести на себе дальнейшие расходы по созданию материальных предпосылок для их реализации. Сталинское государство не предоставляло требуемых инвестиционных средств и не выплачивало аграрным предприятиям заготовительных цен, достаточных, чтобы они могли оплачивать труд своих работников и выделять средства для инвестиций. В глазах Сталина крестьянская масса фактически не отличалась от классовых врагов. Соответственно, он требовал от сельского хозяйства выплату «дани» в пользу индустриализации. Государственная материальная поддержка, абсолютно необходимая для проведения «зеленой революции», отсутствовала в СССР вплоть до времени правления Брежнева.

С 1929 г. советское государство опекало аграрных производителей во всем и вся, не оставляя им никакого пространства для выбора собственных мер по улучшению технологий. О согласованности многочисленных постановлений никто не думал. Так, центральная власть настаивала на высокой доле зерновых в общей площади посевов, хотя переход к правильным севооборотам неизбежно должен был повлечь за собой их сокращение. Колхозы не имели никакой производственной самостоятельности и собственной ответственности. Потеря собственной тягловой силы из-за падежа рабочих лошадей, произошедшего по вине того же государства, поставил колхозы при проведении полевых работах в полную зависимость от МТС. Вследствие этого они утратили контроль над сроками и качеством работ на своих полях, в связи с чем произошло снижение эффективности этих работ. Подлинная «зеленая революция» предполагала бы автономные аграрные предприятия, которые могли бы самостоятельно, в соответствии с местными условиями, принимать решения об оптимальном использовании

улучшенной аграрной техники и севооборотов. К тому же в 1929 г. в аграрном секторе была утрачена важнейшая взаимосвязь между заработной платой и качеством труда. Зачастую агенты государства «наказывали» за хорошую работу, возлагая на успешно хозяйствующие колхозы дополнительные нагрузки, и это несмотря на то, что с 1932 г. такая практика была официально запрещена. Вне централизованных политических и экономических кампаний местный партийный и советский аппарат пользовался созданными в колхозах ценностями. Система стимулирования в общем своем итоге поощряла плохую работу на полях, поскольку выполнение планов МТС оценивалось по площади, скорости и экономии горючего, но не по показателям урожайности, которую показывали обрабатываемые подобным образом поля. Колхозы должны были осуществлять натуральные выплаты машинно-тракторным станциям независимо от качества работы последних. Все неформальные институты советской командной экономики на селе требовали нарушения официальных требований партии и правительства. Контролирующие органы не только допускали грубые нарушения аграрной технологии, но и буквально призывали к ним трактористов и комбайнеров, чтобы самим избежать санкций из-за невыполнения «своих» планов¹.

В конце 1920-х гг. в стране имелось достойное количество высококвалифицированных экспертов. Этим людям вмешательство государства казалось особенно абсурдным, ведь они лучше других могли предвидеть негативные последствия. Поскольку государство в своих официальных документах делало ставку на совершенствование аграрной технологии и введение севооборотов для желанной «зеленой революции», оно полностью зависело от экспертов — только они были способны разработать «вакханалистические» планы, за которыми партийная верхушка могла скрыть свой дилетантизм в практике аграрного производства. Разрыв между живописными оптимистическими картинами будущего в составляемых планах и реальной жизнью предприятий на местах не мог быть большим. Еще в 1930-х гг. многие эксперты по-прежнему были убеждены, что какое бы то ни было улучшение аграрной технологии и введение севооборотов обязательно предусматривает активное участие аграрных производителей. Но поскольку они не несли

¹ Ср., напр.: Социалистическое земледелие. 1940. 23 марта, 18 мая. Отчет из Новосибирска. Сообщалось, что «Некоторые колхозы и МТС в своем стремлении повысить скорость сева прибегают к совершенно непозволительным и вредным упрощениям технологии сева». См.: Социалистическое земледелие. 1940. 10 мая. Колхозы редко протестовали против плохого качества работы МТС, потому что предпочитали «взаимное прощение грехов».

ответственности за внедрение центральных указаний по аграрной модернизации на местах, то оказались перед сложным выбором. Либо вводить севообороты согласно своим экспертным знаниям и вопреки интересу государства к высокой доле зерновых, либо, работая на местах, идти против профессиональной честности, дабы избежать государственных репрессий. При создавшемся положении большинство из них, видимо, вынуждено было дезертировать из деревни. Сталинская партия обошлась с экспертами-аграрниками крайне жестоко, сделав их козлами отпущения за то, что ожидаемая «зеленая революция» так и не состоялась. После неурожая 1936 г., который показал лживость сталинских слов о «лучшей» жизни и выявил слабость «социалистического сельского хозяйства», в 1937 г. партийная верхушка выставила экспертов перед населением как «вредителей» и «врагов народа», умышленно саботировавших указания партии. Многие эксперты-аграрники пали жертвами «большого террора» 1937 и 1938 гг., среди них — все бывшие наркомы земледелия: Яковлев, Чернов и Эйхе. Все они, как и их более счастливые преемники Бенедиктов, по крайней мере в общих подходах разделяли убеждения экспертов, что для подлинной «зеленой революции» необходимо участие аграрных производителей.

Итог: почему долгожданная «зеленая революция» в Советском Союзе так долго не наступала?

В нормальных условиях «зеленая революция» базируется на действии синергетических эффектов. Почему же в Советском Союзе они вызвали негативную спираль, которая в итоге на долгий срок блокировала повышение урожайности? В качестве решающего фактора нужно назвать утрату мотивации аграрных производителей. Сталинское государство требовало от крестьян, чтобы они, как крепостные, практически бесплатно принудительно трудились на полях в пользу государства. Рост трудозатрат при выращивании зерновых и картофеля означал для них исключительно повышение нагрузки, но не дохода. Для колхоза расширение посевов зерновых оборачивалось ростом экономических потерь предприятия. Суждение радикальных реформаторов конца 1980-х гг., что коллективизация превратила крестьян в земельных рабочих, лишенных интереса к сельскому хозяйству, помогает понять суть проблемы.

В отношении фактора рабочей силы в литературе обнаруживаются существенные недоразумения, возникающие вследствие не критической передачи высказываний Сталина и художественных

произведений. Очевидно, в Советском Союзе не было нехватки кадров в аграрном секторе. Доля занятых в сельском хозяйстве в любой исторический момент в разы превышала аналогичные западные показатели на соответствующем уровне развития. Этот аномальный кадровый перекоп в аграрном секторе не был преодолен до конца существования Советского Союза и даже после него. Капитальные инвестиции в сельское хозяйство при Брежневе только обострили проблему. В то время как в Европейском союзе дотации в аграрный сектор оказывали сильное давление на рост производства, введенное при Брежневе субсидирование советского сельского хозяйства имело обратный эффект: оно позволило предприятиям продолжать производство с прежней чрезвычайно низкой производительностью и расточительным отношением ко всем наличным ресурсам, ведь за все потери расплачивалось государство. При этом уже была учтена явная нехватка эффективной сельскохозяйственной техники при советской командной экономике. «Ощущаемая» нехватка рабочих рук объясняется полнейшим отсутствием мотивации к работе с 1930 г. Это на долгое время стало одной из главных черт российской экономической культуры и не преодолено по сей день.

Партийная верхушка разделяла пренебрежительное отношение *интеллигенции* к крестьянам: те смотрели на последних как на необразованных существ, знания и интересы которых не были достойны внимания. Сталин был убежден, что *мужика* необходимо окультурить. Однако Бенедиктов в своих формулировках 1939 г. настаивал на необходимости участия самих аграрных производителей, а аграрную модернизацию осуществлять с опорой на них. Почему же в практических действиях Бенедиктова этого почти не обнаруживается? Пожалуй, объяснить это можно только своеобразием политической коммуникации при диктатуре, «регрессивным обучением»: слова Бенедиктова противоречили его действиям. Будем считать, что судьба благоволила ему в том, что ему не пришлось осознать это противоречие. Введенный снизу, самими предприятиями, севооборот сделал бы невозможным установление точных цифр для общей посевной площади соответствующего хозяйственного региона. Не менее противоречивы были и указания Бенедиктова по созданию материальных стимулов. Он совершенно верно понимал, что нельзя завоевать расположение ни экспертов, ни производителей, если не предлагать им никаких материальных поощрений, однако не мог признать, что те натуральные продукты, которые он собирался распределять среди производителей в награду за успехи, вследствие «биологического» расчета урожаев попросту не существовали. Система, которая считала

жизнь крестьян «веселой», не могла признать, что она принуждала их к подневольным работам, превращая фактически в рабов. Позже, после смерти Сталина, молодые исследователи, среди них — авторитетный социолог Татьяна Заславская и прославившийся во время перестройки на всю страну агроэкономист Гелий Шмелев, говорили о том, что своим трудом колхозники, очевидно, лишали аграрные продукты стоимости, потому что благодаря их работе они обесценивались!

С точки зрения науки шанс на «зеленую революцию» оставался. То, что его не сумели реализовать, объяснялось, с одной стороны, заданными государством условиями, в рамках которых аграрные предприятия были лишены самостоятельности и возможности определять и предпринимать улучшения в процессе обработки полей, а с другой — укоренившейся привычкой строить прекрасные планы, не заботясь об их связи с реальностью и о том, можно ли воплотить их в жизнь.

До конца существования Советского Союза полевые работы во время аграрных кампаний месяцами находились в центре внимания прессы, как будто речь шла о национальной боевой задаче номер один¹. Именно в этой постоянной и навязчивой опеке над аграрным производством и состояла гениальная шахматная партия Сталина, в ходе которой он надежно и надолго, даже посмертно, предотвратил успех «зеленой революции» в России. На долю Хрущева тоже выпала заслуга — он сумел еще сильнее увеличить вред для всего народного хозяйства путем откомандирования промышленных рабочих и студентов вузов в помощь аграриям на уборку урожая, отрывая их на месяц от создания полезного продукта. В 1960-е гг. квалифицированные эксперты предпочитали оставлять свою работу в аграрном производстве и обучать студентов в сельскохозяйственных вузах, где им меньше приходилось терпеть мелочные придирки и глупости со стороны государства. Потенциальные возможности советского сельского хозяйства, освободись оно от назойливой государственной опеки, иллюстрирует пример Худенко — тракториста, который во времена Хрущева досрочно до должности директора совхоза. Его судьбу вспомнили СМИ во времена перестройки. Он действительно реализовал в своем совхозе «зеленую революцию», но в брежневскую эпоху был как спекулянт брошен в тюрьму, где он довольно скоро и скончался. В чем же состоял его успех или же, с точки зрения такого диктатора, как Сталин, его преступление? Худенко уменьшил расходы

на производство, сократив количество тракторов и сельскохозяйственной техники до действительно необходимого. Он замечательно повысил срок службы тракторов, потому что трактористы, получавшие теперь хорошую зарплату, лично отвечали за техническое состояние своих машин. По своей воле к труду они напоминали шабашников, потому что получали выгоду непосредственно от полученного ими урожая, а он отчетливо рос. Высвободившихся работников Худенко уволил, а это было практически 90% всех занятых. Выручки предприятия при этом хватало на то, чтобы выплачивать им пособие по безработице¹.

Список литературы

1. Данилов В. П. (1966). Колхозное движение накануне сплошной коллективизации (1927 г. — первая половина 1929 г.) // Исторические Записки. 1966. № 79. С. 52f.
2. Когтикова М. П. (1965). Укрепление землепользования колхозов в 1938–1941 гг. Рукопись канд. дисс. М.
3. Корнаи И. (1990). Дефицит. М.: Наука.
4. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР (1930). 3-е изд. Т. 2. Ч. 1. М., 1930.
5. Российский статистический ежегодник 2006. М., 2007. с. 448–462.
6. Российский статистический ежегодник 2013. М., 2014. Таблицы 15.17 и 15.35.
7. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. (1988). М. С. 13–17;
8. Сталин И. (1951). Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства: речь на совещании хозяйственников, 23 июня 1931 // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат. С. 51–80.
9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. Т. 5 (1937–1939). Ч. 1, 2 (1938–1939). М.: РОССПЭН, 2006.
10. Чаянов А. В. (2003). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Александр Васильевич Чаянов. Не публиковавшиеся и малоизвестные работы. М., Дашков и К. С. 245–311.
11. Berliner J. F. (1957). Factory and Management in the USSR. Cambridge MA.

¹ Запись выступления М. Жванецкого 01.04.1982 г. в Доме актера в Москве, переданная КГБ в ЦК 10.05.1982. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Д. 1044. Л. 34ff.

¹ S. Merl. Steht die Reprivatisierung der sowjetischen Landwirtschaft bevor? // Deutsche Studien 28 (1990), S. 289–305, hier: S. 300f.

12. *Bruisch K.* (2014). Als das Dorf noch Zukunft war. Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Köln u. a.
13. *Davies R. W.* (1974). The Soviet Rural Economy in 1929–1930. The Size of the Kolchoz. // Essays in Honour of E. H. Carr / C. Abramsky (Hg.). London. S. 255–280;
14. *Fainsod M.* (1958). Smolensk under Soviet Rule. Boston u. a.
15. *Filtzer D.* (1986). Atomization, “Molecularization”, and Attenuated Solidarity: Workers’ Responses to State Repression Under Stalin // Stalinistische Subjekte. Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953/ B. Studer, H. Haumann (Hg.). Zürich.
16. *Fitzpatrick S.* (1994). Stalin’s Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York.
17. *Jasny N.* (1961). The Soviet Industrialization: 1928–1952. Chicago.
18. *Kindler R.* (2014). Stalins Nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan. Hamburg.
19. *Merl S.* (1981). Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Die Anfänge staatlicher Lenkung der Landwirtschaft in der Sowjetunion, S. 1925–1928. München, Wien. S. 141–284.
20. *Merl S.* (1985a). Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion. Der Übergang zu staatlichen Reglementierung der Produktions- und Marktbeziehung im Dorf (1928–1930). Wiesbaden.
21. *Merl S.* (1985b). Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit // W. Fischer (Hg.). Sachzwänge und Handlungsspielräume in der Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit. St. Katharinen. S. 175–229;
22. *Merl S.* (1988). Hat sich der landwirtschaftliche Großbetrieb bewährt? Zum Vergleich von Agrarentwicklung und Agrarproblemen in der Sowjetunion und der DDR // H. Horn, W. Knobelsdorf, M. Reiman (Hg.). Der unvollkommene Block. Die Sowjetunion und Ost-Mitteleuropa zwischen Loyalität und Widerspruch, Berlin. S. 139–170.
23. *Merl S.* (1990a). Steht die Reprivatisierung der sowjetischen Landwirtschaft bevor? // Deutsche Studien 28 (1990). S. 289–305.
24. *Merl S.* (1990b). Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems 1930–1941. Berlin.
25. *Merl S.* (1993). Einleitung // Sowjetmacht und Bauern. Dokumente zur Agrarpolitik und zur Entwicklung der Landwirtschaft während des “Kriegskommunismus” und der Neuen Ökonomischen Politik / S. Merl (Hg.). Berlin. S. 15–78.
26. *Merl S.* (2007). Die sowjetische Kommandowirtschaft — warum scheiterte sie nicht früher? // GWU 58 (2007). S. 519–536.
27. *Merl S.* (2008). Bauern in Kreditgenossenschaften: “Träume” und “Albträume” der Staatsbank-Inspektoren, 1905–1917 // Jenseits der Zarenmacht. Dimensionen des Politischen im Russischen Reich 1800–1917 / W. Sperling (Hg.). Frankfurt / M., New York. S. 279–312.
28. *Merl S.* (2012). Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen.
29. *Miller R. F.* (1970). One Hundred Thousand Tractors. The MTS and the Development of Controls in Soviet Agriculture. Cambridge, Mass.
30. *Petrone K.* (2000). Life Has Become More Joyous, Comrades. Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington u. a.
31. *Stalin J.* (1970). Rede auf der Ersten Unionsberatung der Stachanovleute am 17.11.1935 // Stalin J. Fragen des Leninismus. Berlin.
32. *Varga G.* (1984). Neue Produktionsbeziehungen in der ungarischen Landwirtschaft // Sozialistische Agrarpolitik / T. Bergmann, P. Gey, W. Quaisser (Hg.). Köln.
33. *Yaney G. L.* (1982). The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia. 1861–1930. Illinois UP.

О русской частушке

*Нам не надо длинных песен:
Коротушек хватит с нас.
В коротушках одна правда.
В длинных песнях — не всегда.*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается возможность использования частушки в качестве источника по истории деревенской культуры 1920-х гг. Фонд частушек, записанных в то время, поистине огромен, и на первый взгляд кажется, что нет такого факта деревенской жизни, который не нашел бы в них отклика. Отдельные частушки в качестве живых и ярких иллюстраций попадают на страницы исторических исследований, посвященных деревне того времени. Задача же включения массовой частушки в состав источников исторического исследования еще не ставилась. Круг источниковедческих вопросов, возникающих в связи с этой задачей, очень широк. В ограниченных рамках данной статьи затрагиваются лишь наиболее общие вопросы источниковедения частушки, связанные с характером и мерой отражения в ней исторической действительности.

Ключевые слова: частушки, народная культура, исторический источник, история 1920-х гг., деревня, аграрные исследования.

Изучение народной культуры на любом определенном отрезке времени прежде всего ставит задачу поиска источников, исходящих из самой народной среды и являющихся непосредственным отражением, продуктом ее деятельности. Эта задача оказывается наиболее сложной и трудной при обращении к духовной культуре народных масс, особенно крестьянства. Даже для первых десятилетий XX в., когда грамотность в нашей стране стала довольно быстро распространяться, когда и в деревне заметное место приобретают письменные памятники духовной культуры, крестьянская культура в целом оставалась бесписьменной, устной, традиционной в полном смысле этого слова: и по функционированию, и по способам наследования, пере-

дачи из поколения в поколение. Взгляд историка, естественно, обращается к фольклору, активное бытование которого само по себе служит вернейшим свидетельством сохранения традиционной народной культуры, ее жизненной силы и способности к дальнейшему развитию.

Фольклор, как это установлено теоретической фольклористикой, полистадиален, то есть в известном смысле современен любому времени своего бытования, ибо живет в непрерывном творческом созидании и воспроизведении¹. Живое («продуктивное») сохранение обрядов, песен, сказок и других фольклорных произведений является очень важной и яркой характеристикой культурно-исторической среды, ее духовного облика и бытового уклада. В этом смысле их современность на каждой стадии существования в своей культурно-исторической среде очевидна. Современность же содержания произведений фольклора весьма своеобразна. Передаваясь от исполнителя к исполнителю, оно неизбежно изменяется соответственно времени воспроизведения, но сохраняет основные черты времени своего первоначального рождения, которое часто уходит в глубокое прошлое — в иные, уже минувшие стадии исторического развития. Поэтому так сложна и трудна задача использования фольклора при исследовании народной культуры определенной исторической эпохи. Причем эти трудности нарастают тем в большей степени, чем дальше изучаемое время отстоит от истоков используемых произведений, от времени их зарождения.

Разные жанры фольклора по-разному отражают вызвавшую их к жизни историческую эпоху. Наиболее прямо и непосредственно действительность фиксируется новейшими фольклорными жанрами — такими как частушка и анекдот. Подчиняясь общим законам функционирования фольклора, эти жанры рождаются и живут в процессе постоянного воспроизведения. Вместе с тем по самой сути своей они связаны с сегодняшним днем, с конкретной ситуацией, с жизнью в ее обыденности и текучести. Они рождаются каждый раз лишь для данного момента и являются прямым и непосредственным откликом на текущие события, случаи, настроения, чувства. По своему содержанию они сиюминутны, и поэтому их современность приобретает буквальное значение. Это качество частушки как разновидности песенного творчества делает ее особенно привлекательной для историка крестьянства — той массовой социальной среды, в которой частушка родилась и жила.

¹ Статья впервые опубликована в: Данилов В. П. О русской частушке как источнике по истории деревни // Советская культура. 70 лет развития. М.: Наука, 1987. С. 376–392.

¹ Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1972. С. 372–382; Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Избранные статьи. М., 1976. С. 16–33.

Русское образованное общество открыло для себя частушку в 1870–1880-х гг. и было шокировано «ничтожностью» ее формы и содержания, ее мелодии и текста¹. Отрицательная реакция на частушку усугублялась еще и тем, что с ее распространением связывали «порчу» и даже «гибель» старой русской народной песни. И в самом деле: на смену традиционной (старинной — «досельной», протяжной — «длинной») народной песне с ее богатейшим мелосом, совершенной символической, глубиной мысли и чувства, казалось, шли коротенькие «куплеты» в 2–4–6 — от силы 8–12 строк с куцей рубленой мелодией, простенькими символами, мимолетностью и подчас грубостью содержания и настроения. В самой сочиняющей и поющей эти «куплеты» деревенской среде они получили уменьшительно-иронические или вовсе пренебрежительные наименования: «частушки», «коротушки», «припевки», «прибаски», «перегудки», «собирушки», «вертушки», «ничевушки», «тарантушки», «трясогузки», «пришелчки», «ихахошки» и т. п.

Не касаясь здесь судьбы народной песни, отметим только, что причиной драматических потрясений в ее эволюции, действительно обнаружившихся во второй половине XIX в., было, конечно, не распространение частушек. И то и другое явилось следствием общей перестройки сельской жизни в пореформенной России: патриархальщина с характерной медлительностью жизни и неподвижностью населения, как и консервировавшее эту патриархальщину самодержавно-помещичье попечительство «крестьянского благонравия», стала уступать требованиям нового времени с его более быстрыми темпами жизни и деятельности, большей мобильностью населения (и территориальной, и хозяйственной, и социальной), личной свободой человека. Начавшееся высвобождение личности крестьянина ищет и находит формы и способы самовыражения в духовной жизни, в частности в песенном обиходе. С этими объективными историческими переменами в жизни деревни и связано быстрое и широкое распространение частушек, выход их на авансцену крестьянского песнетворчества.

¹ Мы оставляем в стороне все еще тянущийся спор о времени возникновения частушки: была ли она для второй половины XIX в. действительно новым явлением, или же начала ее уходят в более ранние, может быть и древние, времена. С. Г. Лазутин, посвятивший специальное исследование происхождению частушки, пришел к твердому убеждению, что частушка <...> как особый песенный жанр возникает в середине XIX века — примерно в 50–60-е годы. Однако и он не отрицает наличия «генетических истоков», «прототипов частушек». См.: Лазутин С. Г. Русская частушка: Вопросы происхождения и формирования жанра. Воронеж, 1960. С. 27, 28. В происхождении частушек остается еще слишком много неясного, чтобы можно было признать убедительным столь однозначный и категорический ответ.

Различия между старой песней и частушкой одинаково сильны и в содержании, и в музыке, и в манере исполнения. Однако при оценке песенно-поэтического произведения в качестве исторического источника решающее значение имеет содержание. Им мы и ограничимся, сравнивая песню и частушку. В старой лирической песне (например, по классическим записям П. И. Якушкина 1840-х гг.) крестьянское жилище — это чаще всего «высок терем», а иногда даже «каменные палаты», в которых еще и «шатры шелковые». Если поется о «горнице, светлице», то она «нова» и в ней «три окна» — «на улицу», «ва зеленый сад» и «на синюю на моря», по коему «три карабика плавали». В жилище этом непременно — «столы дубовые» и «короватуха расписанная». А вот каков в песне портрет девицы: «Щегольнее всех ходила, // Чулок белый, башмак черный, // Шубка, юбка парчевая, // Душегрейка золотая...». Башмак не простой — «сафьяновый». Шубка тоже не какая-нибудь: молодой муж мечтает «Кунью шубу сшить, // Бобром опушить, // Жену снарядить...». Да что там шуба! Согласно старой песне крестьяне «кунами двор стлали, частыми соболями!» Девушка поет о себе: «Усыяла чисто поле жемчугом, // Стлала зеленые луга кунами, // Замостила звонкие мосты перстнями...». У песенного молодца «воронные лошадушки»: «На коня садится, а конь веселится, // Плеткою машет, а конь под ним пляшет...». Напомним, наконец, об обычных в старых песнях «злате-серебре», «жемчужном жерелье», «атласе», «бархате» и т. п. Изба, лапти, онучи и другие реалии подлинного крестьянского быта упоминались лишь в шуточных песнях¹.

В 1920-х гг. многие из старых песен продолжали жить, особенно в свадебных обрядах (правда, пели их часто почти профессиональные причетницы, а не сами невесты). В образах этих песен сохранялись и «терема», и «жемчуга», и «сафьяновые сапожки», и «тынот серебряный <...> у родимого у батюшки»².

Образность старой песни, сама по себе эстетически прекрасная, была бесконечно далека от реальностей сельской жизни и в условиях нового времени не отвечала мировосприятию и представлениям молодых поколений, их растущему самосознанию.

Иным был образный строй частушки. В ней жилище крестьянина — изба или дом в их конкретности. Это было ясно видно уже

¹ Собрание народных песен П. В. Киреевского / Записи П. И. Якушкина. Л., 1983. Т. 1. С. 45, 47, 52, 53, 64–65, 68, 72, 87–88, 101, 172, 175, 265, 275–276 и др.

² Вологодский областной краеведческий музей (далее — ВОКМ). Научный архив. Ф. 3. Д. 111. Л. 11–15.

по записям самых ранних частушек¹. Мы приведем два примера из записей середины 20-х гг. (вологодский и рязанский)²:

<i>Милый думает жениться, С дома крыша съехала: Сперва дом перетряси — Потом придано проси.</i>	<i>Коммунист, коммунист, Рубаха зеленая! Не у тебя ли, коммунист, Изба развалена?</i>
---	---

Картины, как видим, совершенно реальные: в первом случае — требование девушки к милому по вполне понятному житейскому поводу, во втором — характерная для 20-х гг. насмешка состоятельной части деревни над бедностью крестьян-коммунистов.

Изредка встречающийся в частушке каменный или кирпичный дом — признак достатка. Как правило, для исполнителя он был желанным:

<i>Охал, охал я, проохал Белокаменный домик: До порядочной девчонки Доохаться не мог!</i>	<i>Кирпичной дом, Поперечный пол.— На стулу сидит, играет Симпатичный мой.</i>
<i>Кирпичный новый дом, Четыре окошка. Отдала меня мамаша — Народу немножко.</i>	<i>Кирпичный новый дом Долго строится. Отдала меня мамаша — Повек гориться.</i>

Все эти частушки — рязанские. Там в 20-х гг. наблюдалось заметное стремление крестьян к возведению домов из кирпича и камня. Но на «палатъ» эти дома не похожи и желанность их не абсолютна. Для исполнительницы одной частушки главным оказалось то, что «народу немножко», а для другой такой дом сам по себе и вовсе не желанен, ибо ей в нем всю жизнь горевать. Не прошли частушки мимо и таких признаков достатка в деревне того времени, как, например, «поперечный пол» — деревянный, а не земляной, как во многих еще крестьянских жилищах, или стул, который был достаточно редкой принадлежностью домашней обстановки у крестьян.

¹ Симаков В. И. Что такое частушка? М., 1927. С. 9.

² Все приведенные в тексте статьи частушки 1920-х гг. даются в записях, хранящихся в фондах следующих архивов: Государственный архив Вологодской области. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 275, 331, 349; ВОКМ. Научный архив. Д. 111, 119; Рязанский областной музей-заповедник (далее — РОМЗ). Научный архив. Д. 1281, 1286; Этнологический архив. Кн. 2, 3, 4, 5; Ленинградский архив Географического общества СССР. Ф. 37. Оп. 1. Д. 6/н («501 частушка Воронежской губернии»).

Обратимся к нарядам. Они, конечно же, всегда имели значение, особенно в девичьих глазах. Красивый наряд не мог быть не отмечен частушкой. Каков же он в деревне 20-х гг.?

<i>Ах, юбка на мне, И шалка волной, И букет на боку — Хоть ково завлеку.</i>	<i>Ой, Ваня мой, Ваня антиреснай: При калошах, при часах, В рубашке небеснай.</i>
--	---

Таковыми были модные наряды в воронежском селе. И здесь, и в рязанской деревне в красивом женском наряде частушки называют также «бело платье», «синий хартучек с каймой» и «суконное пальто», в мужском — «штаны галифе», «бульдок-бабочки», «сертук» (пиджак) и «тепломат» (ватная поддевка, куртка). Для «прилично» одетых обязательно калоши («резиночки») — о них частушки упоминают чаще, чем о любой другой детали модного туалета. «Шубка» и «полсапожки» отмечались особо.

<i>Полсапожки на ножке И резиночки точь-в-точь: У мамаш, у папаш Я любимая дочь!</i>	<i>Их, их, и-ха-ха! Чем я, бабочка, плоха? На мне шубка новая, Сама чернобровая!</i>
--	--

Как видим, и в самом лучшем наряде названы вполне реальные предметы, хотя по содержанию частушек совершенно ясно, что такие вещи доступны не очень многим. Не менее выразительны и не менее многочисленны частушки об отсутствии модных нарядов:

<i>У папаш я просила Себе суконного пальта. Посулил папаша мне Ременного кнута.</i>	<i>Попросила у тятеньки Резиновых галош. Он принес лаптей десяток: «Выбирай, какие хошь!»</i>
---	---

Первая из этих частушек рязанская, вторая — вологодская; аналогичные частушки были записаны и во многих других местах. Лапти — самый распространенный вид крестьянской обуви в Европейской России. Частушек о них много, и нет сомнения в том, что говорится в этих частушках о лаптях, которые в данный момент на ногах исполнителя.

Приведем, наконец, частушечные характеристики коней у «миленков» — важнейшего условия их хозяйственной самостоятельности:

*У моего миленка
Плохая лошадайка:
Не доехал до горы —
Закусали комары!*

*У симпатки — два коня:
Он хотел сватать меня.
Я не села оттого,
Сказали: «Кони не его!».*

Частушек о катании на лихих лошадях очень мало: не те были лошади и немногие могли позволить себе эту роскошь.

Можно было бы провести и другие параллели между старой песней и частушкой. Результат останется тот же: образный строй первой будет создавать красочную, идеализированную и предельно условную обстановку, которой никогда не было в крестьянской деревне¹; образный строй второй, напротив, будет в наибольшей мере соответствовать обыденной и даже приземленной действительности, воспроизводить по преимуществу то, что есть. Вынесенная в эпиграф статьи частушка (ее еще до революции записал известный собиратель В.И. Симаков²) свидетельствует, что эти различия осознавались и ценились в среде, сочиняющей и поющей частушки.

Отмеченные различия в образном строе и в самом характере отражения действительности, сколь бы ни были они существенны, не создавали, однако, полного несоответствия в содержании песен и частушек. Напротив, в содержании тех и других имеются несомненная преемственность и прямые совпадения (например, картина отношений молодой женщины в семье мужа — со свекровью и свекром, золовками и деверями — полностью совпадает и в старой песне, и в частушке).

Значение частушек для изучения крестьянской жизни сумел оценить Г.И. Успенский, прекрасно знавший и понимавший пореформенную деревню. Для него, кстати, распространение частушек было свидетельством не упадка, а активности народного творчества: «Живет творческая народная мысль! Не из чего собрать и сложить народную песню, былинку, но создать “стишок”, откликнуться на разнообразнейшие явления обыденной жизни, — от этого даже и утерпеть нельзя народу. И вот он создал так называемую

“частушку” <...> и этими “частушками” откликается на каждую малость жизни, недремно следя за всеми этими малостями»¹.

Статья Г.И. Успенского «Новые народные песни. (Из деревенских заметок)», опубликованная в 1889 г. замечательна не только оценкой частушек как формы народного песенного творчества и пониманием важности их изучения для познания деревенской действительности, но и постановкой задачи их массового собирания и научного исследования. «Собрав эти “частушки” с такой же тщательностью, как собираются статистические сведения обо всяких мелких подробностях хозяйства в крестьянском дворе, — справедливо утверждал писатель, — можно было бы иметь поучительный материал о широте духовной жизни народа. “Частушки”, собранные тысячами, сотнями тысяч, но разработанные соответственно тем сторонам народной жизни, которых они касаются, дали бы поистине прелестнейшую картину нравственной жизни народа»². Интересна прямая аналогия частушек и статистических сведений по возможности массового сбора и тщательности изучения. Речь идет здесь, конечно, о сравнимости значения того и другого материала для понимания крестьянской жизни, а не методов разработки. (К частушкам, как к любому массовому источнику, применимы, конечно, и статистические методы анализа, но при этом будет неизбежно теряться наиболее ценная содержательная и поэтическая информация.)

Задача социологического, как мы сказали бы сейчас, а тем самым и исторического изучения частушки была поставлена. И она не могла не привлечь внимание тех, кого интересовала жизнь деревни. В конце XIX — начале XX в. в литературе о русском фольклоре отчетливо проявилось стремление воссоздать по частушкам (в частности) черты поющей их социальной среды, а в какой-то мере и обстоятельства ее существования³. Наконец, в 1911 г. появилась первая (и пока единственная) специальная работа, в которой частушка стала источником для исследования деревенской жизни, духовного облика и психологии крестьянина. Это была статья В.И. Симакова «Жизнь крестьянской девушки-северянки по народным частушкам». Оценивая частушку как материал для бытописания, автор сравнивал ее с «хрустальным зеркалом», в ко-

¹ В этой связи отметим справедливость замечания К.В. Чистова по поводу содержания причитаний: «...идеализированность описаний вовсе не обесценивает их — выяснить представление об идеальной одежде <...> не менее важно, чем знать, в какой мере оно могло реализоваться». См.: Известия Археологического общества изучения русского Севера (далее — ИАОИРС). 1911. № 11. С. 577. Сопоставление старой песни и частушки позволяет проследить и смену идеальных установок в крестьянской среде, и степень их реализации.

² Чистов К.В. Фольклор и этнография // Фольклор и этнография: Сб. статей. Л., 1970.

¹ Успенский Г.И. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 12. С. 45.

² Там же. С. 46.

³ Львов Н.Я. Новое время — новые песни. Устюг, 1891; Тарутин Ан. Черты современного быта и поэтического творчества вологодского крестьянства // Помочь: Сб. СПб., 1892; Зеленин Д.К. Песни деревенской молодежи. Вятка, 1903; Князев В. Жизнь молодой деревни: Частушки-коротушки С.-Петербургской губернии. СПб., 1913.

тором «отразилась душа, мысли и чувства северян, а также и все современные условия, в каких живет наш северянин»¹.

Картина жизни крестьянской девушки у В.И. Симакова получилась малорадостной, а условия этой жизни неприглядными. Это обстоятельство послужило причиной критики работы В.И. Симакова именно в связи с оценкой частушки как источника. «Не надо забывать, что частушка — произведение сатирическое, изображение жизни она дает как бы в кривом зеркале, а посему характеристики, построенные на ней, должны быть неизбежно однобокими», — писал уже в советское время один из знатоков северной частушки².

Неверно, конечно, что частушка дает однобоко сатирическое изображение жизни. Основная, абсолютно преобладающая масса частушек — произведения лирического характера. Естественно, что в них нашла выражение вся гамма лирического восприятия действительности, включая и печальное, просто трагическое. В подтверждение сказанному можно привести множество горестных частушек. В 1923 г. в Огибаловской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии были записаны частушки недавно отгремевшей военной поры:

<i>Поезда теперь не ходят</i>	<i>Говорят, убитый дроля.</i>
<i>И вагонов не везут.</i>	<i>Он убитый на войне,</i>
<i>Мой миленочек погиб</i>	<i>Повален в худой одежде,</i>
<i>Далеко на фронтике.</i>	<i>Так, без гроба на земле.</i>

Эти частушки дожили до конца 20-х гг. Подобные им мы находим и среди записей рязанских и воронежских частушек.

А вот сиротские частушки. Первая из них — вариант старой, певшейся еще в довоенное время (есть ее записи, опубликованные в 1903 г.), вторая — вероятно, новая, во всяком случае вполне отвечавшая первому послевоенному времени, когда безотцовщина и детская беспризорность стали общественной проблемой:

<i>Говорила я мамаше:</i>	<i>Все папаши в поле пахут,</i>
<i>«В сыру землю не ложись.</i>	<i>А мово папаши нет —</i>
<i>Можно в людях наглядеться,</i>	<i>Под ракушковым кустом</i>
<i>Сиротам какая жизнь».</i>	<i>Спит папаша крепким сном.</i>

Обе частушки были записаны в 1920 г. в различных уездах Рязанской губернии. Приведенные примеры связаны, конечно, с трагическими последствиями войны, но и среди частушек на лирические и семейно-бытовые темы горестных также немало:

<i>Мы сидели на канаве</i>	<i>Хоть пою припевки я,</i>
<i>С милым вместе плакали,</i>	<i>Не весела жизнь моя!</i>
<i>А ему родители</i>	<i>Взгляни, подружка, под глазами:</i>
<i>Уж другую сватали.</i>	<i>Пою припевки со слезами.</i>

Эти частушки (также рязанские) записаны в 1923 г. Нет в них ни сатиры, ни даже юмора. Однако обратимся и к сатирической частушке. Показательны весьма распространенные бедняцкие припевки:

<i>Пойду плясать —</i>	<i>У меня калоши есть —</i>
<i>Дома нечего кусать:</i>	<i>Берегу их к лету.</i>
<i>Сухари да корки,</i>	<i>А по совести сказать,</i>
<i>На ногах — опорки.</i>	<i>У меня их нету.</i>

Обе частушки пронизаны иронией, но их жизненная правдивость и точность не вызывают никаких сомнений. «Зеркало» иронии и сатиры очень часто оказывается самым истинным.

Тем не менее определенное «искривление» действительности в «зеркале» частушки происходит и должно учитываться при использовании последней в качестве исторического источника. То или иное «искривление» свойственно любому виду источников и порождается его внутренней спецификой, его неизбежной одностороностью. Общественная жизнь настолько сложна, многообразна и противоречива, что лишь вся сумма источников в их совокупности может дать наиболее приближенную к действительности картину. Поэтому главнейшая задача источниковедческого анализа состоит в выяснении степени и характера отражения и фиксации в источнике исторической действительности.

Удивительная способность без промедления отзываться на события и настроения, широта и многообразие содержания породили в фольклористике устойчивое представление об универсальности, всесторонности отражения деревенской жизни частушкой. Один из авторов начала XX в. писал о частушке: «Она затрагивает почти все стороны жизни крестьянина»¹. В.И. Симаков считал, что «она на все темь»². С.Г. Лазутин уже в наше время утверждает,

¹ ИАОИРС. 1911. № 11. С. 578.

² Веселовский А.А. Ученый архив ВОИСК и его научное значение. Вологда, 1926. С. 19.

¹ Путинцев А.М. Народная песня нового времени. Казань, 1908. С. 4.

² ИАОИРС. 1911. № 11. С. 578.

что к концу XIX в. «частушка поистине становится живой энциклопедией народной жизни, выразителем всех чувств, мыслей и настроений народа»¹. Эти отзывы — не более как проявление восторга, перед феноменом частушки. На самом деле частушка затрагивает преимущественно те стороны деревенской действительности, которые были связаны с жизнью молодежи, ее положением, представлениями и устремлениями.

Молодежный состав исполнителей частушек отмечен всеми собирателями и исследователями как в дореволюционное, так и в советское время. Однако простой констатации этого факта недостаточно. Изучение частушек показывает, во-первых, что речь должна идти об одной короткой и специфической поре в жизни крестьянской молодежи — поре предсвадебных «гуляний», «играний», «страданий». Во-вторых, — и это нужно подчеркнуть — частушки оказываются и адресованными той же самой молодежи. Есть, конечно, частушки, обращенные к старшему поколению, чаще всего к родителям, есть и частушки, предназначенные для всех (общественно-политические, значительная часть шуточных и т. п.), но в массе своей они «производятся» молодежью и для молодежи, то есть являются средством внутримолодежного общения.

Границы частушечной поры обозначены самой частушкой. Точно и выразительно указан последний рубеж — женитьба. В подтверждение сказанному из многих частушек приведем две (одна — из записанных до революции, другая — в советское время):

<i>Девки, пой, пока поется, —</i>	<i>Я, бывало, запевала,</i>
<i>Выйдешь замуж, не придется.</i>	<i>Как во поле соловей,</i>
<i>Замуж выйдешь, горя примешь,</i>	<i>А теперь меня поймали —</i>
<i>Все припевочки покинешь!</i> ³	<i>Нет у волюшки моей</i>

Послесвадебная частушка относительно немногочисленна и ограничена по содержанию: ее главная тема — прощание с «волюшкой» и в этой связи сравнение жизни до и после замужества. Характерно, что послесвадебная частушка почти исключительно женская по составу исполнителей и горестная по настроению. Но адрес частушки не изменился. Послесвадебная частушка меньше всего обращена к новому окружению молодой женщины (семье мужа), достаточно часто адресована родителям (упрек и жалоба), но главным образом — ее прежней среде, еще оставшейся «вольной». Эта особенность послесвадебной частушки подчеркивает ее

принадлежность к общей массе молодежных частушек в качестве ее последнего временного слоя. Интересно, что случаи исполнения частушек в более старшем возрасте чаще всего связаны или с детьми, или с повторными переживаниями «вольной» молодости (оказавшиеся так сказать во внесемейном положении молодые вдовы, солдатки и др.). Вот характерные примеры материнской частушки (1925 г.) и частушки загулявшей вдовушки (1923 г.):

<i>Я живу на свой манер</i>	<i>Пойду плясать,</i>
<i>И попала в точку:</i>	<i>Юпку спушу, —</i>
<i>Мой сынишка пионер,</i>	<i>Мыладова кывалера</i>
<i>Комсомолка дочка!</i>	<i>Нычевать пушу!</i>

Во второй половине 20-х гг. появляются записи частушек о бракоразводных делах и связанных с ними семейно-имущественных разделах. Распад семьи переживался очень остро обеими сторонами, что нашло свое выражение в появлении соответствующей частушечной параллели. В приводимых ниже частушках левый столбец демонстрирует женскую реакцию на развод, правый — мужскую:

<i>Оголилася береза,</i>	<i>Раньше тут бежала речка,</i>
<i>А как зелена была...</i>	<i>Теперь высохла она...</i>
<i>Горячо любило сердце,</i>	<i>Как сняла жена колечко,</i>
<i>А теперь любовь ушла.</i>	<i>Закручинился тут я.</i>

<i>Мне не то всегда обидно,</i>	<i>Раньше в дом я приходил —</i>
<i>Что мой муж частенько пьян,</i>	<i>Жена радостно встречала,</i>
<i>Но вот как ему не стыдно —</i>	<i>А теперь привет один —</i>
<i>Все дерется, грубиян.</i>	<i>Обругается сначала.</i>

<i>Что ты, друг мой, глупость мелешь,</i>	<i>Года три с женою жили;</i>
<i>Что не дашь долю мою, —</i>	<i>И решили развод взять, —</i>
<i>До того докантилишь,</i>	<i>По суду ей присудили</i>
<i>Что суду я заявлю.</i>	<i>Пол-имущества отдать.</i>

<i>Из-под кустика бежит</i>	<i>Развалился огород,</i>
<i>Реченька не быстрая.</i>	<i>Колья все сломились, —</i>
<i>Жить без мужа, все тужить, —</i>	<i>Зря развелся я с женой,</i>
<i>Доля неказистая.</i>	<i>Все люди дивились!</i>

Разводы в 20-х гг. ограничивались преимущественно средой молодых, недавно созданных семей, поэтому появление «бракораз-

¹ Лазутин С. Г. Указ. соч. С. 67.

² Симаков В. Л. Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913. № 1979.

¹ Хребес И. Современные крестьянские песни. 2-е изд. М.; Л., 1929. С. 64–66, 72–75.

водной» частушки не колеблет общего вывода о связи частушечного творчества и репертуара с молодежью, с ее проблемами и переживаниями.

Исходный рубеж той поры молодости, когда частушка становится важнейшей формой выражения настроений, впечатлений, устремлений и мнений, не имеет столь определенной связи с жизненными переменами. Есть много свидетельств о пении частушек детьми с весьма малых лет и о том, что подростки в 10–12 лет знали уже обширный репертуар местных «припевок» и «прибасок». Однако пение частушек в детском и подростковом возрасте — всего-навсего «школа», то есть разучивание того, что целось старшими братьями и сестрами, и овладение «техникой» складывания и исполнения¹. В этом отчасти находит объяснение «стертость» начального рубежа частушечного периода в жизни каждого поколения. Но главное, конечно, состояло в естественной постепенности перехода из подростковой возрастной группы в юношескую, молодежную. Этот переход был связан с приобретением права на «гуляние» — на то, чтобы парень мог во всеуслышание предложить девушке: «Давай, милка, пострадаем — // Какова любовь узнаем!».

Частушки часто называют возраст покоящей их молодежи — возраст «гуляния», возраст любви. В 20-х гг. для девушки это чаще всего 16–17 лет:

<i>Ты не смейся, урод,</i>	<i>Их, Ваня-Ваничка,</i>
<i>Мне не двадцать пятый год,</i>	<i>Я тебе не парочка:</i>
<i>Мне всего шестнадцать лет —</i>	<i>Тебе двадцать пятый год —</i>
<i>От ребят отбою нет!</i>	<i>Мне семнадцатый идет.</i>

Эти записи сделаны в середине 20-х гг. в Рязанской (первая) и Воронежской (вторая) губерниях. Реже говорится в частушках об исполнительницах в 15 лет (в отличие от дореволюционного времени — тогда это был для девушек самый частушечный возраст²) и совсем не упоминаются исполнительницы старше 18 лет (они или были уже замужем, или начинали замалчивать свой возраст). Как отмечали собиратели частушек в Рязанской губернии,

¹ Отмеченное обстоятельство само по себе интересно историку культуры; еще более интересны «собственные» детские и подростковые частушки, которые составляют особый и специфический слой частушечного материала.

² Чиж В. Ф. Психология деревенской частушки. Юрьев, 1915. С.25.

согласно деревенским понятиям того времени, «девушка в 20 лет уже старая дева. С 23 лет их зовут вековушками»¹.

Молодые люди, парни, начинали «гулянье» несколько позже и «гуляли» подольше, но и для них 24–25 лет были на пределе возраста женитьбы. Семнадцатилетний же парень считался еще мальчишкой: «У меня засуха есть // В новом каменном доме. // Он молоденький мальчишка — // Лет семнадцать лишь ему».

Итак, основная масса частушек создавалась и исполнялась в молодежной среде — в среде пятнадцати-семнадцатилетних девушек и семнадцати-двадцатилетних парней, выражала взгляды и интересы именно этой среды. Сколь бы широки и разнообразны ни были тематика и содержание частушек, деревенская действительность в них видится глазами молодежи в короткую пору ее любви-«страдания». Поэтому любовь и брак не только и не просто главная тема частушек, это нечто гораздо большее — через них воспринимается вся жизнь деревни. С этим и связаны особенности отражения и фиксации действительности в частушке. Как исторический источник частушка, следовательно, не обладает энциклопедичностью или универсальностью, отчего она, разумеется, не становится менее ценной для историка.

Исследователи 1920-х гг. часто проводили подсчеты и группировки частушек по их тематике, форме, образным элементам и т. п. М. Я. Феноменов, например, подсчитал, что среди 360 частушек, записанных в новгородской деревне в 1921–1924 гг., оказалось 227 любовных (в том числе 192 женских), 62 семейно-бытовых (44 женских), 19 связанных с военной службой (7 женских), 43 юмористических и 10 общественно-политических². М. Д. Голубых из 629 частушек оренбургских казаков, записанных в 1926 г., отнес к любовным 24 % (в том числе 16 % женских), к семейно-бытовым — 43 % (32 % женских), к связанным с военной службой — 3 %, к шуточным — 13 %, к общественно-политическим — 11 %³. Эти статистические опыты нельзя признать удачными. Различия в соотношении любовных и семейно-бытовых, например, частушек отражают не специфику сельской жизни Валдая и Южного Урала, а неизбежный субъективизм группировок. Среди шуточных частушек и частушек, связанных с военной службой, многие посвящены любовным или семейно-бытовым темам. Более или менее определенно выделяются только общественно-политические частушки, удельный вес кото-

¹ РОМЗ. Этнологический архив. Кн. 4. № 89. Л. 10.

² Феноменов М. Я. Современная деревня: Опыт краеведческого изучения одной деревни. М.; Л., 1925. С. 51.

³ Голубых М. Д. Казачья деревня. М.; Л., 1930. С. 266.

рых был невелик и обнаружил тенденцию к заметному росту лишь в советских условиях, чему способствовало, в частности, появление комсомольских частушек. Наконец, резкое преобладание женских частушек — результат различий не столько в реальной жизни, сколько в записях собирателей. Последние, за редчайшим исключением, не записывали так называемых вульгарных, неприличных (содержащих матерщину) частушек, которые в большом количестве имелись в репертуаре парней. (Заметим, что эта особенность мужских частушек чаще всего свидетельствовала не о развращенности или цинизме молодежи, а о грубости обиходной речи.)

Частушки затрагивали многие стороны крестьянской жизни, но, как правило, не прямо и непосредственно, а опосредованно, через призму своей основной лирической темы. Поэтому трудно найти прямой отклик на темы хозяйства и труда, социального расслоения деревни, но они присутствуют в очень многих лирических и семейно-бытовых частушках. Вот, например, как отражена в них тема труда:

<i>Ялтуновские девчата –</i>	<i>Не зайду взять овес:</i>
<i>И косить и молотить;</i>	<i>Брат на платье не привез.</i>
<i>А затисские девчата –</i>	<i>Он привез своей жене –</i>
<i>Только щеки наводить!</i>	<i>Пускай вяжут без мене!</i>

Первая частушка пелась в д. Ялтуново Затишьевской волости Рязанского уезда, но подобного рода подчеркивание собственных достоинств и «критика» соперничающей стороны (особенно как в данном случае, если речь идет о соперницах из волостного села, где больше возможностей «людей посмотреть и себя показать») были отмечены во многих местах. Замечательно, что в числе достоинств деревенских девушек помимо красоты, одежды и достатка частушки часто называют и умение выполнять тяжелые хозяйственные работы. Вторая частушка, сообщая о весьма обыденном столкновении золовки с невесткой, позволит увидеть и трудовую кооперацию крестьянской семьи.

Не нуждаются в комментариях следующие частушки о труде:

<i>Я косила сенокос —</i>	<i>Шел я полем — видел горе:</i>
<i>Накосила целый воз.</i>	<i>Пашет милая моя.</i>
<i>Мой симпатя дорогой</i>	<i>Я сказал ей: «Бог на помощь!» —</i>
<i>На память карточку привез!</i>	<i>И заплакала она.</i>

Информация о хозяйстве и многих других сторонах «взрослой» жизни в частушке также неполна и отрывочна. Все это для испол-

нителя является настолько само собой разумеющимся, что проявляется лишь как фон, на котором и разворачивается лирическая главным образом драма. Вместе с тем частушка с большой заинтересованностью и точностью описывает жилище и одежду исполнителей — достаток крестьянской семьи, основой которого, как всем было ясно, служили состояние хозяйства и труд.

Что же является собственным предметом частушки? По отношению к чему в сельской жизни она выступает как исторический источник первой степени, прямо и непосредственно отражающий действительность?

В фокусе частушки находится ее творец и исполнитель — молодой человек деревни. Благодаря массовости этого фольклорного жанра перед историком предстает галерея поэтических (и поэтому живых и красочных) портретов молодых крестьян и крестьянок в самом начале их самостоятельного жизненного пути. Частушка воссоздает основные женские и мужские образы и характеры, человеческие типы деревни определенного исторического времени в их природной, этнической и социальной среде, в их общении и поведении, с их радостями и печалью, нравами и идеалами, с их мировоззрением, пониманием добра и зла, правды и справедливости. Исследование культурно-исторического типа человека своего времени и своей среды не может быть выполнено без раскрытия его внутреннего духовного мира, а значит, и эмоционального строя его «души», включая чисто лирическую сторону, и прежде всего «любовь-страдание». То обстоятельство, что частушки являются созданием самой исследуемой социальной среды, оказывается как бы ее коллективным автопортретом, делает их особенно ценными и привлекательными для историка — подлинным первоисточником.

Использование частушки в качестве исторического источника при изучении хронологически определенного времени ставит также вопросы, во-первых, об отношении к старым частушкам, бытовавшим одновременно с новыми, иначе говоря, о правомерности использования того слоя частушек, который появился в предшествующее время и лишь унаследован изучаемым временем, и, во-вторых, об отношении к частушкам литературного происхождения (созданным профессиональными поэтами или разного рода стихоплетами).

На первых этапах изучения частушки как формы народной поэзии широко распространилось мнение о ее индивидуальном («авторском») происхождении. «Частушка — создание индивидуального, личного творчества», — утверждал известный этнограф и фольклорист Д. К. Зеленин. Такая оценка фактически означала отрицание фольклорного характера частушки и прежде всего раз-

вития ее текста: «Частушка выходит из уст автора в цельном, готовом виде, и... “не шлифуется”». В распространении частушек стали видеть даже преодоление старых, отживших форм народного творчества и возникновение новых форм, аналогичных «поэзии искусственной, книжной». Больше того, в самих «коротушках» находили уже «кусочки» новых «длинных» песен, которые появятся в недалеком будущем¹. Изложенный здесь взгляд основывался на факте индивидуального исполнения, носившего характер импровизации, а также на разнообразии содержания частушек, выражавшего собственное, особое чувство, взгляд, мысль исполнителя. В пользу этого взгляда истолковывались и появление то в одних, то в других селах одаренных частушечников — мастеров складывания и исполнения припевок, и характерная для конца XIX — начала XX в. ограниченность ореала распространения отдельных частушек и даже их видов: в каждой местности пелись свои — вологодские, вятские, рязанские, саратовские, уральские, сибирские и т. д.

Дальнейшее развитие частушечного творчества и его более глубокое изучение со всей очевидностью показали несостоятельность изложенного взгляда. Скорее всего, пожалуй, разрушилась локальность бытования частушек. Уже в конце прошлого века было замечено, что города, особенно крупные промышленные и торговые центры, играют роль своеобразных «частушечных рынков», где происходит «обмен» произведениями этого рода между деревнями разных районов страны². Решающий шаг от регионального бытования частушек к всероссийскому совершился в годы первой мировой войны и революции. Мобилизация миллионов деревенских парней, их соединение и смешение в армии привели к быстрому и повсеместному распространению частушек об отношении к войне, революции, развертывавшейся общественно-политической борьбе. Вслед за ними преодолевали региональные границы и самая массовая лирическая частушка. О том, как это происходило, можно судить, например, по рассказу В. Ф. Чижа, который как врач-невропатолог с начала войны работал в воинских лазаретах: «Я давал раненым солдатам книги для чтения, выбирая такие, чтение которых, по моему мнению, могло быть им интересно и полезно. Только сборники Симакова и Князева им доставили большое удовольствие; солдаты зачитывались частушками и очень благодарили за эти две книги»³.

¹ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 4–5, 8–10; Сиповский В. В. История русской словесности. СПб., 1906. Ч. 1. Вып. 1. С. 96–97; Соколов Ю. И. Русский фольклор. М., 1941. С. 9–11.

² Лазутин С. Г. Указ. соч. С. 52–53.

³ Чиж В. Указ. соч. С. 6.

Имеются любопытные свидетельства о скорости распространения частушек в годы войны и революции. В 1920 г. в д. Высоково Зарайского уезда Рязанской губернии оказалась девушка, приехавшая из Сибири. При записи частушек с ее слов выяснилось, что «такие же частушки пелись и у нас, но года 2–3 назад»¹. Для 1917–1920 гг. такую скорость передвижения частушек нельзя не признать достаточно быстрой.

В мирных условиях 1920-х гг. общероссийскому распространению частушек, причем с заметно возрастающей скоростью, способствовала печать. Центральные и местные газеты и журналы не жалели для них места на своих страницах. Большими тиражами публиковались многочисленные песенники и сборники частушек. Благодаря этому практически вся общественно-политическая частушка и значительная часть лирической и семейно-бытовой частушки приобретали общероссийское распространение, сохраняя вместе с тем множественность вариантов, отражавших местные особенности.

Широкое использование агитационной частушки в печати 20-х годов придает особую остроту вопросу о влиянии профессионального песеннопоэтического творчества на репертуар «деревенской улицы». В массовых сборниках частушек «Красная тальянка» (М., 1923), «Красная гармошка» (М., 1925), «Весна безбожников» (М., 1925), «Под гармошку. Тысяча частушек» (М., 1927), «Веселая гармонь» (М.; Л., 1928), «Красный корабейник» (М.; Л., 1929) и др., не говоря уже об общих песенниках или публикациях в прессе, была очень широко (иногда исключительно) представлена авторская частушка, носившая обычно открыто агитационный, даже лозунговый характер. Среди них имелись и вышедшие из-под пера таких мастеров поэтического слова, какими были Демьян Бедный, В. Маяковский, С. Городецкий, А. Жаров, В. Лебедев-Кумач. Нет никакого сомнения в том, что авторская частушка была известна в деревне и комсомольская молодежь ее активно использовала. Свидетельств этого много. Наиболее ярким является, пожалуй, следующая «картинка с натуры» из «Руси Советской» Сергея Есенина (1924 г.):

*С горы идет крестьянский комсомол
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.*

Известный фольклорист Ю. М. Соколов в 1925 г. писал, что «комсомольские частушки как своего деревенского происхождения,

¹ РОМЗ. Этнологический архив. Кн. XV. № 107. Л. 16.

так и занесенные агитационной литературой — газетами, брошюрами, листовками, — стали в большом количестве и с большим успехом прививаться в деревне за последний год». Он утверждал, что перелом в этом отношении совершился «за последние 10–12 месяцев, особенно с этой (1924 г.— В. Д.) осени»¹. В 1926 г. «Журнал крестьянской молодежи» (№ 16) опубликовал такое, например, сообщение «юнселькора»: «Увидели в журнале частушки, они понравились, и тут же некоторые ребята понесли под гармошку в пляс, распевая частушки из Ж. К. М.».

Лучшие, подлинно талантливые литературные частушки становились достоянием народа, входили в его песенный обиход как собственные и исполняемые в силу внутренней духовной потребности, то есть переходили в фольклор. Если говорить о крестьянской частушке, то, бесспорно, наиболее соответствующими ее строю и духу оказывались «агитки» Демьяна Бедного. Основная же масса авторских частушек несла на себе печать искусственного сочинительства, книжности и поэтому забывалась, как только оказывалась выполненной чисто агитационная задача, или просто не вызвала интереса у поющей среды. В. Маяковский имел все основания в «Послании пролетарским поэтам» (1926 г.) указывать на «плоскость раешников и ерунду частушек» как на реальную опасность «обмеления» души советской поэзии.

Частушка рождалась и жила по законам фольклора, то есть как коллективно творимое устное, словесное искусство народа, непрерывно меняющееся и обновляющееся вместе с изменением условий места и времени, а значит, и самих исполнителей, их взглядов, потребностей, вкусов. Как утверждает фольклористика, произведение «становится фольклорным фактом только с момента принятия его коллективом» — той или иной социально-культурной средой — и сохраняется как живое, «продуктивное» до тех пор, пока эта среда его активно использует, воспроизводит, передавая от исполнителя к исполнителю. Роль исполнителя фольклорного произведения никоим образом не тождественна роли автора, чтеца-декламатора или певца². «Исполнитель, — писал по этому поводу В.Я. Пропп, — не повторяет буква в букву того, что он слышал, а вносит в слышанное им свои изменения <...> всякий слушатель есть потенциальный будущий исполнитель, который, в свою очередь, — сознательно или бессознательно — внесет в произведение новые изменения <...> Отброшено будет все, что несозвучно эпохе, строю, новым настроениям, новым вкусам, новой идеологии.

Эти новые вкусы скажутся не только в том, что будет отброшено, но и в том, что будет переработано и добавлено <...> Фольклорное произведение живет в постоянном движении и изменении»¹. Поэтому не имеет значения авторство в обычном понимании этого слова и соответственно наличие публикации первоначального текста. С этим же связано характерное образование вариантов фольклорных произведений (их множественность и распространенность служат вернейшим показателем жизненности и современности произведения). Все эти положения фольклористики полностью относятся к частушке. Не случайно современная литература включает ее в категорию «химически чистого» фольклора².

Изменение частушки, появление новых вариантов ее происходит в рамках определенной ритмической и словесно-смысловой схемы, с использованием ставших традиционными образов, рифм, размеров. Сложились устойчивые типы частушек, форма которых задана их запевами («Эх, яблочко», «С неба звездочка упала», «Ох, ты, милая моя», «У меня миленок есть», «Разлилась Волга широко» и др.) и приспособлена к определенному настроению и содержанию. Наличие готовых поэтических форм и ритмико-метрических структур облегчает возможность импровизации, изменения и развития содержания частушек по желанию исполнителей. Показательно, что основной путь образования новых вариантов частушек связан с изменением отдельных слов и строк³.

Насколько значительной оказывалась смысловая перестройка при замене даже отдельных слов, а тем более строк, можно видеть на примере частушек тематического цикла «Коммунист, коммунист...», широко распространенного в 20-х гг. Это новые варианты старых частушек «Гармонист, гармонист...», уже послуживших в годы революции и Гражданской войны в варианте «Комиссар, комиссар...». С появлением нового адресата возник новый цикл частушек, включающий и вариант с заменой только одного слова (он приведен выше), и почти полностью обновленные варианты.

Новые частушки рождаются постоянно. Их количество резко возрастает во времена крутых общественных перемен, что и наблюдалось в ходе и после революции. Но и они создаются в традиционной форме и развиваются в общей массе частушек, бытующих в данное время. Поэтому несправедлив и по существу несостояте-

¹ Соколов Ю. М. Частушки // Советское искусство. 1925. № 1. С. 34–35.

² Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Указ. соч. С. 372, 375.

¹ Пропп В. Я. Указ. соч. С. 23–24.

² Аникин В. Виды современного массового творчества // Вопросы литературы. 1959. № 12. С. 174–179.

³ Ухов П. Кто и как сочиняет частушки в советское время // Вопросы литературы. 1959. № 12. С. 174–179.

лен упрек, который иногда делается в адрес тех авторов, которые, например, использовали «записанные (в 20-х гг. — В. Д.) дореволюционные частушки <...> для характеристики новой жизни»¹. Для характеристики жизни должны использоваться все частушки, сохранявшие жизненность в изучаемое время.

Из общей массы исполнявшихся в деревне 20-х гг. частушек новые выделялись больше всего выявлением и оценкой нового в жизни. При этом частушка передает все оттенки положительного или отрицательного отношения к новым явлениям, часто принимающего форму веселой или злой иронии. С веселой иронией, например, сельская молодежь на первых порах встретила разрешение брачных разводов и агитацию за отказ от церковного венчания:

<i>Нынче новые права:</i>	<i>Высоко пчелы летают,</i>
<i>Не надо и венчаться —</i>	<i>Высоко роятся.</i>
<i>В исполкоме за столом</i>	<i>Девки замуж не выходят —</i>
<i>В книге расписаться!</i>	<i>Разводной бояться!</i>

Частушки на эти темы были очень популярны и пелись повсюду.

Особенную ценность имеют произведения, раскрывающие внутреннее отношение человека к новым явлениям и требованиям жизни, отражающие сдвиги в его духовном мире. Для деревни 20-х гг. эти сдвиги были в значительной мере связаны с отношением к религии, к церкви:

<i>Комсомольца любить —</i>	<i>От стыдобушки от этой</i>
<i>Надо измениться:</i>	<i>У меня лицо горит:</i>
<i>Крест, цепочку не носить,</i>	<i>Не венчайте меня в церкви —</i>
<i>Богу не молиться.</i>	<i>Все равно не буду жить!</i>

Первая из этих частушек, зарегистрированная повсюду и практически в одном варианте, — свидетельство лишь начинающегося осознания возникшей проблемы отказа от религии, внутреннего изменения себя самой; вторая же, с такой силой передающая уже состоявшийся и осознанный отказ от старой идеологии, известна мне в единственной записи.

Новое, рожденное революцией сознание вторгается и в сферу самых консервативных отношений — семейно-бытовых. Частушки зафиксировали рост чувства независимости и человеческого достоинства у наиболее униженных и зависимых прежде слоев деревни:

Совецкая власть!
Мужа не боюсь:
Если будет меня бить,
Возьму разведуся.

На руке кольцо блестит —
Говорят, что медное.
Коммунист со мной гуляет,
Не глядит, что бедная.

Коммунист, коммунист,
Рубаха зеленая!
Я с тобою, коммунист,
Стала просвещенная!

Ты не сватай, сват богатый, —
Коммунист сватал меня.
Мне не надобны палаты,
Буду жить в коммуне я!

Трудно найти более прямое и непосредственное свидетельство понимания связи нового в жизни и нового самосознания с новой — советской — властью, с новыми людьми — коммунистами, с новыми коллективными формами хозяйства, да к тому же свидетельство, исходящее из среды самих крестьян, на их языке и в обыденной форме выражения их мыслей и чувств. Такими же свидетельствами нового социально-политического сознания являются и следующие частушки:

<i>На платочке я для Феди</i>	<i>Ай, хохонюшки, ха-хой!</i>
<i>Вышиваю буки-веди:</i>	<i>Ходит барин за сохой.</i>
<i>В Красной армии, в бою,</i>	<i>В три ручья он слезы льет —</i>
<i>Помни милую свою.</i>	<i>Нашей кровушки не пьет!</i>

Обе частушки записаны в деревнях Касимовского уезда Рязанской губернии в 1925 г. Сочинены же они были Демьяном Бедным. Первая из них встречается в записях частушек разных губерний (например, в Вологодской), тогда как вторая только там, где, как на Рязанщине, многие бывшие помещики еще оставались на прежних местах проживания и пытались заняться крестьянским трудом.

И еще один важный для истории культуры пример — отношение к грамотности и неграмотности, оценка той огромной просветительской работы, которая развернулась в деревне 20-х гг.:

<i>Кабы грамотна была,</i>	<i>А от радости, подружки,</i>
<i>Горюшка б не знала:</i>	<i>Я всем сердцем таю:</i>
<i>Написала бы письмо,</i>	<i>Ведь неграмотной была,</i>
<i>К милому послала.</i>	<i>А теперь читаю.</i>

Первая частушка известна в записях начала 1900-х гг.¹, но и в 20-х гг. она пелась повсеместно — женская часть сельского

¹ Кретов А. И. О собирании и изучении частушек после Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1929 гг.) // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1959. Т. 27. С. 100.

¹ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 435.

населения оставалась еще в массе неграмотной, вторая же — совершенно новая, советская (обе даны здесь в рязанских записях 1923 г.).

Можно было бы продолжить демонстрацию отражения в частушках социально-политической и культурной жизни деревни 20-х гг., переплетения в ней старого и нового. Однако и приведенный фактический материал достаточно убедительно показывает, что для изучения социальной психологии и идеологии крестьянства, в особенности его молодых поколений, частушка является источником первой степени, то есть источником, который в содержательном смысле можно рассматривать как непосредственный остаток эпохи.

Значение частушки как источника по истории деревни 20-х гг. неизмеримо возрастает благодаря сохранению массовых записей, сделанных практически по всей территории Российской Федерации. Речь идет о записях тысяч и десятков тысяч частушек. Кажется, не было в истории русской деревни другого десятилетия, когда частушки рождались бы в таких количествах, такой художественной силы и такого богатого содержания, как в 20-х гг. Наверное, это был «пик» частушечного творчества. Во всяком случае, ни одно другое десятилетие не оставило после себя столь большого объема записей частушек, как, впрочем, и произведений словесного фольклора в целом, обрядов, обычаев и т. п. Это были годы чуть ли не всеобщего увлечения фольклорными записями, в особенности записями частушек. Фольклористы и этнографы, журналисты и учителя, студенты и школьники, наконец, сами крестьяне видели в частушке нечто действительно важное и интересное, нуждающееся в фиксации, изучении и распространении. Однако история записей деревенских частушек 20-х гг., их собирания, сохранения и публикации не может быть освещена в тесных рамках данной статьи; она послужит темой специальной археографической работы.

Русская частушка является ценнейшим источником для изучения истории деревни, прежде всего ее культуры и быта. Она, конечно, не может рассматриваться в качестве «энциклопедии» сельской жизни, поскольку на протяжении всей своей истории была средством общения молодежи и зафиксировала ее взгляд на жизнь, на людей, на все происходившее вокруг, выразила ее мысль и чувство. Как «зеркало» действительности частушка отразила главным образом поющую ее среду — крестьянскую молодежь. По самой сути своей это — источник по преимуществу социально-психологический, рисующий человека в его непосредственном общении с окружающим миром и в его внутреннем мире. Пожалуй, нет другого исторического источника, который бы с такой конкретностью и яркостью сохранял образ и дух человека бесписьменной эпохи.

Теодор Шанин — ученый и организатор науки

Аннотация. Автор настоящей статьи — коллега, ученик и друг Теодора Шанина, взял на себя смелость рассказать читателю о некоторых важных, с его точки зрения, вехах творческого пути ученого. Автор не претендует на категоричность и бесспорность выводов, понимая невозможность глубокого и всестороннего анализа в рамках одной статьи такой масштабной личности. Основное внимание в статье уделяется тем аспектам творческой биографии юбиляра, которые связаны с крестьяноведением и историческими сюжетами в его работах и научных проектах. Источниковой базой статьи послужили труды Теодора Шанина и материалы интервью автора с ученым.

Ключевые слова: Теодор Шанин, аграрные исследования, биография, крестьяноведение.

Один из самых неординарных и выдающихся исследователей России, специалист мирового уровня в области социальной истории, классик современного крестьяноведения Теодор Шанин отмечает в этом году свой 85-летний юбилей. Теодор Шанин — организатор и почетный президент Московской высшей школы социальных и экономических наук, почетный профессор Манчестерского университета, почетный член Российской академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ), почетный доктор права Университета Торонто. Его вклад в развитие высшего образования в России отмечен одной из высших наград Великобритании — Орденом Британской империи. Кроме того, за достижения в области изучения российской и советской истории, политики и общества Теодор Шанин награжден общественной медалью имени Александра Даллина, учрежденной Европейским университетом в Санкт-Петербурге и Стэндфордским университетом США.

Теодор Шанин родился в Польше, в г. Вильно (Вильнюсе) в 1930 г. в семье крупного предпринимателя. Он учился в еврейской школе «Тарбут», где преподавание велось на иврите. В ней же, но 10 годами ранее учился и другой уроженец Вильно, впоследствии крупнейший американский историк Моше Левин.

Установление советской власти в Литве прервало обучение, школа была закрыта, родителей как «буржуев» выселили из своего дома на окраину Вильно. Мальчику пришлось учиться в польской школе, где он впервые узнал, что такое антисемитизм: здоровый

переросток-бугай избил его за то, что он не был поляком. Не просто пришлось Теодору и в другой школе, для еврейских мальчиков, где он кулаками отбивался от сверстников, возмнивших себя «пролетариатом», осуществляющим «классовую борьбу» с выходцем из «буржуйской семьи».

В 1941 г. семья вместе с тысячами других была депортирована из Вильнюса в Сибирь, где Теодору пришлось в полной мере испытать лихо советского спецпереселенца. Семья (особенно отец — бывший участник эсеровского движения в Петрограде в 1917 г., агитатор в солдатской среде) и скитания в юношеские годы (Самарканд, Лодзь, Париж) заложили основы характера ученого, сформировали его как высоконравственную личность, как стойкого и целеустремленного человека. Эти качества привели его в 1948 г. во время Войны за независимость Израиля в качестве рядового в 6-й батальон Палмахаб (Харел бригады), где он на всю жизнь приобрел фронттовую закалку, выделяющую его среди многих других мужчин.

После окончания войны в молодом Израильском государстве фронтовик посвятил себя служению людям, оказавшимся в трудном жизненном положении. Он заканчивает Иерусалимский колледж социальной работы, трудится вначале в противотуберкулезном диспансере, затем в реабилитационном центре для физически и умственно отсталых людей. Его деятельность на этом поприще оказалась столь удачной, что израильское правительство поручает ему возглавить Национальный центр реабилитации инвалидов. Казалось, что Теодора Шанина ожидает блестящая карьера, но он отказывается от должности, не согласившись с решением властей разместить реабилитационный центр в больнице для хронических больных. Это противоречило его профессиональной позиции и нравственным убеждениям. Как профессионал он видел главную задачу социальной работы в возвращении человека к нормальной жизни, чтобы тот «смог в дальнейшем обходиться без помощи социального работника»¹. В данном же случае речь шла о создании учреждения, где инвалиды были бы приравнены к хроническим больным и находились в их среде с фактическим клеймом уже списанных обществом граждан, нуждающихся лишь в лечении и поддержании жизни как таковой. В таких условиях, по мнению Теодора, полноценная их реабилитация была невозможной. Предприняв решительные меры (вплоть до аудиенции с заместителем

¹ Шанин Т. Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина // Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Дело, 1998. С. 304.

министра), которые в конечном итоге не завершились успехом, он на многие годы уходит из сферы социальной работы, посвящая себя другому поприщу — науке. Несостоявшийся директор центра реабилитации инвалидов становится ученым. Но становление это было непростым.

Способности Теодора Шанина к занятиям наукой впервые проявились в период его обучения в Университете Иерусалима, который он заочно окончил в 1962 г. Там же он впервые обратился к главной теме своей будущей научной карьеры — крестьяноведению: его дипломная бакалаврская работа была посвящена сравнительному анализу Китайской и Русской революций с точки зрения участия в них крестьянства. Формальным руководителем ее был доктор философии Шифрин — специалист по Китаю. Уже в не Шанин проявил самостоятельность, взявшись за тему, важнейший аспект которой — Русская революция — не являлся сферой научных интересов его научного руководителя, и он добился согласия «руководить самим собой в данной работе».

После ее завершения прошло почти 10 лет, прежде чем выше-названные обстоятельства (уход с социальной работы) вынудили Теодора Шанина вновь заняться наукой. И здесь свою роль сыграл счастливый случай. Незадолго до получения известий о своем возможном назначении на высокий административный пост он выиграл конкурс грантов на стипендию в Центре изучения России и Восточной Европы Университета Бирмингема в Англии. Но отказался от него, поскольку связывал свою судьбу с социальной работой, но потеряв ее и оставшись без средств к существованию, Теодор Шанин вспомнил про грант. Хотя было уже поздно (грант дали другому претенденту), но неожиданно из университета Бирмингема пришла телеграмма от профессора Роберта Дэвиса, в которой сообщалось о наличии вакансии в связи с отказом одного из претендентов на стипендию. Необходимо было срочно по телеграфу сообщить о своем согласии занять эту вакансию, получить стипендию и ехать в Англию. Именно в Англии в полной мере раскрылся талант Шанина-исследователя, здесь он добился главных своих успехов в научной карьере.

В действительности, «случайное» возвращение Шанина в науку не было случайным. К тридцати годам за его плечами была большая и интересная жизнь, он проявил себя как неординарная и творческая личность с активной жизненной позицией, а в науке всегда приветствовались такие люди.

Парадокс состоял в том, что будущий классик мирового крестьяноведения, оказавшись в Бирмингемском университете, не планировал заниматься крестьянством. Он всегда был городским жи-

телем и слабо интересовался сельскими проблемами: исключение составляла его блестящая выпускная работа бакалавра в период обучения в университете, но с таким же успехом он мог бы написать работу на любую другую тему. Встретившись в Бирмингеме со своими научными консультантами Бобом Дэвисом и Бобом Смитом, Теодор Шанин предложил им тему докторской диссертации «об участии интеллигенции в Русской революции». Причем основное внимание в ней он хотел уделить личности яркого представителя русской революционной интеллигенции начала XX в., одному из лидеров большевистской партии Н. И. Бухарину. Но эта идея не вызвала энтузиазма у Дэвиса и Смита, поскольку первый из них занимался советской индустриализацией, а второй — английским средневековым сельским хозяйством. И делали они это в рамках классического позитивизма в историографии и на основе изучения архивных источников. Теодор же предлагал им работу вне рамок этой традиции, что означало, что у него не будет репрезентативных архивных источников, поскольку основные находились в СССР и были недоступны для западных ученых. Тем не менее молодой исследователь настаивал на своем. Но затем, остыв, понял, что поступает не совсем корректно по отношению к людям, которые искренне желают приобщить его к большой науке. Он вспомнил, что Боб Дэвис во время полемической дискуссии о возможной теме докторской диссертации сообщил докторанту, что в Англии уже 10 лет не выходило ни одной работы по истории русского крестьянства и он мог бы восполнить этот пробел. Кроме того, в то время полыхала Вьетнамская война, внимание всего мира было приковано к ней: казалось странным, что первоклассная армия США не может справиться с полуграмотной и плохо вооруженной армией вьетнамских коммунистов, в подавляющей массе своей состоящей из крестьян. Все это и предопределило выбор Теодора Шанина в пользу «крестьянской» темы. Работая над ней, он и стал крестьяноведом, специалистом по истории крестьянства России и других стран.

Докторскую диссертацию на тему «Циклическая мобильность и политическое сознание русского крестьянства 1910–1925 гг.» Шанин защищает в университете Бирмингема в 1970 г. Работа потребовала от ученого огромных усилий: был десятилетний перерыв, во время которого он вообще «не занимался академической работой». Поэтому, несмотря на ежедневный подвижнический труд, вначале наука давалась ему нелегко. Свои исследования на начальном этапе работы над диссертацией Теодор Шанин называл «детскими играми»: ему не хватало тогда ни знаний, ни опыта. Перелом наступил, когда по воле случая Боб Смит приобщил

докторанта к переводу на русский и английский языки монографии А. В. Чаянова «Теория крестьянского хозяйства». Знакомство с идеями Чаянова перевернуло сознание Теодора, открыв перед ним огромные горизонты в области изучения крестьяноведческой тематики. И до настоящего времени он остается одним из самых страстных и последовательных пропагандистов идей А. В. Чаянова, считая его великим русским ученым, обогатившим своими знаниями не только российскую, но и мировую науку¹.

В период работы над докторской диссертацией происходит становление Теодора Шанина как социолога, сторонника и мастера междисциплинарного подхода и анализа в гуманитарных исследованиях. Работая в 1968–1970 гг. лектором по социологии в университете Шеффилда, он пришел к выводу, что ученые «оторваны друг от друга» в силу своей узкой специализации. Он организует группу ученых (порядка 25 человек) по 10 научным дисциплинам для обсуждения моделей мышления в каждой из них: проводятся специальные собрания, где заслушиваются доклады представителей разных наук по определенной проблеме. Для Теодора Шанина это был «интересный момент в жизни», когда он «из интеллектуального ребенка превращался в ученого». Материалы его первых научных семинаров по теории науки опубликованы в специальной монографии, вызвавшей большой интерес научной общественности². И в последующие годы Теодор Шанин продолжает работать над методологией гуманитарных наук, в первую очередь, социологии, при этом он всегда придает большое значение интеллектуальному общению с коллегами на различных форумах и площадках.

В результате, пожалуй, трудно найти другого такого ученого, как Теодор Шанин, столь же искусно владеющего разнообразными методами гуманитарных наук (социологии, истории и политологии), способного легко выходить за рамки узких тем, традиционной научной специализации. Теоретическая добротность и концептуальная широта работ Теодора Шанина общеизвестна и является своеобразной визитной карточкой ученого. Он не приемлет догматизма и зашоренности в анализе проблем, с огромным уважением относится к альтернативным позициям и подходам ученых, последовательно выступает за свободу творчества и дискуссий. В наиболее яркой форме это воплотилось в действующем

¹ См.: Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. № 5. С. 3–31.

² The Rules of the Game: Models in Contemporary Scholarly Thought. Tavistock Publications, 1972.

с 1993 г. и по настоящее время на базе Московской высшей школы социальных и экономических наук симпозиуме «Куда идет Россия?», где именно в вышеназванном ключе всегда звучит его голос, каждое его выступление оставляет глубокий след в памяти коллег, дает богатую пищу для размышлений¹.

Заслуживает особого внимания точка зрения Теодора Шанина на предназначение и личность ученого, его позицию по отношению к действующей власти. По его мнению, первая обязанность ученого — не давать советы власти, а говорить правду, представлять ее и защищать, даже если она не нравится властям. Ученые не должны роптать на судьбу, на власть, которая их не слушает, а заниматься наукой², политику же следует оставить политикам³. В качестве аргумента Теодор Шанин приводит пример Англии, где в парламенте нет ни одного профессора, при этом подчеркивая: «Правительства приходят и уходят, а наука остается <...> И в этом суть нашего дела»⁴.

Он указывает также на невозможность выполнения социальными учеными роли пророка или предсказателя будущего⁵. Альтернативный характер социальных процессов и явлений в обществе, очень сильный фактор элемента случайности и неожиданности

¹ См.: Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / общ. ред. Заславская Т. И. и Арутюнян Л. А. И.: Интерпракс, 1994. С. 48, 49, 315–317; Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 386; Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 441–446, 556–557; Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Дело, 1998. С. 303–321; Шанин Т. Умом Россию не понять. Тезис о трехъединстве России // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Логос, 1999. С. 3–11; Он же. Обычное право в крестьянском сообществе // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 267–274; Он же. Пять замечаний // Куда пришла Россия?.. Итоги социальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 95–98; Он же. Какого капитализма мы хотим для России? // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты / под общ. ред. Т. Е. Воронейкиной. М.: МВШСЭН, 2004. С. 12–19; Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления поколения. Т. XVI / под общ. ред. М. Г. Пугачевой, В. С. Вахштайна. М.: Университетская книга, 2009. С. 9 и др.

² Шанин Т. Пять замечаний // Куда пришла Россия?.. Итоги социальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 98.

³ Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 386.

⁴ Там же. С. 387.

⁵ Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / общ. ред. Т. И. Заславская, Л. А. Арутюнян. М.: Интерпракс, 1994. С. 316.

в выборе не позволяют этого делать, несмотря на, казалось бы, огромные возможности научного анализа. При этом Шанин акцентирует внимание на проблеме «хаоса», которая рассматривается философами в качестве одной из важнейших в гуманитарных науках, объясняющей причины невозможности людей «узнать свое будущее».

Главная задача власти по отношению к науке, по мнению Теодора Шанина, это создание условий для нормальной научно-исследовательской работы ученых. И один из самых удачных примеров за последние десятилетия в России и за ее пределами, на наш взгляд, — Московская высшая школа социальных и экономических наук, созданная благодаря усилиям Теодора Шанина.

Шанин совершенно справедливо указывает на такие особенности и перспективы современной науки, как «открытые границы между науками», отказ от деления «на способы мышления в науке по национальному признаку»¹. Последнее означает отказ от монополии на исследования ученых тех или иных стран при изучении национальной экономики, истории, культуры и т. д. Иными словами, историю России также успешно может изучать и не ее гражданин, а ученый любой страны, владеющий методикой и имеющий доступ к информации.

То, что наука не зависит от национальности ученого, подтверждается всей творческой биографией Теодора Шанина. Например, его объяснение феномена имперского мышления в России в постсоветский период, возникновение и распространение которого ученый связывает с падением уровня жизни населения после распада СССР, а также с поддержкой со стороны части российской интеллигенции. В качестве аргумента Теодор Шанин приводит распад Британской империи, который привел к росту уровня жизни простых англичан, а интеллектуальная элита не испытывала ностальгии по имперскому прошлому².

Теодор Шанин буквально ворвался в науку со своей докторской диссертацией. В 1971–1972 гг. выходят в свет две его книги (хрестоматия «Крестьяне и крестьянские общества» и монография «Неудобный класс»), где излагаются основные ее положения³. По его словам,

¹ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1993. № 2. С. 3–28.

² Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 386–387; Шанин Т. Пять замечаний // Куда пришла Россия?.. Итоги социальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 96–97.

³ Shanin T. Peasants and Peasant Societies. Penguin, 1971; Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925. Clarendon Press, 1972.

как будто бы «взорвалась бомба»: хрестоматия о крестьянах и крестьянских обществах в течение двух лет переиздавалась 8 раз! Она включала тексты из наиболее крупных и интересных работ историков, социологов, экономистов, этнографов о крестьянстве. Впоследствии ее перевели на испанский, персидский и малайзийские языки. В 1992 г. монография «Неудобный класс» с дополнениями российских крестьяноведов в виде хрестоматии издается в России¹.

Успех ученого определялся не только высоким качеством его работ и научной новизной, но общественной востребованностью. Уже несколько лет шла война во Вьетнаме, и в Англии все хотели как можно больше знать о крестьянстве, успешно воевавшем во вьетнамских джунглях против вооруженных до зубов американцев. И книга Теодора Шанина на эту тему помогала понять этот феномен.

Первые монографии Теодора Шанина, а также другие его публикации подтвердили статус ученого как ведущего исследователя крестьянства не только в Англии, но и во всем мире. На долгие годы его имя стоит в ряду самых авторитетных крестьяноведов западных стран, а сам он выступает активным защитником крестьяноведения как самостоятельной гуманитарной дисциплины, имеющей большое научное и общественное значение.

Основные положения научной концепции Теодора Шанина в области крестьяноведения заслуживают отдельного глубокого и всестороннего исследования, невозможного в рамках данной статьи. Тем не менее тезисно изложим:

1. Теодор Шанин опирается на достижения предшественников и коллег (А. В. Чаянова, Р. Редфилда, Д. Скотта, Э. Вульфа и др.), его отличает крайне бережное, уважительное и в то же время творческое отношение к их научному наследию.

2. Шанин обосновывает закономерность появления крестьяноведения как отдельной гуманитарной дисциплины: в первые десятилетия XX в. оно возникло в России и странах Восточной Европы, позднее в ведущих западных странах. В «крестьянских странах» (России, Польше, Румынии и др.) этому способствовали два фактора: наличие самого крестьянства и развитая академическая наука. Сталинская коллективизация и фашистские режимы в Европе надолго приостановили развитие крестьяноведческих исследований, их всплеск приходится на 1960–1970-е гг. В США, Англии и других развитых странах Запада это связано с проблемами отсталости освободившихся от колониализма стран третьего мира, а также

с неудачами неоколониальных войн США и Франции в Индокитае. Большинство населения стран третьего мира составляли крестьяне, и Западу нужны были знания об их природе, чтобы вести «правильную политику» по отношению к ним. Их получением и занялись интеллектуалы, работающие в рамках крестьяноведения в ведущих университетах США, Англии и т. д.¹

3. Теодор Шанин, на наш взгляд, выделил наиболее важные признаки крестьянства, позволяющие утверждать о параллельном, наряду с другими, существовании крестьянской экономики, ее жизнеспособности в условиях индустриальной модернизации и других аналогичных процессов, что опровергает марксистскую теорию прогресса². Он делает убедительное заключение об универсальности крестьянской экономики и признаков крестьянства в различных странах и в различные исторические эпохи. Согласно Шанину, крестьяне всего мира на протяжении всей истории человечества отличались от других категорий населения тем, что вели семейное трудовое хозяйство, совместно проживали в селении, занимались идентичными видами хозяйственных работ, по одной же схеме взаимодействовали с властью (платили налоги и т. д.). «Общие черты в крестьянстве разных эпох и регионов достаточно отчетливы, чтобы говорить о крестьянстве как таковом», — подчеркивает он³.

4. В то же время Теодор Шанин понимает, что крестьянство — это историческая категория; под натиском индустриальной и постиндустриальных модернизаций оно сокращается численно и в перспективе может исчезнуть как традиционный вид хозяйствования. Но, по его мнению, когда исчезнет последний крестьянин, крестьяноведение как самостоятельное научное направление останется, поскольку огромным полем его деятельности станет неформальная экономика — прямое наследие крестьянской экономики и крестьянского образа жизни. Неформальная (эксплоярная) экономика — это повседневность большинства населения планеты. Она функционирует на принципах семейной экономики традиционного крестьянства, чтобы «выжить и заплатить налоги». Теодор Шанин — один из инициаторов изучения данного феномена современными гуманитарными науками⁴.

¹ Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире... С. 21–26.

² *Shanin T. Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World. Oxford, 1990.*

³ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1993. № 2. С. 3–28.

⁴ См.: Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Теодора Шанина. М.: Логос, 1999; *Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России* // Там же. С. 11–32.

¹ Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: пер. с англ. / сост. Т. Шанина; под ред. А. В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1992.

На наш взгляд, можно с полной ответственностью утверждать, что именно Теодор Шанин поднял мировое крестьяноведение на достойный уровень в иерархии гуманитарных наук, внес наибольший вклад в пропаганду его идей и достижений в международном научном сообществе.

В подтверждение сказанному приведем лишь один факт. Убедительное выступление ученого на конференции в Ширазе (Иран) на тему крестьянства в условиях модернизации вызвало интерес курировавшей сельское хозяйство страны персидской императрицы Фарах Дибы, жены шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Она удостоила Теодора Шанина личной аудиенции, после которой открылась перспектива создания в Англии Международного университета крестьяноведения. Шах Ирана по ее совету готов был профинансировать его создание и деятельность. Но Теодор Шанин не взял на себя ответственность единолично решить столь важный вопрос, учитывая политическое положение Ирана, его противостояние с Западом. Он пригласил в Англию ведущих крестьяноведов мира на специальное совещание. Участники так и не пришли к единому мнению по обсуждаемой проблеме: представители третьего мира выступали за, западных стран — против. В результате Международный университет крестьяноведения создан не был.

О высоком научном авторитете Шанина как крестьяноведа свидетельствуют его полевые исследования крестьянства в Индии, Мексике, Танзании и других странах. Но наибольшие успехи в данной области, на наш взгляд, были достигнуты им в России¹.

Теодор Шанин — подлинный знаток истории русского крестьянства эпохи кануна и революционных потрясений России в начале XX века. Он автор изданной в России монографии «Революция как момент истины», — квинтэссенции его прежних работ по данной тематике². Проблемы крестьянства России и Русской революции рассмотрены им и в других многочисленных публикациях, изданных в последние десятилетия, а также в ходе дискуссий на теоретическом семинаре Интерцентра МВШСЭН «Современные концепции аграрного развития»³.

¹ См. подробнее на эту тему: Теодор Шанин. Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.; / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 9–30.

² Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. 1917–1922 гг. / пер. с англ. М.: Весь мир, 1997.

³ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1993. № 2. С. 3–28; Современные концепции

Внимание российских исследователей привлекли идеи Теодора Шанина о России как развивающейся стране третьего мира со всеми свойственными им особенностями, главная из которых — ее крестьянский характер. Революция в России открыла собой череду революционных потрясений в других странах третьего мира: Мексике, Китае, Турции и др.¹

Теодор Шанин убедительно доказал тезис о самостоятельной роли крестьянства в Революции 1905–1907 гг. Крестьянская война началась и развивалась в силу своих внутренних причин, имела вполне осознанный характер и четкую саморганизацию, в основе которой была сельская община. Самодетельный характер крестьянского движения был предопределен положением общины в пореформенный период, получившей от самодержавия значительную автономию, что проявилось, по мнению Теодора Шанина, например, в таком феномене, как обычное право, когда де факто утвердился приоритет традиционных норм крестьянского суда над официальным судопроизводством².

Новаторским словом в изучении причин Русской революции стал так называемый поколенческий подход ученого. Теодор Шанин фактически первым из историков и социологов России обратил внимание исследователей на возрастные характеристики участников крестьянских выступлений в России в годы Первой русской революции. Это было поколение крестьян, родившихся после отмены крепостного права, с менталитетом свободных людей, оказавшихся под влиянием индустриальной модернизации и активного воздействия со стороны революционных партий. Он дал очень убедительное объяснение участия в революции 1917 г. и Гражданской войне на стороне большевиков латышей и представителей других нетитульных народов. Одеты в солдатские шинели бывшие маль-

аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1994. № 2. С. 31–59; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1996. № 4. С. 129–154; *Бабашкин В. В.* Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М., 2007. Приложение 1. С. 186–202.

¹ Шанин Т. Умом Россию не понять. Тезис о трехъединстве России // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Логос, 1999. С. 3–11.

² Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 267–274; *Он же.* Крестьянские войны в России. 1902–1922 годы. Выступление на аграрном семинаре памяти Виктора Петровича Данилова 4–5 марта 2005 г. // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. Вып. 5 / Т. Шанин, А. М. Никулин, В. П. Данилов и др.; под ред. Т. Шанина, А. Никулина. М., 2006. С. 30–37 и др.

чики и подростки не забыли жестоких расправ царских карателей над их отцами и братьями во время жестокого подавления самодержавием крестьянских восстаний в Латвии, Грузии и в других окраинных районах империи в 1905–1907 гг.¹

Заслуживает внимания оценка Теодором Шаниным личности В.И. Ленина². Характеризуя эволюцию его взглядов на крестьянство, ученый пришел к аргументированному, на наш взгляд, выводу, что вождь большевиков в конце своей жизни увидел в крестьянстве потенциал для демократического развития страны, которое было возможно на основе вовлечения широких масс крестьянства в кооперативное движение. Такая программа не имела ничего общего со сталинской коллективизацией. Теодор Шанин высоко оценивает Ленина как мыслителя, организатора и политика, знавшего русскую историю и понимавшего русское общество. Эта позиция Теодора Шанина разделялась его коллегой и другом, выдающимся американским историком Моше Левиным, посвятившим последнему году жизни Ленина специальную книгу³.

За 20 лет работы в России в качестве ректора и почетного президента МВШСЭН по инициативе Теодора Шанина и его ближайших коллег и друзей Т.И. Заславской, В.П. Данилова и других были реализованы такие крупные исследовательские проекты в области крестьяноведения, как «Социальная структура советского и постсоветского села» (1990–1994), «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» (1994–2005), «Неформальная экономика сельской России (1995–1997)», «Неформальная экономика домохозяйств: реструктуризация сетей межсемейного обмена» (1998–2000), «Kinship and Social Security» (Семейно-родственные сети и социальная безопасность) (2004–2008), «Местное самоуправление и гражданское участие в сельской России» (2005–2008), «Социальная дифференциация и местное самоуправление в сельских поселениях и малых городах России» (2009–2010)⁴. Важнейшие результаты этих исследований отражены в томах ученых записок «Крестьяноведение:

Теория. История. Современность», соредактором которых с 1996 г. и по настоящее время является Теодор Шанин.

Особенность шанинских проектов в России, так же как и прежних, в других странах, — их междисциплинарность и привлечение в качестве исполнителей ученых из регионов. Огромной заслугой Теодора Шанина является подготовка в рамках работы над проектами целой плеяды молодых социологов и историков, связавших свою судьбу с крестьяноведением, защитивших кандидатские и докторские диссертации, а также написавших интересные монографии и статьи (В.Г. Виноградский, А.М. Никулин, В.В. Бабашкин, И.Е. Штейнберг, О.П. Фадеева, Г.А. Ястребинская, В.В. Кондрашин). Все они считают Теодора Шанина своим учителем.

Автору статьи посчастливилось участвовать в двух из шанинских проектов в МВШСЭН — «Социальная структура советского и постсоветского села» и «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.». Они были организованы совместно с крупнейшим социологом России, академиком РАН Т.И. Заславской и заведующим центром аграрных исследований Института российской истории РАН В.П. Даниловым.

Уникальность первого из вышеназванных проектов состояла в участии историков в совместной с социологами работе по написанию истории выбранных для исследования селений. По результатам проекта были опубликованы монографии и статьи, глубоко и всесторонне характеризующие основные вехи истории изученных селений и их современное положение¹.

Второй проект — плод совместного многолетнего сотрудничества Теодора Шанина и Виктора Данилова. Они познакомились и стали друзьями еще в доперестроечный период. По воспоминаниям Теодора, из-за его связи с «опальным» представителем разгромленного тогда в Институте истории СССР АН СССР «нового направления» В.П. Даниловым он был лишен права въезда в СССР, и только вмешательство Британской академии наук смогло изменить ситуацию.

Два фронтовика и самобытных исследователя, признанные в научном сообществе специалисты-аграрники в условиях новой России за какие-то 10 с небольшим лет осуществили настоящий

¹ Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 17–38.

² Алави Г., Шанин Т. Карл Каутский и «аграрный вопрос»: крестьяне и капитализм // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997 / Т. Шанин, Г. Алави, В.П. Данилов и др.; под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 52–83.

³ Levin M. Lenin's Last Struggle. Vintage Books, New York, 1968.

⁴ Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2011. Вып. 6 / Т. Шанин, А.М. Никулин и др.; под ред. Т. Шанина, А.М. Никулина, И.В. Троцук. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011.

¹ Кондрашин В.В. Историко-социологические исследования российских деревень // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 229–240; Историки в социологическом исследовании российской деревни (1990–1994 гг.) в рамках международного проекта Т. Шанина — В.П. Данилова // Кондрашин В.В. Люди во времени: записки историка. Пенза; Саранск, 2012. С. 75–80.

прорыв в российском крестьяноведении, фактически возродив его в нашей стране. Только в рамках проекта МВШСЭН «Крестьянская революция в России» опубликованы 5 томов документальных сборников, защищены 3 докторских диссертации (С.А. Есиковым, В.В. Кондрашиным, Н.С. Тарховой). В них впервые в историографии в полной мере показана трагедия крестьянства в Гражданской войне, масштабы и региональные особенности крестьянских восстаний в России против политики большевиков в указанный период¹. Результатом проекта и других многочисленных научных форумов, организованных Теодором Шаниным и В.П. Даниловым в МВШСЭН, стала активизация крестьяноведческих исследований в регионах².

Таковы лишь некоторые научные достижения юбиляра.

¹ См.: *Кондрашин В.В.* «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.»: научный проект и научная концепция: предварительные заметки // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2007. 2008. № 2 (19) С. 85–89.

² См.: *Кондрашин В.В.* Историки-аграрники России XX — начала XXI в.: творческий путь и международное сотрудничество. Выпуск первый. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014.

С. Н. Игнатова, О. Б. Божков

Российский сельскохозяйственный предприниматель: формирование и воспроизводство социальной группы

Аннотация. На материале многолетних социологических экспедиций в статье рассматриваются механизмы формирования и воспроизводства относительно нового для России социального слоя — сельских предпринимателей, обеспечивающих товарное производство сельскохозяйственной продукции. Признание в первые годы перестройки недееспособности колхозно-совхозной организации сельскохозяйственного производства и призывы переходить к так называемой рыночной экономике не породили автоматически сельского собственника или предпринимателя. Реформа собственности в сельском хозяйстве далеко не завершена: процесс формирования нового социального слоя оказался длительным и трудным, и только сейчас (по прошествии более 20 лет) можно подвести промежуточные итоги и в общих чертах описать его. Именно такую задачу ставили авторы, принимаясь за эту тему.

Ключевые слова: сельский предприниматель, факторы успешности и неуспешности, социальная группа, Нечерноземная зона, ресурсы, капиталы.

Прошло более двадцати лет с начала радикальных реформ в сельском хозяйстве. Тогда обществу была предъявлена некоторая концепция, согласно которой коллективные и государственные сельскохозяйственные предприятия были признаны неэффективными, а дальнейший путь развития сельского хозяйства виделся в создании на селе слоя частных собственников. Переход от коллективной и государственной формы собственности к частной виделся довольно прямолинейно: достаточно выделить крестьянам наделы земли и некоторую часть имущества

предприятия, на котором они ранее работали. Вопрос о том, как можно эффективно хозяйствовать при таких скромных ресурсах, на повестке дня не стоял. Частная собственность и рыночные отношения волшебным образом должны были сами отрегулировать процессы, связанные с переходом от неэффективных организационных форм к более прогрессивным.

Сельский предприниматель за эти годы прошел длинный путь становления, и можно подвести некоторые промежуточные итоги — сделать выводы о том, кто те люди, кто все еще занимается сельскохозяйственным бизнесом, есть ли перспективы у такого бизнеса, каковы факторы, влияющие на его успешность или неуспешность, как формировалась социальная группа сельских предпринимателей и каковы условия ее воспроизводства. Интересен не только путь становления отдельного предпринимателя, но и факторы, которые способствуют воспроизводству данной социальной группы в текущих условиях, при данном уровне развития экономических и общественных институтов.

Одним из центральных вопросов многолетних исследований (2001–2009 гг.) руководителей действующих сельскохозяйственных предприятий разных форм собственности, включая фермерские хозяйства, на территории Северо-Запада РФ и стало выяснение условий формирования и воспроизводства предпринимательского слоя в сельском хозяйстве. Было проведено сплошное интервьюирование представителей данной социальной группы на территориях, которые можно охарактеризовать как типичную сельскую глубинку — опрос проводился в семи районах Тверской, Новгородской, Вологодской и Ленинградской области, максимально удаленных от областных центров, и составляющих единый территориальный кластер, привязанный к бассейну реки Мологи.

В ходе проекта было взято 75 глубинных интервью с руководителями сельскохозяйственных предприятий, интервью состояли из двух взаимосвязанных блоков — биографического и экспертного. Первый блок ориентирован на изучение жизненного пути руководителя, его укорененности в сельском образе жизни, ценностной и мотивационной составляющей трудового, экономического поведения, а также наличных ресурсов для формирования тех или иных стратегий такого поведения; во втором блоке респондент рассматривался (в силу занимаемой должности) как эксперт по проблемам развития села, а следовательно, мог оценить прошлое и будущее как своего хозяйства, так и российского сельского хозяйства в целом. Обследование одновременного проводилось и среди представителей районной и муниципальной власти (100 интервью) соответствующих территориальных образований. Данные, полу-

ченные в ходе анализа второго массива, позволили расширить исследовательские рамки, шире взглянуть на заявленную проблему, охватить картину развития сельскохозяйственного предпринимательства в Нечерноземной зоне с разных сторон.

Территория обследования в советское время отличалась довольно развитым для Нечерноземья сельским хозяйством: основным видом сельскохозяйственного производства здесь было мясомолочное производство, выращивался лен, некоторые хозяйства производили овощную продукцию или занимались свиноводством. Крайняя удаленность от областных центров и крупных городов области привела к тому, что предприятиям приходилось рассчитывать только на собственные силы, они привыкли обходиться и без помощи города, и без пристального внимания областного руководства. В настоящий момент мясомолочное производство остается здесь приоритетным направлением, что вполне сочетается с наличными природно-климатическими условиями, часть хозяйств, в том числе фермерских, занимается картофелеводством. Остальные виды производимой продукции (зерно, семенной материал и т.д.) являются дополнительными и производятся только в наиболее успешных предприятиях в рамках расширения товарной базы. Льноводство, несмотря на разнообразные государственные и областные программы развития, практически исчезло как самостоятельная отрасль производства в силу крайней затратности и низкой доходности для небольших по размеру хозяйств.

Подавляющее большинство сельскохозяйственных предприятий обследуемой зоны можно отнести к малому бизнесу, в то же время некоторые из них объединены в холдинги, в которых выступают как самостоятельные производственные единицы. Однако именно такие небольшие предприятия, разделяя с местными администрациями заботы по поддержанию социально-бытовой инфраструктуры территории, являются для большинства муниципалитетов и районов системообразующими и факторами стабильности развития сельских поселений.

Кто такие сельскохозяйственные предприниматели

Для начала следует определиться с термином «сельскохозяйственный предприниматель». В эту группу мы включаем и собственников сельскохозяйственных предприятий (в том числе фермеров), и тех, кого можно классифицировать как управляющих, менеджеров высшего звена, т.е. руководителей предприятий, на-

значенных собственником или выбранных коллективом. Следует иметь в виду, что в данном случае коллектив выступает как самостоятельный собственник, со своими законными интересами и требованиями к выбранному им руководству, одновременно выбранный руководитель и сам может быть частью такого коллективного собственника, т. е. управлять частично собственным предприятием в рамках принадлежащей ему доли, пая, а может и не быть таковым. Такая сложная конфигурация ничего не меняет в сути вопроса — руководитель в рамках отведенных ему полномочий, а также в силу полнейшего абстрагирования колхозников — коллективных собственников от контроля за вопросами управления, фактически выступает единоличным распорядителем коллективной собственности, управляет предприятием на свой страх и риск, выступает как самостоятельный субъект, несущий полную ответственность за принятие решений и их последствия.

Если обратиться к социально-демографическим характеристикам наших респондентов, то отметим, что в опросе участвовали 55 мужчин и 20 женщин, средний возраст по массиву 48 лет. В силу занимаемой должности наши респонденты среднего и старшего среднего возраста, в массиве практически не встречаются респонденты моложе 30 лет. Образовательный уровень их достаточно высок — подавляющее большинство имеют высшее или среднее специальное образование.

Почти половина респондентов-руководителей коллективных, акционерных предприятий — бывшие директора/председатели колхозов или совхозов, которые стали руководителями более десяти лет назад и неоднократно переизбирались на должность работниками — акционерами предприятия. Еще четверть — специалисты с высшим образованием, до вступления в должность работавшие на предприятии агрономами, зоотехниками, ветврачами, главными механиками, экономистами или бухгалтерами. Эти люди знают ситуацию на предприятии изнутри и при достаточном опыте работы и соответствующих способностях могут им управлять. Остальная четверть респондентов — люди в руководстве случайные, были выбраны акционерами или предложены районными органами власти по принципу «больше некого»: это трактористы, водители, лаборанты, бригадиры, школьные учителя, бывшие главы местных администраций и даже начальник отдела кадров какого-то завода. Отдельно следует выделить предпринимателей, которые имеют в районе собственный бизнес (магазины, пилорамы и т. д.) и согласились стать руководителями сельскохозяйственных предприятий под давлением районного руководства, ради развития твердых, успешных хозяйств или

спасения через привлечение инвестиций предприятий, находящихся на грани банкротства.

Иначе шло создание группы фермеров. Значительная часть зарегистрированных фермеров состоит из крестьян, жителей села самых разнообразных профессий, в разные периоды времени оформивших крестьянско-фермерское хозяйство, также встречаются бывшие горожане, по различным причинам решившие заняться сельским хозяйством. Число зарегистрированных фермерских хозяйств в каждом из обследованных районов очень внушительно (порядка 200 и более), а вот реально функционирующих — считанные единицы. Поэтому в опросе участвовали только те «старые» фермеры, которые в течение прошедших пятнадцати-двадцати лет смогли сохранить *товарное производство* сельскохозяйственной продукции. Отдельный случай представляет собой фермерское движение в Устюженском районе Вологодской области, где при общей численности зарегистрированных фермеров (около 300), работающих на момент опроса, было 69 юридических лиц.

Собственно разговор идет об эффективности тех, кто занимается бизнесом в сельскохозяйственной отрасли. Почему при крайней казалось бы убыточности сельского хозяйства в Нечерноземной зоне отрасль здесь еще не умерла, хотя и находится в плачевном состоянии? Почему десятки и сотни мелких товаропроизводителей все еще производят сельскохозяйственную продукцию, а некоторых из них можно считать вполне успешными? Зону нашего обследования можно отнести к наиболее депрессивным районам в РФ. В них ярко проявляются проблемы обезлюдивания территорий, деградации сельского хозяйства, бедности населения, что говорит об общем социальном и экономическом неблагополучии этого ареала. Однако несмотря на столь неблагоприятные условия сельскохозяйственное производство здесь не только сохранилось, но и имеет определенные шансы на развитие. На этих шансах мы остановимся подробнее.

Воспроизводство социальной группы сельскохозяйственных предпринимателей

В ходе анализа экономического состояния исследуемых предприятий, условий их функционирования, ресурсов и капиталов, которыми располагает сельский предприниматель, систематизации и обобщения оценок нашими респондентами социально-экономических условий развития сельского хозяйства на локальном уровне и на уровне страны в целом, были обозначены факторы успеш-

ности/неуспешности предпринимательской деятельности на селе, которые мы подразделили на внутренние и внешние, позитивные и негативные¹. Кратко их перечислим. К внешним негативным факторам относим финансовую, земельную и кадровую политику государства, которая пока в основном отрицательно сказывается на развитии сельского хозяйства на обследуемых территориях; а также региональную политику (всех уровней власти), призванную учитывать социально-экономические и природные условия того или иного региона при формировании стратегии развития его экономики в целом и предпринимательской среды в частности. К внутренним негативным факторам отнесем слабость экономических и кадровых ресурсов предприятий, сформированную как неравными стартовыми возможностями, с которыми экономические субъекты подошли к моменту начала реформ в 1990-е гг., так и разорительной политикой, осуществляемой руководителями предприятий за прошедшее двадцатилетие, многие из которых были случайными людьми в сфере сельского бизнеса. Позитивные внешние факторы возникают из политики области или района по поддержанию данной отрасли хозяйства (если она имеется), при создании системы дотаций, прямой финансовой помощи, инфраструктурных условий, неформальных контактов, личной поддержки наиболее успешных предпринимателей со стороны руководства различными ветвями власти. Внутренние позитивные факторы — это особенности личности самих предпринимателей, их человеческий, социальный, культурный капитал, движущая сила, которая позволяет представителям данной социальной группы не только осуществлять свою деятельность в столь непростых условиях, но и находить пути развития, формировать долгосрочные стратегии, без какой-либо уверенности в их реализации.

Выделенные факторы можно распределить по трем уровням влияния: макроуровень (первый) — уровень институциональных изменений и формирования системы государственной экономической политики; мезоуровень (второй) — региональная или локальная (областная, районная) политика, комплекс соответствующих решений и осуществляемых мероприятий; микроуровень (третий) — хозяйственная деятельность конкретных предприятий. В ходе анализа наиболее ярко выявилась роль факторов второго и третьего уровня в создании условий для формирования и развития предпринимательской среды в сельскохозяйственной отрасли и, соответственно, для формирования и воспроизводства соответствующей социальной группы. Факторы первого уровня

играют скорее тормозящую роль, а зачастую даже негативно влияют на жизнь данного социального явления.

Как было отмечено выше, группа сельскохозяйственных предпринимателей крайне неоднородна по своему составу, в первую очередь, в силу значительной социальной дистанции между социально-профессиональными слоями, из которых предприниматели рекрутировались. Тем не менее она имеет определенную внутреннюю структуру. Мы условно выделили три наиболее значимых подгруппы: «руководители» (бывшие председатели, директора, начальники сельхозуправлений и т. д.), «специалисты» (те, кто имеют сельскохозяйственное образование), «случайные люди» (сюда относятся крестьяне без специального образования, прочие жители села и горожане).

Внутри каждой подгруппы можно выделить «высокоресурсных» и «низкоресурсных» предпринимателей. «Высокоресурсные» — это те, кто сумел капитализировать внешние и внутренние позитивные факторы, влияющие на формирование предпринимательской среды на селе. Подавляющее большинство таких предпринимателей составляют представители подгруппы «руководителей». Именно они обладают сравнительно высоким уровнем социального и человеческого капитала, поддержкой на районном и даже областном уровне. Сельскохозяйственные предприятия многих из них можно отнести к вполне успешным в экономическом плане. «Успешность/неуспешность» в данном случае является экспертной оценкой, в рамках анализа деятельности предприятий она была определенным образом операционализирована: фиксировалось увеличение или уменьшение производственных показателей, финансовая обеспеченность, состояние техники и кадров, общая стратегия развития предприятия и т. д.

Частично в группу «высокоресурсных» попадают «специалисты». А именно те, у кого в новых экономических условиях проявились предпринимательские навыки, кого отличают склонность к риску, умение выживать и выстраивать долгосрочную стратегию в самых неблагоприятных экономических условиях, высокая степень профессионализма в данной отрасли. Мощная мотивационная составляющая таких респондентов помогает преодолеть недостатки сложившейся институциональной базы. И лишь единицы в группу «высокоресурсных» попали из подгруппы «случайных». Тем интереснее траектории их жизненного пути и их характеристики: высокая ценность сельского образа жизни, труда на земле, высокая степень ментальной мобильности.

Подавляющее большинство представителей подгруппы сельских предпринимателей классифицированных как «случайные

¹ Подробно эти факторы рассмотрены в статье: Божков, Игнатова, 2015.

люди» оказались «низкоресурсными». Стремительная социальная мобильность многих из них (был трактористом — стал руководителем сельхозпредприятия или оформил фермерство) зачастую не была подкреплена наличием соответствующих условий. И сама восходящая мобильность была вынужденной: «Да дурак, что попал сюда. Взяли — говорили временно, чтобы запустить»; «А я на самом деле не знаю, как это произошло. Вот попросили меня...»; «Некого было другого, не нашлось мужиков. Ни одного мужчины не нашлось подходящего».

Таблица 1

**Состояние действующих с/х предприятий
в обследованных районах**

	Тверская область		Новгородская область	Вологодская область			Ленинградская область
	Максатинский район	Лесной район	Пестовский район	Устюженский район	Кадуйский район	Бабаевский район	Бокситогорский район
Количество успешных хозяйств	4	4	7	8	4	7	3
Промежуточное состояние	8	3	1	3	1		
Количество неуспешных хозяйств	8	3	6	2		3	
Всего хозяйств ¹	20	10	14	14*	5	11*	3

* Звездочкой отмечены районы, где итоговая сумма дана по списку действующих предприятий, а фактически в одном предприятии был отказ от интервью, а в другом — респондент оказался недоступен.

Таблица 1 дает представление о качестве и состоянии сельскохозяйственной политики на уровне обследованных районов, которая может быть оценена, прежде всего, по соотношению числа успешных (обычно «высокоресурсных») и неуспешных (как правило, «низкоресурсных») предпринимателей и/или сельхозпредприятий. При этом к промежуточному состоянию были отнесены

хозяйства, которые по экономическим характеристикам нельзя отнести к успешным, но которые пока удерживаются на плаву. И если политика государства по отношению к сельскому хозяйству существенно не изменится, то такие хозяйства практически обречены.

Рассмотрим существенные характеристики представителей каждой подгруппы, наиболее точно описывающие механизм представленного анализа. Остановимся сначала на подгруппе «руководителей». Типичная история: бывший председатель колхоза (директор совхоза) уже многие годы руководит созданным на его базе ООО, СПК и т.д. В свое время, используя поддержку района, накопленный опыт управления, обширные связи и знакомства, сложившиеся за годы председательства, при ухудшающейся экономической ситуации в сельском хозяйстве, такие руководители приложили все усилия для сохранения и развития наиболее эффективной части материально-технической базы своих предприятий. Например, покупали в банкротящихся предприятиях старую сельхозтехнику (фактически металлолом), собирая из запчастей работающие агрегаты, которые еще какое-то время являлись основой производственной базы их предприятий. Они расставались с теми фондами, которые не могли сохранить в работоспособном состоянии (здания, техника, земли, скот), многократно регистрируя и перерегистрируя свои предприятия.

Другим способом поддержания экономики предприятия являлась максимально возможная диверсификация выпускаемой продукции, когда низкая прибыльность молочного производства заставляла эффективных предпринимателей искать другие способы получения дохода. Связи, знакомства, опыт, поддержка районного руководства, высокая степень профессиональных знаний в области сельского хозяйства позволили наладить производство и сбыт иной продукции, но тесно связанной с основным производством. Например, товарное производство зерновых, семенного материала, племенного скота и т.д. для нужд более мелких и менее успешных предприятий на территории.

Таким образом, актуализировались все наличные ресурсы наших респондентов, которые в силу личных качеств не хотели и не могли свернуть сельскохозяйственное производство тогда, когда многие другие просто ушли с рынка. Кто-то из руководителей организовал для себя более выгодные условия сбыта, пользуясь огромным авторитетом в районе, формировавшемся долгие годы предыдущей ответственной и успешной работы. Кто-то в самые сложные годы наладил сбыт продукции на крупнейшее предприятие области, пользуясь личными и профессиональными связями

(бывший парторг предприятия) с его руководством. Это же предприятие долгие годы фактически являлось инвестором бывшего колхоза, а ныне СПК, пока большая часть фондов этого самого СПК не перешла в личную собственность семьи его руководителя. Кто-то, пользуясь авторитетом и возможностями в прошлом председателя крупнейшего колхоза района и начальника управления сельского хозяйства, смог на паях с другими «ресурсными» предпринимателями выкупить местный молокозавод, сначала обеспечив себе бесперебойный сбыт продукции, а впоследствии и расширив бизнес, в том числе за счет переработки молока.

Способов конвертировать социальный и человеческий капитал было множество, однако объединяет их конечная цель — не только сохранить сельскохозяйственное предприятие, но и добиться его прибыльности. Почти половина таких успешных руководителей нашли способ перевести коллективную собственность на основные фонды предприятия в частную, организовав на базе ООО, СПК и прочих предприятий при действенной помощи и поддержке районного руководства индивидуальные предприятия и крестьянско-фермерские хозяйства. В таких хозяйствах их заместителями, специалистами работают дети или ближайшие родственники. Таким образом, успешный бизнес становится семейным бизнесом со всеми вытекающими отсюда последствиями. А некоторые из успешных руководителей, кто еще остается фактически управляющим коллективного предприятия, хотел бы и прикладывает усилия, чтобы создать на его базе частное предприятие, считая такую форму более прогрессивной и экономически эффективной.

Примерно таким же путем пошли и «высокоресурсные» респонденты из подгруппы «специалисты». Однако здесь главной движущей силой оказался не столько социальный, сколько человеческий, культурный капитал респондентов: высокая трудовая мотивированность, высокие профессиональные качества специалистов сельскохозяйственного производства, целеустремленность, желание добиться результатов.

Сложнее всего пришлось именно тем, кого мы определили как «случайных людей» в предпринимательской среде. У них не было необходимого объема связей, знакомств, поддержки, опыта работы в сельском хозяйстве, работы с людьми. Поэтому выжил только тот, кто сумел выстроить стратегию развития предприятия, максимально соответствующую наличным на данной территории экономическим условиям: организовать и обеспечить сбыт продукции бюджетным учреждениям района, расширять ассортимент производимой продукции только просчитав где, каким образом и в каких объемах ее можно реализовать. Таким предпринимателям так-

же свойственна высокая гибкость организации производственного процесса, например, в поиске рабочей силы. У них могут работать местные школьники, учащиеся техникумов, дачники, переселенцы, пациенты больницы и другие категории граждан.

Опять-таки отдельно следует выделить руководителей-инвесторов, т.е. предпринимателей из других сфер производства (строительство, лесной сектор, торговля и т.д.). Они привыкли эффективно хозяйствовать в других отраслях, и не использовали сельскохозяйственное предприятие как «балласт» или «якорь», а вкладывали в его развитие с целью максимизировать возможные выгоды. Такие предприятия не пошли ко дну, а смогли стать успешными при данных экономических условиях.

Низкоресурсных предпринимателей любой из трех выделенных подгрупп отличают два важных фактора: отсутствие развернутой мотивации к предпринимательству, а также значимого социального капитала, и неразвитость социальных связей. Ни уровень образования, ни профессиональный опыт здесь не оказались решающими. Названные факторы оказывают влияние на формирование неуспешности предпринимательской деятельности, как по отдельности, так и в связке. Неуспешным может оказаться человек с развернутой мотивацией, если он не обладает необходимым социальным капиталом, социальными связями (хотя бы на уровне района). И наоборот, даже при наличии социальных связей без развернутой мотивации к этому виду деятельности успеха не добиться.

Выводы

Взявшись за тему формирования и воспроизводства социальной группы сельских предпринимателей, мы прекрасно понимали, что суть проблемы не в увеличении числа предпринимателей, а в том, что на наших глазах происходило становление новой социальной группы. Признание в первые годы перестройки недееспособности колхозно-совхозной организации сельскохозяйственного производства не породило автоматически сельского собственника или предпринимателя. Реформа собственности в сельском хозяйстве далеко не завершена: процесс формирования нового социального слоя оказался длительным и трудным, и только сейчас (по прошествии более 20 лет) можно подвести промежуточные итоги и в общих чертах описать его. Именно такую задачу мы ставили, принимаясь за эту тему.

Материалы наших исследований свидетельствуют о катастрофической необходимости создания институциональной базы для

развития сельского предпринимательства, включая срочное решение вопросов, связанных с легитимизацией собственности (прежде всего, на землю), с построением адекватной налоговой и финансово-кредитной политики.

При этом именно человеческий капитал является необходимым фактором развития территорий. Необходима поддержка тех, кто может и хочет работать на земле. Для этого нужна стройная концепция социально-экономического развития, гуманное и эффективное законодательство, а также неукоснительное исполнение принятых законов. У тех, кто может и хочет работать, должна быть долгосрочная перспектива, чтобы он мог строить свою собственную концепцию будущего там, где он живет. Механизмы воспроизводства любой социальной группы возможны только в том случае, если созданы условия для воспроизводства ее социальных и культурных качеств. Тогда и можно будет говорить об устойчивом воспроизводстве социальной группы сельских предпринимателей.

Список литературы

Божков О., Игнатова С. (2015). Факторы успешности сельхозпредприятий в экстремальных экономических условиях // Сборник материалов XXI Международного симпозиума «Пути России» «Новый старый порядок — вечное возвращение?», 21–22 марта 2014 г. М.

«Дело было в Пенькове»: как агрохолдинги завоевывают сельские районы Сибири¹

Аннотация. В статье исследуются мотивы, условия и последствия прихода крупных аграрных компаний в небольшой сельский район Новосибирской области и вызванные этим трансформация местной экономики, изменения на локальном рынке труда и земельные переделы. Рассматривается роль муниципальных властей в привлечении серьезных инвесторов на сельские территории и возникающих в связи с этим рисков частно-государственного партнерства. Анализируются положительные и негативные результаты доминирования крупных холдинговых структур, которые за счет мощных инвестиций вывели сельское хозяйство на более высокий технологический уровень, способствовали росту производительности труда и обеспечили лидерство района в производстве сырого молока и льняной продукции. Вместе с тем монополия крупных игроков разрушила многоукладность сельской экономики и традиционного образа жизни, способствовала обвалному сокращению занятости и разрыву связи между системой рабочих мест и сельскими поселениями. На примере исследуемого кейса показано, что крупные аграрные компании, контролирующие значительные площади сельскохозяйственных угодий, становятся основными «бенефициарами» российской аграрной политики, в том числе тех мер поддержки, которые были приняты в связи с вступлением России в ВТО.

Ключевые слова: аграрный холдинг, трансформация земельных и трудовых отношений, частно-государственное партнерство, драйверы сельского развития, многоукладность сельской экономики.

Использование в заглавии статьи названия популярного советского фильма вызвано двумя обстоятельствами — географическим и технологическим. Совершенно случайно именно в селе Пеньково Новосибирской области в 2008 г. была запущена первая линия животноводческого комплекса на 1800 коров, принадлежащего компании, аффилированной с крупнейшим российским агрохолдингом (с международным участием),

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 14–03–00332).

имеющим штаб-квартиру в Воронеже. И хотя это сибирское село не имеет никакого отношения к своей кинематографической тезке, сюжет советской мелодрамы, посвященной будням колхозного строительства, удивительным образом получил свое развитие в уже новых капиталистических декорациях. Но если в фильме чудесные видения тотальной механизации сельскохозяйственного производства, способной убрать человека из-за штурвала комбайна, были представлены в качестве проекта ближайшего будущего, то сегодня, в условиях иной экономической формации, многие технологические утопии стали воплощаться в быль, правда, мало похожую на фантазии 60-летней давности.

В данной статье мы попытаемся описать процесс реформирования сельской экономики и землепользования, систем организации труда и занятости в небольшом сельском районе, куда в качестве инвесторов, наряду с животноводческим холдингом, несколько позже пришла льноводческая корпорация, поставившая цель расширить традиционное для этих мест производство высококачественного льна-долгунца и увеличить глубину его переработки. Речь кроме того пойдет о мотивах и роли местных властей в формировании новой архитектуры локальных рынков, этапах развития новых бизнесов, земельных переделах и правилах конкурентной борьбы крупных игроков за местные ресурсы, а также о социально-экономических последствиях холдингового строительства на отдельно взятой территории.

Мы специально сконцентрировались на проблеме прихода крупных холдингов в сельский район, чтобы внимательно оценить всю глубину привносимых ими трансформаций. Процессы концентрации власти, земли и капитала в рамках вертикально-интегрированных структур, территориальная экспансия последних рассматриваются, как правило, на макроуровне. Мнения специалистов по поводу нового витка аграрной гигантомании неоднозначны. Признавая заслуги агрохолдингов в модернизации и технологической революции в сельском хозяйстве, их лидерство в производстве продовольствия, исследователи обращают внимание также на обратную сторону подобного успеха. А именно — на монополизацию рынков и образование латифундий, проблемы сокращения сельской занятости, финансовую неустойчивость крупных компаний, бурное развитие которых обязано искусственно созданным преференциям в привлечении бюджетных и кредитных средств (Узун, 2013; Никулин, 2005; Нефедова, 2014; Фадеева, 2015b). Возможно, время серьезных аналитических обобщений еще не пришло. Вместе с тем изучение отдельных примеров, на наш взгляд, будет способствовать пониманию последствий развития агрохолдингов

в контексте социоэкономических реалий современной сельской России. Один из таких примеров и исследуется в рамках данной статьи¹.

Экономический эксперимент в отдельно взятом районе

Десять лет назад сельский район, попавший в фокус данного исследования, воспринимался как обычный «медвежий угол» из-за своих небольших размеров, средней удаленности от областного центра и «неудачного» расположения — в стороне от федеральных автомагистралей и железнодорожного сообщения. Аграрный потенциал района в связи с небольшой площадью земельных массивов (по размеру пашни он занимает 24 место из 30 районов области) и суровыми природно-климатическими условиями (таежная зона), слабо пригодными для выращивания зерновых культур продовольственного качества, оценивался не слишком высоко. Однако он располагал и очевидными конкурентными преимуществами, среди которых соседство с Кемеровской областью и Алтайским краем, наличие единственного в Новосибирской области разрабатываемого месторождения золота, развитый комплекс производства строительных материалов (кирпичный завод, лесопереработка, мраморный карьер), хорошие условия для развития туризма, заготовки и переработки дикоросов. Исторически район являлся известным центром сибирского льноводства. Состав почвы, обильные росы и туманы в таежных и предгорных зонах этой местности создают благоприятные условия для созревания тресты (льняная солома) в естественной среде. В то же время низкий уровень технического оснащения местных сельхозпредприятий и отсталые технологии возделывания льна были причинами низкой урожайности. Переработка также была развита явно недостаточно. Сохранившийся с советских времен крупный льняной завод, а также несколько подсобных цехов в ряде хозяйств специализировались

¹ Эмпирической базой исследования стали глубинные интервью с топ-менеджерами и специалистами управляющих и операционных компаний холдинга и корпорации, проведенные нами летом 2013 г. в Воронеже, Новосибирске и Новосибирской области, а также беседы с представителями муниципальной власти и другими сельхозпроизводителями изучаемого района. Используемые в статье статистические данные были предоставлены работниками районной администрации, а также получены нами из финансовых отчетов исследуемых компаний (обработаны с помощью базы Спарк-Интерфакс <http://www.spark-interfax.ru/Front/Index.aspx>).

в основном на «первом переделе» — изготовлении строительной пакли, жгутов и веревок.

Несмотря на перечисленные возможности экономика района к середине 2000-х гг. находилась в затяжном кризисе, сельское хозяйство без компенсирующей государственной поддержки и частных инвестиций пришло в упадок, видимых перспектив развития не просматривалось. Для борьбы со стагнацией новый глава района — владелец местного кирпичного завода, пришедший к власти в результате победы на выборах, — вместе со своей командой приступил к разработке стратегии комплексного развития территории на базе частно-государственного партнерства. Модный на тот момент «лозунг дня» трансформировался в программу конкретных действий, предполагавших: тщательную оценку имеющихся в районе ресурсов и выбор направлений деятельности, интересных с точки зрения потенциальных инвесторов, укрепление инфраструктуры (ремонт дорог, модернизация поселковых водопроводов и проведение газопровода, строительство спортивных сооружений, благоустройство территории райцентра), организация локальных бизнес-проектов на основе муниципальных унитарных предприятий (МУП), объединенных в районный холдинг. В качестве приоритетных аграрных сфер были выбраны животноводство и льноводство, а из других, вновь «открываемых» отраслей, — туризм и спорт, бутилирование питьевой воды, сбор дикоросов. В промышленности ставка была сделана на строительство второй линии кирпичного завода. Руководство района активно и, следует сказать, безуспешно осуществляло поиск внешнего финансирования, в том числе за счет участия района в действующих на уровне РФ и области программах государственной поддержки, включая Национальный проект по развитию АПК.

Средства, предназначенные в рамках Национального проекта для модернизации технического парка, получили несколько сохранившихся и укрупнившихся местных хозяйств. Подпрограмма нацпроекта по развитию сельской кооперации позволила создать в селах несколько кооперативов по сбору молока у населения и оснастить их холодильным оборудованием. Но, в конечном счете, руководство района сделало ставку на крупных внешних инвесторов, скептически оценивая финансовые возможности своих сельхозпредприятий и тем более фермерских хозяйств: *«Фермерам при нынешней политике сложно выжить: техника старая, объем продукции недостаточный. Кредит на покупку комбайна никогда не окупится: современная техника рассчитана на обработку больших площадей»* (Ярманов, 2013: 51).

Стандартный набор мер по привлечению крупных инвесторов был несколько изменен. В частности, на продажу выставлялись не идеи для будущих инвестиций, а уже «упакованные» бизнес-проекты. В их числе — созданное на базе нескольких обанкротившихся хозяйств новое сельхозпредприятие, руководство которого активизировало консолидацию земельных долей и формирование земельных участков с их последующим правовым оформлением. За счет регионального гранта (15 млн руб.), полученного в качестве поддержки диверсификации районной экономики (для этого власти района провели мощную рекламную кампанию своей новой экономической политики), и кредитов, взятых администрацией района под залог имущества ЖКХ, была закуплена качественная сельскохозяйственная техника компании *John Deere* и началась работа по восстановлению плодородия земель, на несколько лет выпавших из обработки.

Другим «бизнес-продуктом» стал новый завод по переработке льна, созданный на месте старого льнозавода — обанкротившегося на тот момент предприятия. Усилиями главы района вновь зарегистрированный МУП был включен в специальную федеральную программу по развитию льноводства, в рамках которой порядка 150 млн руб. были выделены на модернизацию мощностей по переработке льна. Было закуплено оборудование для производства экологических тепло- и звукоизоляционных плит, а также разделения тресты на длинное и короткое волокно. Были обновлены мощности для изготовления стандартных материалов (пакли, войлока, веревки) и топливных брикетов из льняной костры, заменяющих дрова с использованием отходов переработки льна.

Глава района действовал как бизнесмен. Он полагал, что предпродажная подготовка позволит привлечь крупные компании с большими амбициями и серьезными планами, которые согласятся выкупить у района существующий бизнес (сельхозпредприятие и льнозавод), расширят его, а также вернут в местную казну вложенные областью и федерацией средства, которые можно будет потратить для развития других, в том числе социальных проектов. Прежде всего его интересовали инвесторы, которые смогли бы создать единый технологический процесс производства сырья высокого качества и выработки готовой продукции, максимизируя таким образом добавленную стоимость, остающуюся в районе. Изначально глава района выступал за необходимость конкуренции между несколькими крупными игроками. Это, по его мнению, защищало бы локальную экономику от монополизации и давало возможность повысить доходность земли, увеличить число рабочих мест и налоговую базу (Ярманов, 2013). Другими немаловажным

мотивом было желание создать «инновационный» имидж бывшему району-середняку и преумножить политический капитал его руководителя.

Хотя большой очереди из желающих выкупить эти МУПы в первое время не наблюдалось, отбор тех, кто выражал интерес к этим проектам, был достаточно строгим. Глава района отвергал предложения, исходившие от компаний с «подмоченной» репутацией: *«когда холдинги берут землю, технику на условиях лизинга, а дальше — ничего»*. Поиск компаний аграрного профиля велся по разным каналам, включая знакомства и личные связи руководства на уровне района, региона и федерального центра.

«Якорные инвесторы» как драйверы районной экономики: особенности родословной и этапы развития бизнеса

Животноводческий холдинг

Активный поиск инвесторов для первого проекта дал свои результаты. На одной из всероссийских конференций главу района познакомили с немецким владельцем крупнейшего в России холдинга, специализирующегося на производстве молока. Глава сумел убедить его принять инвестиционное предложение — и построить на территории маленького сибирского района, расположенного за 3000 км от мест дислокации основного производства в Воронежской области, несколько животноводческих комплексов, способных полностью обеспечить себя местной кормовой базой. В перспективе планировалось создание мощностей по производству молочной продукции непосредственно в районе. Гарантими масштабного проекта служили обещания расширения земельного массива, поддержки участия компании в региональных конкурсах на получение софинансирования инвестиционных проектов и дотаций за счет средств областной программы развития животноводства. Первый животноводческий комплекс в рекордные по местным меркам сроки был возведен в селе Пеньково. Строительство было завершено в начале зимы, когда уже затрещали первые ноябрьские морозы.

Из интервью с начальником сельскохозяйственного управления района: *«Всё началось с того, как в 2008 г. глава района привлек на территорию нашего района немецкого инвестора. Для нас работа в рыночных условиях все-таки была в новинку, а инвестор чувствовал себя как «рыба в воде». Он начал со строительства*

животноводческого комплекса на 1800 дойных коров, использовал передовые технологии, которые применяются на Западе, ту организацию труда и те породы скота, которые используются там». Стоит отметить, что заниматься производством молока в Сибири инвестор изначально не хотел. В Новосибирске у него была компания по продаже зарубежной сельскохозяйственной техники — и максимум, на что он рассчитывал, получить землю для выращивания зерна. Но в районе его убедили рискнуть. Тем более что опыт работы в молочном животноводстве у холдинга уже имелся. Заняться этим ему пришлось в начале 2000-х гг. под «приуждением» властей Воронежской области.

До этого на протяжении 10 лет холдинг был известен в России как дистрибьютор импортной сельхозтехники и семян зерновых культур, которые закупались у российских производителей. Но после кризиса 1998 г. и девальвации российского рубля конкурентные позиции отечественного сельского хозяйства заметно улучшились. Интерес к отрасли появился и у инвесторов, в том числе иностранных. Понимая, что бум российского рынка продовольствия не за горами и важно успеть в числе первых закрепиться на нем, владелец холдинга в 2002 г. приобрел разорившиеся хозяйства в Воронежской, Курской и Оренбургской областях и получил тем самым в обработку 5000 га земли¹. Однако неожиданно его ставка на развитие зернового производства была скорректирована. Власти одного из районов Воронежской области заняли жесткую позицию, обязав компанию сохранить в приобретаемых ею хозяй-

¹ Подробное описание истории развития холдинга см. в интервью его владельца «В России взял шайбу — и вперед к воротам противника» // Ведомости. 2015. 21 июля. № 3877. <http://www.vedomosti.ru/business/characters/2015/07/21/601427-v-rossii-hotyat-ukazanii-delaem-raz-dva-tri>. В 2013 г. в состав холдинга входили 24 юридических лица, в том числе материнская компания в Германии. Он присутствовал в 7 регионах России, земельный банк составлял 186 тыс. га, в том числе более 120 тыс. га обрабатывались в Воронежской области. Структура холдинга включала три группы компаний: две управляющие компании, контролирующие деятельность региональных производств в европейской и азиатской части России; производственные сельскохозяйственные компании (6 регионов, 7 юридических лиц); торгово-закупочные и рекламные компании. Всего во всех подразделениях холдинга работали порядка 3000 человек. Помимо молочного и мясного животноводства холдинг специализировался на производстве зерна, включая элитное семеноводство, а также на продажах сельхозтехники. По итогам 2014 г. холдинг вышел в лидеры российского рынка сырого молока. Его предприятия увеличили годовое производство до 153 700 т при росте поголовья молочного стада до 22 000 коров См.: Скрынник И., Кунале М. Главный молочник России // Ведомости. 2015. 2 июля. № 3864. <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/07/02/598949-krupneishim-proizvoditelem-moloka-v-rossii-stal-nemetskii-biznesmen-shtefan-dyurr>.

ствах поголовье молочного скота, а вместе с ним рабочие места и достигнутые объемы производства молока.

Владелец холдинга сначала активно отказывался от этих предложений, опасаясь войти в отрасль, которая в России считалась заведомо убыточной, но, в конце концов, согласился, так как иначе доступ к «вожделенным» воронежским черноземам был бы закрыт. В пользу предпринимателя сработал и Национальный проект по развитию АПК — первые средства на строительство крупных молочных ферм холдинг получил именно по этой линии. Компания, превратившаяся из торговой в многопрофильную производственную, стала активно осваивать российский и зарубежный опыт высокопродуктивного молочного животноводства. Строительство первого комплекса в 2006 г. в Воронежской области было сложным, но именно там были приобретены практические навыки и сформулированы стратегические принципы работы, которые по мере расширения бизнеса стали транслироваться холдингом в другие регионы России. К числу этих принципов, по нашему мнению, можно отнести:

- постоянное увеличение земельных ресурсов и осторожное поглощение хозяйств-банкротов: *«мы сначала научились работать на 5 тыс. га, а затем перешли в соседнее хозяйство, а потом еще и еще»* (топ-менеджер управляющей компании холдинга об опыте работы в Воронежской области);
- оправданная экономия: вместо тотального завоза дорогостоящего племенного скота и одномоментного разрушения всех оставшихся в наследство от прежних хозяйств животноводческих помещений методичная работа с местным молочным стадом для повышения его продуктивности (откорм, осеменение зарубежным материалом), реконструкция старых коровников и летних баз. На этом фоне осуществлялся постепенный ввод комплексов с использованием технологий беспривязного содержания животных с доильными залами «карусель» в расчете на единовременное обслуживание от 36 до 72 коров (в 2013 г. в Воронежской области действовало уже 6 таких комплексов, в Новосибирской области — достраивался второй комплекс) с постепенным отказом от ферм советского образца;
- опора на административный ресурс и взаимовыгодные отношения с местными властями, активный отклик на посылаемые «сверху» сигналы, в том числе «обращение» районных и региональных руководителей в свои союзники. Максимальное привлечение инвестиционных ресурсов из федеральных и региональных источников, использова-

ние предлагаемых региональными властями механизмов поддержки развития производства (правила компенсации стоимости закупки техники, скота, расходных материалов, «региональная» часть субсидирования ставки рефинансирования ЦБ РФ). Как признают топ-менеджеры холдинга, *«ввод новых высокотехнологичных комплексов без федеральной и региональной поддержки был бы невозможен»*.

В беседе с нами представители управляющей компании холдинга признали, что со временем они в полной мере оценили правильность выбора «навязанной» им сверху специализации. Для холдинга молочное животноводство стало не просто рентабельной подотраслью сельского хозяйства, но также элементом диверсификации бизнеса, позволяющим компенсировать чрезмерную волатильность зернового рынка и обеспечить финансовую устойчивость.

Работа региональной компании холдинга на сибирских просторах революционным образом изменила положение района на фоне области. Из интервью с начальником сельскохозяйственного управления района: *«Произошло техническое и технологическое переоснащение. Другая экономическая эффективность труда. Среди 30 районов области наш район занимает 17-е место по поголовью дойного стада, но по продуктивности на фуражную корову мы занимаем 2 место. В 2012 г. мы надоили 24 422 тонны молока, в этом году я ожидаю 26 500 тонн»*. Особенно впечатляющей выглядит динамика показателей на фоне цифр советских времен и болезненного провала производства в середине 2000-х гг.: *«Сейчас в целом по району у нас имеется 4340 коров, 3222 коровы — в холдинге. При советской власти было 12 500, т. е. стадо сократилось почти в 3 раза. Но показатели продуктивности на одну корову для наших условий великолепные. Наш район упал на дно продуктивности в 2006 г. Тогда было всего 3198 кг молока в год на фуражную корову. Но после прихода холдинга средние по району показатели стали непрерывно расти. В 2010 г. мы надоили 4058 кг, в 2011—4792, в 2012—5610 кг на корову. В 2013 г. я ожидаю 6200 кг. В холдинге показатели росли еще быстрее: в 2010 г. было 4965 кг, в 2011—5991 кг, в 2012—7052 кг, в текущем году они надоют порядка 8000 кг на фуражную корову»*.

Если в 2009 г. региональная компания холдинга использовала 40% всех сельскохозяйственных земель района, то в 2013 г. уже 70% (41 тыс. га, в том числе 34 тыс. га пашни), поглотив 8 бывших колхозов и совхозов. На этом экспансия в рамках района не закончилась — до конца 2013 г. в ее состав должно было влиться еще одно хозяйство. Ускоренное присоединение земель долгое время

«державшихся на плаву» предприятий к холдингу началось после крайне неудачной для сибирских аграриев осени 2009 г., когда рекордный урожай зерновых обвалил закупочные цены и не позволил хозяйствам вовремя рассчитаться по банковским кредитам, взятым для обновления техники. Начальник сельскохозяйственного управления: *«У нас в стране нет аграрной политики. Когда в 2009 г. мы собрали большой урожай, цена на некоторые виды зерна упала ниже себестоимости. Мы роژه продавали дешевле, чем были затраты на ее производство»*. Окончательно подкосила местных производителей засуха 2012 г., когда район, выглядевший не так плохо на фоне других территорий области, практически не получил компенсаций своих убытков. Холдинг от подобных природных и рыночных катаклизмов был застрахован лучше благодаря своим масштабам, технической оснащенности, возможностям внутрикорпоративного и внешнего финансирования. К тому же присутствие подразделений холдинга в разных по климату частях страны оказалось дополнительным фактором устойчивости всей компании и стало аргументом в пользу строительства еще одного более крупного комплекса в его сибирском подразделении. Начальник сельскохозяйственного управления: *«Когда в 2010 г. случилась очень сильная засуха в европейской части страны, владелец холдинга в полной мере осознал, насколько правильным было решение по развитию сельского хозяйства на территории нашего района. В 2012 г. уже в Сибири была сильная засуха, все выгорело, но у них был большой переходящий запас кормов — силоса и сенажа. Учитывая положительную динамику темпов развития и экономическую эффективность производства молока, было принято решение о строительстве еще одного комплекса на 2500 коров в селе Барково. Один коровник на 500 голов уже запустили, в текущем году там будет еще один коровник на 500 голов рядом стоять»*. Помимо двух комплексов холдинг сохранил три фермы (с доильными залами «елочка») на 300–400 голов, оставшиеся от присоединенных хозяйств, и еще три участка для молодняка. Строительство второго, а в планах — и третьего комплекса, а также специализированной площадки для выращивания телят со временем, как полагают специалисты региональной компании, позволит полностью отказаться от старых ферм. Производство будет окончательно сконцентрировано в трех-четыре местах, что заметно облегчит проблемы логистики и в то же время уничтожит прежнюю схему размещения производства, привязанную к поселениям.

Другой вектор развития новосибирской компании холдинга был связан с повышением рентабельности производства за счет

постепенного перехода от продажи сырого молока к собственной переработке. В 2013 г. в сутки здесь производилось 70 т молока (в 2015 г. суточные объемы возросли до 100 т). Имеющиеся в Новосибирске мощности молокоперерабатывающих заводов не в состоянии были принять такие крупные партии, поэтому холдинг заключил долговременные контракты на сбыт своей продукции с крупным комбинатом из соседней Кемеровской области, входящим в состав транснациональной корпорации. Так получилось, что из шести компаний-контрагентов общероссийской сети корпорации, поставляющих на переработку молоко высшего стандарта «Юнимилк», которое используется для выработки детской продукции, три принадлежали русско-немецкому холдингу. Заинтересованность кемеровского комбината в поставках качественного молока от новосибирского поставщика весьма высока, несмотря на «плечо доставки» в 250 км. При этом компания-поставщик получала за свое молоко дополнительный бонус в виде надбавок за качество и объемы, что вкупе с федеральными доплатами за уровень белка и жирность сдаваемого предприятием молока увеличивало цену закупки 1 литра молока на 3–5 руб.— примерно на четверть от базовой закупочной цены.

Но даже подобные преференции со стороны крупной корпорации-переработчика не смогли сдержать планы животноводческого холдинга относительно инвестиций в свою переработку. Топ-менеджеров и региональной, и управляющей компаний беспокоил рост концентрации российского рынка молочной продукции, поделенного между несколькими крупнейшими переработчиками. Чтобы не попасть в зависимость от пусть и крупного, но единственного покупателя, руководство холдинга приняло решение о завершении вертикальной интеграции своего бизнеса и выходе на рынок с готовой продукцией. Это решение сопровождалось мощной рекламной кампанией о пользе молока для здоровья россиян и борьбы с фальсификатом. В 2013 г. в качестве экспериментальной площадки именно в сибирском регионе начал работу цех по производству и пакетированию пастеризованного молока, творога, сметаны и ряженки с объемом переработки 10 тонн в сутки. В компании подчеркивали, что замкнутый цикл производства и контроль качества на всех этапах гарантируют покупателям высококачественный натуральный продукт. Амбиции холдинга относительно продвижения своей молочной продукции под общим брендом «Академия молочных наук» простирались намного дальше небольшого цеха. Речь шла о возведении «стеклянного» (с прозрачными стенами) молокоперерабатывающего завода, рассчитанного на 150 т сырья в сутки, вблизи планируемого строительства

второй в районе базы рекреации и занятия спортом, как важного объекта в маршрутах познавательного и экологического туризма, который мог бы стать очередным вкладом холдинга в развитие территории. Экономический кризис и дефицит инвестиционных средств приостановили реализацию этих планов.

Льноводческая корпорация

В 2009 г. у животноводческого холдинга на территории района появился конкурент. Им стала новосибирская льноводческая корпорация, которой руководство района позволило выкупить имущество обновленного муниципального льнозавода. Взамен корпорация гарантировала создание на территории района высокотехнологичного производства льна для обеспечения завода качественным сырьем в достаточном объеме, а также завершение его полной реконструкции.

Новосибирскую корпорацию и воронежский животноводческий холдинг объединяет схожесть этапов их становления — обе компании в 1990-х гг. начинали свой бизнес с оптовой торговли. В сельское хозяйство они пришли на рубеже веков, выбрав аграрную специализацию по «воле случая». Сначала корпорация занималась поставками продовольствия (мясо, рыба, фрукты) на новосибирский рынок из европейских стран, потом организовала в сельских районах области сеть частных пекарен. В одной из сделок им достались энергетические векселя сельхозпредприятия, расположенного в пригородной сельской местности Новосибирска, где исторически занимались льном еще со времен переселенцев, прибывших в Сибирь с европейского Севера и привнесших в эти края секреты возделывания арктического вида льна, из которого вырабатываются самые тонкие и прочные ткани. В конечном счете это предприятие «за долги» отошло корпорации, специалисты которой пришли к выводу о том, что именно лен может стать локомотивом экономики не только этого предприятия, но со временем и всей корпорации в целом. В последующем в состав корпорации вошло еще одно предприятие пригородного района, где также выращивали и перерабатывали лен. В итоге корпорация стала владельцем двух предприятий, занимающихся помимо возделывания льна также производством зерновых культур, мяса и молока, а также расположенных на их базе двух льнозаводов — модернизированного старого и построенного силами корпорации нового. Это в итоге предопределило ее закрепление в районе, где при посредничестве властей она смогла организовать новое льноводческое хозяйство и получила контроль над деятельностью обновленного льнозавода. Суммарный объем земли, обрабатываемой тремя хозяйствами

корпорации в двух районах, к началу 2013 г. составил порядка 20 тыс. га земли. По итогам 2011–2012 гг. она стала лидером по возделыванию и переработке льна в России.

Средства на закупку специализированной техники для посева и уборки льна корпорация получила за счет федеральной программы по развитию российского льноводства. Ставка была сделана на сортообновление и увеличение объемов выращивания льна, а также на внедрение новейших технологий возделывания этой очень прихотливой культуры. Конечными продуктами переработки стали длинное качественное волокно для поставки его на экспорт в страны с развитой текстильной промышленностью (Бельгия, Франция и др.) и на суконные комбинаты России, а также выработанные из коротких волокон материалы для активно развивающегося в России строительного рынка. В перспективе речь шла о строительстве собственной фабрики сухого прядения льна как раз в изучаемом нами районе.

Однако появление корпорации на данной территории несколько запоздало. Грандиозные планы животноводов из холдинга требовали ежегодного приращивания новых земель, из-за чего в районе возник дефицит свободных участков. По словам начальника сельхозуправления, льноводам с самого начала предлагали взять в обработку относительно компактный массив земли, выкупить производственную базу и помещения в селе, где при советской власти было мощное специализировавшееся на производстве льна хозяйство. Но инвесторы не торопились приобретать это имущество и брать под контроль местные земли, видимо рассчитывая на снижение цены. В итоге часть земель отошли в аренду холдингу, а корпорация осталась без «центральной усадьбы». Доставшиеся ей поля оказались разбросанными по территориям шести бывших хозяйств — и эта «чересполосица» стала камнем преткновения для функционирования двух крупных компаний, заставив их задуматься о том, чтобы начать обмениваться участками.

По размеру обрабатываемых земель в районе корпорация сильно уступала холдингу. На начало 2013 г. ее земельный фонд составлял 5,5 тыс. га — более чем в 7 раз меньше, чем у конкурента. При этом лен выращивался только на 2 тыс. га. Для загрузки местного льнозавода сырьем корпорации требовалось еще как минимум 600 га под посевы льна и доведения общего земельного клина до 14 тыс. га для создания расширенного семипольного севооборота с использованием зерновых культур, многолетних трав (кормовых культур) и паров. По оценкам специалистов, такая система земледелия улучшает плодородие почв и позволяет повысить урожайность льна и тех культур, что идут вслед за ним, а также создает основу много-

профильного хозяйства с неперенным развитием животноводства. Подобная агроэкономическая модель подразумевает комплексную оценку затрат и результатов деятельности компании, включает механизмы перекрестного субсидирования по разным продуктам и позволяет дотировать применение интенсивных технологий выращивания льна, которые обходятся в 3–4 раза дороже производства зерновых культур. Менеджеры корпорации обосновывали нам эту стратегию тем, что, с одной стороны, повышенные затраты и риски снижают уровень конкуренции на рынке льна, но с другой стороны, при хорошем первоначальном финансировании и продуктовой диверсификации крупный производитель, комплексно отработавший все технологии, займет свою нишу и сможет получать дополнительную маржу за качественный товар. К тому же, по их оценкам, природные условия данной сибирской зоны и состав почв позволяют сократить число технологических операций для обработки посевов льна до двух-трех раз в сезон притом, что в Европе на поля, где растет лен, техника должна выйти не менее пяти-шести раз. Еще один аргумент в пользу развития животноводства там, где выращивают и перерабатывают лен: жмых, который является отходом производства льняного масла, очень полезен для животных.

Нехватка земли и отсутствие в районе хозяйств, которые в силу финансовых затруднений еще не «сдались на милость» холдинга-завоевателя, побудили льноводческую корпорацию искать не объект для поглощения, а равноправного партнера из оставшихся независимых сельхозпредприятий. В 2013 г. юридически была оформлена сделка по вхождению в состав корпорации одного из трех местных предприятий, сохранивших свою автономность. О показательном опыте «выживания в рынке» и борьбы за устойчивость положения бывшего советского предприятия, которое стало партнером корпорации, в условиях плохой конъюнктуры и чрезвычайных колебаний закупочных цен, «кадровом голоде» и деградации сельских поселений стоит сказать отдельно. Благодаря предпринимательской жилке и новаторству директора в самые сложные годы это предприятие приросло землями соседнего развалившегося хозяйства, частично обновило парк техники, сохранило, хотя и сократив в три раза (с 1200 до 400 коров), молочное стадо. В середине 2000-х гг. здесь начали заниматься разведением герефордской (мясной) породы КРС. Но попытка организовать производство экологически чистой говядины оказалась неудачной, так как на несколько лет опередила возникновение реального интереса государства к импортозамещению. Государственная поддержка закончилась быстро, достаточных собственных средств для вывода бизнеса на приемлемый уровень рентабельности у предприятия не было, а заинтере-

сованного инвестора под этот проект в «тучные 2000-е» не нашлось. Тогда казалось, что по затратам производства и качеству российское мраморное мясо всегда будет проигрывать иностранным конкурентам. Но директор не сдавался. Он одним из первых в области создал козью ферму и стал инициатором изготовления продукции из козьего молока, которая стала еще одним узнаваемым брендом района (в духе вышеописанного эксперимента). Первое стадо формировалось поштучно, животных привозили из разных мест. Когда в хозяйстве было всего 10 коз и надои были мизерные, директор уговаривал руководство местного завода попробовать изготовить из его сырья козье молоко, йогурты и мягкие сыры. Сырье на завод сначала поставляли бесплатно, часть продукции бесплатно расходилась по друзьям и знакомым. Затем на предприятии пытались организовать сбыт через Интернет, чтобы молочные деликатесы смогли попасть на столы горожан и получить определенную известность. По мере роста объемов производства интерес к этим продуктам стал проявлять и большой ритейл — они появились на прилавках новосибирских супермаркетов. В 2012 г. для повышения доходности прямо на предприятии была организована собственная переработка козьего молока. Директор утвердился во мнении, что хозяйству дальше нужно работать в направлении молочного козоводства, по мере возможности заниматься селекцией животных, построить новую механизированную ферму и в три этапа довести поголовье коз с имеющихся 220 до 1500 голов. Именно такая специализация, по его мнению, позволила бы избежать прямой конкуренции с животноводческим холдингом и сохранить независимость: *«С коровьим молоком мне не выжить, так как я его произвожу по той технологии, что была в советское время. Для новой технологии нужны мощные финансовые вливания, которых у меня нет, к тому же вокруг уже много таких мегаферм. Нам нужно искать другую нишу»*.

Но и для своей ниши предприятию требовались большие инвестиции. К тому же нехватка техники и неизменный дефицит оборотных средств привели к тому, что до трети пашни (из 10 тыс. га) предприятия находилась в запустении. Прибегать в очередной раз к банковским кредитам директор не хотел. Несколько лет он пытался привлечь инвесторов, которые бы вложили средства в его проекты, но при этом не вмешивались бы в текущее управление, но безуспешно. Поэтому поступившее от льноводческой корпорации предложение о том, чтобы засеять льном 600 га пустующих земель, а к осени на территории предприятия запустить цех по первичной обработке сырья, было воспринято директором положительно. Льноводы также рассчитывали на более глубокую интеграцию, чтобы решить свои проблемы земельного дефицита

и включить земли предприятия в расширенный севооборот. Такой расклад был выгоден и второй стороне: директору были даны обещания не только сохранить, но и преумножить молочное животноводство, в том числе за счет внутренних инвестиционных источников, а также оставить за ним право принятия решений. Из интервью с директором козоводческого предприятия: *«Цены на производимые молоко, мясо и зерно не всегда позволяют нам безбедно жить, а лен — достаточно рентабельная культура, которая поможет поправить финансовое положение хозяйства. Плюс лен заставит грамотно работать на земле с севооборотами, а гербицидная обработка очистит поля от сорняков, прежде всего от пырея, которым они заросли. Корпорация большие вложения сделала в реконструкцию льнозавода, им была нужна земля для выращивания льна. А я занимался поисками той ниши, где бы мы могли себя показать и поработать. В этом наши интересы совпали»*. О том, чем в итоге завершилось это сотрудничество, речь пойдет в заключительной главе.

Экономические итоги «холдингового строительства» в данном районе можно подвести сухим языком цифр. За период с 2005 по 2012 г. годовой объем производства аграрной отрасли увеличился в 2,6 раза — с 382,8 до 976,4 млн руб. Секрет успеха — взрывной рост привлеченных инвестиций, которые в целом по экономике района за этот период в годовом исчислении выросли в 8,4 раза. Доля сельского хозяйства в общем объеме капитальных вложений составила 34%. При этом 70% инвестиций пришлось на долю животноводческого холдинга, который за первую пятилетку своей работы в регионе вложил 623 млн руб. в строительство животноводческих комплексов, 500 млн руб. потратил на покупку племенного скота и свыше 1 млрд руб. — на приобретение сельскохозяйственной техники. Он же стал лидером по налоговым отчислениям в муниципальный бюджет, опередив в этом даже местный кирпичный завод и золотодобытчиков. Конечно, ни одно другое из четырех оставшихся самостоятельными сельскохозяйственных предприятий района, включая также подразделения льноводческой корпорации, сопоставимые объемы инвестиций позволить себе не могли. За 20 пореформенных лет количество крупных сельскохозяйственных предприятий района сократилось в три раза — с 15 до 5. Благодаря новым технологиям и «сплошной» механизации занятости в аграрной отрасли упала еще значительно — более чем в 5 раз по сравнению с советским периодом (с 5,5 до 1 тыс. человек)¹.

¹ Подобные экономические успехи далеко не всеми в районе оценивались позитивно. Крупные компании не только сократили спрос на труд, но и сняли с себя ответственность за бытовые условия жизни своих работников, отказа-

Концентрация земли, индустриализация аграрного производства, централизация управления и замкнутость технологических циклов способствовали повышению производительности труда, снижению издержек и росту качества конечной продукции, но в то же время они кардинальным образом изменили организацию и режим труда сельских жителей. С приходом крупных аграрных компаний в районе перестала существовать бытующая с советских времен прикрепленность сельхозпредприятий к сельским поселениям, а вместе с ней — и связь проживающих здесь людей с окружающими село угодьями. По большому счету именно на этом этапе разрыва места жизни и места работы и закончился «колхозный строй». Кардинальным образом поменялась идентичность селянина, еще в недавнем прошлом члена колхоза, а ныне — индустриального наемного работника. Крылатая фраза «Всё вокруг колхозное — все вокруг мое» навсегда утратила свою актуальность. Если в годы перестройки это выражение преимущественно означало коллективную бесхозяйственность и дозволенность воровства, то с приходом аграрного капитализма проступил еще и другой смысл, отражая уходящие в небытие сопричастность колхозника с общим (обозримым) делом, его соучастие в управлении хозяйством и самостоятельность в принятии решений. Утрата локальности рабочего места и гигантские масштабы производства привели к отчуждению механизатора от работы на «своей» земле и отменили «одушевленность» взаимодействий доярки с «подшефными» коровами, которых она еще недавно всех знала в «лицо» и называла по имени. Доильный конвейер обезличил буренку, вместо клички у нее остался только чип и порядковый номер.

Труд и земля в новых контекстах

Приход крупных игроков усилил спрос на квалифицированных и надежных работников и изменил расстановку сил на локальном рынке земли. Животноводческий холдинг и льноводческая кор-

лись брать шефство над сельскими поселениями, ограничившись скромной ролью спонсоров «по случаю». Социально-экономическая оценка изменений в районе от главы сельсовета: «Люди в районе остаются без работы. Производительность труда резко возрастает — потребность в рабочих сокращается. Это первое. Второе — поддержка этих людей (работников) со стороны предприятия тоже не осуществляется, речь идет об обеспечении кормами, вспашке огорода, вывозке дров. То есть эти бытовые вопросы остаются на территории. Другое дело, насколько администрация района, администрации сельских советов смогут правильно отреагировать на все это и принять необходимые меры».

порация столкнулись с обычной для России проблемой нехватки «качественных» претендентов на имеющиеся вакансии при кажущемся избытке предложения. Новые технологии и рост капиталоемкости животноводческого производства изменили набор компетенций привлекаемой рабочей силы, а также серьезным образом интенсифицировали трудовой процесс. Требования к потенциальным работникам кардинально изменились, и далеко не все селяне, желающие получить работу в этой компании, смогли это сделать.

Отбор работников для новых подразделений холдинга осложнялся ускоряющимися темпами присоединения к нему все новых и новых хозяйств. По договоренности с местными властями холдинг в большинстве случаев брал на себя обязательства по трудоустройству ранее работавших здесь людей. Это приводило к тому, что наряду с материальными активами холдинг получал раздутый штат сотрудников, которые не всегда были готовы быстро адаптироваться к новым требованиям. Чтобы избавиться от «балласта», сразу же после захода в новые «владения» специалисты холдинга начинали процесс реструктуризации бизнеса и селекции трудового коллектива. То, как это происходило в Воронежской области, топ-менеджер управляющей компании описывает следующим образом: *«Когда мы берем хозяйство, стараемся выкупить активы, чтобы не брать непонятно что по наследству — все эти «скелеты в шкафу». Но иногда нам приходится брать всех людей. А уже потом проводить естественный отбор, сокращение. Мы сразу начинаем людей учить. Если человек не хочет учиться, значит, здесь не его место. Это дополнительная нагрузка на нас. Очень часто работники саботируют: «Зачем мы должны делать то, что мы никогда не делали!» И это происходит везде». На основе опыта санации множества разоренных экс-колхозов и совхозов в холдинге сложились собственные нормативы оптимального количества занятых в расчете на гектар пашни: «Если взять в среднем последние данные по предприятиям в Воронежской области, то у нас получается 1500 человек на 75000 гектар пашни. Выходит 20 работников на 1000 гектар. Это усредненные показатели. А бывает, что берем себе маленький колхоз, где пашни 2000 гектар, а там занято 100 человек — получается 50 работников на 1000 гектар. Есть перекося?! Но просто взять и напололам сократить мы не можем. Это делается постепенно — в лучшем случае в течение года».*

Эти нормативы занятости были выдержаны в новосибирской региональной компании холдинга. В 2013 г. среднесписочная численность постоянных работников составляла 594 человека (на 34000 га пашни), в полевую страду летом-осенью штат со-

трудников, включая временно занятых, увеличивался примерно на 100 человек — до 700 работников. При этом доля специалистов среди работников компании не превышала 10%. Костяк трудового коллектива — это работники животноводческих комплексов, доярки и обслуживающий персонал на старых, но реконструированных фермах, механизаторы, водители. Также компания имела внушительную армию охранников, на долю которой приходилась десятая часть всех занятых. Это было вызвано необходимостью круглосуточной охраны техники, оборудования, складов и другого ценного имущества, рассредоточенного по большой территории.

Приток новых работников на предприятие в удаленный район обеспечить сложно, поэтому в компании были вынуждены нанимать преимущественно местных жителей. При этом труд в рамках одного района из-за территориальной разбросанности производственных участков стал носить «глобальный» характер. Рабочее место сельского жителя отодвинулось от его дома на значительное расстояние — а распорядок его дня стал больше соответствовать ритму жизни мегаполиса: *«Каждый день из дальнего села идет автобус с доярками, которых везут на комплекс. Автобус едет примерно час в одну сторону. Это 60 км. Получается, что на дорогу туда и обратно доярки тратят 2 часа в день»* (из интервью с главой сельсовета).

Определенные проблемы в управлении холдингом создавала текучесть кадров. Из интервью со специалистом компании: *«90 % работающих у нас — это те, кто здесь работал раньше. Остальные 10 % — это те, кто приходят, поработают, но уходят, потому что не выдерживают наши условия и нагрузки. Кого выгоняем — тех, кто не хочет работать».* Проблема «текучки» на первый взгляд может показаться удивительной на фоне стойкого дефицита рабочих мест в сельской местности и высокого уровня оплаты труда на предприятии-лидере рейтинга работодателей района. В 2012 г. среднемесячная зарплата в холдинге превысила 15800 руб., притом что в экономике района средний показатель оплаты труда оказался на уровне 13000 руб. Однако, на наш взгляд, истоки этой проблемы лежат не только за пределами предприятий холдинга, но и внутри него.

Сложно сказать, в какой мере более высокая зарплата в холдинге компенсирует возросший уровень интенсификации труда и ответственности работников, усиленные стандарты качества. Как мы смогли убедиться, работа на животноводческом комплексе очень напряженная. Дойку стада из 1800 коров в три смены круглосуточно обслуживают бригады из трех человек, для которых в течение восьмичасового рабочего дня предусмотрено всего два техниче-

ских перерыва. Для того чтобы выдержать такой ритм работы «на карусели», работнику нужны хорошее здоровье и выносливость. Работать на комплексе и вообще в компании, по свидетельствам жителей района, людям старше 40 лет сложно. Организация труда и правила начисления заработной платы приводят к сверхэксплуатации и техники, и живого труда: *«Человека заставляют работать быстрее, интенсивнее — ведь механизатору платят за обработанные гектары. Поэтому чтобы справляться с планом, скорость нужно увеличивать, нагрузка на технику выше становится. При максимальной производительности техника быстрее изнашивается. Молодежь еще эту нагрузку выдерживает — 8 часов поработал, отдохнул. Но порой им не 8 часов надо работать, а все 12! Еще на это накладывается то, что люди в сезон работают практически без выходных»* (из интервью с фермером).

Таким образом, появление крупного холдинга в сибирском регионе, с одной стороны, смягчило напряженность на локальном рынке труда, но, с другой стороны, усилило дискриминацию работников по возрастному цензу — для людей, которым до пенсии оставалось 10–15 лет, доступных рабочих мест сильно не прибавилось. «Равнение на молодых» вынудило компанию предпринимать особые меры по привлечению и закреплению молодежи. Период «безвременья» 1990-х ознаменовал массовый исход молодежи из села. У сельских жителей сформировалось стойкое ощущение, что подросших детей нужно всеми силами отправлять на учебу или работу в город, поэтому вернуть уехавших или же разубедить новое поколение юношей и девушек не покидать «малую родину» было достаточно сложно. Чтобы переломить эту установку и радикально омолодить коллектив, холдинг предпринял дополнительные усилия и потратил серьезные средства. Но происходило это главным образом на воронежской земле, в Сибири «инвестиции в молодежь» оказались не столь значительными: *«У нас занято много молодежи. Ввод в строй новых животноводческих комплексов создает 50 новых рабочих мест. В Воронежской области мы начали предоставлять и строить ведомственное жилье, в первую очередь для молодых специалистов. Работают ведомственные детсады, столовые. Есть и другой способ стимулирования молодого специалиста: если мы понимаем, что он профессионал, то учитываем это в его зарплате, чтобы он мог с семьей переехать откуда-то и снимать себе жилье. Работаем с вузами, ищем перспективных студентов, проводим конкурсы по всем сельскохозяйственным вузам России. Даже практикуем выплаты стипендий. Другой фактор нашей конкурентоспособности в борьбе за молодежь: мы*

предлагаем не только хорошую зарплату, но и высокие технологии, комфортные условия труда (например, все оснащено кондиционерами). Что такое современная ферма? — это не то, как раньше было, — «по пояс в навозе». Это чистый офис, работа за компьютерами» (топ-менеджер управляющей компании).

Серьезным образом новые технологии изменили содержание труда рядовых сотрудников — и в первую очередь в животноводстве. Конвейерный метод дойки коров «обесценил» (обезличил) индивидуальный вклад работника в общий процесс, переведя ответственность за конечный результат в плоскость «круговой поруки»: *«Работа на комплексе — это как на конвейере. Доярки ни одного рубля не получают за надоенное молоко. Им платят за качество молока, которое должно соответствовать самым высоким требованиям сырья для производства детского питания. Важно, чтобы в молоке не было бактериального загрязнения, отсутствовали бы механические примеси. При старых технологиях молоко могло контактировать с воздухом в коровнике, запах от кормов и навоза мог оставаться. А сейчас все по закрытому молокопроводу поступает в танк-охладитель, никакого постороннего контакта нет»* (начальник сельскохозяйственного управления района). Из интервью с главным специалистом региональной компании холдинга: *«Мы качество молока определяем по ферме, а не персонально. Если завод возвращает нам партию молока из-за плохого качества, виноват только «человеческий фактор». Вдруг одна доярка что-то сделала — и всю партию испортила. Здесь все за это ответственные»*.

Переход от количественных к качественным параметрам оценки труда скорректировал порядок расчета заработной платы. Если при старой технологии оплата труда доярки определялась объемами выдаваемого ею молока, а это в свою очередь зависело от породы, продуктивности животных и ухода за ними, то в новых условиях заработная плата стала, прежде всего, производной от ее квалификационного статуса: *«У нас есть базовая расценка за классность доярки. Плюс ей идет доплата за качество молока, а также за то, чтобы в группе не было мастита у коров. На тех фермах, где нет у нас молокопровода, мы раз в месяц делаем контрольную дойку для зоотехнического учета и для того, чтобы правильно начислить зарплату доярке. Но от этого мы отходим»* (из интервью главного специалиста региональной компании холдинга). Квалификация присваивается работникам холдинга всех специальностей. Это регулярно происходит на экспертных советах линейных руководителей, которые выставляют комплексную оценку стараниям и профессиональным знаниям работников,

их лояльности фирме, проступкам и просчетам. Вместо экзаменационных заданий предпочтение отдается коллективному мнению: *«Классность любого работника (доярки, механизатора, скотника и других) подтверждается ежегодно. Мастер — это самый высокий разряд. Третий разряд считается базовым, от которого классность можно повышать (до 5-го разряда) или понижать (до 1-го разряда, в случае какой-то провинности работника). Каждая ступень прибавляет или отнимает 10% к базовой зарплате. Для оценки квалификации у нас есть специальный экзаменационный лист. Но мы делаем по-другому: вместе садимся — экономист, бригадир, ответственный по животноводству или растениеводству — и уже оцениваем каждого человека по разным параметрам: 10 параметров или даже больше. И таким образом ему присваиваем разряд. Это оценка его обучения, дисциплины, как он в коллективе себя ведет. Раньше тоже была классность, но она по-другому определялась. Доярки приходили, сдавали экзамены — и им ставили классность. Сейчас оценка производится без экзамена».*

Такой совещательный принцип позволяет ускорить карьерный рост перспективных работников или же быстро отреагировать на недочеты в работе: *«Бывает такое, что человек отработал полгода — и ему поставили базовую классность. А потом от бригадира или начальника участка поступает представление: «Прошу пересмотреть класс такого-то работника. Он заслуживает или больше, или меньше». Комиссия собирается — и анализирует показатели, решает, повышать его квалификацию или нет. То есть у человека всегда есть путь к повышению».*

Однако подобной благостной картине устойчивого роста доходов работников компании, нарисованной главными специалистами, несколько противоречат собранные нами свидетельства жителей района о большом разнообразии штрафных санкций, применяемых в компании для наказания «провинившихся» и компенсации убытков, которые работники могли ей нанести. Принцип коллективной ответственности как базовый элемент корпоративной культуры не всеми воспринимается позитивно — особенно этому противятся зрелые и высокопрофессиональные сотрудники, не склонные нести ответственность за чужие ошибки и огрехи в работе.

Специфика оценки труда механизаторов и водителей, а также других работников, занятых в растениеводстве, связана с масштабами компании — разбросанностью и удаленностью участков, большим количеством одновременно работающей техники. Это серьезно затрудняет текущий мониторинг работы всех сотрудников, занятых в поле, чей профессионализм и исполнительская

дисциплина на разных этапах полевого цикла определяют величину будущего урожая. Хотя значительную контролирующую роль играют технические средства (прежде всего, системы навигации и слежения)¹, окончательную оценку качеству сделанной работы и эффективности работника ставит его непосредственный начальник. Руководство компании вынуждено полагаться на его мнение, осознавая, что подобный субъективизм может иметь и негативные последствия. Но как создать такую систему мотивирования, которая бы не допускала «уравниловки», тарифицировала все виды работ и позволяла оценивать качество их выполнения, в компании еще не придумали: *«Наша система оплаты работает так, чтобы все можно было проследить — есть ставка «засев зерна», есть ставка «засев свеклы», есть коэффициенты качества соответствующие. Коль сеют разные культуры разные по квалификации люди, у них уже базовая зарплата будет разная. Но очень много дается на откуп их руководителю, который отвечает за качество посевов, должен проследить, как все вошло на разных полях. Цель нашей системы оплаты — добиться дифференциации, чтобы тот, кто работает хорошо, много получал, а тот, кто работает плохо, стал либо меньше получать, либо уходил из компании»* (финансовый директор управляющей компании). Особенно строго в компании относятся к случаям пьянства и воровства сотрудников — прежние заслуги сразу «обнуляются». Воспитывать, принуждать к лечению, «закрывать глаза» на эти пороки здесь не принято: *«Сейчас действует такое правило: пришел пьяный на работу — до свидания. Или ты лечишься, или увольняешься. Не хочешь работать, уходи, ради бога. Раньше в хозяйствах практиковалось лечение (кодирование) пьющих сотрудников — их возили группами. Сейчас такого нет: это тебе, работник, нужна эта работа. Решай сам эти вопросы. Бывает так, что от работы человека отстраняем — вычитаем из зарплаты за прогул. Но ультиматум предъявляем: или — или»* (главный специалист региональной компании).

Из-за масштабов компании, а также жесткого режима оперативного контроля подразделений со стороны управляющей компании

¹ Именно технологии, как полагает собственник холдинга, обеспечивают возможность расширения земельного банка компании: «Раньше глава предполагал, что 50–60 тыс. га — это максимальный размер для холдинга. Сейчас он признал, что можно расти больше, потому что есть GPS и другие системы навигации и наблюдения (в том числе сверху), и не надо лично присутствовать — объезжать поля и смотреть, что там происходит. Через телекоммуникации контроль стал доступен. Можно ехать только туда, где нужно что-то посмотреть — что там не так идет» (из интервью с топ-менеджером управляющей компании).

большая нагрузка ложится на главных специалистов и линейных руководителей региональных компаний. Их ненормируемый рабочий день, как правило, не различает ни будних, ни выходных. Действующая в холдинге сложная система управления может включать до семи ступеней подчинения. К тому же к отработке производственных процессов, особенно на этапе становления, холдинг всегда привлекает иностранных специалистов: *«Очень много приезжало консультантов, буквально по всем вопросам — от кормозаготовки до ухода за телятами»* (из интервью с главным специалистом региональной компании). Такая многоуровневая надстройка ставит менеджеров операционных подразделений в весьма уязвимое положение. Команды сверху приходят не только из отраслевых департаментов управляющей компании, но и от других функциональных служб, и порой могут не соответствовать друг другу. К тому же все важные решения «на местах» должны согласовываться со штаб-квартирой холдинга в текущем порядке. Это заметно сужает свободу действия и возможность самостоятельно принимать решения у руководителей низовых звеньев, хотя конечная ответственность за результаты лежит именно на них. В данной ситуации не всегда высокие зарплаты специалистов и менеджеров могут удержать их на столь ответственных и «хлопотных» позициях в силу того, что постоянные разъезды по делам холдинга и «жизнь в машине» становятся обыденностью, а риски получения взысканий и недовольства со стороны вышестоящих органов весьма высоки.

Подобная разбалансировка ответственности и самостоятельности стала причиной ухода из холдинга двух ведущих специалистов, которые перешли работать в льноводческую корпорацию в ранге руководителя и главного агронома хозяйства, занимающегося выращиванием льна. Свой выбор в пользу нового работодателя они объяснили так: *«Главное — мы здесь работаем самостоятельно, принимаем все решения, там это было сложно. Там над тобой было много начальников или иностранных консультантов, которые в один день могли давать противоречащие задания. Самому решение принять было невозможно. Например, когда шла кормозаготовка, один начальник придет и скажет, что косить нужно в этом месте, а следом другой начальник отменит это решение. Руководители корпорации не лезут в технологические процессы. Их заботит наша обеспеченность техникой, семенами. Но осенью за урожай уже спрашивают с нас»*.

Нельзя сказать, что между холдингом и корпорацией идет зримая борьба за кадры в виде прямого переманивания управленцев или же рядовых работников. Скорее, люди сами решают, куда им

пойти работать, ориентируясь на приемлемый для себя уровень нагрузки и ответственности, комфортности и мобильности. На момент обследования в льноводческой корпорации было занято около 50 механизаторов и водителей (уже с учетом работников влившегося в ее состав козоводческого предприятия), дефицит рабочих рук в хозяйстве возникал только в момент теребления льна. После завершения полевых работ механизаторы могли получить работу в другом подразделении корпорации — на льнозаводе, и эта все-сезонная занятость также служила дополнительным фактором удержания сотрудников, заработки которых заметно уступали зарплатам лучших работников холдинга. Работа в поле для механизаторов корпорации была организована в более щадящем режиме, чем в холдинге, в том числе из-за меньшей нагрузки на одного работника: *«После посевной кампании мы нашим механизаторам даем выходные. Два-четыре дня отдохнули, пошли на «химию» (химическую обработку посевов). Отработали там — дали им выходные. Также пошла уборка, потом выходные. Когда мы работали в холдинге, у нас с апреля по ноябрь ни одного выходного не было»* (из интервью с руководителями льноводческого хозяйства). Еще одно отличие корпорации от холдинга было связано с более терпимым отношением руководства к нарушениям дисциплины из числа работников со стажем. Подобную награду за преданность, на наш взгляд, можно трактовать как особую черту российской «социальной экономики» и еще не изжившего себя «колхозного патернализма», которые идут вразрез с жесткой «капиталистической» логикой: *«Дисциплинарные проступки караются увольнениями. Есть исключения — особенно в отношении механизаторов, которые у нас отработали много лет. Такого работника можно как-то и другим образом наказать — например, лишить премиальных»*.

Эта «человеческая нотка» в отношениях работника и предприятия важна для понимания причин сохранения в районе двух хозяйств, которые смогли остаться независимыми и не примкнуть ни к одному из крупных игроков. Одно из таких хозяйств, бывший совхоз, уже давно балансирует на грани выживания: за 20 лет в 2 раза сократилась площадь пашни, в 5 раз — число работников, в 2,5 раза — молочное стадо. Здесь по-прежнему в основном живут за счет молока, техническая база производства которого сильно устарела. Из нового смогли приобрести только холодильное оборудование, а доильные аппараты и молокопровод остались еще «советские». Пытались своими силами механизировать раздачу кормов, но дворы к этому оказались не приспособлены. Средняя зарплата в хозяйстве держится на уровне 4 тыс. руб., поэтому

основной контингент работников — те, кому далеко за 40 (люди предпенсионного и даже пенсионного возраста). Чтобы удержать в хозяйстве механизаторов, руководство установило им более высокую зарплату — в летние месяцы она достигает 15 тыс. руб. Почему же это хозяйство еще «не сошло со сцены» и как-то держится на плаву? Прежде всего, на наш взгляд, потому, что его руководитель и сотрудники не видят себя и свое место в новой «картине мира». Они не вписываются в ритм конвейера, им сложно отказать от понятного «сельского образа жизни» и, прежде всего, от своего подворья, совместить которое с работой на комплексе чрезвычайно сложно, их пугает ежедневная долгая дорога на работу. Собственных средств для модернизации ферм, чтобы увеличить их доходность, у хозяйства нет, а путь к заемным капиталам и «обильной» поддержке государства, которой окружен животноводческий холдинг, для него закрыт. Понятно, что существование подобных хозяйств — это «марш обреченных», который неизбежно закончится, когда их руководители устанут от повседневной борьбы за выживание, а работники окончательно уйдут на пенсию. Но пока само наличие таких хозяйств свидетельствует о существовании хотя и слабой, но оппозиции процессам тотальной концентрации аграрного производства, корпоративному бюрократизму и индустриальной дисциплине.

Помимо революции в организации труда появление в районе региональных компаний животноводческого холдинга и льноводческой корпорации активизировало оборот сельскохозяйственной земли и ускорило легализацию земельных отношений. Серьезные инвестиции в производственно-технический комплекс, которые осуществили эти компании, не могли бы состояться без оформления прав собственности на землю или договоров долгосрочной земельной аренды.

До сих пор в России вторичный рынок земли слабо сформирован. Зарегистрированных (отмежеванных) земельных участков, которые могут быть реальными объектами сделок, пока недостаточно (Шагайда, 2013). Владельцы земельных долей, как правило, не спешат заняться регистрацией своих прав собственности — это для них и накладно, и очень хлопотно (Фадеева, 2015а). Поэтому зачастую основные затраты на легализацию земельных отношений — консолидацию долей, межевание и оформление прав собственности на земельные участки — берут на себя арендаторы земли или ее будущие покупатели. Именно так с самого начала «аграрной биографии» и поступали специалисты холдинга, руководствуясь положениями закона об обороте сельскохозяйственных земель, который в 2002 г. узаконил сделки по продаже и покуп-

ке земли. Юристы холдинга стали настоящими профи в вопросах правового оформления коллективно-долевых земель, бывших в распоряжении хозяйств, которыми холдинг прирастал регулярно в течение последнего десятилетия: *«В нашей управляющей компании работает целый отдел в юридическом управлении, который занимается легализацией земельных отношений. Накоплены механизмы работы. Мы очень долго над этим работали. Мы работаем с землей с 2001 г., а первые участки земли начали оформлять — даже не в собственность, а в аренду — наверное, в 2005 г. В полноценной собственности может быть земельный участок. В нашей практике только два случая было покупки земельных участков, во всех других случаях мы работали с земельными долями»* (из интервью с финансовым директором холдинга).

Холдинг ориентирован на выкуп земли, которую он обрабатывает. На момент нашего обследования 55 % всего земельного фонда холдинга находились в собственности его региональных компаний. Топ-менеджер управляющей компании объяснил стремление к росту доли собственной земли двумя факторами: долгосрочными планами развития и необходимостью роста стоимости компаний: *«Так как мы ориентированы на долгосрочное развитие, нам нужно иметь землю в собственности. 100 % земли иметь в собственности практически невозможно. Нам нужно столько своей земли, чтобы — самое главное — накормить коров! Если же полагаться на западную логику, то важно понимать, что земля в собственности определяет стоимость компании. Это долгосрочные активы. Это залоговая масса для получения кредитов. Земля и активы закреплены за всеми операционными компаниями. Потому что заемщиками являются они»*. Установление прав собственности на землю холдингу нужно в виде гарантий своего «оседлого» присутствия на территории. Долгосрочная аренда земли не исключает пересмотра условий или же разрыва арендных договоров, а для крупного производителя даже намек на эту ситуацию, а тем более шантаж со стороны арендодателей могут обернуться серьезными последствиями.

В новосибирской компании холдинга пока большая часть земли арендуется. Площадь выкупленной земли на середину 2013 г. составляла порядка 8 тыс. га (это пятая часть всех сельскохозяйственных угодий). Приобретая участки в собственность, компания стремилась обеспечить целостность массива своих земель, чтобы уменьшить «чересполосицу» (чередование своих и чужих полей), но обострение конкуренции с льноводческой корпорацией за землю полностью решить эту задачу не позволило: *«Нам нужно, чтобы наша земля не была разбросана маленькими клочками между*

чужими полями. Но единого массива земли пока у нас нет. Существует еще одна организация, которая занимается в районе льном, которая тоже идет за землей» (из интервью со специалистом региональной компании). По словам топ-менеджера льноводческой корпорации, у них изначально с холдингом была неформальная договоренность о разделе зон влияния. Строительство нового комплекса и потребность в расширении кормовой базы заставили холдинг нарушить «джентльменские соглашения» и начать скупать земельные доли в тех местах, на которые холдинг обещал не покушаться. Борьба между холдингом и корпорацией развернулась за земли, от которых отказался сохранивший независимость бывший совхоз, об истории которого мы рассказали чуть выше. Сначала льноводы скупали земельные доли (12 га) по цене 12 000 руб., затем на рынок вышел холдинг, увеличив ставки до 20 000 руб.¹ Также холдинг предложил местному сельсовету взять на себя всю организацию и затраты на введение в оборот «невостребованных долей» с последующим оформлением прав собственности этих земель на себя. Проиграв этот раунд, корпорация поспешила заключить партнерские отношения с козоводческим предприятием, о чем мы тоже уже говорили.

Почти вся долевая земля в районе сдается в аренду на 49 лет. Арендная плата, которую выплачивают своим дольщикам и холдинг, и корпорация, составляет 3 ц зерна. Местные фермеры, которых в районе не больше десяти, платят своим арендодателям больше, чтобы хоть как-то защитить свои хозяйства от посягательств конкурентов. При этом холдинг может рассчитаться за аренду земли не только зерном, но и деньгами, но здесь действуют жесткие правила: денежный эквивалент полагающихся трех центнеров не должен превышать себестоимости производства зерна и может быть выплачен только после подведения финансовых итогов года. Начальник управления сельского хозяйства районной администрации в интервью признал, что для арендаторов подобные условия аренды весьма выгодны, но для владельцев долей они не справедливы². Чиновник полагает, что со временем, когда

¹ Среднерыночная цена покупки сибирской земли достаточно низка. Если в 2013 г. в обследованном районе за земельную долю (12 га) холдинг максимально мог заплатить 25 тыс. руб., то в Воронежской области, по словам главы холдинга, только один гектар неоформленной земли стоил 400 долл., а цена гектара оформленного в регистрационных органах земельного участка доходила до 1400 долл.

² По словам топ-менеджера управляющей компании, ставки арендной платы, которые холдинг назначает в разных регионах своего присутствия, имеют рыночную и административную составляющую: «Во-первых, есть рынок арендной платы. Во-вторых, в некоторых районах действуют так называ-

инвесторы окупят свои расходы на оформление земли и добьются более эффективного ее использования, ставки аренды повысятся: «Я считаю, что эта плата существенно ниже той, которая должна быть. У нас были договоренности с арендаторами, которые вначале очень большие суммы тратили на рекультивацию земель, межевание, на юридическое оформление земельных участков, о том, что в дальнейшем они будут увеличивать размер арендной платы. Также они обещали рост аренды по мере роста урожайности». Правда, при такой земельной монополии одной компании верить в улучшение положения мелкого арендодателя не приходится. В росте дивидендов от земельного капитала сомневаются сами владельцы долей, поэтому они с легкостью соглашались на продажу своей земли холдингу за небольшие деньги.

Чтобы окончательно перейти к рыночным правилам игры, холдинг стремится перевести свои отношения с работниками в русло денежных транзакций и покончить с прежней практикой натуральной оплаты труда в сельском хозяйстве. Все работники имеют право купить для своих нужд производимую на предприятии продукцию и оплатить услуги по транспортировке груза, обработки земли и проч. Но их цена для работника, скорее всего, будет неприемлемой, так как из-за высоких материальных затрат и капиталоемкости производства себестоимость продукции достаточно велика. К тому же не все, что холдинг производит для своих нужд, подходит для использования в семейном подворье: «У нас каждый работник может купить зерно, но только если у нас есть запасы. Все услуги — транспорт, технику и проч. — мы предоставляем за деньги. Расценки для всех одинаковые — и для специалистов, и для рядовых работников. Раньше мы сено тоже давали на пашу (в качестве арендной платы), но уже второй год мы сено продаем. В основном все работники покупают его у фермеров, так как оно у них дешевле. У нас производство нацелено на общественное животноводство, мы постоянно увеличиваем свое поголовье — и не можем содержать частное поголовье!» (главный специалист региональной компании). Монетизацию доступа к ресурсам, кото-

рые рекомендации районной администрации. В нашем базовом районе Воронежской области действуют следующие рекомендации по годовой арендной плате за долю, которая составляет 4,5 га, — 5 ц зерна, 10 кг сахара, 15 кг подсолнечного масла. Мы стараемся действовать в этом коридоре. Кто-то из арендодателей может отказаться от масла, тогда ему выдается 7 ц зерна. Можно взять 10 ц зерна без других выплат. Некоторые дольщики приходят и просят выплатить аренду деньгами, в зависимости от цен на рынке зерна». Получается, что в Воронежской области, где земля плодороднее и спрос на нее выше, чем в Сибири, ставки арендной платы гектара земли примерно в 8 раз превосходят сибирские нормативы.

рые еще недавно сельчане получали «даром» (в счет компенсации заниженной зарплаты или же нелегальным образом) и поэтому могли с выгодой вести свои подсобные хозяйства, можно расценивать как преодоление еще одного «колхозного наследия»¹. Отметим только, что в трудные 1990-е благодаря симбиотическому сосуществованию крупных предприятий и мелких семейных хозяйств экс-колхозы и совхозы могли долгое время функционировать, будучи де-факто банкротами, а сельское население продолжало там работать, не получая на руки «живые» деньги (Фадеева, 2003).

Рудименты «симбиоза», когда предприятие заинтересовано в личных подсобных хозяйствах своих работников и по экономическим, и по социально-этическим мотивам, сохранились в льноводческой корпорации и в «независимых» хозяйствах района: *«Прежняя колхозная помощь нашим работникам у нас сохраняется, хотя в основном сейчас подобные виды работ выполняют частники за деньги. Своим работникам мы помогаем — и огороды пашем, и заготовкой сена занимаемся. Это обязательно. Хозяйство все равно люди держат»* (руководитель льноводческого предприятия). Но если говорить о перспективе, подобный натурообмен работников и предприятия в скором времени сойдет на нет, что серьезно ослабит положение семейных хозяйств и будет способствовать их дальнейшей трансформации.

Финансовые и другие итоги переформатирования сельской экономики

Об устойчивости и перспективах развития коммерческих компаний многое могут сказать показатели финансовой отчетности. Сделанный нами на основе данных финансовой отчетности, доступных в системе Спарк-Интерфакс, анализ показывает, что региональная компания животноводческого холдинга и льноводческое хозяйство, входящее в состав соответствующей корпорации, за годы своего присутствия в районе динамично наращивали выручку от продажи основной продукции. Так, за 2009–2013 гг. холдинг увеличил свою выручку в 3 раза (с 187 до 554 млн руб.) и с 2011 г. вышел на устойчивый уровень чистой прибыли — в пределах 19–23 млн руб. в год. Еще более бурными темпами в это пятилетие рос бизнес льноводов: выручка от продажи возросла более чем в 4,5 раза (с 20

до 92 млн руб.). Но при этом показатели чистой прибыли вели себя достаточно неровно, изменяясь в пределах от 1 до 17 млн руб. В последние два года при растущей выручке прибыль льноводческого предприятия существенно снизилась.

Рентабельность продаж (отношение чистой прибыли к выручке) в течение рассматриваемого периода у обеих компаний снижалась. В холдинге этот показатель упал с 17% в 2010 г. до 4% в 2012–2013 гг. В 2014 г., уже выходящем за рамки исследуемой ретроспективы, рентабельность продаж опустилась до 2%. В корпорации падение было еще круче — с 35% в 2011 г. до 7% в 2012 г. и 1% в 2013 г. Причиной подобной динамики стало то, что обе компании, активно инвестируя средства в развитие своего бизнеса (закупку техники и оборудования, скота, строительство), постоянно увеличивали свой кредитный портфель. Причем привлекаемые ими долгосрочные кредиты и займы росли заметно быстрее выручки. У животноводов долгосрочные займы и кредиты за пять рассматриваемых лет выросли в 3,7 раза (с 483 до 1800 млн руб., перевалив в 2014 г. рубеж в 2 млрд). Долгосрочные долги льноводов с 2009 по 2013 гг. увеличились более чем в 100 раз (с 1,4 до 172,9 млн руб.), превысив тем самым в 2013 г. годовой объем реализации в 2 раза. В этих условиях обеим компаниям приходилось тратить все больше средств на обслуживание своих обязательств. Величина расходов на выплату процентов по обслуживанию внешнего долга у холдинга возросла с 15 до 26% от годовой выручки, в корпорации эта доля расходов была ниже, но рост направляемых на эти цели средств тоже оказался значительным — с 8 до 17%.

Чистый денежный поток (разность между поступлениями и платежами по текущей деятельности), генерируемый основным бизнесом холдинга, в 2013 г. был отрицательным и составил порядка –270 млн руб. В 2014 г. он снизился до –97 млн руб., по-прежнему оставаясь в отрицательной зоне. Это означает, что ликвидность предприятия поддерживалась за счет возрастающих объемов внешнего финансирования — банковских кредитов и государственной поддержки. Важно подчеркнуть, что животноводческое производство таких размеров, требующих первоначальных огромных вложений, только через 3–4 года выходит на уровень положительной операционной прибыли. Представители новосибирской компании холдинга и не скрывали в беседе с нами финансовые проблемы периода становления, подчеркивая, что ускорение выхода их бизнеса на проектную мощность и рост доходности требует масштабных заимствований в разных формах. Но даже при наличии серьезного залогового обеспечения за счет собственного имущественного комплекса и возможностей привлечения поручи-

¹ По поводу изменившейся роли ЛПХ в семейной экономике сельских жителей один из наших респондентов выразился так: «Если раньше личное подворье тебя содержало, то теперь ты его содержишь».

тельства других региональных компаний холдинга им было крайне сложно убеждать сотрудников банка в необходимости выдачи дополнительных кредитов. *«В данный момент у нас прибыльным является только молочное животноводство. В остальном пока все сложнее (не достроен элеваторный комплекс и проч.). Трудности у нас связаны с тем, что хозяйство развивается, нужны инвестиции — крупные инвестиции. В основном это кредиты банка. Местные банки кредитуют наше предприятие почему-то с трудом. У нас есть и залогов, у нас есть поручительства — есть «круговая порука» по всему холдингу, когда одно хозяйство берет кредит, все хозяйства за него выступают поручителями. Мы бы могли быстрее развиваться, если бы у нас были кредиты. И соответственно отдача была бы выше. У нас замедляются темпы роста — и из-за этого высокой рентабельности нет».* Вероятно, высокая долговая нагрузка предприятия вызывает у специалистов кредитных отделов банков определенные опасения, и они остерегаются брать на себе еще большие риски. В этой ситуации дальнейшее развитие столь масштабного бизнеса, в который уже вложены немалые средства, без поддержки государства вряд ли возможно.

Как мы уже говорили, холдинг с самого начала реализации своих амбициозных проектов в сельском хозяйстве опирался на административный ресурс и пользовался большой государственной поддержкой. В Новосибирской области он успешно вписался в областную программу развития животноводства, предусматривающую компенсацию до половины затрат на приобретение сельскохозяйственной техники, 20% — затрат на закупку скота, а также льготное кредитование оборотных средств (приобретение семян, кормов, ветеринарных препаратов и проч.). В середине 2000-х гг. проект строительства первого животноводческого комплекса получил региональное софинансирование. Финансовую поддержку наряду с другими крупными аграрными проектами, развиваемыми в Сибири, холдинг имел и в 2010-х гг. Введенное в 2013 г. правительством страны, вслед за присоединением России к ВТО, несвязанное погектарное финансирование также «оказалось на руку» предприятию, имеющему в обработке большие земельные массивы. По данным новосибирского издания «Председатель»¹, в 2013 г. на поддержку сельскохозяйственного производства Новосибирской области было направлено 3 967 млн руб. из средств федерального и областного бюджета. Почти

30% этих ресурсов получили 13 сельскохозяйственных организаций (из примерно 250 работающих в области). Среди самых крупных получателей средств господдержки по отраслевым направлениям региональная компания холдинга оказалась на второй позиции (115,4 млн руб.). Кроме того, она получила еще 63,3 млн руб. в качестве компенсации затрат на обслуживание инвестиционных и краткосрочных кредитов — компания вошла в пятерку сельхозпредприятий области, на долю которых пришлось половина суммы, направленной на субсидирование процентной ставки. К тому же 4,9 млн руб. составили налоговые льготы, полученные компанией. Таким образом, в 2013 г. общая сумма государственной поддержки составила 178,7 млн руб., что в 8,8 раз превысило прибыль компании. Очевидно, что при отсутствии такой поддержки возможность рентабельного ведения бизнеса в таких масштабах была бы под большим вопросом. Важно заметить, что риски подобной модели частно-государственного партнерства будут возрастать в случае, если дальнейший рост будет сопровождаться все увеличивающейся помощью государства, которое в этом случае становится своего рода «заложником» ситуации. И подобный «замкнутый круг» будет сложно разорвать. Государство на первом этапе развития крупного агропромышленного проекта играет роль локомотива — и это оправданно в российских реалиях, но его дальнейшие перспективы должны в основном определяться собственными источниками развития.

В отличие от животноводов льноводы сопоставимой помощи от государства не получали. Сложные погодно-климатические условия сезонов 2013 и 2014 гг., обернувшиеся падением урожая, начавшийся макроэкономический кризис, сокративший спрос на продукцию из льна, а также чрезмерная закредитованность всех подразделений льноводческой корпорации привели к тому, что входящие в ее состав предприятия оказались не в состоянии платить по счетам. Банки как основные кредиторы прибегли к судебным методам взыскания долга. В результате по решению арбитражного суда в июне 2015 г. на льноводческом предприятии была начата процедура банкротства — введено наблюдение и утвержден временный управляющий. Тем не менее, как нам известно, это не остановило работу предприятия — посевные работы весной 2015 г. состоялись, лен был посеян.

Сравнение финансово-экономического положения животноводческого и льноводческого предприятий, имеющих общие проблемы, но пришедших в итоге к разным результатам, позволяет нам сделать следующий вывод: чем меньше масштабы предприятия, тем меньше абсолютные и относительные возможности при-

¹ Господдержка в НСО: «субъективный характер и признаки коррупционности» // Председатель. 2013. <http://predsedatel-apk.ru/dokumenty/>

влечения внешнего финансирования и господдержки. По данным на 2013 г., по объемам выручки региональная компания холдинга в 6 раз превосходила производителей льна. Это означает, что по масштабам бизнеса и соответствующего ему политического капитала, в том числе зависящего от национальных приоритетов, рассматриваемые нами предприятия относились к разным «весовым категориям», что, в конечном счете, и предопределило разное отношение государства к их судьбе. Очень точно задал вопрос о будущем сельском хозяйстве, в котором государство способствует созданию агрохолдинговых «колоссов на глиняных ногах» и не защищает интересы малых и средних хозяйств, один из опрошенных нами глава сельсовета: *«Что будет, когда мы все сейчас разрушим, развалим? Эти холдинги не справятся, они сегодня пока живут на дотациях. Когда дотаций от государства не будет, они не протянут, они не будут жить!»*

Наряду с другими подразделениями льноводческой корпорации «разменной монетой» асимметричной модели аграрного капитализма стало хозяйство по разведению коз, которое вошло в состав корпорации буквально накануне нашего приезда в 2013 г. Через год это хозяйство закрылось, его руководитель продал коз, которыми он так гордился, весь скот и технику и уехал из района. Мы не можем судить об истинных мотивах ликвидации этого новаторского и хорошо известного благодаря многочисленным публикациям в новосибирской прессе хозяйства, но немного пролить свет на финансовые причины случившегося попытаемся. В разговоре с нами директор говорил о том, что с 2011 г. он отказался от инвестиций и привлечения обременительных для его экономики кредитных средств: *«Мы на протяжении последних 10 лет работаем с прибылью. Если говорить о рентабельности, то она составляла от 15 до 27%. Но мы не вкладывали больших средств в обновление производства. У меня сейчас кредитов вообще нет. Я взял паузу в этом деле по одной простой причине: моя экономика сегодня не позволяет брать кредитные средства, которые нужно возвращать с процентами, даже и по льготной ставке. У меня задолженность осталась по пятилетним кредитам, взятым в 2010 г. Я приостановился в строительстве животноводческой площадки и в других делах»*. Судя по данным финансовой отчетности, доходность хозяйства пошла на спад после 2010 г. — рентабельность продаж упала с 22% в 2009–2010 г. до 2% в 2011 г. и –19% в 2012 г. По-видимому, это ускоряющееся падение было вызвано сначала кризисом перепроизводства 2010 г., а затем засухой 2012 г. Решить проблемы руководитель, вероятно, рассчитывал с помощью прямых вливаний со стороны

льноводческой корпорации, но вместо выхода из «финансового пике» результаты деятельности хозяйства в 2013 г. драматическим образом ухудшились: его убытки за год выросли почти в 3 раза — с –6,4 до –18,5 млн руб., рентабельность упала до –42%. Объединение с компанией, отягощенной собственными финансовыми обязательствами, оказалось не лучшим способом оздоровления.

Случившаяся история с корпорацией нанесла серьезный удар по развитию уникальных для района отраслей сельского хозяйства — козоводства и льноводства. Возможно, что ситуация с производством и переработкой льна будет решена с помощью смены собственника и санации бизнеса. Но сами эти примеры указывают на хрупкость положения таких различающихся между собой хозяйствующих субъектов, как «старое» коллективное хозяйство, успешно прошедшее через испытания переходного периода и сумевшее найти свою нишу, и набирающий обороты новый высокотехнологичный бизнес. Они оказались одинаково незащищены перед природными и рыночными стихиями — перед засухой и ранним выпадением снега, перед колебаниями закупочных цен и резко меняющейся рыночной конъюнктурой, перед устойчивым ростом цен на энергию, топливо и оборудование, перед низкой доступностью заемных средств и сложными условиями окупаемости инвестиций. Меры государственной поддержки оказались в данных случаях недостаточными для того, чтобы эти предприятия смогли избежать банкротства.

Попробуем взвесить на чаше весов позитивные и негативные итоги завоевания района крупными компаниями. Мы бы не хотели давать однозначную оценку этим событиям. Приход животноводческого холдинга и льноводческой корпорации, несомненно, поднял технологический уровень аграрного производства, способствовал наведению порядка в землепользовании и в организации труда, открыл большие возможности для трудоустройства молодых и честолюбивых людей, предоставив им шанс хорошо зарабатывать в ранее малопrestiжной сфере деятельности и повысить свой профессиональный уровень. Но в то же время район лишился многоукладной сельской экономики, в рамках которой наряду с гигантскими хозяйствами могли бы успешно существовать личные подворья, фермерские хозяйства, сельскохозяйственные кооперативы и предприятия малых и средних форм. Альтернативных рабочих мест в неаграрных отраслях сельской экономики не появилось, сельским жителям, оказавшимся вне крупного производства по разным причинам, ничего не оставалось делать, как перейти в сегмент «невидимой» (нерегистриру-

емой) самозанятости и отходничества (Калугина, 2015: 183–229; Плюснин, Позаненко, Жидкевич, 2015). Разрушение многоукладности хозяйствования серьезно ослабило устойчивость локальной системы, в которой судьба сельских жителей и экономики целого района стала зависеть по успешности только двух крупных игроков.

Влияние животноводческого холдинга на общий экономический ландшафт района можно сравнить с экспериментами по научно организованному лесоводству в Германии, о котором писал Джеймс Скотт (Скотт, 2005: 30–43). Обоюдное желание местных властей и владельцев холдинга создать эффективный и масштабный бизнес в отдельно взятом районе напоминает установки немецких лесоводов по поводу организации искусственных посадок деревьев с целью наращивания объемов деловой древесины ценой уничтожения «неконтролируемого» и не вписывающегося в этот проект подлеска. В нашем сюжете этим подлеском можно считать не крупные формы хозяйствования. Политика формирования «тепличных условий», создаваемых государством для масштабных капиталоемких инвестиционных проектов в расчете на быстрое решение проблемы импортозамещения и обеспечения продовольственной безопасности, несет в себе огромные риски. Достаточно долго эти проекты раскручиваются при неустанном патронаже властей и финансовом участии региональных и федеральных бюджетов, а их движение вперед порой напоминает собой двухколесный велосипед, который едет, пока крутятся педали (идут вливания государственных средств), но стоит велосипедисту убрать ноги с педалей (государству изменить «правила игры»), как он тут же заваливается на бок. Серьезное ухудшение ситуации на рынке заемных средств и усиливающийся под натиском падения мировых цен на энергоресурсы дефицит государственного бюджета могут привести к ужесточению финансовых ограничений и изменениям аграрной политики в уже ближайшем будущем. От того, успеет ли к этому моменту региональная компания животноводческого холдинга, оставшаяся единственным драйвером сельской экономики в нашем кейсе, выйти на устойчивый и более-менее защищенный от внешних воздействий курс развития, зависит будущее района. И тогда станет понятно, как соотносятся реальность новой сельской жизни с наивными картинами будущего деревни, основанного на технологическом и организационном прогрессе, знакомыми нам по кадрам упомянутого в названии статьи советского фильма.

Список литературы

1. *Калугина З. И.* (2015). Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс / ИЭОПП СО РАН. Новосибирск.
2. *Нефедова Т. Г.* (2014). Агропромышленная концентрация в российских регионах // ЭКО. № 4. С. 64–82.
3. *Никулин А.* (2005). Новейшая гигантомания // Политический журнал. № 12 (63).
4. *Плюснин Ю. М., Позаненко А. А., Жидкевич Н. Н.* (2015). Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. Т. 24. № 1. С. 35–71.
5. *Скотт Дж.* (2005). Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга.
6. *Узун В. Я.* (2013). Оценка результатов Ельцинской аграрной реформы // ЭКО. № 3. С. 5–30.
7. *Фадеева О. П.* (2003). Сельский труд: симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, С. 222–252.
8. *Фадеева О. П.* (2015а). Практики аграрного землепользования в современной России и Сибири // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2015. Новосибирск: Междунар. науч. конф. «Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью»: сб. материалов в 4 т. / отв. за вып. В. И. Сулов и др.; Сиб. гос. ун-т геосистем и технологий. Новосибирск: СГУГиТ, Т. 2. С. 45–54. <http://sgugit-geosib.ru/3-2.pdf>
9. *Фадеева О. П.* (2015б). Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / науч. ред. З. И. Калугина; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск.
10. *Шагайда Н. И.* (2013). Земли сельскохозяйственного назначения: 20 лет спустя // ЭКО. № 5. С. 5–22.
11. *Ярманов В. В.* (2013). Рецепты «маслянинского чуда» // ЭКО. № 5. С. 48–54.

Сельские домохозяйства в условиях российского продуктового эмбарго

Аннотация. Задача данной статьи — оценить, в какой степени российские домохозяйства способны хотя бы частично восполнить тот дефицит продуктов, который возник в результате введения августовского продовольственного эмбарго. Согласно данным о производительности домохозяйств в первой половине 1990-х гг., которая увеличилась в ответ на быстрое снижение объемов производства продуктов питания в стране, домохозяйства обладают потенциалом производить больше и в принципе заинтересованы больше продавать. Мы учитываем, но не проводим систематических сопоставлений региональных различий в производительности сельских домохозяйств, фокусируясь на их роли в достижении целей стратегии продовольственной безопасности в производстве и продаже мясной продукции. Мясо — наиболее дефицитный в России товар, а потому заслуживает особого внимания. В статье авторы показывают, что именно с точки зрения мясного производства сельские домохозяйства — недооцененный и недоиспользуемый ресурс, вклад которого в обеспечение национальной продовольственной безопасности мог бы быть значительно более весомым. Домохозяйства с 1992 г. демонстрируют устойчивую способность адаптироваться к новым экономическим условиям и наращивать производство продуктов питания, поэтому политика государства должна быть ориентирована на стимулирование продаж мясной продукции домохозяйствами.

Ключевые слова: сельские домохозяйства; продовольственное эмбарго; продовольственная безопасность; мясное производство; экономический потенциал домохозяйств.

6 августа 2014 г. президент России В.В. Путин подписал Указ № 560, согласно которому государство начало реализацию «специальных экономических мер» в целях обеспечения национальной безопасности. Указ наложил запрет на импорт целого ряда продуктов из западных государств, которые ввели санкции против России. День спустя российское правительство издало Постановление № 778, уточнившее список запрещенных к ввозу в страну товаров¹: в него вошли говядина, свинина, фрукты и ово-

щи, птица, рыба, сыр, молоко и молочные продукты из Европейского союза, Австралии, Канады и Норвегии. Предполагалось, что данный список будет действовать в течение года, однако премьер-министр Д.А. Медведев допустил возможность прекращения продуктового эмбарго в том случае, если санкции будут сняты. После того как достигнутые в сентябре 2014 г. Минские соглашения о прекращении огня на Украине были нарушены, а в феврале 2015 г. достигнуты новые договоренности, и весной 2015 г. никаких совещаний о возможной отмене санкций в столицах западных государств не велось, а президент США Б. Обама продлил действие американских санкций против России еще на год.

Впрочем, предпосылки для введения российского продуктового эмбарго формировались достаточно давно. Запрет на ввоз ряда продуктов в августе 2014 г. основывался на уникальном сочетании условий, но главным здесь оказалась такая трактовка продовольственной безопасности, с позиций которой импорт любых продуктов воспринимается с подозрением, даже если они необходимы для удовлетворения потребительского спроса. Ответное продовольственное эмбарго, введенное В.В. Путиным, не только свидетельствует о радикальном ухудшении отношений с Западом, но и подчеркивает значение продовольственного обеспечения как оружия политической борьбы.

Несмотря на то что российское продовольственное эмбарго оказалось для западных стран неожиданным, Путин готовил страну к подобному шагу уже в течение нескольких лет. С начала своего президентства он объявил укрепление агропромышленного сектора приоритетом экономического развития страны, и в течение десятилетия в него были вложены сотни миллионов рублей с тем, чтобы обеспечить прочный финансовый фундамент для деятельности крупных агрокомплексов, создать действенную систему сельскохозяйственного кредитования и множество инструментов финансовой поддержки программ, призванных подстегнуть отечественное агропроизводство. Главной задачей было снижение зависимости российского рынка от импорта продовольствия: с 2001 г. продовольственная безопасность была объявлена ключевым элементом национальной безопасности и в мае 2009 г. включена в Стратегию национальной безопасности.

Основополагающим компонентом российской модели продовольственной безопасности стала соответствующая Доктрина, получившая статус закона благодаря бывшему президенту Российской Фе-

¹ Список запрещенных к ввозу товаров был изменен 20 августа, чтобы в страну продолжали поступать те импортные товары, что необходимы для

поддержки отечественного производства, например, был разрешен ввоз мальков рыбы (Постановление от 20 августа 2014 г.).

дерации Д.А. Медведеву в январе 2010 г.: он неоднократно заявлял о рисках зависимости страны от импорта продовольствия. Данная доктрина крайне важна по двум причинам: во-первых, в силу содержащейся в ней установки российского руководства на перевод страны на полное продовольственное самообеспечение, поскольку иначе ее позиции крайне неустойчивы, во-вторых, в доктрине обозначены конкретные количественные показатели, достижение которых необходимо в качестве гарантий продовольственной независимости. В августе 2014 г., сразу после введения российского продовольственного эмбарго, премьер-министр Д.А. Медведев заявил: «Мы — страна, которая может и должна кормить себя, а также обеспечивать продовольствием другие страны» (Hille, 2014a). Он дал поручение Министерству сельского хозяйства разработать новую продовольственную программу, которая позволит стране избавиться от зависимости от импорта мясной и молочной продукции (Д. Медведев поручил, 2014). Таким образом, по сути, продовольственное эмбарго — фактически проверка всех тех политических решений и заявлений, которые были сделаны российским руководством на протяжении последних четырнадцати лет. Без общей стратегии развития сельского хозяйства, предложенной В.В. Путиным в 2001 г. и особенно после начала в 2006 г. реализации соответствующего национального проекта ввести в августе 2014 г. продовольственное эмбарго было бы просто невозможно.

Продовольственная безопасность и продовольственное эмбарго для России — вещи важные и взаимосвязанные, потому что страна остается крупнейшим импортером продуктов питания. В 2013 г. Россия ввезла продовольствия на 17,2 млрд долл. США из тех стран, что попали в санкционный список. В целом за 2013 год Россия импортировала продовольствия более чем на 43 млрд долл. США. После введения продовольственного эмбарго федеральное правительство инициировало ряд мер по замещению импортных товаров, чтобы восполнить отечественными продуктами отсутствие тех товаров, что прежде импортировались из Европейского союза и США. Частично запрещенные к ввозу товары замещаются за счет изменений в торговле: некоторые экспортеры продовольствия, например Китай, наращивают объемы поставок, с рядом стран Россия установила торговые отношения, однако нас интересует потенциал российского сельскохозяйственного производства. Кроме того, с августа 2014 г. условия продовольственного эмбарго были изменены, поскольку на место прежних поставщиков пришли новые¹. Тем не менее объемы импорта мяса в Россию снизились,

¹ Аргентина и Бразилия выразили готовность поставлять говядину, и через день после опубликования Указа Президента Россельхознадзор одобрил ввоз в страну говядины с 90 мясоперерабатывающих заводов в Бразилии.

что вынудило министра сельского хозяйства Н.В. Федорова признать ситуацию с обеспечением овощами и мясом ряда российских регионов «сложной». Продовольственная инфляция выросла, достигнув 10–11 % в 2014 г. и, по прогнозам, составит 15 % в 2015 г.: в результате среднестатистическая российская семья, которая тратила на продукты питания примерно 36 % своего бюджета осенью 2014 г., к концу 2015 г. потратит на эти же цели более 50 % (В 2015 году российские семьи, 2015).

Российская продовольственная безопасность

Истоки формирования российской модели продовольственной безопасности можно проследить до 1990-х гг., когда производство продуктов питания резко снизилось, розничные цены взлетели и объемы импорта продовольствия выросли. С того времени в официальном российском дискурсе постоянно высказываются самые разные опасения — о недостаточной калорийности питания значительной части населения, о слишком высоких затратах на продукты питания у слишком большой доли домохозяйств, о несоответствии санитарным требованиям и небезопасности импортируемого продовольствия¹. *С российской точки зрения* продовольственная ситуация в стране не так уж трагична для большинства населения, и министр сельского хозяйства Н.В. Федоров отметил в апреле 2013 г., что обеспеченность населения продуктами питания превысила советские показатели (Ответить деньгами, 2013: 8). Действительно, ежедневное подушное потребление калорий в России превышает общемировые критерии голодания, и среднегодовое

Чили готово продавать больше лосося в Россию, возмещая потери, связанные с включением в санкционный список Норвегии. Эквадор намерен продавать России больше моллюсков. Беларусь заявила о готовности увеличить поставки в Россию сыра, молока и другой молочной продукции, может возместить потери рынка от запрета импорта польских яблок и голландского картофеля. Центральнo-азиатские государства намерены поставлять в Россию фрукты и овощи. Казахстан готов увеличить поставки говядины семикратно к уровню 2013 г. Турция, которая в прошлом году продала России продовольствия на сумму в 1,7 млрд долл. США, допускает увеличение объемов поставок в два раза. Китай, который не поддерживает санкции США против России, также готов увеличить импорт продуктов питания в Россию, как и Армения.

¹ С 2001 г. Россия использует меры тарифного и нетарифного регулирования, чтобы поддержать отечественного производителя и обеспечить ему более выгодные условия на рынке. Ряд применявшихся ранее мер сегодня запрещен правилами ВТО, которые Россия должна соблюдать как член данной организации, например, не допускается квотирование импорта (Kiselev, Romashkin, 2012).

потребление продовольствия на протяжении нескольких последних лет постоянно растет, особенно потребление мясной продукции (Потребление основных продуктов питания, 2013: 4)¹.

Однако *согласно международным критериям* продовольственная ситуация в России несколько иная. В настоящее время страна полностью обеспечивает себя только яйцами, зерном и крупами, в значительной степени — картофелем и овощами². Уровень самообеспечения значительно ниже в животноводстве (мясом и мясной продукцией, а также молоком), что объясняется существенным сокращением поголовья крупного рогатого скота, молочных коров и свиней по сравнению с 1992 г.³ Импорт компенсировал этот спад, но мясо — дорогой импортный товар, объемы поставок которого в Россию показательны. В 2013 г. страна импортировала более 2,4 млн тонн мяса (Основные показатели сельского хозяйства, 2014: 21). Начиная с 2000 г. рост реальных доходов населения настолько опередил темпы роста производства продуктов питания, что импорт продовольствия стал просто необходим для удовлетворения внутреннего спроса (Реальная среднемесячная начисленная, 2014). Российское производство мясной продукции увеличилось в последние годы, поскольку правительство стало выделять ресурсы для сокращения объемов импорта (Производство продуктов животноводства, 2015), но потребление мясной продукции тоже растет, и ее внутренний дефицит компенсируется импортом. С наращиванием объемов российского производства импортные поставки сокращаются, но и сегодня они обеспечивают 21 % рынка мясной продукции. Нынешние показатели производства, потребления и импорта мясной продукции представлены в табл. 1.

Озабоченность объемами импорта продовольствия и затрат на его закупку выразил в апреле 2013 г. вице-премьер И. А. Шувалов, заявив, что Россия будет всячески способствовать развитию мировой торговли, но не за счет безопасности своих граждан. Ситуацию с национальной продовольственной безопасностью посто-

янно отслеживает правительство: в январе 2012 г. и марте 2013 г. правительственная комиссия обсудила перспективы обеспечения продовольственной безопасности страны. В отчете за 2013 г. утверждается, что страна обладает достаточными ресурсами и запасами сельскохозяйственных товаров, чтобы гарантировать свою продовольственную безопасность (В поисках продовольственной безопасности, 2013: 2). В июне 2013 г. министр сельского хозяйства Н. В. Федоров вновь подчеркнул, что «одно из ключевых направлений обеспечения национальной безопасности — продовольственная безопасность» (Обеспечить себя и других, 2013: 1). Сразу после издания указа президента в августе 2014 г. правительство объявило о создании комиссии, которая будет отслеживать розничные цены на продукты питания. Правительство опубликовало список из 40 категорий товаров, включая мясную и молочную продукцию, хлеб, фрукты и овощи: розничные сети должны ежедневно предоставлять сведения о количестве и стоимости этих товаров в Министерство промышленности и торговли. Министерство сельского хозяйства размещает на своем сайте (www.mcsx.ru) еженедельные обзоры состояния продовольственного рынка по основным продуктам питания.

Таблица 1
Производство, потребление и импорт мясной продукции
(млн т)

Годы	Собственное производство (предприятия и частные хозяйства)	Внутреннее потребление	Импорт мясной продукции	Доля импорта	Мясное производство в личных подсобных хозяйствах
2010	7.16	9.87	2.85	26 %	4.10
2011	7.52	10.10	2.70	24.5 %	3.97
2012	8.09	10.51	2.71	23 %	3.83
2013	8.52	10.77	2.44	21 %	3.64

Примечание: Цифры отражают массу в убойном весе.

Источники: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. М.: Росстат, 2013. С. 99; Основные показатели сельского хозяйства России в 2012 г. М.: Росстат, 2013. С. 21; Основные показатели сельского хозяйства России в 2013 г. М.: Росстат, 2014. С. 21.

Российское правительство считает основным индикатором продовольственной небезопасности затраты на закупку импортного продовольствия. Так, разница между расходами на импорт продовольствия и доходами от экспорта зерна значительна: 27 млрд долл. США в 2010 г., 30,5 млрд — в 2011 г., 23,6 — в 2012 и 26,9 —

¹ Годовое подушечное потребление мяса выросло с 50 кг в 2000 г. до 74 кг в 2012 г. (Потребление основных продуктов питания, 2013: 11; Потребление продуктов питания, 2008: 19).

² В 2013 г. собственное производство обеспечивало на 99 % потребность в зерновых, на 107 % — в сахаре, на 99,6 % — в картофеле, на 77,5 % — в мясе и мясной продукции, на 76,6 % — в молоке и молочной продукции.

³ Поголовье скота сократилось с 52,2 млн в 1992 г. до 20 млн в 2012 г. Этот показатель учитывает и снижение поголовья молочных коров с 20,2 до 8,9 млн за тот же период. Поголовье свиней сократилось с 31,5 до 18,8 млн (данные приведены по всем категориям производителей) (Сельское хозяйство, 2013: 92).

в 2013 г. Соотношение расходов на импорт и доходов от экспорта показано в табл. 2.

Таблица 2

**Стоимость российского импорта и экспорта
продовольствия, 2000–2013 годы (млрд долл. США)**

Годы	Расходы на импорт продовольствия	Доходы от экспорта продовольствия	Разница между расходами и доходами
2000	7.4	1.3	6.1
2001	9.2	1.9	7.3
2002	10.4	2.8	7.6
2003	12.0	3.4	8.6
2004	13.9	3.3	10.6
2005	17.4	4.5	12.9
2006	21.6	5.5	16.1
2007	27.6	9.1	18.5
2008	35.2	9.3	25.9
2009	30.1	10.0	20.1
2010	36.4	9.4	27.0
2011	42.5	12.0	30.5
2012	40.2	16.6	23.6
2013	43.0	16.1	26.9

Источники: Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2012 году государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы». М.: Минсельхоз, 2013. С. 16; Россия в цифрах. М.: Росстат, 2014. С.139, 143; расчеты авторов.

Экономическая роль домохозяйств

Оценка производительности домохозяйств крайне важна, поскольку они обладают потенциалом наращивания мясного производства в краткосрочной перспективе при условии обеспечения надлежащих стимулов со стороны государства. Признавая тот факт, что российское сельское хозяйство на протяжении десятилетий испытывает одни и те же проблемы, следует все же отметить, что каждый из трех его основных субъектов — сельскохозяйственные предприятия, фермы и личные подсобные хозяйства — сталкивается с особыми препятствиями, сдерживающими производство продуктов питания. Сельскохозяйственные предприятия (корпоративные) в наибольшей мере обеспечивают производство продовольствия и национальную продовольственную безопасность,

однако размеры их пастбищ в 2012 г. оказались на 40 % меньше показателей 1990 г. (Российский статистический ежегодник, 2013: 389), а увеличивать поголовье скота без пастбищ сложно. Сельская инфраструктура, условия хранения и транспортировки требуют модернизации. Объемы задолженности и просроченной задолженности крупных хозяйств продолжают увеличиваться. Цена топлива выросла вследствие инфляции, пошатнув финансовое положение сельскохозяйственных предприятий. Кроме того, хотя государство субсидирует животноводство — в августе 2014 г. министр сельского хозяйства Н. В. Федоров призвал увеличить объемы субсидирования мясного производства к 2018 г. — размеры субсидий по сравнению с теми, что получают европейские фермеры, мизерны. 11 сентября 2014 г. правительство объявило, что увеличит объемы субсидирования животноводства, чтобы компенсировать потери от введения продовольственного эмбарго (Минсельхоз решил, 2014).

Более двадцати лет назад частные фермы ворвались на рынок сельскохозяйственной продукции, достигнув максимальных показателей производства продуктов питания в 2013 г. — в рублевом эквиваленте 10 % валового продовольственного производства. Но государство продолжает оказывать приоритетную поддержку крупным сельскохозяйственным предприятиям, поэтому фермеры получают значительно меньше финансовых вливаний, чем агрохолдинги. Так, в 2013 г. фермерским хозяйствам выделили лишь 8,55 млрд руб. из 188 млрд затраченных Министерством сельского хозяйства на выполнение сельскохозяйственной программы правительства на 2013–2020 гг. (Национальный доклад, 2014: 133). Хотя субсидированные кредиты — основная форма государственной поддержки, фермеры часто жалуются на сложность получения банковских займов. Более того, отмечаются и случаи продолжающейся дискриминации фермеров, например, в определении размеров транспортных сборов и стоимости электроэнергии (Hille, 2014a).

Сельские домохозяйства также сталкиваются с проблемами. Объемы мясного производства здесь снижаются с 2008 г., когда составили 4,17 млн тонн, — в 2011 г. объемы производства сократились до 3,97 млн тонн, в 2012 г. — до 3,83 млн в 2013 г. — до 3,64 млн (Национальный доклад, 2014: 72). Работа в домохозяйствах трудозатратна и, как правило, недостаточно механизирована, что ограничивает производительность, причем многие домохозяйства испытывают дефицит рабочих рук и финансовых средств. С другой стороны, отсутствие займов может оказаться преимуществом: домохозяйства слабо механизированы и в меньшей степени зависят

от кредитов, которые становятся все более дорогими вследствие введения санкций; кроме того, им требуется меньше таких ресурсов, как топливо и минеральные удобрения.

Иными словами, будучи в более выгодном финансовом положении сельские домохозяйства могут производить больше мяса и/или больше его продавать, что крайне важно, учитывая последствия указа президента от 6 августа. Так, домохозяйства сегодня держат 45 % национального поголовья мясных коров и 48 % — молочных (Россия в цифрах, 2014: 287). Важную роль может сыграть государственная политика и меры стимулирования сельскохозяйственного производства. Если они будут способствовать тому, чтобы домохозяйства продавали большую долю своей мясной продукции, то продовольственная безопасность может быть повышена даже в случае стагнации или незначительного снижения объемов производства. Данное утверждение основано на том факте, что домохозяйства уже продемонстрировали свою способность быстро реагировать на стимулы «сверху»: в 1990–1994 гг., сразу после реализации правительством мер по либерализации экономики, поголовье крупного рогатого скота, молочных коров и свиней в домохозяйствах выросло. В эти годы мясное производство крупных сельскохозяйственных предприятий быстро сокращалось, тогда как его объемы в сельских домохозяйствах выросли с 2,5 до 2,8 млн тонн, а производство свинины сохранилось на прежнем уровне в 1,18 млн тонн. Впрочем, производство молочной продукции в домохозяйствах снизилось (Сельскохозяйственная деятельность, 2003: 27, 30).

Сельские домохозяйства в российской продовольственной системе

Производство продуктов питания домохозяйствами имеет в России долгую историческую традицию. Для многих сельских домохозяйств выращивание овощей и фруктов на собственных огородах было не развлечением или хобби, а основным источником продуктов и дохода. Несмотря на то что политика государства в отношении личных подсобных хозяйств и земельных участков постоянно менялась, нередко вводя жесткие ограничения, опора домохозяйств на свои огороды в целях выживания была одной из ключевых черт советской деревни (Калугина, 1991: 62–68; Wadekin, 1973: 247–344). Личное подсобное хозяйство стало неотъемлемой характеристикой сельской жизни, формирующей сельское сообщество. В течение всего советского периода как сельские, так и городские домохозяйства могли получить землю, чтобы выращивать на ней про-

дукты для собственного потребления (Wegren, 2009: 28–32). Для городских жителей работа на дачных участках была скорее формой досугового времяпрепровождения на выходных, но позволяла и расширить семейный рацион; для сельских жителей продукция личных подсобных хозяйств составляла основу питания и вносила существенный вклад в национальное продовольственное обеспечение. Практически все входящие в состав колхозов домохозяйства имели личные подсобные хозяйства, а поскольку занятость в колхозе имела сезонный характер и заработные платы были низки, выращивание овощей и фруктов на личных огородах стало основой выживания сельских домохозяйств. К 1965 г. работники колхозов обрабатывали 5 млн га земли в личных подсобных хозяйствах, а работники совхозов и городские рабочие — более 3 млн (Островский, 1988: 33).

И сегодня повсеместно в сельской России личные подсобные хозяйства используются для выращивания овощей и фруктов практически каждым домохозяйством, что подтверждает экономическую важность данного сектора экономики. Хотя сельские домохозяйства существенно диверсифицировали источники своих доходов в постсоветский период, личные подсобные хозяйства продолжают играть главную роль в сельской экономике, и в этом отношении Россия отличается от большинства государств со средним уровнем доходов населения в других регионах мира. А.В. Петриков (в настоящее время заместитель министра сельского хозяйства) выяснил, что в России по крайней мере в каждом третьем сельском домохозяйстве продукция личного подсобного хозяйства — единственный источник доходов (Петриков, 2007: 7).

Официальная статистика фиксирует производство продовольствия домохозяйствами в показателях «хозяйства населения» или «личные подсобные хозяйства». Согласно данным статистики, значительная доля российских продуктов питания в рублевом эквиваленте производится домохозяйствами. Например, в 2013 г. эта доля составила 43 % от общей стоимости произведенного продовольствия (Россия в цифрах, 2014: 275)¹. Также домохозяйства обеспечили стране примерно 43 % продукции животноводства (Россия в цифрах, 2014: 274). Однако сельские домохозяйства занимают особую экономическую нишу: хотя они и производят значительную долю мясной продукции, большую ее часть они потребляют сами, а не продают, т. е. эта продукция практически никогда не оказывается на рынке.

¹ В 2013 г. крупные агрохолдинги производили 49 % российского продовольствия в рублевом эквиваленте.

Среди разных форматов производства продуктов питания силами населения именно личные подсобные хозяйства вносят самый большой вклад в продовольственное обеспечение страны. Размеры сельскохозяйственных земель разнятся по тем видам использования, которые за ними официально закреплены. Размеры земель, зарегистрированных как личные подсобные хозяйства, регулируются региональным земельным законодательством. В целом эти участки не должны превышать двух гектаров, хотя площадь большинства личных подсобных хозяйств составляет менее одного гектара. В современных условиях личное подсобное хозяйство может включать в себя землю, находящуюся в собственности домохозяйства — «приусадебный участок», и арендуемую землю, которая, как правило, находится в отдалении. Приусадебный участок может использоваться иначе, чем арендуемые земли, которые обычно расположены достаточно далеко от дома: участок вокруг жилья, как правило, небольшой, обычно его весь занимает огород. Арендуемый участок всегда больше и отдается под пастбище или заготовку кормов для скота.

В отличие от личных подсобных хозяйств, фермерские хозяйства не ограничены в размерах арендуемых земель, хотя земельное законодательство четко оговаривает максимальные размеры их частной земельной собственности. Фермеры могут иметь приусадебные участки в некоммерческих целях, если таковые зарегистрированы как личные подсобные хозяйства, а также арендовать или иметь в собственности землю, которая оформлена в качестве фермерского хозяйства и является источником их дохода.

На сегодняшний день примерно 16 млн домохозяйств ведут личное подсобное хозяйство, средние размеры которого составляют 0,4 га. Региональные различия здесь значительны: самые маленькие по размерам земли личные подсобные хозяйства расположены в Центральном и Северо-Западном федеральных округах (0,3 га), где высока плотность населения, а самые крупные — в Уральском и Сибирском федеральных округах (1,4 га), где плотность населения ниже. Другие форматы сельскохозяйственной деятельности населения включают в себя коллективные фруктовые сады и огороды (садовые товарищества) и дачи — они, как правило, представляют собой домики, окруженные небольшим участком земли, на «сельских» территориях, где горожане отдыхают на выходных, поэтому продукция дачных участков преимущественно предназначена для личного потребления.

Люди, зарегистрировавшие свою землю в качестве личного подсобного хозяйства, попадают в юридическую категорию «физические лица», как и те, кто обрабатывает свои дачные участки. Доход

от продажи продуктов питания физическими лицами не облагается налогом согласно закону «О личном подсобном хозяйстве», принятому в июле 2003 г., чтобы стимулировать частные хозяйства наращивать производство продуктов питания. Хозяйствующие на земле фермеры и крупные сельскохозяйственные предприятия — это коммерческие производители, зарегистрированные как «юридические лица», а потому их доходы от продажи продуктов питания облагаются налогами.

Типы домохозяйств

Продукция личных подсобных хозяйств крайне вариативна, и по многим другим основаниям сельские домохозяйства различаются, но в литературе обычно рассматривается лишь несколько наиболее значимых их подгрупп. Один из критериев дифференциации личных подсобных хозяйств — время и занятость. Для одних людей работа на приусадебном участке — дополнительный вид деятельности по отношению к основной занятости, поэтому занимает час или два после работы в течение недели и порядка четырех-пяти часов в выходной день. Для других работа в личном подсобном хозяйстве — основной вид занятости, источник дохода и/или способ времяпрепровождения.

Второй критерий дифференциации сельских домохозяйств — возраст и пол. Статистическое обследование домохозяйств показало, что женщины тратят больше времени на работу в личных подсобных хозяйствах, чем мужчины (Итоги пилотного выборочного обследования, 2010: 28–29). Женщины 18–24 лет меньше времени тратят на обработку земельного участка (менее 2,5 часов в день), чем женщины пенсионного возраста (старше 60 лет) — примерно 6,5 часов в день и работающие женщины — 4 часа в день. И, наоборот, среди мужчин молодежь (18–24 лет) в среднем больше других возрастных групп занята в личном подсобном хозяйстве (более 3 часов в день), тогда как пенсионеры тратят здесь намного меньше времени (50 минут в день), а работающие мужчины — 2,5 часа в день.

Третий критерий дифференциации сельских домохозяйств — региональные различия, особенно в количестве членов домохозяйства, обрабатывающих земельный участок, и в его размерах. В целом по стране личные подсобные хозяйства занимают около 7% пахотных земель (8 млн га), согласно данным официальной статистики. В.Я. Узун, однако, полагает, что эта цифра в действительности составляет 36 млн га, если учитывать и неформальные

земельные договоренности (Uzun, 2005: 2). В табл. 3 представлены региональные различия в размерах частных земельных участков согласно данным сельскохозяйственной переписи 2006 г.

Таблица 3

Региональные различия в количестве личных подсобных хозяйств и размерах земельных участков

	Количество домохозяйств, обрабатывающих земельные участки (млн)	Общая площадь земель, зарегистрированных в качестве личных подсобных хозяйств (млн га)	Пахотные земли (млн га)
Российская Федерация	19,9	8,9	8,1
Центральный федеральный округ	4,75	1,5	1,3
Северо-Западный федеральный округ	1,25	0,41	0,38
Южный федеральный округ	4,07	0,96	0,83
Приволжский федеральный округ	4,72	1,5	1,3
Уральский федеральный округ	1,34	0,87	0,70
Сибирский федеральный округ	3,03	3,2	3,1
Дальневосточный федеральный округ	0,736	0,35	0,33

Примечание: Цифры были округлены; в общей численности домохозяйств учтены и зарегистрированные индивидуальные предприятия граждан.

Источники: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Число объектов переписи, трудовые ресурсы. Т.2. М.: Росстат, 2008а. С. 392–395; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: земельные ресурсы. Т. 3. М.: Росстат, 2008б. С. 42–45.

Данные таблицы демонстрируют существенные различия между федеральными округами: самый высокий показатель площади личных подсобных хозяйств — в Сибирском федеральном округе (3,2 млн га), самый низкий — в Дальневосточном федеральном округе (350 тыс. га). В Центральном федеральном округе, где сосредоточено 27 % российского населения, т. е. это самый густонаселенный регион страны, в личных подсобных хозяйствах, согласно официальным данным, обрабатывается 1,5 млн га, причем 1,3 млн из них — пахотные земли.

И, наконец, последний критерий дифференциации сельских домохозяйств — ассортимент продукции и уровень коммерциализации. Что касается ассортимента выращиваемой продукции, то здесь ключевое значение имеют климатические условия и географическое расположение. Ряд наименований выращивается практически повсеместно — лук, морковь, капуста, помидоры, огурцы, другие корнеплоды, хотя в одних районах для этого не обходимы самодельные теплицы, а в других — ирригационные работы. Наблюдаются и значительные региональные различия в ассортименте сельскохозяйственной продукции, обусловленные огромными размерами страны и климатическими особенностями регионов. Так, выращивание картофеля сконцентрировано в центральных и северо-западных районах Европейской России (Pallot, Nefedova, 2007: 45). На севере страны чаще встречаются травы и ягоды; на юге в основном выращивают яблоки, персики, абрикосы, смородину и виноград; на западе, где плотность населения выше и размер земельных участков меньше, домохозяйства чаще держат свинью и несколько кур; 70 % российских домохозяйств не имеют коров и кур, лишь небольшая часть держит больше одной коровы (Уzun, 2012: 3). К востоку от Уральских гор, где размер земельных участков возрастает, домохозяйства чаще имеют много скотины (Pallot, Nefedova, 2007: 51).

Слово «коммерциализация» применительно к сельскому домохозяйству обозначает, что оно продает продукцию, которую производит. Сотрудники Всероссийского института аграрных проблем и информатики В.Я. Узун и В.А. Сарайкин предложили оценивать степень коммерциализации домохозяйств по уровню ежегодной прибыли. Они разбили сельские домохозяйства на четыре категории: в первую группу вошло большинство домохозяйств, для которых работа в личном подсобном хозяйстве является формой досуга, поэтому доход от продажи сельскохозяйственной продукции составляет менее 1 % их совокупного дохода; у 16 % домохозяйств аналогичный показатель — 10 %; у 19 % — до 50 %; и только 0,2 % домохозяйств продажа собственной продукции приносит более 50 % совокупного дохода. В последнюю категорию входит примерно 31 тыс. домохозяйств со средним уровнем ежегодного дохода более 500 тыс. руб. и земельным участком в 14 га. Эти домохозяйства используют труд и детей, и взрослых в том типе «интенсивного» растениеводства, который характерен для фермерских хозяйств и крупных сельскохозяйственных предприятий (Уzun, Сарайкин, 2012: 41–48). Относительно малое число коммерчески ориентированных домохозяйств говорит и о сохранении большинством населения традиционного отношения к личному подсобному хозяйству,

и об адаптации лишь небольшого числа домохозяйств к новым экономическим реалиям. Как отметил глава одного домохозяйства, «и в будущем ЛПХ сохранят свой традиционный характер, то есть, как и прежде, это будет 15–20 соток подсобного хозяйства» (Агафонов, 2012: 53).

Коммерциализация домохозяйств

Крайне важно — коммерциализированы домохозяйства или же производят продукцию только для собственного потребления. Основная сложность оценки степени коммерциализации домохозяйств состоит в отсутствии систематических статистических данных. Поскольку доход от продажи продуктов питания домохозяйствами не облагается налогом, государство с финансовой точки зрения не заинтересовано в оценке объемов этих продаж. Государство располагает данными о количестве домохозяйств, продающих собственную продукцию, но эти цифры скорее всего занижены (Pallot, Nefedova, 2007: 195). Например, согласно данным государственной статистики, в 2001 г. примерно 8 % домохозяйств продали хотя бы часть собственной продукции (Экономическая активность, 2002: 84). Этот показатель вырос до 21 % в 2007 г., а затем снизился до 18 % в 2012 г. (Экономическая активность, 2008: 88; 2012: 109).

Целый ряд факторов определяет уровень коммерциализации сельских домохозяйств. Один из них — близость и финансовые возможности крупных сельскохозяйственных предприятий, которые доминируют на оптовых продовольственных рынках, используя свои размеры и экономическое влияние для вытеснения с них мелких производителей. Хотя рыночные реформы и породили рыночную конкуренцию, между крупными сельскохозяйственными предприятиями и частными хозяйствами часто складываются симбиотические отношения советского типа, пусть и в ослабленной форме (крупные предприятия все же стремятся получать прибыль).

Второй фактор, влияющий на уровень коммерциализации сельских домохозяйств, — готовность представителей перерабатывающей отрасли закупать их продукцию: многие перерабатывающие предприятия ставят под сомнение ее безопасность и качество. Третий фактор — высокие транзакционные издержки: у домохозяйства может не оказаться достаточно рабочей силы и транспортных возможностей для поставок своей продукции на рынок, особенно если оно расположено далеко от города. Поэтому домохозяйства обычно продают свою продукцию крупным предприятиям, посред-

никам или на местных рынках. Четвертый фактор — особенности самого домохозяйства, т. е. имеющийся у него человеческий, социальный и финансовый капитал: одни домохозяйства могут быть коммерциализированы, а другие могут вести только натуральное хозяйство по причине своего половозрастного состава и обеспеченности рабочей силой.

В 1980-х гг. денежные доходы домохозяйств от продажи продуктов питания были очень скромными, потому что подавляющее их большинство было ориентировано на производство продовольствия для собственного потребления (Калугина, 1991: 169; Личное подсобное хозяйство, 1989: 68). Экономический спад начала 1990-х гг. дал импульс выходу продукции сельских домохозяйств на рынок: крупные сельскохозяйственные предприятия вынужденно сокращали производство, и продукция домохозяйств стала жизненно важным источником продовольствия для городского населения. По данным российских социологов, к 2000 г. 25 % домохозяйств выращивали продукцию на продажу (Бондаренко, Зубцова, 2003: 8–9), западные ученые поднимают этот показатель до 40 % (O'Brien, Wegren, Patsiorkovsky 2004). О. Виссер считает, что 45 % продукции домохозяйств продавалось на рынках в Псковской и Ростовской областях, но не дает оценку доли домохозяйств, вовлеченных в продажу продовольствия (Visser, 2009: 84). Таким образом, имеющиеся данные позволяют утверждать, что значительная доля российских сельских домохозяйств к началу 2000-х гг. хотя бы частично была коммерциализирована.

Политика государства в отношении сельских домохозяйств

Несомненно, поведение домохозяйств зависит от позиции государства по земельным и финансовым вопросам, что стало очевидно в сфере животноводства и продаж сельскохозяйственной продукции после введения антироссийских санкций в июле 2014 г. и ответного Указа президента от 6 августа¹. Ниже представлен краткий обзор приоритетов государства в рассматриваемом секторе сельского хозяйства.

¹ Через два дня после издания президентского Указа первый заместитель министра сельского хозяйства Белоруссии заявил, что страна заинтересована в увеличении поставок мяса, молока и овощей в Россию (Белоруссия хочет обеспечить Россию, 2014). В августе 2014 г. 90 мясоперерабатывающих заводов Бразилии получили право экспортировать говядину, куриное мясо и свинину в Россию (Russia's Food Ban Against EU, 2014).

Земельная политика

Земельное законодательство в постсоветский период предоставило гражданам право создавать семейные фермы, малые и индивидуальные предприятия, иметь дачные участки, коллективные сады и огороды, вести личное подсобное хозяйство. Вклад личных подсобных хозяйств в обеспечение населения продовольствием крайне важен, хотя они занимают некую промежуточную позицию между коммерческими и некоммерческими формами деятельности¹. В 2010 г. более 7,4 млн га сельскохозяйственных земель были зарегистрированы как личные подсобные хозяйства, причем 72% находились в частной собственности. Согласно данным Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, 12% частных земельных участков (более 900 тыс. га) сдается в аренду (Государственный (национальный) доклад, 2011: 81).

Земельная политика российского государства противоречива. С одной стороны, представители высших эшелонов власти постоянно говорят о необходимости упростить процедуру регистрации сельскохозяйственных земель для частных собственников. В конце 2010 г. федеральное правительство действительно облегчило правила перевода земельных паев в частную собственность и приняло ряд мер по стимулированию сдачи сельскохозяйственных земель в аренду. Государство стремилось вывести простаивающие земельные участки на рынок, чтобы заинтересованные сельхозпроизводители могли получить землю (Доклад о состоянии, 2011: 40). Правительство также ужесточило наказание за неиспользование взятой в аренду земли сельскохозяйственного назначения: в июне 2013 г. В.В. Путин подписал изменения к Земельному кодексу Российской Федерации, уточнившие процедуру принудительного отторжения земельных прав, если земля используется не в соответствии с теми целями, которые были закреплены за ней в момент регистрации, или же если владелец не выполняет законодательно прописанные требования по сохранению и улучшению качества почв (Об изъятии земель, 2013: 2)². Эти изменения касаются, в первую очередь, крупных сельскохозяйственных предприятий, которые не ис-

¹ Семейные фермы, малые и индивидуальные предприятия регистрируются как «юридические лица» и считаются коммерческими организациями. Дачные участки и коллективные сады (садоводческие товарищества) используются для выращивания продуктов питания для собственного потребления и по сути являются некоммерческими организациями. Владельцы личных подсобных хозяйств регистрируются как «физические лица» и считаются некоммерческими, хотя могут продавать свою продукцию на рынке.

² Изменения касаются земель, находящихся в постоянном пользовании или пожизненном без права передачи по наследству.

пользуют все свои земли, особенно в нечерноземных районах, где, по разным оценкам, до 20 млн га не обрабатываются или заброшены (Ioffe, Nefedova, 2004; Ioffe, Nefedova, De Beurs, 2012). Штрафы за неиспользование земель сельхозназначения могут налагаться и на мелкие хозяйства: по данным сельскохозяйственной переписи 2006 года, около 5% частных участков в сельских районах и 4% в городских заброшены (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи, 2008b: 47, 51), что позволяет местным бюрократам обогащаться за счет взяток — чтобы не замечать земельные нарушения. Иными словами, пока непонятно, откроют ли законодательные изменения новые возможности для эффективной экономической деятельности или же для взяточничества и коррупции, особенно учитывая российские региональные различия. В феврале 2014 г. В.В. Путин внес поправки в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которым размер штрафа за неиспользование земель сельхозназначения будет рассчитываться в процентах от оценочной стоимости участка: для физических лиц он составит 0,3–0,5%, для юридических лиц, включая крупные сельскохозяйственные предприятия, — от 2 до 10% (Подписан закон, 2014).

С другой стороны, частные землепользователи сталкиваются со все новыми ограничениями. В июне 2011 г. поправки к федеральному закону «О личном подсобном хозяйстве» 2003 г. установили максимальный размер приусадебного участка в 0,5 га, включая не только землю вокруг жилья, но и арендуемые площади. Это ограничение было введено, чтобы не допустить уклонений от уплаты налогов теми, кто регистрируют землю как личное подсобное хозяйство, но использует ее в коммерческих целях, создавая крупные предприятия, имеющие сотни свиней и десятки голов крупного рогатого скота. Согласно поправкам 2011 г. региональные правительства могут увеличить допустимый размер частного земельного участка до 2,5 га, но земля свыше установленных 0,5 га облагается налогом (Wegren, 2013: 32). В.Я. Узун полагает, что домохозяйству необходимо два гектара земли, чтобы держать одну корову, и три гектара — для коровы с телятником, поэтому законодательные поправки приведут к отказу домохозяйств держать домашний скот (Узун, 2012: 3).

Мелкие производители, особенно желающие взять в аренду земли сельскохозяйственного назначения, сталкиваются со все увеличивающимся давлением городов. Экономический рост 2000-х гг. привел к расширению пригородов и торговых площадей, которые вторгаются на сельскохозяйственные территории, причем злостное земельное рейдерство часто осуществляется при соучастии местных чиновни-

ков, которые либо его «не замечают», либо сами в него вовлечены (Шагайда, 2012: 5). Так, площадь земель сельхозназначения в Московской области сократилась на 70 тыс. га с 1 января 2010 г. к 1 января 2012 г.: лишь чуть более 50 % пахотных земель используется для производства сельскохозяйственной продукции — чаще эти земли приобретаются для коммерческих (но не сельскохозяйственных) целей: «отсутствие надлежащего муниципального контроля создает условия для массовых нарушений норм действующего законодательства при использовании земель сельскохозяйственного назначения» (Куда делись подмосковные земли, 2013: 19).

Даже в тех районах, которые сохранили статус сельских территорий, земля отдается под дачные участки горожан: дачные товарищества за пределами городов растут, как грибы, на землях колхозов и совхозов. Разрастающиеся пригородные поселения говорят и о росте доходов населения, и о желании людей расслабиться на лоне природы, и о попытках инвестировать доходы в материальные ресурсы (недвижимость). Формально если сельские территории считаются землями сельхозназначения, то дачные товарищества должны изменить их статус, чтобы существовать на законных основаниях, однако спрос на дачи столь высок, что подобная задача ставится и решается крайне редко. Таким образом, государственная земельная политика не смогла сдерживать расширение дачных товариществ, которые сокращают площадь земель, пригодных для использования в личных подсобных хозяйствах.

Животноводческая политика

Государственное регулирование поголовья домашнего скота в сельских домохозяйствах также противоречиво, хотя правительство и объявило стратегическим приоритетом развитие животноводства: например, в 2012 г. было реализовано 8 специальных федеральных и 117 региональных проектов по поддержке животноводства и молочного производства (Кагерманов, 2012: 7). Глава комитета Государственной Думы по аграрным вопросам Н. В. Панков заявил, что «животноводство — стратегически важная отрасль», поэтому «необходимо выработать дополнительные меры поддержки и стимулирования отрасли, ежегодно выделять субсидии и в целом направить все возможные средства на поддержку этой системообразующей отрасли» (Развитие животноводства нуждается, 2012: 1). Государственная программа развития сельского хозяйства на 2013–2020 годы включает в себя подпрограмму по развитию животноводства — на этот сектор будет выделено больше финансирования, чем на любой другой (486 млрд руб.), что

отражает приоритетную цель руководства страны — снизить ее зависимость от импорта мяса.

Концентрация государства на развитии животноводства уже принесла определенные успехи¹. По данным Министерства сельского хозяйства, по сравнению с 2012 г. в 2013 г. в 22 регионах страны увеличилось поголовье молочных коров (в 57 регионах, наоборот, сократилось); в 28 регионах — поголовье свиней (в 49 сократилось); в 34 регионах — количество птицы (в 45 сократилось); в 47 регионах — производство свинины (в 48 сократилось) (Национальный доклад, 2014: 252–257). Многие государственные программы нацелены на крупные сельскохозяйственные предприятия и фермерские хозяйства, но домохозяйства также могут получить кредиты на закупку скота и оборудования, индивидуальные предприниматели — на закупку племенного скота. Однако были введены финансовые и иные препятствия, не позволяющие домохозяйствам реализовать свой потенциал в мясном производстве: во-первых, ограничения размеров земельных участков, о которых говорилось выше; во-вторых, различные региональные ограничения. Например, в январе 2012 г. областная Дума Краснодарского края утвердила правила, согласно которым в некоммерческих целях домохозяйство может держать не более трех свиней, причем после введения этих правил домохозяйства должны были сократить поголовье свиней до требуемого количества (Краснодарцам разрешат, 2012: 3). Цель законодателей очевидна — разграничить коммерческую и некоммерческую деятельность и обложить налогами те хозяйства, что производят продукцию на продажу, однако непреднамеренным последствием принятых правил станет сокращение доли домохозяйств в коммерциализированном мясном производстве.

Финансовая политика

Российское правительство стремится облегчить доступ домохозяйств к кредитам, и первым шагом здесь стало внесение поправок в Закон Российской Федерации «О залоге» 2004 г., которые позволили частным землевладельцам использовать свои участки в ка-

¹ В ходе пятилетней программы (2008–2012) реальные результаты в убойном весе ежегодно превышали планируемые показатели, но в основном наращивание производства мяса достигалось за счет свинины и птицы, а производство говядины сократилось на 3,2 % (производство мяса птицы, наоборот, выросло почти на 11 %) (Национальный доклад, 2014: 258). В 2013 г., по данным Министерства сельского хозяйства, в 18 регионах увеличилось поголовье крупного рогатого скота, в 35 — производство говядины (в 61 регионе сократилось поголовье, в 44 регионах — производство говядины) (Национальный доклад, 2014: 247, 258).

честве залога, тем самым расширив их доступ к кредитам — Россельхозбанк выделил миллионы рублей в качестве кредитов под залог земельных участков.

Второй способ воздействия государства на производство продуктов питания домохозяйствами — предоставление им субсидированных кредитов. С 2007 г. физические лица получили право на субсидированные кредиты — государство компенсировало банкам разницу между рыночными и льготными процентными ставками¹: заемщик выплачивал банку примерно две трети рыночной процентной ставки, хотя в кризисные 2009–2010 гг. выплаты подскочили до 80 %. Формально размер займа был ограничен 300 тыс. руб. на два года под залог земельного участка и 700 тыс. руб. в случае пятилетнего займа, однако на самом деле размеры кредита определялись кредитоспособностью заемщика и тем, что он мог представить банку в качестве залога. Крупные сельскохозяйственные предприятия получили львиную долю субсидированных кредитов, а небольшие хозяйственные формы — личные подсобные хозяйства и фермы — лишь 12 % льготных займов, выделенных сельхозпроизводителям в 2012 г. (Национальный доклад, 2013: 109)². Субсидированные кредиты будут предоставляться и в 2013–2020 гг.: в соответствии с государственной программой, субсидированный кредит на два года можно использовать для закупки топлива, запасных деталей и расходных материалов для ремонта сельхозоборудования и помещений для скота, для приобретения минеральных удобрений, строительных материалов для теплиц, оборудования для сезонных работ и молодняка, для страховых выплат и других нужд. Пятилетние займы ориентированы на долгосрочные инвестиционные задачи — закупку скота, не крупной сельхозтехники и оборудования, строительство и ремонт помещений для скота и прочие предусмотренные государственной программой цели (Государственная программа, 2012: 76).

В целом влияние государственной кредитной политики на хозяйства населения сложно оценить: несмотря на доступ к субсидированным кредитам, производство сельских домохозяйств сокращается в показателях доли в национальном производстве

¹ Кроме того, возникла сеть региональных сельских кредитных кооперативов, и хотя их число постоянно увеличивалось, многие существовали только на бумаге, а эффективность других оказалась низкой в силу недостаточной капитализации. Благодаря сельским кредитным кооперативам мелкие хозяйственные формы получили чуть больше 6 % займов в 2008–2009 гг., но в 2012 г. этот показатель снизился до 2 %, поскольку заемщики стали обращаться в крупные банки (Национальный доклад, 2013: 109–110).

² Аналогичные данные не представлены в отчете за 2013 г.

продовольствия, а по темпам роста отстает от фермерских и крупных хозяйств. Размеры кредитов достаточно малы, и с их помощью лишь небольшой процент домохозяйств способен расширить производство и увеличить продажи своей продукции, преодолев все те структурные ограничения, с которыми неизбежно сталкивается. Кроме того, процесс подачи заявки и получения кредита требует значительных затрат времени, домохозяйства часто не соответствуют критериям предоставления займа или не желают брать кредит, многие домохозяйства сталкиваются с невозможностью получить кредит в своем поселении. Согласно ежегодному докладу Министерства сельского хозяйства низкий уровень кредитоспособности сельских домохозяйств объясняется отсутствием залогового обеспечения и слабостью региональных программ кредитных гарантий; не меньше проблем вызывает и погашение кредита — на сельские домохозяйства приходится 69 % просроченной кредитной задолженности (Национальный доклад, 2014: 141).

Домохозяйства, эмбарго и продовольственная безопасность

Введенное Россией в августе 2014 г. продовольственное эмбарго стало важной вехой в современной истории страны. После трагедии с малазийским рейсом *MН17* и введения антироссийских санкций в июле 2014 г. В.В. Путин заявил, что страна должна защищать свою экономику от «враждебного» Запада (Hille, 2014b). До введения второго пакета антироссийских санкций российская экономическая политика отличалась двойственностью — стремление к интеграции с Западом (его результат — вступление России в ВТО в 2012 г.) сочеталось с установкой на обеспечение продовольственной безопасности страны. Западные санкции положили этому дуализму конец. Из украинского кризиса Россия сделала два вывода: об опасности зависимости от Запада и о необходимости наращивать собственное производство продовольствия. Незадолго до введения Россией запрета на импорт в августе 2014 г. газета *Financial Times* написала, что консервативные силы, выступающие за изоляцию страны, стали брать верх: в России «стали рассуждать в духе “давайте закроем все двери, мы и сами прекрасно справимся”» (Hille, 2014c). В подобной ситуации озабоченность вопросами продовольственной безопасности не могла не вырасти, поэтому Россия переключается на поставки основных наименований импорта из «дружественных» стран.

Российское продовольственное эмбарго создает для страны определенные проблемы, хотя, очевидно, В. В. Путин рассматривал его как необходимый ответный шаг на действия «враждебного» Запада. В краткосрочной перспективе российские потребители столкнулись с ростом продовольственных цен, хотя министр Н. В. Федоров утверждал, что эмбарго выгодно российским производителям продуктов питания, особенно в долгосрочной перспективе. Как отмечалось выше, ряд стран, не участвующих в санкциях, будут наращивать экспорт продовольствия в Россию, но это не снимает главного для страны вопроса об обеспечении продовольственной безопасности. Другой вопрос состоит в том, смогут ли коммерциализированные российские домохозяйства в долгосрочной перспективе увеличить свою роль в обеспечении национальной продовольственной безопасности в животноводческом секторе.

Ответить на последний вопрос сложно в силу его комплексного характера. С одной стороны, правительство уже приняло ряд мер по стимулированию сельхозпроизводителей: домохозяйства могут участвовать в программах субсидированного кредитования и в проектах поддержки животноводства; ряд регионов разработали программы бесплатного распределения заброшенных земель сельхозназначения, и возможности здесь далеко не исчерпаны — в стране множество пустующих сельскохозяйственных земель. Правительство вполне может издать постановление о приусадебных участках, аналогичное тому закону, что был принят в США в середине 1800-х гг. в целях заселения пустующих территорий, или же открыть доступ к части свободных земель, предоставив пятилетние налоговые каникулы домохозяйствам и индивидам, которые согласятся организовать здесь сельскохозяйственное производство. В январе 2013 г. депутат Государственной думы Я. Е. Нилов высказал подобную идею, предложив выделять до одного гектара пустующих земель под сельскохозяйственные нужды, освобождая их от налогов (Гаврилюк, 2013). В том же году в федеральное законодательство были внесены поправки, чтобы облегчить доступ фермеров к федеральным и муниципальным землям для их сельскохозяйственного использования и освободить от налогов выделяемые фермерам субсидии на организацию производства (Национальный доклад, 2014: 132). В начале 2015 г. полномочный представитель президента в Дальневосточном федеральном округе Ю. П. Трутнев предложил бесплатно предоставлять в собственность гектар земли жителям округа и тем, кто захочет сюда приехать, чтобы заниматься сельским хозяйством или предпринимательской деятельностью, причем процесс распределения земель предлагается организовать в электронном форма-

те, чтобы он занимал 5–10 минут (Получить гектар земли, 2015). Путин одобрил данное предложение, заявив: «...мы хотим создать механизм бесплатного выделения каждому жителю Дальнего Востока и каждому человеку, который хотел бы приехать на Дальний Восток, одного гектара земли, который может использоваться для ведения сельского хозяйства, для создания бизнеса, лесного, охотничьего хозяйства» (Путин одобрил идею, 2015).

Тем не менее, несмотря на изменения в законодательстве, на пути наращивания объемов производства и продаж в частном секторе сельской экономики остается множество препятствий. Во-первых, это макроэкономическая среда: так, по мнению премьер-министра Д. А. Медведева, федеральный бюджет на 2014 г. и плановый период 2015–2016 гг. — один из самых жестких за последние годы. Осенью 2013 г. он заявил: «...у нас нет кризиса, но нет и развития. Необходимо обеспечить надлежащее развитие в контексте неопределенной экономической ситуации» (Government Ministers, 2013). Хотя Министерство экономического развития ранее прогнозировало ежегодный экономический рост в диапазоне 4–4,2% на протяжении 2013–2020 гг., реальный рост замедлился, и к лету 2014 г. общее мнение руководства страны состояло в том, что экономический рост страны в 2014 г. будет иметь нулевые значения. В 2014 г. экономическая ситуация ухудшилась вследствие наложения ряда факторов: падение цен на нефть с более чем 100 долл. США за баррель в июне до менее чем 50 долл. в декабре, снижение курса рубля более чем на 40% и рост инфляции. Бюджет испытывал большую нагрузку, чем планировалась на момент заявлений Д. А. Медведева в 2013 г., но В. В. Путин пообещал, что все финансовые обязательства государства по развитию сельского хозяйства будут выполнены (Правительство России одобрило, 2014). Впрочем, нет худа без добра: сельские домохозяйства получали существенно меньшую государственную поддержку, чем крупные сельскохозяйственные предприятия, поэтому и негативные последствия западных санкций обойдут их стороной.

Во-вторых, введение продовольственного эмбарго одновременно дало коммерциализированным домохозяйствам новые возможности и создало для них новые проблемы. Несомненно, продовольственное эмбарго расширило рынок для продукции домохозяйств: российские производители всех типов могут извлечь выгоду из роста спроса на отечественные продукты — как мясо, так и овощи. Однако основная проблема — собственно само замещение попавших в санкционный список западных товаров высокого качества, аналоги которых российские домохозяйства просто не могут производить. Кроме того, городские потребители предпочитают поку-

пять продукты в супермаркетах торговых центров, а не на рынках, поэтому потребительская база, с которой привыкли иметь дело сельские домохозяйства в прошлом, сегодня резко сократилась (Россияне стали лучше относиться, 2014). Другая потенциальная проблема для коммерциализированных домохозяйств состоит в том, что они будут вынуждены снижать цены, конкурируя с импортными продуктами, поставляемыми в Россию из Центральной Азии, Турции, Армении, Китая и Белоруссии. И, наконец, реагируя на рост продовольственной инфляции, российские потребители могут вновь, как в 1990-х гг., изменить свой рацион, отказавшись от мясной продукции.

В-третьих, в России сложился комплекс социальных и демографических проблем, которые не могут не сдерживать развитие сектора домохозяйств в сельской экономике, хотя следует признать, что коммерциализированные домохозяйства, как правило, легче адаптируются к сложной ситуации благодаря своему человеческому, социальному и производственному капиталу. Вследствие очевидных ограничений объема статьи мы не затронули целый ряд социальных проблем сельских территорий, которые влияют на производство продовольствия и остаются крайне острыми. Так, несмотря на реализуемую с 2003 г. государственную программу развития сельской социальной сферы, обширные сельские территории обладают слабыми инфраструктурными возможностями, депопуляция и старение населения на них нарастают и вряд ли их темп замедлится — молодежь вытесняется в города высоким уровнем сельской безработицы. Социальное развитие как необходимый элемент продовольственной безопасности остается на периферии государственного внимания, о чем свидетельствуют объемы его финансирования: так, в 2013 г. на программу сельского социального развития из федерального бюджета было выделено 9 млрд руб., тогда как на подпрограммы поддержки растениеводства и животноводства — 147 млрд (Национальный доклад, 2014: 8).

Принимая во внимание все перечисленные факторы, успешным сельским домохозяйствам будет очень сложно повысить свою роль в обеспечении национальной продовольственной безопасности, однако у них есть для этого и возможности, и перспективы.

Список литературы

1. Агафонов П.В. (2012). Значение личного подсобного хозяйства в жизни российского крестьянства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 9. С. 50–53.

2. Белоруссия хочет обеспечить Россию своими продуктами. 8.08.2014 www.agronews.ru.
3. Бондаренко Л.В. Демографическая ситуация на селе и перспективы развития сельских территорий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 3. С. 53–57.
4. Бондаренко Л.В., Зубцова Е.В. Доходы сельских домашних хозяйств. (2003). М.: ВНИИСХ,
5. В 2013–14 сельхозгоду Россия экспортировала 25,4 млн т зерна. www.agronews.ru.
6. В 2015 г. российские семьи потратили на продовольствие более 50 % бюджета. 3.03.2015. www.agronews.ru.
7. В поисках продовольственной безопасности // Сельская жизнь. 2013. 14–20 марта.
8. Гаврилюк И. Бесплатно по гектару земли? // Сельская жизнь. 2013. Январь. С. 7–23.
9. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. М.: Минсельхоз, 2012.
10. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2010 году. М.: ФСГРКК, 2011.
11. Д. Медведев поручил подготовить «новую продовольственную программу». 13.08.2014. www.agronews.ru.
12. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения. М.: Минсельхоз, 2011.
13. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Число объектов переписи, трудовые ресурсы. (2008а). Т. 2. М.: Росстат.
14. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: земельные ресурсы. (2008b). Т. 3. М.: Росстат.
15. Итоги пилотного выборочного обследования использования (бюджета) времени населением. (2010). М.: Росстат.
16. Кагерманов Ш. К севу приступили все регионы страны. (2012). // Сельская жизнь. Май. С. 3–9.
17. Калугина З.И. (1991). Личное подсобное хозяйство в СССР. Новосибирск: Наука.
18. Краснодарцам разрешать держать не более 3 свиней. 2012 // Крестьянские ведомости. С. 3–4.
19. Куда делись подмосковные земли // Сельская жизнь. 2013. Сентябрь. С. 19–25.
20. Личное подсобное хозяйство населения в 1998 году. (1999). М.: Госкомстат.

21. Минсельхоз решил увеличить субсидии из-за санкций. 11.09.2014. www.agronews.ru.
22. Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2012 году государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы». (2013). М.: Минсельхоз.
23. Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2013 году государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы». (2014). М.: Минсельхоз.
24. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации». www.kremlin.ru.
25. О мониторинге и состоянии продовольственной безопасности Российской Федерации. (2012) // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 2. С. 15–20.
26. Об изъятии земель у недобросовестных собственников. (2013) // Сельская жизнь. 13–19 июня.
27. Обеспечить себя и других. (2013) // Сельская жизнь. 29 июня — 3 июля.
28. Основные показатели сельского хозяйства в России в 2013 году. (2014). М.: Росстат.
29. Основные показатели сельского хозяйства России в 2012 году. (2013). М.: Росстат.
30. *Островский В. Б.* (1988). Личное подсобное хозяйство. М.: Наука.
31. Ответить деньгами (2013) // Сельская жизнь. 2–8 мая.
32. *Петриков А. В.* (2007). Личные подсобные хозяйства России: проблемы и перспективы развития // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 5. С. 6–9.
33. Подписан закон, усиливающий ответственность за неиспользование земельного участка сельхозназначения. 4.02.2014. <http://news.kremlin.ru>.
34. Получить гектар земли на Дальнем Востоке можно будет за 10 минут. 3.02.2015. www.agronews.ru.
35. Постановление от 20 августа 2014 г. № 830 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778». <http://government.ru>.
36. Постановление от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560». <http://government.ru>.
37. Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации. (2013). М.: Росстат.
38. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2007 году. (2008). М.: Росстат.
39. Правительство России одобрило «оптимизацию» госпрограмм на 2%. 2014. www.agronews.ru.
40. Прогноз. Экспорт российского зерна в 2014/2015 сельхозгоду возрастет до 27–30 млн тонн. www.agronews.ru.
41. Производство продуктов животноводства в хозяйствах всех категорий. (2015). www.gks.ru.
42. Путин одобрил идею бесплатной раздачи земли жителям Дальнего Востока. 20.01.2015. www.agronews.ru.
43. Развитие животноводства нуждается в дополнительных мерах поддержки (2012) // Сельская жизнь. 5 июня.
44. Реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников по субъектам Российской Федерации за 2000–2013 гг. www.gks.ru.
45. Российский статистический ежегодник. (2012). М.: Росстат.
46. Российский статистический ежегодник. (2013). М.: Росстат.
47. Россия в цифрах. (2014). М.: Росстат.
48. Россияне стали лучше относиться к отечественным продуктам. 19.07.2014. www.agronews.ru.
49. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. (2013). М.: Росстат.
50. Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России. (2003). М.: Госкомстат.
51. *Сильвестров Г.* (2011). Сохранить крестьянский люд // Российский фермер. № 10. С. 26–28.
52. Социально-экономическое положение России. Январь 2014 года. (2014). М.: Росстат.
53. *Узун В.* Зачем рубить сук, на котором сидим? (2012) // Сельская жизнь. 12–18 апреля.
54. *Узун В. Я., Сарайкин В. А.* (2012). Экономическая классификация личных подсобных хозяйств // АПК: экономика, управление. № 1. С. 41–48.
55. Указ о применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации. 7.08.2014. kremlin.ru.
56. *Шагайда Н.* (2012). Про рейдерство под государственным зонтиком // Крестьянские ведомости. № 43–44.
57. Экономическая активность населения России. (2002). М.: Госкомстат.
58. Экономическая активность населения России. (2008). М.: Росстат.

59. Экономическая активность населения России. (2012). М.: Росстат.
60. Government Ministers, Experts Ring Alarm over Condition of Russian Economy. (2013) // ITAR-TASS, Johnson's Russia List No. 174. September 24.
61. Hille K. (2014a). Russian Agriculture Struggles to Meet Self-Sufficiency Challenge // Financial Times. August 19.
62. Hille K. (2014b). Vladimir Putin Starts to Show the Strain as Outrage Mounts over MH17 // Financial Times. July 22.
63. Hille K. (2014). Vladimir Putin: Collision Course // Financial Times. 2014. July 25.
64. Hille K., Weaver C. (2013). Russian Nationalism Grows Amid Tension // Financial Times. November 5.
65. Ioffe G., Nefedova T. (2004). Marginal Farmland in European Russia // Eurasian Geography and Economics. No. 45. P. 45–59.
66. Ioffe G., Nefedova T., De Beurs K. (2012). Land Abandonment in Russia: A Case Study of Two Regions // Eurasian Geography and Economics. No. 53. P. 527–549.
67. Kiselev S., Romashkin R. (2012). Possible Effects of Russia's WTO Accession on Agricultural Trade and Production. Issue Paper No. 40. Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development.
68. Maksimenko M. (2013). Government Support and Decreasing Feed Prices to Stimulate Poultry Production. GAIN Report RS1351. August 15.
69. O'Brien D.J., Wegren S.K., Patsiorkovsky V. V. (2004). Contemporary Rural Responses to Reform from Above // Russian Review. No. 63. P. 256–276.
70. Orttung R. (2013). Kremlin Nationalism versus Russia's NGOs // Russian Analytical Digest. No. 138. P. 8–11.
71. Pallot J., Nefedova T. (2007). Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia. Oxford: Oxford University Press.
72. Russia's Food Ban Against EU, U.S. Provides Huge Opportunity for Brazil. (2014) // The Moscow Times. August 8.
73. Uzun V. (2005). Adapting to a Market Economy: Changes in Russia's Farm Structure // BASIS Brief. No. 34. P. 1–4.
74. Visser O. (2009). Household Plots and Their Symbiosis with Large Farm Enterprises in Russia // Spoor M. (ed). The Political Economy of Rural Livelihoods in Transition Economies: Land, Peasants, and Rural Poverty in Transition. L., N.Y.: Routledge.
75. Wadekin K. E. (1973). The Private Sector in Soviet Agriculture / trans. by K. Bush. Berkeley: University of California Press.
76. Wegren S.K. (2013). Food Security in the Russian Federation // Eurasian Geography and Economics. No. 54. P. 22–43.
77. Wegren S.K. (2009). Land Reform in Russia: Institutional Design and Behavioral Responses. New Haven, L.: Yale University Press.
78. World Development Report (2008). Agriculture for Development. Washington: The World Bank.

Койвусельга: 20 лет спустя

Аннотация. В статье рассматривается история социально-экономического развития лесного поселка Койвусельга, Республика Карелия. Лесопромышленный комплекс — одна из ключевых отраслей в структуре промышленного производства в республике и в Койвусельге. В поселке это был единственный градообразующий компонент, вокруг которого функционировали объекты сопутствующей инфраструктуры. Исследования в Койвусельге проводились в 1994 и 2014 гг., т. е. с перерывом в 20 лет. Проводилось сплошное анкетирование жителей поселка (и постоянных, и временных). В статье представлены результаты данных исследований. Что изменилось в поселке за 20 лет? Затрагиваются вопросы демографии, социально-экономического развития, работы местной власти, земельные вопросы.

Ключевые слова: лесной поселок, сельское развитие, Республика Карелия, местная власть.

В 1994 г. я участвовала в полевых исследованиях в составе финско-российской команды. Темой были лесные поселки Карелии (кейс Койвусельги). Летом 2014 г. та же команда вернулась в Койвусельгу, чтобы проследить изменения, произошедшие за 20 лет. Мы проводили сплошное анкетирование жителей поселка (и постоянных, и временных). Были подготовлены две анкеты — индивидуальные и для домохозяйств. В каждом доме заполнялись индивидуальные анкеты для каждого члена семьи и одна анкета на домохозяйство. Глубинные интервью проводились только с представителями местной власти. В анкету 2014 г. пришлось внести некоторые изменения (в связи с закрытием лесспромхоза), добавить новые вопросы, но основная структура осталась прежней.

История и демография поселка

Карелия — северный регион со своими особенностями: низкая плотность населения, малочисленные поселки, удаленность их друг от друга, суровые природно-климатические условия. В настоящее время села находятся в сложной социально-экономической

ситуации. За годы реформ многие предприятия прекратили свое существование, на тех, что продолжают работать, значительно снизилась численность занятых, сократилась социальная инфраструктура, практически перестали функционировать сети бытового обслуживания, общественного питания, были ликвидированы фельдшерско-акушерские пункты. Все это, в свою очередь, повлияло на занятость жителей сел и их отток в более крупные деревни или города.

Лесопромышленный комплекс (ЛПК) — одна из ключевых отраслей в структуре промышленного производства в республике. Чаще всего это был основной и даже единственный градообразующий компонент, вокруг которого функционировали объекты сопутствующей инфраструктуры. В послевоенный период (и до конца 1950-х гг.) в Карелии было построено около 340 временных лесных поселков, занимающихся заготовкой и вывозом древесины. Койвусельга, основанный в 1949 г. как временное пристанище для лесозаготовителей, расположен на восточном берегу озера Кивиярви, из которого вытекает речка Кивия (в переводе с карельского — Каменный ручей), что делит поселка на две части. Здесь сохранился первый барак, ровесник поселка. В нем до сих пор живут люди.

Лесные работы требовали большого количества рабочих рук, поэтому численность жителей росла очень быстро. Вокруг были разбросаны деревушки — исконные поселения карел: Рогокоски, Кужой, Пульчейла, Кодасельга, Кормелисто, Тарасельга, Койвусельга и другие. Значительный прирост населения в 1950 г. был

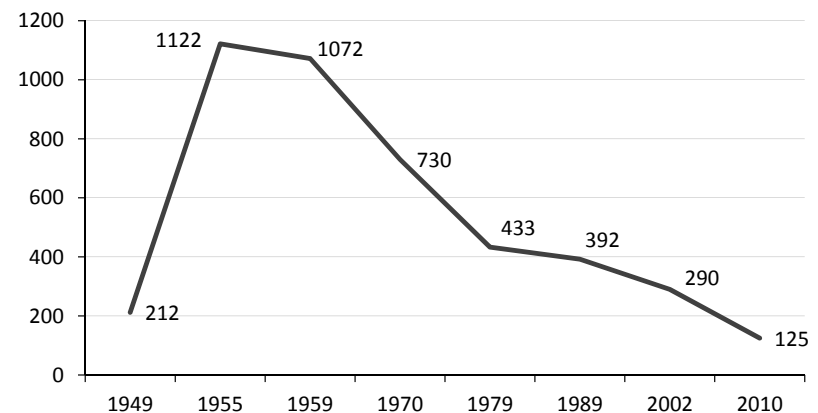

Рис. 1. Численность населения поселка Койвусельга, 1949–2010

также связан с переселением жителей близлежащих деревень, от которых остались только названия и указатели направлений. В поселке имелись двухэтажная больница, три магазина, школа, детский сад, ясли, клуб, библиотека. Лесопункт организовал свое подсобное хозяйство, где разводили коров и свиней, выращивали овощи.

В 1970–1980-х гг. уменьшение объема лесозаготовок привело к тому, что люди стали уезжать. С распадом Советского Союза, развитием рыночной экономики большинство предприятий лесной отрасли претерпели серьезные изменения, что, в свою очередь, повлияло на динамику численности населения — она продолжала снижаться быстрыми темпами. В 1990–2000-х гг. ситуация не улучшилась. В 1994 г. было ликвидировано подсобное хозяйство, в следующем году — закрыт Койвусельгский леспромхоз, остался только его участок, закрытый в 2005 г. Не стало детского сада, школы, почты, медпункта. Но пенсионерам деваться некуда. Так некогда временное жилье превратилось в постоянное место жительства для чуть больше сотни человек. Летом сюда приезжают дачники.

Судить о численности населения только по статистике сложно, так как она ведется на основе прописки и не отражает реальную картину. Будучи прописанными в поселке, люди давно уже живут в Петрозаводске или другом месте. Например, в Койвусельге прописаны 20 детей, а на самом деле проживают только 11. То же касается и других возрастных групп. Западные ученые используют для таких жителей термин «невидимое население».

Доходы и занятость населения

Большая часть жителей поселка в трудоспособном возрасте — безработные. Остальные так или иначе вовлечены в сферы обслуживания населения. Это специалист администрации, она же библиотекарь, работник клуба, продавец магазинчика, социальный работник.

Постоянных рабочих мест практически нет, а значит, нет и постоянных доходов. Сейчас вокруг Койвусельги все еще ведутся заготовки. Одна команда лесозаготовителей — новое предприятие, отделившееся от ЗАО «Шуялес». Работники предприятия — жители Карелии, но не поселка. Вторая команда — частный предприниматель, большинство работников которого украинцы. Таким образом, все лесозаготовители — приезжие. Они живут в поселке, работают вахтовым методом.

Основной доход для многих — это пенсия людей старшего поколения. Взрослые дети (главным образом сыновья) живут со своими престарелыми родителями (чаще всего с матерями) не для того, чтобы им помогать, а из-за отсутствия работы или проблем с алкоголем, на который у них денег нет.

К сезонной работе относится сбор ягод и грибов. Морошка приносит неплохой доход. У некоторых жителей поселка есть постоянные покупатели, приезжающие из карельских городов или из Санкт-Петербурга. Для сбора ягод обычно кооперируются по несколько человек, чтобы совместно использовать транспорт. Есть и одиночные сборщики, в том числе те, кто отправляется в лес на велосипеде.

Еще одна временная работа — помощь соседям по хозяйству, в частности, заготовка дров. В тех домохозяйствах, где остались коровы, доход приносит продажа молока и молочных продуктов. Есть мастера-умельцы, которые занимаются ремонтом машин.

Местная власть

20 лет назад в Койвусельге была своя сельская администрация, состоящая из нескольких человек. После вступления в силу нового закона о местном самоуправлении пять сельских администраций были объединены в одно. В двух отдаленных бывших сельских администрациях было оставлено по специалисту, в две другие примерно раз в неделю выезжают специалист и глава администрации.

Койвусельга — одна из двух удаленных администраций, где оставили одного специалиста. Расстояние от поселка до центра сельского поселения 30 км, из них 13 км труднопроходимой грунтовой дороги. Специалиста оставили, но только на полставки. Он же еще и библиотекарь, и ответственный за добровольную пожарную бригаду. Представитель местной власти в поселке имеется, но люди чувствуют себя оторванными от мира, никому не нужны. За год работы глава поселения был в Койвусельге лишь раз — на праздновании 65-летия поселка. Основное общение специалиста с главой идет по телефону. Звонит специалист, докладывает ситуацию и просит-просит-просит. На освещение, ремонт моста, ремонт библиотеки, снаряжение для добровольной пожарной дружины, проведение мероприятий...

Люди крайне редко обращаются к специалисту администрации. «А что она может?» — говорят местные жители. «Я только передаю просьбы населения», — говорит специалист.

Ситуация осложняется географическим положением поселка, который находится на удалении от трассы, и бессмертной российской проблемой с дорогами. Участок в 13 км практически непроходим для обычного транспорта. Летом еще можно проехать, но на скорости не больше 20–30 км в час, объезжая поваленные деревья и ямы. В весенне-осенний сезон дорога практически отсутствует. Бывали случаи, когда машина с хлебом не могла добраться до поселка. Каждый год ремонтируют примерно километр дороги. К лету 2014 г., когда мы были в Койвусельге, около шести километров 13-километрового участка было «отремонтировано». К тому времени, когда будут отремонтированы последние километры, начало этого участка станет опять непроходимым.

На местных линиях сильно сократилось количество пассажиров, и автобусное сообщение было отменено совсем. Пробовали организовать муниципальный автобус из района. Нужно, чтобы он не был убыточным, а так как пассажиров мало, то это не получается. Автобусное управление просит сельское поселение доплатить, но денег в бюджете нет.

Словом, кроме психологической изоляции, есть еще и реальная географическая изоляция, и изоляция информационная. Интернета в поселке нет, связь работает плохо. Из-за сильных ветров часто бывают сбои в снабжении электроэнергией. *«Мы никому не нужны»*, — заключение, к которому приходят большинство жителей поселка.

Проблемы жилого фонда

Бараки, построенные для первых жителей, до сих пор существуют, и в них живут люди. Жилье строил леспромхоз, он же содержал жилой фонд переданный в 2006 г. муниципальной власти района. После долгого дележа полномочий между районными и поселенческими властями, было решено передать муниципальное жилье последним. И без того бедная сельская власть получила наследство, с которым не знает что делать. Баракам уже больше 60 лет, сказать, что это ветхое жилье — ничего не сказать. В одном бараке провалились полы, в другом обвалилась часть крыши. Люди сами заделывают дыры, делают косметический ремонт, но большая часть жилого фонда просто не пригодна для жилья. По словам главы администрации, средний уровень износа жилого фонда в поселке — 80–85 %. Это подтверждено технической документацией¹.

¹ Частный жилой фонд в поселке тоже существует, и его состояние лучше.

Так как это муниципальное жилье, большинство жителей поселка — арендаторы жилого фонда. Аренда — один из источников дохода для бюджета сельского поселения. Но деньги в бюджет не поступают. Жители не хотят оплачивать аренду жилого фонда в связи с его состоянием. *«А за что платить-то?»*, — спрашивают они.

Муниципальная власть может пойти официальным путем и через надзорные службы решить вопрос с оплатой аренды жилья. Сначала проводится проверка и людям дается время оформить документы. Если в указанный срок ничего не происходит, направляется запрос в федеральные налоговые службы. Они проводят свои проверки и при необходимости выписывают штраф. Такова процедура, но ею не пользуются.

«Мы не заинтересованы выписывать штрафы нашим жителям», — заявил интервью глава поселения.

«Незаинтересованность» объясняется тем, что глава понимает: оплата аренды жилья — в большей степени проблема муниципальной и государственной власти, а не жителей. В программу сноса ветхого жилья попали 22 дома поселения, из которых 21 дом находится в Койвусельге. Бюджет поселения должен внести в эту программу 5 % бюджета, что в рублевом эквиваленте получается около 400 тыс. руб. В 2015 г. планируется расселить первые восемь жилых домов. Поселение должно оформить земельные участки под аварийными домами и оформить новые земельные участки там, где будут строиться новые дома. В рамках программы предусмотрены два варианта расселения аварийного и ветхого жилого фонда: либо получить сертификат на определенную сумму и самому решить, где строить дом или покупать квартиру, либо получить квартиру в новом доме в пределах своего поселения. В Ведлозерском сельском поселении, куда входит Койвусельга, было решено не выдавать сертификаты. Такой выбор был сделан по двум причинам. Во-первых, дешевле построить многоквартирный дом, чем выдать сертификаты на определенную сумму всем переселяемым, во-вторых, важно не поддерживать миграционный отток из сельской местности. Таким образом, дома будут строиться в пределах сельского поселения. Главный вопрос — где конкретно. Большинство жителей Койвусельги хотят, чтобы дома были построены в поселке. Глава поселения не рад такому предложению. Он считает, что надо строить в Ведлозеро, в центре поселения.

«Я не представляю, как это сделать. Ну, построим мы там дом, а через 5–10 лет бабушки <...> И дом будет стоять. Кому он там будет нужен? Я просил: «Давайте построим в Ведлоезере». Кто-то согласен, но основная масса не хотят» (из интервью с главой поселения).

Предоставляя новое жилье, нужно выделить такую же по размеру жилую площадь.

«Если человек занимает квартиру в 30 м², то мы должны предоставить такую же. А если, например, 10 м² (есть у нас такие в бараках), то мы должны предоставить по нормативу 22 метра (или 25, или 30, не помню), чтобы и кухня были и комната» (из интервью с главой поселения).

Земельные вопросы

Похожая ситуация с оплатой аренды сложилась и с арендой земельных участков, на которых расположен жилой фонд. До 2012 г. жители поселка ежегодно продлевали договор аренды на землю и вносили арендную плату. В 2013 г. ситуация изменилась. Вместо годовых договоров появилось две другие возможности. Землю можно взять в аренду на 49 лет или выкупить. Жители восприняли это крайне негативно. Основное население поселка — пенсионеры, и его будущее туманно. Зачем нужно арендовать на 49 лет? *«Мы не доживем»*, — говорят местные бабульки. И покупать землю они тоже не готовы. Договора на аренду земли не были продлены, жители просто перестали платить за аренду, а муниципальный бюджет потерял источник доходов. По признанию главы, только треть жителей аккуратно оплачивает аренду жилого фонда и земли.

Земельные отношения осложняются еще и потерей части документов. При объединении районных налоговых служб в межрайонную при перевозе документов машина попала в аварию и часть документов пропала. Кадастровые данные есть, но они не идут в налоговую службу. Сельская администрация должна выступать посредником между этими двумя службами: необходимо обратиться в кадастровую службу, проверить данные и передать в налоговую. Из налоговой службы просят, чтобы хозяева земельных участков сами приехали и привезли документы.

«А кто пойдет за бумажкой за сто км, чтобы выписали квитанцию на три рубля за землю? Никто не пойдет. Это бабушки. Бабушки законопослушные. Молодежь об этом не беспокоится» (из интервью с главой поселения).

Земельные участки в частной собственности в поселении есть. Можно купить участок под строительство дома. Его стоимость устанавливается в зависимости от кадастровой стоимости земли, определенной Республикой Карелия, которая в последние годы выросла в 20 раз. Участок в 15 соток по Ведлозерскому сельскому поселению стоил в 2014 г. 350 тыс. руб. Население покупает

участки по рыночной цене, в Карелии она меньше кадастровой. Рыночная стоимость такого же участка составляет 150–200 тыс. руб. Продажа земли могла бы быть хорошим источником доходов в муниципальный бюджет, но эта схема не работает. В администрации нет специалистов, которые могли бы подготовить необходимый пакет документов.

«Пришел человек, инвестор, например, хочет делать базу. Нам хорошо, пойдет арендная плата <...> Но мы не можем дать земли, потому что у нас не запланировано. Мы вроде планировали, а что планировали — не знаем, потому что не соображаем в этом ничего. Нет специалистов. Я в Питере когда работал, там в администрации семь человек сидят: один по земле, другой юрист, другой по жилью. Нужны специалисты в администрации, чтобы каждый своим делом занимался» (из интервью с главой поселения).

В связи с увеличением кадастровой стоимости земли появились новые тенденции в земельных отношениях — люди стали отказываться от участков, которые уже были оформлены в собственность.

«Раньше как было? В каждом доме была корова. За каждый участок до драки было, где кто косить будет. Раньше сенокосы в собственности были. Сейчас налог возрос в 20 раз, а земель-то давно уже никто не пользуется, коров-то нет больше. Раньше приходил налог в 100 рублей, пусть земля за мной числится, вдруг когда-нибудь пригодится. А сейчас как пришел налог в 5–6 тысяч рублей, не хотят больше платить» (из интервью с главой поселения).

Процедура отказа от земли проста и бесплатна. Хозяин пишет заявление в кадастровую службу о снятии участка с учета, в течение месяца в муниципалитет (и бывшему хозяину) приходит письмо о том, что земля перешла в муниципальную собственность.

Определенные категории граждан могут получить участок бесплатно. Это ветераны Великой Отечественной войны, многодетные семьи, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, которые стоят на очереди, инвалиды, погорельцы. Для этих же категорий существуют и льготы при оплате налога на землю от 50 до 100%. Это также влияет на наполняемость местного бюджета. Согласно данным главы, за последние пять лет сбор земельного налога сократился с 200 тыс. руб. до 50 тыс. И без того бедный бюджет теряет и этот ресурс.

Перспективы развития

Многие жители видят свой поселок в будущем как дачное место. Уже сейчас в Койвусельге немало дачников, за счет которых летом

численность населения существенно возрастает. Глава поселения тоже согласен с идеей развития Койвусельги как дачного поселка. Других четких перспектив он не видит.

«Если будет по туризму <...> Может охота, рыбалка. Недалеко до озера там. Если кто-нибудь подойдет с таким желанием, я хочу в ту сторону направить. А так это будет дачный поселок. Если будет дорога, то он еще поживет» (из интервью с главой поселения).

Жизнь в поселении развивается сама по себе. Особых планов никто не строит, различные перспективы не рассматриваются. В разговорах о возможных путях развития Койвусельги упоминается туризм, но тут же глава добавляет: *«Это при вас у меня такое видение получилось»*. *«Если кто-нибудь подойдет с таким желанием»* — идеология местной власти, она не хочет, да и не может рассматривать более серьезные перспективы развития села.

Часть дачников — это родственники тех, кто живет или жил в поселке. Они приезжают на лето и живут со своими мамами-папами, бабушками-дедушками или в пустых родовых домах, ставших дачами. Дома, реже квартиры под дачи покупают и те, кто не имеет никакого отношения к Койвусельге. Кроме того, в поселке построено несколько новых домов специально для летнего отдыха. Большинство дачников проживают в Петрозаводске, до которого около 140 км.

Жители поселка хотели бы, чтобы здесь появился леспромхоз, было организовано лесопильное производство. Главная роль в этом, как и раньше, отводится государству. Государство должно построить. Но возник еще один актер, которому местное население готово отдать эту роль, — внешний инвестор. Никто не представляет, кто это, откуда он может прийти. Развитие рыночной экономики повлекло за собой создание новых сказок о «великом и могущественном Гудвине», который спасет, поможет. Роль «всемогущего» постепенно смещается от государства, которое ослабло и не может ее выполнять, к чему-то другому, пока еще не понятному.

Недалеко от поселка было открыто месторождение золота, что принесло очередную волну надежд и мифов. Жители Койвусельги надеются, что будут открыты новые рабочие места, а жители поселков Новые Пески и Соддер, рядом с которыми находится золотая жила, против разработки месторождения. Люди объясняют свое недовольство тем, что может пострадать экология региона. Те, кто вырос в этих местах с чистым воздухом, богатых природными ресурсами, боятся потерять свою глубинную связь с природой, сельским хозяйством, традиционным укладом жизни. Для добычи золота придется вырубить около 300 гектаров леса. Помня совет-

скую историю освоения территорий, жители боятся, что будет построено очередное временное жилье для работников, а когда запасы истощатся, все повторится: временное станет постоянным или будет заброшено.

Для геологов эти разработки интересны. Но дело опять упирается в мифических инвесторов, которые должны прийти и вложить свои средства в разработку месторождения. Пока инвестора нет, золотодобыча в Пряжинском районе остается лишь еще одним мифологизированным «возможным путем развития».

Термин «предпринимательство» постепенно входит в обиход у жителей села. Некоторые из них высказывали идею привлечения предпринимателей в поселок и оказания им государственной поддержки, например, через выделение леса. Но конкретных предложений нет, как нет и желающих самим заняться предпринимательством в Койвусельге. Такая же ситуация с фермерством. *«Было бы хорошо, если...»*, — говорят местные жители.

В результате длительной изоляции (как географической, так и информационной) поселка от внешнего мира, жители Койвусельги не видят государство сильным, способным помочь им решить их базовые проблемы. Местная власть тоже ничего не может сделать. Люди потеряли веру во власть, а вслед за этим и веру в себя. Последнее — очень страшно. Большинство опустили руки, ничего не хотят, да и не могут делать. Настроения в поселке очень пессимистичны.

За последние 20 лет заметно снизилась активность людей. Не имея работы, будучи оторванными от остального мира, они интересуются только своей семьей. Можно говорить о нескольких этапах формирования социальных отношений внутри села: советский коллективизм — индивидуализм шоковой терапии — коллективизм местных сообществ. Советский коллективизм основан, как известно, на идеологии; с распадом Советского Союза, с формированием многопартийной политической системы и развитием рыночной экономики начал проявляться индивидуализм (мой дом, моя семья). Переход на следующий этап проходил медленно и болезненно. На сельских территориях он имел гораздо больший эффект именно из-за небольшого размера населенных пунктов. Для того чтобы решить проблемы, которые государство было не способно решить, люди стали объединяться. Стали формироваться местные сообщества, основанные на взаимопомощи, сотрудничестве, партнерстве. К сожалению, Койвусельга еще не дошла до этой стадии, но будем надеяться, что население станет активнее, сформируется местное сообщество, которое реально будет развивать свой поселок.

Мошинский куст: ветви жизнедеятельности северной сельской местности

Аннотация: На основе исследования группы сельских поселений вокруг озера Моша Архангельской области, проведенного методами включенного наблюдения качественной социологии, создан антропологический очерк истории и современности повседневного существования северной сельской местности России. Особое внимание уделено анализу местных социальных институтов: сельским сообществам, муниципалитету, аграрному предприятию, домашним хозяйствам, церкви — их взаимодействию меж собой в попытках предотвращения деградации сельских поселений Северного Нечерноземья.

Ключевые слова: Русский Север, сельское сообщество, муниципалитет, аграрное предприятие, социальная инфраструктура, миграция, личное подсобное хозяйство, дача, ТОС, церковь.

Примерно за 1000 км на север от Москвы и на 500 км от областного центра — на юге Архангельской области, по берегам озера Моша, а также речек, в него втекающих и из него вытекающих, располагается Мошинский куст многочисленных маленьких деревень. На Русском Севере цепочки деревень, разбросанные по берегам местных рек и озер, называют «кустами». Деревни здесь, как правило, малосельные, в них не более десятка, редко несколько десятков, домов, расстояния между деревнями часто также небольшие — от нескольких сот метров до пары километров.

Такая констелляция созвездий деревень среди туманностей вселенной озер и рек, лесов и болот вызвана прежде всего суровыми природными условиями, предоставлявшими лишь небольшие относительно плодородные участки земли, соединенные извилистыми водными путями — главными транспортными артериями прошлых веков, дополненными редкими ухабистыми и топкими проселочными дорогами.

Подавляющее большинство сельских кустов хиреют и чахнут. Они находятся в тягостной социально-экономической ситуации, оставаясь, по стандартной терминологии российской экономической политики, в зонах депрессивного северного Нечерноземья. Многие деревни, испокон веков в них входившие, за последние

полвека исчезли, а деревни, еще существующие, все уменьшаются из-за ухода из жизни старших поколений и переселения в города поколений молодых.

Тем насущней, нам кажется, должно быть стремление понять, в чем черпают волю к жизни оставшиеся ответвления — кусты сельских поселений Русского Севера, с изобретательным упорством отстаивающие право на свое собственное, а значит, и все-российское обитаемое пространство. Эта задача была поставлена нами летом 2014 г., когда, опираясь на материалы предыдущих полевых исследований, мы провели междисциплинарное социологическое исследование, в том числе два десятка глубинных интервью, в мошинских деревнях.

Моша: историческое, географическое и социально-экономическое описание

Вся местность на несколько десятков километров вокруг озера Моша также зовется Мошей. Мошинское озеро и расположенное в километре от него Матъозеро («младшая сестра», примерно в два раза уменьшенная копия Моши) — ледниково-тектонического происхождения. Из озера Моша вытекает река Моша, через 120 км впадающая в реку Онега, которая, в свою очередь, через 400 км впадает в Белое море. Всего в бассейне реки Моша насчитывается около полутысячи озер.

В царские времена местность Моша Каргопольского уезда входила в состав Олонецкой губернии — административно-географической прародины нынешней Республики Карелия. Черты карело-финского ландшафта проступают в обильноозерном облике Моши, до границ Карелии от Моши напрямую — километров 250. И, конечно, почти вся мошинская топонимика рек, озер и многих деревень суть угро-финская: река и деревня Икса, река и деревня Мехреньга, река и деревня Канакша, и т. д.

Площадь Мошинского озера — около 9 кв. км, примерно 6 км в длину и 1,5 км в ширину, максимальная глубина 24 м. На озере имеются живописные острова: Погост, Ильинский, Каменная Шалга, Медведец, Манушкин.

Мошинская равнина малохолмиста и сильноболотиста. Сплошь и рядом ее озерные пространства, зарастая травой, переходят в болота. Природный мир Моши — типичный мир южно-русской тайги, в которой хвойные — сосна, ель, лиственница, — сосуществуют с лиственными — береза, осина, черемуха, рябина, ива, ольха. Здесь обильное разнообразие ягод — клюква, брусника, морошка,

голубика, черника и грибов — белый, подосиновик, подберезовик, масленок, груздь, рыжик. В лесах водятся медведи, лоси, кабаны, волки, лисицы и зайцы, а в водоемах — щуки, окуни, налимы, ерши, плотва, лещи, пескари и раки. Моша и ее окрестности — любимое место обитания многих видов диких птиц.

Мошаки — так прозываются местные жители — небезосновательно гордятся тем, что первое летописное упоминание о Моше на 10 лет старше первого упоминания о Москве. О волоках на Моше говорится в Уставной грамоте князя Святослава Олеговича в 1137 г. Волоки были стратегическими переправами беспокойных средневековых путешественников, из Онеги заходивших в речку и озеро Моша, оттуда — в речку Воезерка и Воезеро, плывших дальше по Канакшанке до Охтомицы, до болота, откуда уже вытекала Большая Охтомица, из которой ладьи волочили в реку Пуя, оттуда в Вагу, а уж Вага, как известно, впадает в самую Северную Двину. Так Моша оказывалась одной из узловых станций средневековых водных магистралей меж бассейнов крупнейших рек Онега и Северная Двина¹. Неудивительно, что в царствование Иона Грозного в 1555–1556 гг. упоминается о существовании на Моше уже 74 деревень да погосте на Моше с церковной деревней Никольская.

К этому времени проявляется важное значение церкви в обустройстве и освоении российских северных пространств. На Моше, как и на всем Русском Севере, никогда не было крепостного права, но с давних пор ощущалась культурная и социально-экономическая власть православной церкви.

Озеро Моша переименовывается в озеро Никольское в честь Николая Чудотворца, по преданию почтившего своим появлением Мошу, между делом осерчавшего на местных змей, проклявшего и изгнавшего навсегда их отсюда. Мошаки любят подчеркивать, что в соседних Вельском и даже более северном Плесецком районах змеи еще попадаются, а на Моше их никогда не бывает. Впрочем, кое-кто из местных жителей, уважая православную легенду, придерживается и естественно-научного факта — там, где по бере-

¹ Впрочем, современное расселенческое описание Моши делает акцент, прежде всего, на ее местоположении относительно российской автодорожной сети: «Мошинская (Мошенская) групповая система населенных мест расположена непосредственно в центре примошского субрегиона на расстоянии 45 км к западу от районного центра — города Няндомы. С ним она связана автомобильной асфальтированной дорогой, ведущей из города Каргополя (Каргопольский район Архангельской области) к городам Вельску (Вельский район Архангельской области) и Шенкурску (Шенкурский район Архангельской области), расположенным на автомагистрали федерального значения Архангельск — Вологда — Ярославль — Москва».

гам рек и озер растет много ольхи, а обильные ольховые заросли покрывают окрестные мошинские пространства, — там змей нет. Змеи «боятся» — не любят ольху!

Несколько веков Моша входила в восточную оконечность Каргопольского уезда. Древнерусский город Каргополь, до нашего времени сохранивший в своем центре Соборную площадь, состоящую из одних церквей на манер Соборной площади Московского Кремля, на год старше Москвы и на 9 лет младше Моши.

В 1797 г. при императоре Павле в Каргопольском уезде были образованы 8 новых волостей, включая Мошинскую, в которую вошли церковные приходы: Воезерский, Веральский десяток, Канакшанский, Лелемский, Лепшинский, Лимский, Мошинский, да Еремская выставка.

В 1845 г. в Моше было образовано Мошинское лесничество, одно из старейших в Архангельской области. К концу XIX в. в Моше работали два начальных земских народных училища: Шернинское и Мошинское женское, а также начальное Мошинское двухклассное училище Министерства народного просвещения, были открыты первая сельская земская больница и образцовая церковно-приходская школа. На озере Моша находились две каменных церкви и несколько деревянных церквей и часовен. Несмотря на неослабевающее присутствие православия, в окрестностях Моши с давних пор расселялись и старообрядцы, составлявшие большинство жителей в таких деревнях, как Лимь, Орьма, Мехреньга, Воезеро, Канакша.

По списку поселений Олонецкой губернии 1894 г. Мошинские деревни входили в состав Фатьяновской волости Каргопольского уезда и делились между двумя обществами — Мошинским и Заречным. В целом вокруг озера под общим административным управлением находились 78 деревень с общим числом жителей 4158 человек. На одну мошинскую деревню приходилось 9 домов, в которых в среднем проживали 54 человека. Мошинские крестьяне содержали несколько тысяч голов крупного и мелкого домашнего скота, занимались хлебопашеством и огородничеством, охотой и рыбалкой, по весне отправлялись на промыслы по сплаву леса, а зимой занимались его рубкой и вывозом.

В 1920-х гг. из Каргопольского уезда Моша вошла в состав Няндомского района с административным центром в поселке Няндомы — быстро растущем транспортном узле железной дороги Москва — Архангельск.

В коллективизацию в мошенских мелких деревнях было создано много мелких колхозов, которые в последующие десятилетия неуклонно укрупнялись. После окончания Отечественной войны на Моше образовались три крупных колхоза: «Им. Калинина»,

«Вперед» и «Маяк». В 1959 г. они, в свою очередь, объединились в колхоз «Дружба». А в 1961 г. был создан совхоз «Мошинский», в состав которого вошли колхозы «Дружба» (Моша), «Родина» (Канакша), «Мир» (Лимь). В этом совхозе вплоть до начала 1990-х гг. работало около тысячи местных жителей.

В сталинские времена, как и по всей сельской России, мошинские крестьяне трудились за пустопорожние трудодни. Большинство видов сельскохозяйственных и лесных работ оставались мало механизированными вплоть до 1970-х гг. Электрифицирована вся Моша оказалась лишь к середине 1960-х гг. К 1930-м гг. были закрыты все церкви, священники репрессированы. Впрочем, безжалостно ломаемая традиционная православная культура с энтузиазмом замещалась культурой советских сельских школ и клубов.

Неудивительно, что 1970–1980-х гг. многие жители Моши до сих пор вспоминают как своеобразный золотой век местной сельской жизни. Государство в то время начало осуществлять значительные вложения по программам развития северного Нечерноземья. Кроме того, в 1970-х гг. в окрестностях Моши заработал большой леспромхоз Заозерный. До Моши из Няндомы протянули асфальтовую дорогу, стали возводить двух- и трехэтажные панельные дома для сельскохозяйственных специалистов на центральной усадьбе совхоза — в деревне Макаровская.

Впрочем, это же время характеризуется местными жителями как начало упадка дисциплины и нравственности, сопровождаемого ростом сельского алкоголизма, закрытием небольших мошинских школ, исходом населения из мелких мошинских деревень в железнодорожный поселок Няндому, а потом безвозвратной миграцией в другие города. Именно в 1970–1980-е годы около двух десятков мелких мошинских деревень, попав в разряд неперспективных, прекратили свое существование, оказались заброшенными. Почти через сто лет после Олонецкой переписи из 78 мошинских деревень с более чем 4000 тыс. жителей в 1994 г. осталось 60 деревень с числом чуть менее 2000 жителей.

Распад СССР, перешедший в затяжной социально-экономический кризис, тягостно аукнулся на Моше. К концу 1990-х гг. фактически прекратили свое существование два главных предприятия: совхоз Мошинский и леспромхоз Заозерный, из-за чего выросли безработица и преступность. Работникам даже функционировавших бюджетных организаций многие месяцы задерживали выплату их маленьких зарплат. Моша разобрала остатки совхозного поголовья молочного скота по своим подворьям, налегла на расширенную обработку собственных огородов, занялась усиленным сбором ягод и грибов, сопровождаемых рыболовным, лес-

ным и охотничьим браконьерством. В целом уже за постсоветские годы еще около двух десятков маленьких мошинских деревень прекратили свое существование.

Впрочем, 1990-е гг. ознаменовались и неуклонной, продолжающейся и по сию пору экспансией дачников на мошенских берегах, наполняющих жизнью хотя бы на весенне-летний сезон пространства запустевающих деревень.

Период социально-экономической стабилизации 2000-х гг. на Моше ознаменовался очередным административным укрупнением — с 1 января 2006 г. было образовано новое муниципальное образование «Мошинское», вобравшее в себя три административных округа (бывших сельсовета): Мошинский, Лимский, Воезерский. На объединенной территории оказалось 105 деревень с 2832 жителями.

В настоящее время на территориях Мошинского муниципалитета находятся: Мошинская и Воезерская школы, Мошинский детский дом, ООО «Агропромышленная компания», МУП «Мошинское ЖКХ», филиал сберегательного банка, 5 почтовых отделений связи, Мошинская врачебная амбулатория, 5 Домов культуры и 5 библиотеки, пожарная часть, Мошинское лесничество, межхозяйственный лесхоз, Няндомское Райпо-2, десяток частных прод- и промтоварных магазинчиков. По территории муниципального образования проходит газопровод — отвод Нюксеница — Архангельск.

Численность населения Моши уже давно и неуклонно снижается, вот последние данные об убыли населения в современных административных границах муниципального образования «Мошинское»:

Численность населения МО «Мошинское»				
2005 ^[4]	2010 ^[5]	2011 ^[6]	2012 ^[7]	2013 ^[1]
2832	↘2249	↘2243	↘2158	↘2046

2014 ↘1972

По официальному муниципальному списку 21 деревня числится на бумаге, в реальности уже не имея ни одного жителя (данные 2010 г.). В 2014 г., по новейшим муниципальным данным, число деревень без жителей увеличилось до 29; 45 деревень имели 10 и менее жителей; 32 деревни имели от 11 до 50 человек жителей; 5 деревень имеют более 50 жителей.

В среднем на одну мошинскую деревню в 2014 г. приходится 9 жителей. Напомним, что в 1894 г., по данным Олонецкой переписи, на 1 деревню приходилось 54 человека — в 6 раз больше.

Особенности поселенческих ответвлений Моши

У нас нет возможности описать, хотя бы кратко, все 103 деревни, поэтому обратимся к описаниям отдельных поселенческих ответвлений и веточек мошинского куста. В нашу обзорную выборку вошли лишь три селения, расположенные исключительно по берегам озера Моши: два из которых Погостище и Макаровская — это исторический и современный центры, а деревня Казаковская является типичной из многочисленных мошенских дачных деревень.

Погостище

Все местные жители с особым уважением отзываются о деревне Большой двор и еще нескольких маленьких деревнях вокруг, расположенных на Юго-Восточном побережье Моши при впадении в это озеро речки Шарьга. Вся эта местность, состоящая из нескольких деревень, носит название Погостище, что расшифровывается как «Погости еще».

Это самая древняя, впервые заселенная мошинская территория. Именно здесь из озера Моша по окрестным речкам пробирались новгородские волоки. Ленинградские археологии в 1960-е гг. открыли на Погостище древнейшую стоянку первобытных людей. В XIX и XX вв. деревни Погостища были одними из самых богатых. Еще в начале 1970-х гг. на здешних берегах была возведена самая большая животноводческая ферма совхоза Мошинский, но в это же время начинается фатальный экономико-демографический упадок Погостища (в 1970-е гг. закрылась даже школа), переросший в экономическую разруху 1990-х и запустение 2000-х гг.

Главная причина упадка Погостища — невыгодность географического расположения. В век автомобильных дорог стратегическое господство на средневековых речных волоках оказалось никому не нужным его. Советская власть в 1980-х гг. довела дорогу с бетонным покрытием до противоположного берега Моши к своим административным центрам — усадьбе совхоза Макаровская и поселку леспромхоза Заозерный, а до Погостища асфальтовую дорогу не дотянули, за ним простираются лишь лесные речки, ручейки, болота.

Подплывая по Моше к Погостищу, уже издалека можно увидеть безобразные руины бывшего самого большого мошинско-совхозного коровника, напоминающие полуразложившуюся тушу динозавра, состоящую из грязно-желтых железобетонных ребер несущей конструкции и осыпавшейся серой чешуи силикатных кирпичей выщербленных стен.

На Погостище остались еще десятка три старых деревянных дома, два давно закрытых сельских магазина. За два последних года Погостище покинули более 20 человек.

В знак особой древности и почитаемости Погостища на въезде в него в 2012 г. был установлен Обетный крест, на котором выбита первая дата упоминания Волока на Моше.

Макаровская

Село Макаровская — нынешняя административная столица Моши, в ней расположен мошинский муниципалитет.

Макаровская — селение парвеню. Еще полвека назад она была одной из многих обычных деревень и по числу жителей, и по своему экономическому и культурному потенциалу. Но в начале 1960-х гг. Макаровскую определили центральной усадьбой укрупненного совхоза Мошинский, и до конца 1990-х гг. она неуклонно возрастала в численности жителей, сливаясь через строительство новых совхозных домов с окрестными мелкими деревнями. Фактически только в Макаровской есть асфальт не на одной центральной, а еще на нескольких близлежащих улицах. В подавляющем большинстве Мошинских деревень асфальта нет совсем, в нескольких деревнях асфальтом покрыта лишь центральная улица, от которой идет путь к райцентру.

Расположенная в центре западного берега Моши, Макаровская, когда подплываешь к ней на лодке, выглядит довольно симпатично. Среди сосен виднеются двух- и одноэтажные дома, покрытые разноцветными крышами из современных материалов. На первой же улице этого песчано-соснового побережья находятся относительно старое двухэтажное деревянное здание сельской администрации, напротив него — относительно новое панельно-железобетонное двухэтажное здание конторы совхоза Мошинский, в котором сейчас на втором этаже размещается правопреемник обанкроченного совхоза — ОАО «Агропромышленная компания», а на первом этаже — несколько магазинчиков и отделение Сбербанка.

В одну сторону от главных административных зданий тянутся несколько двухэтажных, барачного вида домов, построенных для рабочих лесоразработок первых советских пятилеток, за ними — пустырь, где недавно появилась детская площадка, рядом с ней стоят каменные одноэтажные здания клуба, продуктового магазина и почты.

В другой стороне находится своеобразная торговая площадь. Это несколько деревянных лотков местного рынка, где торгуют одеждой и овощами, три продуктовых и один хозяйственный магазины, у входа в которые любят посидеть ленивые и задумчивые

местные полудомашние, полубродячие собаки. На одной из отходящих от площади дорог расположено несколько двух- и трехэтажных панельных жилых домов, возведенных совхозом в 1980-х гг., за ними — силикатные строения бывших совхозных автомастерских, пожарной части, кладбище, полуразрушенные здания фермы, склада, весовой и т. д. В центре этой композиции срублена часовня, за которой маячит вышка мобильной связи МТС. Кладбище, избы, совхозные руины, часовня и ретрансляционная вышка являются собой типичный образец нынешнего северно-нечерноземного постмодерна.

Напротив сквера, где установлен памятник воинам, погибшим в Великую Отечественную войну, расположена двухэтажная школа, построенная из железобетонных панелей в 1980-х гг. Рядом — парикмахерская, далее приходится пробираться через лабиринты домов поразительного разностилья: то руины сгоревшей избы, то особняк с высокой треугольной крышей в голландском стиле, покрытый сайдингом, такой не отличишь от подмосковных коттеджей. Наблюдается в Макаровской и разностилье-разноцветье заборов, наряду с традиционными штaketниками все больше становится глухих металлических заборов самых разнообразных оттенков.

В некоторых дворах стоят подержанные трактора, как правило «Белорусы», среди автомашин доминируют различные отечественные «Лады», хотя попадаются и подержанные иномарки. Есть и совершенно заброшенные старые избы, в которых, кажется, никто уже не живет. А рядом с дорогой встречаются полупроржавевшие старые, советских времен, автомобили.

Удивительно в Макаровской и разнообразие приусадебных участков: от образцово возделанных до полностью запущенных. Некоторые хозяева мастерят из пластиковых отходов игрушки, создают композиции, украшения для детей и устанавливают их на участках.

Встретили мы и местную амбулаторию, расположившуюся в большом старом и красивом деревянном здании начала XX в. Рядом с амбулаторией стоит старая «буханка» скорой помощи.

Спонтанные беседы в очередях среди макаровских покупателей и продавцов выявляют повседневные заботы местной жизни — работы особо нет, транспортно-ремонтное предприятие вот-вот закроют, в Мошинской муниципальной администрации сокращения из-за того, что всю местную культуру (клубы + библиотеки) передают под управление и финансирование непосредственно из райцентра. Неплохо развивается «Агропромышленная компания», она даже собирается строить дома для новых специалистов. Впрочем, по числу занятых ей еще далеко до бывшего совхоза.

Одновременно очередь удивляется: работы в Макаровской нет, но у жителей откуда-то есть деньги...Продавец уточняет, что выручка летом в магазинах больше зависит от покупательной способности дачников, но дачников в этом году чего-то меньше, чем обычно. А в поселке Заозерном (втором по населенности после Моши) совсем худо, уже как два года там все производство застопорилось, и работы нет никакой...

В итоге большинство деревень вокруг Макаровской имеет теперь исключительно дачный характер. Зимой жизни в этих деревнях нет совсем, последние обитатели вымерли или были вывезены своими детьми или социальными службами доживать свой век в городских семьях детей или в казенных домах для престарелых. Типичным образцом такой деревни на Моше является расположенная в 3 км от села Макаровская деревня Казаковская.

Казаковская

Когда-то и в этой деревне всю шумела сельская жизнь, о чем свидетельствует даже ее колоритное название. Казаков на берегах Моши никогда не было, но вот водку-казенку продавали с царских времен именно в этой деревне. Здесь же, по сведениям старожилов, всегда было много коз. Корни слов казенка и козы сложились в названии деревни Казаковская. Деревня никогда не была большой. В свои лучшие времена она состояла не более чем из 15 домов. Сейчас осталось четыре жилых дома, два дома заколоченных нежилых и несколько деревянных руин. В обитаемых домах Казаковской запечатлена удивительная сельско-дачная структура российского Нечерноземья.

Один дом принадлежит семье железнодорожника на пенсии из районного центра Няндомы.

Второй дом — самый старый и самый просторный-красивый, с драматической социальной историей XX в. Изначально он был построен как дачный, богатой городской семьей накануне Революции, в советские годы в доме находились по очередности: сельсовет, клуб, школа, дом для тунеядцев типа поэта Бродского, сегодня — это дача семьи художников из Архангельска.

Третий дом принадлежит многодетному семейству дачников из райцентра Няндомы, чьи дети теперь проживают в Москве и Санкт-Петербурге.

Наконец, владелец четвертого дома — житель села Макаровская, мечтающий перестроить его в гусиную ферму, благо что для водоплавающей птицы Мошинское озеро плещется в 30 шагах от дома.

Летом к обладателям этих домов-дач часто приезжают на длительные сроки отдохнуть родственники и друзья из самых раз-

ных городов и весей Российской Федерации. Дачники возделывают свои приусадебные участки с картошкой и овощами, ягодами и плодовыми деревьями, купаются на озере и ловят в нем рыбу, собирают ягоды и грибы на окрестных лесных полянах.

Удивительным образом большинство дней рождений хозяев дач, а также их детей выпадает на летние месяцы. Празднование дней рождения почти превращается в праздник всей деревни, когда соседи приглашают друг друга в гости, с выпивкой, музыкой и волейболом на центральной и единственной поляне деревни. Участники вспоминают прожитые вместе летние четверть века (ведь дома здесь стали покупать под дачи с конца 1980-х гг.), а также добрым словом последних коренных обитателей Казаковской, ушедших из жизни в последние два десятилетия.

После одного из таких праздников десятилетний внук дачника художника спросил своего папу: «А сохранится ли деревня Казаковская дальше?» Отец ответил, что они с мамой хотели бы поддерживать этот дачный образ жизни, но вот, что будет, с Казаковской, когда их сын и дочь станут большими? Сын ответил: «Я с сестрой, тоже хочу сохранить Казаковскую, но беспокоюсь, захотят ли ее сохранить наши дети и внуки...»

Жизнедеятельность муниципалитета

Мошинское включает в себя больше деревень, чем любое другое муниципальное образование Архангельской области (более 100). Оно было создано в 2006 г. путем слияния трех сельсоветов Мошинского, Канакшанского и Воезерского.

Главе Мошинского муниципалитета 45 лет. Сам он местный. По окончании в 1992 г. Вологодского сельскохозяйственного института вернулся на родину, где в условиях кризисного сокращения рабочих мест в сельском хозяйстве переквалифицировался в участкового милиционера, проработав в этой должности лихие 90-е и начало 2000-х гг. На этой должности ему удалось как следует ознакомиться с бытовыми и криминальными проблемами Моши. Как, пожалуй, и большинство глав сельских муниципалитетов Российской Федерации, он озабочен серьезным дефицитом муниципального бюджета (дефицит более 80 %) и тяжелой ситуацией в жилищно-коммунальном хозяйстве. Одно время газовое предприятие газопроводной ветки, проходящей через территорию МО Мошинское, платило налоги непосредственно в бюджет муниципалитета. Но из-за того что налоговые правила изменились, Мошинский муниципальный бюджет в значительной степени оскудел, составив в 2013 г. 17 млн руб. Впрочем, для сельских муниципалитетов Русского Севера эта сумма не такая уж и малая. Ее основ-

ные статьи расходов: 7 млн руб. — на ЖКХ, 6 млн — на зарплату служащих муниципалитета, 4 млн — на местную культуру и все остальное.

По словам главы муниципалитета, его главная задача заключается в удержании территории для проживания мошинских жителей, ведь МО Мошинское по площади чуть меньше великого герцогства Люксембург.

Обитаемая мошинская территория состоит из так называемых 10 анклавов — ответвлений мошинского поселенческого куста, каждый из которых включает в себя, в свою очередь, около десятка деревень: Макаровская, Икса, Воеозеро, Мереньга Канакша, Анташиха, Погостище, Лимь, Заозерный, Заболотье. Между и внутри анклавов муниципалитету приходится поддерживать дорожную сеть (только частично асфальтированную) во все времена года. Особенно много хлопот осенью, зимой и весной. В весенне-осеннюю распутицу многие дороги становятся непролазными — непроезжими. Зимой много сил и средств уходит на расчистку дорог от снега, особенно в направлении одиноких, удаленных деревень.

Несмотря на то что по Мошинской территории проходит газопровод, местные селения не газифицированы. Частный сектор отапливается дровами, а муниципальные и государственные объекты — от котельных, работающих на мазуте. Большинство котельных старые, неэкономичные, требующие ремонта.

Глава муниципалитета стремится всячески поддерживать социальную активность сельских жителей. Так, несколько лет назад в каждом из 10 анклавов были установлены празднования дня села с учреждением герба каждого из сел. Например, герб села Макаровская — столицы Мошинской — это щит с изображенными на нем на зеленом фоне соснами, на желтом фоне трактором и на голубом фоне шуки.

В шести клубах и шести библиотеках Моши регулярно проводятся культурные мероприятия и собрания местных жителей. Особое направление деятельности главы — организация брендов Мошинской земли для привлечения интереса к развитию Мошинской территории. В кабинете у главы находится красочный плакат с фотографиями местных достопримечательностей — брендов:

- Матъозеро, на берегах которого в начале XX в. доживала свой век по местной легенде, последняя представительница коренного финно-угорского племени;
- соляной источник, обнаруженный во время поискового бурения нефти в этих местах в 1939 г. — во время войны многие жители добывали из этого источника тогда бесценную соль;

- Манушкин остров — самый большой остров Моши, его территорию собирается взять в аренду местный предприниматель, хочет построить здесь туристические домики, превратив весь остров в зону отдыха;
- краеведческий музей в макаровской школе;
- старобрядческая деревня Лимь;
- православный фестиваль «Благодатное небо Моши»;
- церковь на Ильинском острове и церковь в Воеозерове;
- навесной мост в Охтоме;
- древняя живописная дорога Мехреньга — Шиханово;
- уникальная березовая роща, где на полутора сотках растут вперемешку одно-, двух-, трех-, четырех-, пятиствольные березы;
- уникальная сосна, растущая на берегу реки Конокшанки под немислимым углом вопреки всем законам физики.

Как утопающий хватается за соломинку, так глава муниципалитета держится за любую культурную и природную достопримечательность Моши для привлечения к ней внимания, а возможно, и ресурсов со стороны местной и областной общественности, районной и областной власти.

Несмотря на такую разностороннюю деятельность, главе часто приходится попадать под огонь критики как сверху, так и снизу. Что касается критики со стороны государственных органов власти, то речь идет о многочисленных исполнениях все возрастающего количества правил бюрократической отчетности и безопасности: противопожарных, экологических, финансовых и т. д.

Мошинский муниципалитет постоянно попадает под критику экологов за увеличивающееся количество несанкционированных свалок мусора по всей Мошинской территории. Как объясняют сами мошинские граждане, по сравнению с советскими временами повседневного дефицита и скудного ассортимента, в настоящее время и на берегах Моши все сильнее чувствуется экспансия общества потребления, оставляющего после себя горы синтетического мусора.

Главу муниципалитета и его аппарат критикуют из райцентра и области за несвоевременное и путаное представление финансовой отчетности, которую очень трудно подготовить точно и в срок малоквалифицированным сотрудникам Мошинского муниципалитета в условиях постоянно меняющихся правил муниципально-финансовой отчетности.

Из-за бюрократических препон в муниципалитете также туго, как, впрочем, и по всей России, решаются вопросы землепользования и землевладения: выделение и оформление земельных паев,

сделки по купле и продаже земли. Много нареканий вызывает неспособность муниципалитета из-за финансовых затруднений обеспечить поддержку и развитие социальной инфраструктуры Моши. Например, два стареньких автомобиля Скорой помощи «УАЗ — буханка» и «Газель» часто из-за плохих дорог опаздывают с оказанием медицинской помощи в отдаленные Мошинские поселения. Да и в целом низкую социальную активность большинства жителей Моши сами граждане связывают прежде всего с индифферентной деятельностью муниципалитета.

Несмотря на всю подобного рода критику, глава МО Мошинское был недавно переизбран на второй четырехлетний срок. В его планы на будущее входят газификация муниципалитета, а также расширение социальной активности местного населения через развитие брендов Моши. В этой административно-хозяйственной и социо-культурной деятельности глава муниципалитета тесно сотрудничает с местными аграрным предприятием и церковью.

Жизнедеятельность аграрного предприятия

Крупные аграрные предприятия с советских времен колхозов и совхозов играли чрезвычайно важную роль в сельской местности, являясь фактически селообразующими предприятиями, поддерживавшими сельскую социальную инфраструктуру и находясь в симбиотических отношениях с личными подсобными хозяйствами населения. Такова была и роль совхоза «Мошинский» для сельской местности Приморья. В пору своего расцвета совхозу принадлежало 12 тыс. га сельхозугодий. В нем работали около 2000 человек. Направление хозяйства было мясо-молочное. В совхозе имелось несколько молочно-товарных ферм и собственный масло и сыродельный завод. В 2001 г. совхоз окончательно обанкротился.

Остатками его имущества стал распоряжаться молодой конкурсный управляющий, который вскоре на руинах обанкротившегося совхоза создал небольшое предприятие ООО «Агрофирма». За прошедшее десятилетия предприятие неуклонно набирало обороты. Надои молока возросли с 3–4 тыс. литров в 2008 г. до 6–6,5 тыс. литров в 2013 г. На двух фермах предприятия содержатся 250 коров, обрабатываются 2000 га земли, работают 70 человек. Конечно, ООО «Агрофирме» по своим абсолютным размерам еще далеко до совхоза «Мошинский», но в северной местности, пожалуй, никогда и не нужны были такие большие предприятия, как советские совхозы. Руководитель «Агрофирмы» — молодой, энергичный человек, по своему первоначальному образованию учитель, впо-

следствии получивший второе аграрно-экономическое образование. Несмотря на то что ООО «Агрофирма» входит в тройку самых устойчивых и успешных аграрных предприятий Няндомского района, ее руководитель настроен очень критически к социально-экономической ситуации в сельском хозяйстве и текущей аграрной политике.

В своем интервью руководитель ООО «Агрофирмы» четко и системно обозначил ряд ключевых проблем, стоящих как перед его предприятием, так и перед многими предприятиями России. По его мнению, развитие предприятия и в целом сельского хозяйства России блокируется запутанной и противоречивой политикой землеустройства и лесоустройства. Например, до сих пор на территории МО Мошинское только несколько участков земли оформлены по всем правилам российского земельного законодательства. Остальная совхозная земля, формально поделенная на земельные пай, реально находится в бесхозном, ничейном состоянии. В результате почти 2000 га земли «Агрофирмы» обрабатываются фактически на птичьих правах. Земельные пай и участки не оформлены ни по каким правилам российского законодательства, и их чрезвычайно трудно оформить как гражданам Моши, так и самому агропредприятию. Из-за этого не разработаны процедуры договора на аренду земельных паев граждан агропредприятием. Наоборот, в результате землеустроительной неразберихи и некомпетентности к ООО «Агрофирме» возникло уже несколько частных судебных исков граждан, обвиняющих в присвоении и обработке их земли.

На Русском Севере и семьи и предприятия занимались сельскохозяйственной деятельностью, комбинируя ее с деятельностью лесопромышленной. ООО «Агрофирма» также занимается рубкой и вывозкой леса, имея на это соответствующую лицензию. Но и здесь из-за нечеткой лесоустроительной политики «Агрофирма» сталкивается с юридическо-экономическими проблемами. Столь запутанная ситуация в землеустройстве и лесоустройстве России требует постоянного присутствия юристов-профессионалов, которых могут позволить себе нанять только очень богатые крупные компании, например, агрохолдинги. В последнее время ООО «Агрофирма» также смогла нанять себе достаточно квалифицированного юриста. С его помощью удалось оформить в собственность ООО «Агрофирмы» 11 га земли под заново реконструированной молочной фермой на 200 голов скота. Но остальная земля, обрабатываемая «Агрофирмой», так и остается бесхозной.

Другая важнейшая проблема, стоящая перед «Агрофирмой» — сельскохозяйственные кредиты. Например, Россельхозбанк пред-

почитает в основном выдавать только большие кредиты для крупных агропредприятий. В результате такой политики кредитования в Няндомском районе были выданы миллиардные кредиты на реконструкцию и развитие Няндомской птицефабрики, в последнее время контролировавшейся Петербургским агрохолдингом «Ого». Год назад эта компания со скандалом обанкротилась, ее руководство сбежало за границу. Были обанкрочены и птицефабрики, принадлежавшие компании «Ого», в том числе Няндомская птицефабрика.

Из-за разразившегося скандала было закрыто отделение Россельхозбанка в Няндомском районе. Таким образом, львиная доля сельскохозяйственных кредитов ушла крупным агропредприятиям в ущерб остальным хозяйствам, так нуждавшимся в кредитах.

По мнению руководителя мошинской «Агрофирмы», отечественный сельскохозяйственный кредит и Россельхозбанк, и Сбербанк труднодоступны, маловыгодны. Например, мошинской «Агрофирме» предлагают заняться картофелеводством. Направление это действительно выгодно, но для его реализации «Агрофирме» требуется кредит в 20 млн руб., который непонятно где и на каких условиях можно получить.

Большую работу проводит «Агрофирма», как и полагается наследнице советского совхоза, а по поддержанию социальной и культурной инфраструктуры Моши. Ее трактора и автомобили регулярно участвуют в расчистке зимних дорог от снега. Предприятие также помогает в латании разнообразных дыр в жилищно-коммунальном хозяйстве, прежде всего в починке обветшавшего водопровода. «Агрофирма» постоянно выделяет деньги для проведения местных праздников и культурных мероприятий. Один из последних проектов поддержки — помощь в сооружении зимней ледовой площадки и покупки хоккейной формы для команды мошинских школьников.

Жизнедеятельность церкви

Многие территории Русского Севера осваивались благодаря подвижнической деятельности священнослужителей православной церкви. Озеро Моша — Никольское к началу XX в. представляло собой в значительной степени культурно-хозяйственно обжитую территорию православной церкви.

В первые десятилетия советской власти церковный уклад был на Моше разрушен до основания. Большинство церквей были уничтожены, многие священники репрессированы. В постсовет-

ское время происходит реставрация церковного уклада в России, в целом, и на Русском Севере, в частности. Особо важную хозяйственную и культурную роль церковь может играть в таких отдаленных и депрессивных районах, как Моша. Что мы и наблюдаем благодаря подвижнической деятельности няндомского священника отца Сергия, матушки Ларисы и всей их многодетной семьи.

Отец Сергий появился на мошинских берегах семь лет назад. На тот момент один каменный храм и две деревянные часовни находились в полуразрушенном состоянии, и у местного населения почти полностью отсутствовали знания и практики православной жизни. Отец Сергий начал свою фактически новую миссионерскую деятельность с создания общины религиозных верующих прихожан на Моше. Вокруг него собралось 10–12 в основном пожилых местных жителей, старушек, — затем сеть деятельных религиозных жителей стала понемногу расширяться, включая в себя прихожан среднего и молодого возрастов.

Религиозная община собиралась в двухэтажном деревянном бараке села Макаровская, построенного еще до войны. Кроме соблюдения календаря православной жизни и праздников священник поставил перед своими бедными и маломощными прихожанами сверхзадачу — восстановить каменную церковь на Ильинском острове.

Ильинский остров был центром культурно-религиозной жизни Моши в начале XX в. Именно здесь находились две каменные церкви и церковно-приходское училище. В советское время одна церковь была разрушена и разобрана на кирпичи. Церковно-приходская школа была превращена в общеобразовательную школу. Каменный храм долгие десятилетия использовался как склад, который после распада советской власти и банкротства совхоза фактически стал ничейным сооружением, пришедшим в полную негодность. В храме не осталось ни пола, ни потолка, ни дверей, ни окон, а лишь толстые каменные стены. Бедному, почти нищему православному приходу предстояло восстанавливать этот храм заново.

За пять лет и храм, и территория вокруг него преобразились благодаря субботникам, устраиваемым мошинской религиозной общиной, пожертвованиям членов общины, их родственников и друзей, а также поддержке муниципальных и государственных органов власти Няндомского района и Архангельской области. К лету 2013 г. храм стал пригоден для религиозной жизни и службы.

Теперь со свежевыбеленными изнутри и снаружи стенами, с новыми деревянными полами и новой ярко-синей крышей и пятью куполами, возвышающимися над ней, церковь на Ильин-

ском острове представляет собой опять, как и в старые времена, главную архитектурно-культурную доминанту озера Моша. Причем в значительной степени окультурено и пространство всего Ильинского острова (полуострова). Рядом с церковью возведены гостеприимный дом (церковная гостиница), дом священника. Разбита цветочная оранжерея, деревянная, уменьшенная копия беседок-оранжерей Царскосельских дворцов под Санкт-Петербургом, а в центре Ильинского острова перед церковью организована площадка со сценой для проведения фестиваля православной культуры «Благодатное небо Моши».

Фестиваль проводится уже третий год. На него съезжаются ансамбли народной песни Архангельской области, районное и областное руководство, представители землячеств местных территорий. По мнению главы МО Мошинское, фестиваль становится главным брендом Моши, привлекающим к себе внимание государственных чиновников, деловых людей и активистов-общественников Архангельской области.

Священник особое внимание уделяет проповеднической, воспитательной деятельности среди подрастающего поколения. Он выступает с открытыми уроками православия в мошинских школах, в организованном им православном детском лагере. Дети, кроме изучения основ православия, участвуют в культурных и спортивных мероприятиях, ходят в походы по местным лесам, речкам и озерам.

В августе 2014 г. отец Сергий вновь открыл чудом сохранившийся деревянный храм в селе Воезерово. На открытии присутствовали местные жители и дачники села Воезерово.

Жизнедеятельность ТОСов

На территориях Русского Севера всегда большое значение имела возможность самоорганизации сельских жителей. В принятом в 2003 г. Федеральном законе № 131-ФЗ «О местном самоуправлении» предусматривается возможность создания ТОС — территориального общественного самоуправления. Их задача — аккумулировать местную инициативу граждан в решении насущных повседневных проблем муниципального благоустройства. Подобного рода активистская деятельность инициативных групп граждан, конечно, может быть успешной при эффективной поддержке муниципальной и областной власти.

Такую поддержку развитию местного ТОС-движения стремится оказывать архангельское областное и районное руководство. В Ар-

хангельской области разработаны специальные программы финансовой поддержки ТОСов. В рамках этих программ ТОСы имеют возможность подавать заявки в район и далее в область на финансирование их местных инициатив, как-то: ремонт и строительство дорог и мостов, культурных и религиозных сооружений, детских и спортивных площадок, проведение общественных праздников и торжеств.

На Моше первый ТОС был создан в 2010 г. усилиями легендарного председателя Мошинского сельсовета 1980–1990-х гг. Зинаиды Корниловны Поповой, чрезвычайно много свершившей для развития социальной и культурной сферы Моши. Подав в отставку в середине 1990-х гг. с поста председателя сельсовета, заявив, что в тогдашних условиях она не имеет возможности эффективно исполнять обязанности местного самоуправления, Попова организовала в закрываемой школе образцовый детский дом межрайонного значения. Выйдя на пенсию в середине 2000-х гг., Попова первая на Моше обратила внимание на возможности развития ТОСов и создала первый ТОС в селе Макаровская, который построил для детей детскую и спортивные площадки. Памяти Зинаиды Корниловны Поповой, умершей два года назад, на детской площадке установлена памятная гранитная доска со словами благодарности ней от граждан Моши.

За первым последовало создание еще нескольких ТОСов в нескольких деревнях мошинской округи. ТОСы построили два моста через речку Икса и речку Охтомица. ТОС села Погостище установил памятный обетный крест первому заселению на Моше. ТОС Никольский, состоящий в основном из прихожан местной православной общины, провел большую работу по благоустройству территории вокруг храма, обновил старую церковную ограду и отремонтировал дорогу через дамбу, ведущую к церкви. Три ТОСа построили или реконструировали деревянные часовни в своих деревнях. ТОСы совместно с Союзом ветеранов Моши принимают активное участие в организации и проведении коллективных праздников.

По мнению некоторых респондентов, ТОСы вносят даже больший вклад в развитие местной самоорганизации, чем муниципалитет. Одна из причин успешного развития ТОСовского движения не только на Моше, но и по всей Архангельской области заключается в удачно найденной формуле софинансирования и организации тосовских проектов. В среднем сумма поддержки проекта составляет от 150 до 200 тыс. руб. Выделенная сумма складывается из трех составляющих: 10% — деньги участников ТОСа, 20% — деньги районного бюджета, 70% — деньги области. В сущности,

небольшие суммы каждого проекта находятся под постоянным, прозрачным, многосторонним контролем со стороны ТОСа, района и области, что позволяет эффективно и разумно использовать достаточно скромные средства для достижения важных местных общественных целей.

Противоречия и перспективы мошинской жизнедеятельности

Несмотря на самоотверженную и деятельную заботу многих граждан Моши о ее территории, за последние 10 лет убыль населения в мошинском муниципалитете составила около 800 человек. Правда, по оценкам муниципального руководства, численность населения на Моше увеличивается ежегодно в летний период примерно на 2000 человек благодаря дачникам. Общее число дачников из года в год не уменьшается, а остается стабильным, иногда чуть возрастают.

В нашем исследовании мы постарались особенно подробно описать наиболее энергичные проявления мошинской жизнедеятельности в работе муниципалитета, аграрного предприятия, церкви и ТОСов. На наш взгляд, эти четыре социальных института действуют в среднем более эффективно, чем аналогичные институты в большинстве других регионов Российской Федерации.

Вместе с тем хотелось бы отметить достаточно низкую социальную активность медицинских работников и школьных учителей Моши. Как известно, еще с земских времен врачи и учителя были проводниками самоорганизации в сельской жизни. Не ставя под сомнение достаточно высокий профессиональный уровень врачей и учителей Моши, многие местные социальные активисты упрекали их в замкнутости внутри своих медицинских и образовательных учреждений, в пассивности относительно местных общественно-культурных мероприятий. Впрочем, сейчас эта ситуация становится все более типичной не только для Моши, но и для многих других сельских поселений.

Но, пожалуй, главным негативным фактором, снижающим уровень общественной активности населения, является социально-экономическая и социально-демографическая ситуация. Из Моши продолжается прежде всего отток молодежи. Те же, кто остается, часто не имеют ни навыков, ни сил, ни желания вести активную экономическую и общественную деятельность. Правда, мошинское движение ТОСов, поддерживаемое муниципалитетом, аграрным предприятием и церковью, все-таки за последние годы в значи-

тельной степени расшевелило местную общественную энергию. Многие жители в один голос подчеркивают, что без ТОСов тут все окончательно разрушилось бы и пропало. Вместе с тем и внутри ТОСов мы наблюдаем противоречия, связанные с различием в целях их участников и организаций их поддерживающих.

П. Н. Зырянов

«Школа Сидорова». Воспоминания младшего современника

Павел Николаевич Зырянов (1.03.1943–15.04.2007) принадлежал к числу крупнейших отечественных историков-аграрников. Он не был историком одной темы, им написаны большие работы и по истории церкви, и политической истории России начала XX в., и биографии Столыпина и адмирала Колчака, и замечательные школьные учебники по XIX веку. Однако его имя в историографии прежде всего ассоциируется с книгой по русской крестьянской общине — «Крестьянская община Европейской России, 1907–1914 гг.» (М., 1992), которую он защитил в качестве докторской диссертации в 1994 г. и которая до сих пор служит предметом дискуссий, активного цитирования и источником вдохновения для коллег-историков. С 1992 г. Павел Николаевич являлся одним из активных участников ныне почти легендарных шанинско-даниловских семинаров «Современные концепции аграрного развития» в Интерцентре.

Публикуемые воспоминания записаны им в 1994 г. во время поездки в Японию, там же они были впервые опубликованы (*Acta Slavica Japonica*. Т. XIII. Sapporo. 1995. P. 256–271; <http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/8089/1/KJ00000034054.pdf>). Благодарим Университет Хоккайдо за разрешение на переиздание.

Эти воспоминания — об Институте истории СССР, ныне Институте российской истории РАН, в который П. Н. Зырянов пришел аспирантом в 1969 г. и проработал в нем до конца жизни. Перед читателем проходит галерея — не портретов, скорее легких карандашных зарисовок: И. Ф. Гиндин, К. Н. Тарновский, П. В. Волобуев, В. И. Бovyкин, А. Я. Аврех и другие видные историки-«капиталисты», занимавшиеся в годы оттепели и застоя поисками причин российских революций начала XX в. «Школа Сидорова» — этим понятием объединяет их мемуарист, для которого они были учителями и старшими коллегами. Многие из них входили в так называемое «новое направление», ставшее самым ярким явлением советской истори-

ческой науки конца 1950-х — начала 1970-х гг. Они пытались освободиться от догм сталинского «Краткого курса». Пытались осмыслить социально-экономические особенности царской России, которые, по их убеждению, должны были предопределять и особый характер большевистской Октябрьской революции, не похожей на классические буржуазные революции в странах Запада, и особый, социалистический, путь страны в XX в. Их главной идеей была «многоукладность» российской экономики. Особенности они усматривали в насаждении промышленности (капитализма) в России государством, а также в преобладании «докапиталистических» отношений в деревне. В своих поисках они опирались на Ленина, потому что другой интеллектуальной почвы не знали и потому что иначе в то время было нельзя. Момент решающего личного выбора для них настал в начале 1970-х, когда «новое направление» подверглось административному разгрому и травле.

Думается, П. Н. Зырянову удалось прекрасно передать свои ощущения духа того, брежневского, времени в нашей исторической науке, когда условия работы и мышления историков определялись цензурой, идеологической монополией марксизма-ленинизма и партийного аппарата. Мемуары вышли очень личными, автор не скрывал своего отношения к коллегам и не щадил самолюбия многих тогда еще живых. Со страниц воспоминаний звучат тонкая ирония и сарказм по поводу бывших «незыблемых» догм и сломанных вокруг них копий. В этом отразился дух уже нового времени, 1990-х гг., с их ощущением свободы от затхлого, надоевшего прошлого, которое ушло и, казалось, никогда не должно вернуться.

Текст приводится с сохранением всех особенностей оригинала. В примечаниях даются краткие биографические сведения об упоминаемых лицах и некоторые уточнения.

Публикацию подготовил И. А. Кузнецов

* * *

В 50 лет садиться за мемуары, наверно, еще рановато. Но от запросов времени нельзя отмахиваться. Попросят рассказывать о Столыпине — надо рассказывать о Столыпине. Попросят рассказать о себе — тоже надо рассказывать. Вот и Вада-сенсей, когда я был в Токио, усадил меня в укромном месте, включил микрофон, и я рассказывал, кажется, больше часа.

Я, конечно, понимаю, что тут дело не только и не столько во мне. Не столько я интересен, сколько окружавшие меня люди, извест-

ные зарубежным коллегам по их книгам, но гораздо меньше как живые люди. Интересна и та эпоха, которая тогда казалась бесконечной, а потом вдруг неожиданно закончилась, эти, выражаясь есенинским языком, «слишком такие недавние, отзвучавшие в сумрак года».

Поэтому и начну я не с рассказа о себе, а с небольшой историографической справки. Все мы, кто сдавал так называемый «кандидатский минимум», в числе других книг обязаны были одолеть трехтомный труд Петра Ивановича Лященко «История народного хозяйства СССР». Конечно, мало таких героев, кто одолел этот труд от корки до корки. Я к сей доблестной когорте не принадлежу, хотя общее представление о книге имею и с годами отношусь всё с большим почтением и к ней, и к её автору.

Лященко — экономист старой русской школы. Он был приват-доцентом Петербургского университета, профессором Томского, а затем стал членом-корреспондентом Академии Наук СССР. До революции он написал такие книги, как «Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика», «Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России», а в 1925 г. вышла его монография «Очерки по аграрной эволюции России»¹.

«История народного хозяйства СССР» была издана незадолго до начала войны и затем неоднократно переиздавалась. Одно из её достоинств состоит в том, что она хорошо сбалансирована. Каждый сектор экономики занимает в ней примерно такое место, какое он занимал в действительности. В том числе есть и небольшой раздел о монополистическом капитализме в России.

Лященко умер в 1955 г., и сейчас уже немного осталось людей, кто знал его в жизни. Мне о нём рассказывал мой учитель И. Ф. Гиндин². Даже показывал его письмо, написанное в разгар борьбы с «космополитизмом». Иосиф Фролович оказался одной из жертв этой кампании, и Лященко выражал ему сочувствие.

Ещё одна историографическая справка — об Аркадии Лавровиче Сидорове. Свой жизненный путь он начинал в 1919 г. как комсомольский работник, затем получил образование в Коммунистическом университете им. Свердлова и Институте красной профессуры, ряд лет находился на партийной работе. В 1937 г. он перешел на научно-педагогическую работу, в 1948–1952 гг. был

¹ В 1925 г. «Очерки аграрной эволюции России» П. И. Лященко (1875 или 1876–1955) вышли 4-м изданием; первое издание было в 1908 г.

² Гиндин Иосиф Фролович (1900–1980) — историк-экономист, в 1956–1973 гг. работал в Институте истории / Институте истории СССР АН СССР; канд. экон. наук (1946), д-р ист. наук (1960).

проректором МГУ, а в 1953–1959 гг. возглавлял Институт истории. Умер он в 1966 г.¹

Сидорова я ни разу не видел. Его ученики всегда восторженно о нем отзывались (см.: К. Н. Тарновский «Путь учёного», — Исторические записки, 1967, т. 80)². Но И. Ф. Гиндин, который был его ровесником, говорил о нем довольно сдержанно. По его словам, Сидоров не смог или не захотел избавиться от замашек политработника — партийно-пропагандистский уклон чувствовался и в его научной работе.

До войны Сидоров специализировался в основном на критике своего учителя М. Н. Покровского³. Однако в 1940 г. в журнале «Проблемы экономики» промелькнула его рецензия па книгу Лященко — «Ценная книга по истории народного хозяйства».

Трудно сказать, можно ли включать А. Л. Сидорова в число тех чемпионов, которые прочитали эту «ценную книгу» от начала до конца. Но раздел о монополистическом капитализме был прочитан и, как говорится, запал в душу. Острый ум партийного пропагандиста сразу уловил возможность подкрепить на русском материале ленинское учение об «империализме как высшей и последней стадии капитализма» и победоносно выехать на доказательство закономерности и неизбежности Великой Октябрьской социалистической революции. Ибо поиском предпосылок Великого Октября было занято не одно поколение советских историков.

Отныне Покровский с его ошибками был оставлен в покое, и всё внимание А. Л. Сидорова переключилось на российский монополистический капитализм. Причем сбалансированный подход Лященко вскоре стал вызывать недовольство, и старый ученый был подвергнут суровой критике за недооценку уровня развития российских монополий.

Судя по всему, Сидоров был талантливым педагогом. В университете вокруг него сложился кружок, состоявший из очень одаренной молодежи. Оказавшись на посту директора Института истории, Сидоров многих из них перетянул к себе. Так в Институте оказались А. Я. Аврех, А. М. Анфимов, В. И. Бовыкин, П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, М. С. Симонова, К. Н. Тарновский. Для всех них Сидоров навсегда остался божеством. Но божество неодинаково относилось к своим почитателям. Судя по некоторым моим

догадкам, любимым учеником Сидорова был Тарновский¹. Он всегда старался держать его поближе к себе. Это вызывало чувство ревности у других учеников, в первую очередь, как мне кажется, у Бовыкина². Двое из учеников Сидорова — Бовыкин и Волобуев³ — обнаруживали административную жилку, или, говоря проще и грубее, — карьерные наклонности. Самым же талантливым педагогом был, пожалуй, всё же Бовыкин.

В литературной критике того времени закрепилось выражение «литература лейтенантов». Так называли поколение писателей, прошедших через войну младшими офицерами и заявивших о себе где-то в конце 50-х — начале 60-х годов. Но была и «историография лейтенантов». Аврех⁴, Анфимов⁵ и Тарновский пришли в университет в военных шинелях. Не могу сказать, как обстояло дело у Волобуева и Гефтера⁶. Но Бовыкин не воевал — это точно. Помоему это давало друзьям повод смотреть на него несколько свысока, а у него вызывало ответные эмоции. Вообще-то мне кажется, что личная неприязнь часто опережает расхождения во взглядах. Впрочем, всё это выяснилось много позднее, а тогда, в середине 50-х годов, «школа Сидорова», действуя дружно и напористо, овладела Институту истории, как большевики Зимним дворцом, и заняла в нём доминирующие позиции, потеснив старичков и старушек, долгие годы тихо занимавшихся историей очень отдаленных

¹ Тарновский Константин Николаевич (1921–1987) — выпускник истфака МГУ (1952), с 1959 г. работал в Институте истории / Институте истории СССР АН СССР; канд. ист. наук (1955), д-р ист. наук (1981).

² Бовыкин Валерий Иванович (1927–1998), окончил МГИМО (1949), с 1952 г. преподавал на историческом факультете МГУ, с 1969 г. его основным местом работы был Институт истории / Институт истории СССР АН СССР / Институт российской истории РАН; канд. ист. наук (1953), д-р ист. наук (1967).

³ Волобуев Павел Васильевич (1923–1997), окончил истфак МГУ (1950), в 1955–1974 и с 1989 г. работал в Институте истории / Институте истории СССР/ИРИ РАН, в 1970–1974 гг. — директор Института; канд. ист. наук (1953), д-р ист. наук (1963), член-корреспондент (1970), академик АН СССР (1990).

⁴ Аврех Арон Яковлевич (1915–1988) — выпускник истфака МГУ (1940), с 1954 г. работал в Институте истории / Институте истории СССР; канд. ист. наук (1954), д-р ист. наук (1967).

⁵ Анфимов Андрей Матвеевич (1916–1995) — историк-аграрник, окончил заочное отделение МГУ (1952), с 1956 г. работал в Институте истории / Институте истории СССР/ИРИ РАН; канд. ист. наук (1958), д-р ист. наук (1966).

⁶ П. В. Волобуев и М. Я. Гефтер также воевали, были комиссованы после ранений. Гефтер Михаил Яковлевич (1918–1995) — выпускник истфака МГУ (1941), в 1950–1976 гг. работал в Институте истории/Институте истории СССР, позднее получил известность как диссидент; канд. ист. наук. (1953).

¹ А. Л. Сидоров родился в 1900 г.

² Примечание автора.

³ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) — выпускник Московского университета (1891), ученик В. О. Ключевского, большевик с 1905 г., академик АН СССР (1929), в 1920-е гг. — лидер советских историков-марксистов, в 1930-е гг. его концепции подвергались разгромной критике.

эпох, не имевших никакого отношения к предпосылкам Великого Октября.

Крутой и решительный администратор, Сидоров нередко пересаживал молодых сотрудников с облюбованной ими тематики на ту, которую он считал нужным изучать в первую очередь. Получался своего рода брак по принуждению. Так, административно-волевым порядком в Ленинградском отделении Института истории на изучение банков и монополий была мобилизована целая группа молодежи (Р.Ш. Ганелин¹, В.С. Дякин², Б.В. Ананьич³ и др.). В.С. Дякин, по своей первоначальной специальности — германист, стал изучать германские капиталы в России. Впоследствии он оставил эти проблемы, но к германской истории больше не вернулся, а занимался внутриполитической проблематикой, эволюционируя все ближе к аграрному вопросу.

Тогда же, чтобы ещё более усилить избранное им главное направление исследований, в Институт были приглашены некоторые опытные специалисты со стороны, в частности, И.Ф. Гиндин и С.М. Дубровский.

И.Ф. Гиндин закончил экономический факультет Петроградского политехнического института. Через своего учителя А.В. Венедиктова⁴ он был связан со старой школой русских экономистов. Конечно, он давно перековался в марксиста, но при этом не утратил живой ум и ту цепкость глаза, которая характерна для настоящего исследователя. Поэтому его работы всегда как-то подозрительно не вписывались в существующие трафареты, и у бдительных критиков рождалось желание наклеить на него какой-нибудь ярлык. Чаще всего на Иосифа Фроловича навешивалось обвинение в «гильфердинговщине». В начале 30-х годов Гиндин был

арестован, несколько лет провел в заключении¹, а затем, находясь на полусвободном положении, заведовал финансовой частью нескольких гулаговскихстроек, начиная от Беломорско-Балтийского канала и кончая Челябинским металлургическим заводом.

После войны И.Ф. Гиндин вернулся в Москву, несколько лет преподавал в Московском финансово-экономическом институте. Однако в разгар борьбы с «космополитизмом» один из аспирантов написал на него донос, и Иосифу Фроловичу пришлось уйти из института.

В Институт истории Иосиф Фролович перешел из Министерства нефтяной промышленности. К этому времени он был автором трёх монографий, посвященных банковско-финансовой системе дореволюционной России. В Институте истории судьба Иосифа Фроловича не сложилась. Но об этом несколько позднее, когда я перейду непосредственно к своим воспоминаниям.

При всей своей «зацикленности» на проблемах «империализма», банков и монополий, Сидоров понимал, что изучение эпохи должно быть комплексным. Поэтому некоторые из его учеников занялись смежными проблемами. А.М. Анфимов специализировался на аграрно-крестьянских сюжетах, М.С. Симонова приступила к изучению столыпинской аграрной реформы², А.Я. Аврех занялся политической историей третьеиюньской монархии.

Ошибка А.Л. Сидорова, по-видимому, было приглашение С.М. Дубровского, незадолго до этого вернувшегося из ссылки³. В 30-е годы, накануне своей ссылки, он выпустил объемистую книгу о столыпинской аграрной реформе. Пострадал он, как говорили, в результате какой-то склоки, участники которой писали друг на друга доносы. Когда он явился в Институт истории, ему предложили заняться столыпинской аграрной реформой. Эта тема была отнята у Симоновой, которая к тому времени успела опубликовать по ней две большие статьи, не потерявшие научного значения и по сей день. Новая монография С.М. Дубровского о столы-

¹ Ганелин Рафаил Шоломович (1926–2014), окончил истфак ЛГУ (1949), с 1955 г. работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР / Санкт-Петербургском институте истории РАН; канд. ист. наук (1953), д-р ист. наук (1970), член-корреспондент РАН (1991).

² Дякин Валентин Семенович (1930–1994), окончил истфак ЛГУ (1952), в 1956–1958 гг. работал в Институте истории в Москве, с 1958 г. — в его Ленинградском отделении; канд. ист. наук (1956), д-р ист. наук (1970), лауреат Государственной премии СССР (1975).

³ Ананьич Борис Васильевич (р. 1931), окончил истфак ЛГУ (1953), с 1956 г. работает в Ленинградском отделении Института истории АН СССР / Санкт-Петербургском институте истории РАН; канд. ист. наук (1961), д-р ист. наук (1970), член-корр. (1990), академик РАН (1994).

⁴ Венедиктов Анатолий Васильевич (1887–1959) — ученый-правовед и экономист, в 1919–1929 гг. преподавал в Петроградском политехническом институте, затем профессор, декан юридического факультета ЛГУ, академик АН СССР (1958).

¹ И.Ф. Гиндин был арестован в 1930 г. по делу «меньшевистской контрреволюционной организации в Госбанке», освобожден в 1933 г.

² Симонова Марлена Сергеевна — автор работ по аграрной политике самодержавия конца XIX — начала XX вв., канд. ист. наук (1953).

³ Дубровский Сергей Митрофанович (1900–1970) — аграрник-марксист, выпускник Института красной профессуры, в 1920-е гг. преподавал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, был зам. директора Международного аграрного института, членом Крестинтерна, в 1935–1936 гг. — декан истфака ЛГУ, в 1936–1946 — заключенный (СЛОН, Норильлаг), 1949–1955 — ссыльный (Енисейск), после реабилитации с 1956 г. работал в Институте истории АН СССР, д-р ист. наук (1963).

пинской аграрной реформе была издана в 1963 г. Она содержит богатый фактический материал и с этой точки зрения необходима каждому, кто изучает эту тему. Но в идейно-методологическом отношении автор остался на позициях наивного марксизма 30-х годов. Прерванное же исследование Симоновой так и не возобновилось. Не вполне сложилась и дальнейшая её научная судьба. Наука, таким образом, потеряла и интересное исследование, и многообещающего исследователя.

В Институте истории С. М. Дубровский вскоре показал себя настоящим сыном 30-х годов. Огонь его классово-непримиримой критики сосредоточился на двух объектах — на А. М. Анфимове и на памятнике Юрию Долгорукому, что стоит напротив Моссовета¹.

С. М. Дубровский, пожалуй, был первым, кто начал систематически поносить Анфимова за «принижение» уровня развития сельского хозяйства. Свои «филиппики», произнесенные в стенах Института истории, Сергей Митрофанович отсылал в Отдел административных органов ЦК КПСС, в ведении которого находился КГБ. В обобщенном и сильно смягченном виде они вошли в его книгу о столыпинской реформе.

Юрий Долгорукий был избран мишенью для нападок потому, что для Дубровского он олицетворял ненавистное ему имперско-полководческое начало 40-х годов, когда прославляли великих князей, полководцев, некоторых царей (Ивана Грозного, Петра I). Сергей Митрофанович же был верен бунтарско-революционному духу 20–30-х годов, когда все цари и их полководцы считались угнетателями, а прославлялись Степан Разин, Иван Болотников, Пугачёв, Ленин и его соратники.

До революции на месте Юрия Долгорукого стоял генерал Скобелев. После революции генерала убрали и поставили памятник Свободе. Потом Свободу заменили на Долгорукого. Теперь Сергей Митрофанович прилагал усилия, чтобы произвести обратную замену — Долгорукого на Свободу. Доносы на основателя Москвы сыпались не менее часто, чем на Анфимова. Не раз Сергей Митрофанович торжественно объявлял, что вопрос решен: Свобода восстанет на прежнем месте, а Долгорукого упекут в Новодевичий монастырь, и его лошадь уже не будет стоять хвостом к ЦПА ИМЛ² и к спрятавшемуся за кустами памятнику Ленину. Но князь чудес-

ным образом устоял. Устоял тогда и Анфимов, потому что на доносы Дубровского в то время мало кто обращал внимание.

Сергея Митрофановича я помню по первым годам аспирантуры. Он был высокого роста, полный, очень благообразной и приятной внешности — борода клинышком, как у старых академиков. Выступая на заседаниях, любил вернуть латинское изречение и, снисходя к невежеству аудитории, тут же переводил его на русский язык. В личных беседах был очень обходителен, с удовольствием рассказывал о даче, о кошке, котятках и других приятных вещах.

Сергей Митрофанович всего какой-то год не дожил до той травмы, которая развернулась против «нового направления», в том числе и против Анфимова. Я думаю, он принял бы в ней самое активное участие. Но он внезапно умер осенью 1970 г. После него осталась неопубликованная монография, в научном отношении большой ценности не представлявшая и небрежно выполненная. Благодаря настойчивости его вдовы, Б. Б. Граве, она увидела свет¹.

Вообще, по моим наблюдениям, ученый, имея верную, энергичную жену и неопубликованную монографию, может умирать спокойно. Вдова будет действовать напористей самого автора. Сыновья и дочери в этом отношении гораздо менее активны.

Возвращаясь, однако, к «школе Сидорова». Несмотря на яркость этого явления (это — не шутка, это действительно так), несмотря на то, что коллективными усилиями была создана красочная картина «передового промышленного и финансового капитализма», по уровню своего загнивания ничуть не уступавшего развитым странам Запада, успехи этого направления исследований, если приглядеться, оказались не столь уж велики. Трест — высшая форма монополии — был обнаружен в России, кажется, только один. Подтвердилась связь некоторых компаний (например, в меднорудной промышленности) с иностранными корпорациями и финансовая зависимость от них. Словом, оказалось справедливым многое из того, за что Сидоров критиковал Лященко.

В дальнейшем выявились совсем уж удручающие подробности. Знаменитый синдикат «Продуголь», вошедший даже в школьные учебники, объединял, оказывается, шахты-аутсайдеры, расположенные на бедных, топких угольных пластах. Чтобы как-то противостоять своим более удачливым конкурентам, они и объединились в синдикат.

¹ Ныне здание Мэрии Москвы — Тверская, 13.

² ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ныне — Российский государственный архив социально-политической истории.

¹ Речь идет о книге: *Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма*. М.: Наука, 1975. Граве Берта Борисовна (1901–1979) — выпускница Института красной профессуры (1924), репрессирована в 1936, реабилитирована в 1955 г., работала в Институте истории СССР, д-р ист. наук

Очень, конечно, жаль, что лучшие силы историков этого поколения, поколения «лейтенантов», оказались задействованы на такой теме, которая мало что дала для познания России. Но виноват в этом не только и не столько Сидоров. В течение десятилетий, со школьной скамьи каждому новому поколению вдалбливалось одно и то же: «Тяжёлая индустрия — основа основ народного хозяйства». Попробуйте теперь разуверить в этом целую страну, которая по пути индустриализации дошла едва ли не до полного разорения! Но представления о приоритетности промышленного развития свойственны не только жителям России. Это, наверно, общечеловеческая драма XX века.

Когда я говорю о «лучших силах» — это, конечно, не значит, что в «школе Сидорова» собрались все самые одаренные историки того поколения. Но это действительно было созвездие талантов. Вскоре им стало тесно на том «пяточке», где их собрал учитель. Начались отходы на смежную тематику, в другие области. М.Я. Гефтер занялся методологией исторического исследования. В Институте истории под его руководством был создан сектор методологии, просуществовавший, впрочем, недолго. В партийных верхах было признано, что в секторе вызревают опасные идеи. В 1968 г., при разделении Института истории на два института (истории СССР и всеобщей истории) сектор методологии не попал ни в один из них, и его сотрудников растасовали по разным секторам. Сам Гефтер был прикомандирован к дирекции. В 1971 г. официальному осуждению подвергся подготовленный сектором сборник статей «Историческая наука и некоторые проблемы современности». Вскоре после этого М.Я. Гефтер был отправлен на пенсию. Из числа учеников Сидорова он, таким образом, первый подвергся партийной травле. Однако я опять забежал вперед.

Очень скоро от конкретно-исторического исследования монополистического капитализма отошёл и Тарновский. Подлинное своё призвание он нашёл в проблемной историографии. Обладая в этой области особым чутьём, он умел безошибочно распознавать перспективные идеи и направления исторических исследований. Именно он первый по-настоящему оценил идеи и достижения А.М. Анфимова и его предшественников. В октябре 1970 г. К.Н. Тарновский защитил докторскую диссертацию по теме «Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки». На мой взгляд, именно в области аграрных исследований, которую Сидоров считал вспомогательной по отношению к главному направлению, были достигнуты наиболее значительные успехи его школы. И связаны они с именами А.М. Анфимова, К.Н. Тарновского, М.С. Симоно-

вой. Что же касается исконно «сидоровской» тематики, то до конца верен ей остался, пожалуй, лишь В.И. Бовыкин, талантливый исследователь, автор ряда монографий о финансовом капитале в России. Всё это говорит о том, что «школе Сидорова» мы обязаны не только мифотворчеством о передовом и загнивающем российском империализме, но и значительными положительными достижениями. Хорошо уже то, что Сидоров сосредоточил такие силы на изучении истории России начала XX века. Прежде этот отрезок отечественной истории (я бы сказал, — особый период истории России) был известен только по «Краткому курсу».

* * *

В студенческие годы я бывал в Институте истории, помнится, лишь дважды — на докторских защитах Е.Н. Городецкого¹ и А.Я. Авреха. Тогда же, на второй из защит, я впервые увидел Черменского². Тогда мне не могла прийти в голову мысль, что этот благообразный профессор, маленького роста и со старушечьим голосом, в будущем попортит мне столько крови. Впрочем, особая его злобность, кажется, угадывалась и по внешнему виду.

В 1967 г. я окончил Московский историко-архивный институт, защитив дипломную работу «Царский правительственный аппарат и III Дума» под руководством Н.П. Ерошкина³. Ученый совет рекомендовал меня в аспирантуру, но на кафедре Ерошкина мест не было, к тому же я не имел московской прописки. Я уехал на родину, в Челябинск, и начал работу в областном архиве, имея смутные представления о своём будущем. Эти полтора года, проведенные под родительским кровом, сейчас мне вспоминаются как один из лучших периодов моей жизни. Видимо, действительно, надо было отдохнуть от тревог и волнений студенческой жизни, насыщенной самыми разными впечатлениями, а иногда и просто голодной.

Однако, где-то, кажется, около Нового года состояние спокойной безнадежности стало сменяться новыми надеждами и тревогами. Я вдруг получил письмо от И. Ф. Гиндина. Он предлагал на основе

¹ Городецкий Ефим Наумович (1907–1993) — специалист по историографии российских революций, лауреат Сталинской премии (1943), докторская защита состоялась в 1965 г.

² Черменский Евгений Дмитриевич (1905–1995) — историк российских буржуазно-демократических революций и буржуазных партий, с 1948 г. профессор МГУ; канд. ист. наук (1938), д-р ист. наук (1948).

³ Ерошкин Николай Петрович (1920–1988) — зав. кафедрой истории государственных учреждений Московского историко-архивного института; канд. ист. наук (1953), д-р ист. наук (1973).

дипломной работы написать статью для журнала «История СССР». Вскоре пришло письмо и от сотрудницы журнала Г. И. Щетининой, подтверждающее это предложение. Это было как гром небесный! Знающим людям не надо объяснять, что «История СССР» (ныне — «Отечественная история»¹) — серьёзный академический журнал, напечататься в котором для вчерашнего студента было неслыханной честью.

Конечно же, я быстро «сварганил» статью и отослал в журнал. Но переписка с И. Ф. Гиндиным продолжалась. Теперь речь шла о моём поступлении в аспирантуру Института истории. Наконец, в апреле 1968 г. он даже позвонил мне на работу, и я растерялся, услышав в трубке его низкий голос. По этому голосу я представил его себе примерно шалашинского телосложения. Всё это плохо укладывалось у меня в голове. Ибо с И. Ф. Гиндиным я прежде не был знаком, ничего его не читал и помнил его фамилию лишь по тому перечислению, которое влетало в моё ухо на семинарских занятиях: «...Гиндин...Тарновский...Волобуев...», когда мои мысли витали совсем в другом месте.

Лишь потом, по рассказам самого Иосифа Фроловича и членов его семьи мне удалось установить ход событий.

Иосиф Фролович мечтал об учениках. Но в Институте истории было много докторов и мало аспирантов. На каждого доктора по аспиранту не хватало. Тогда Иосиф Фролович решил сам искать себе ученика. Осенью 1967 г. он пришел в Московский университет и попросил показать дипломные работы, защищенные в этом году. Не удовлетворённый находками, он направил свои стопы в Историко-архивный институт. Секретарь экзаменационной комиссии Мария Козина, неплохо знавшая наш курс, достала ему на выбор несколько дипломных работ, в том числе и мою. На ней Иосиф Фролович и остановился.

Мы встретились в мае 1968 г. Иосиф Фролович жил на улице Горького², в большой коммунальной квартире, где ютились три или четыре семьи. Пройдя по длинному коридору и выйдя на пятачок, где сходились двери во все комнаты, я вдруг увидел разговаривающего по телефону маленького старичка с косматыми бровями. Старичок говорил тем самым голосом! Увидев меня, он приветливо махнул рукой и показал дверь, которую надо было открыть.

Вскоре у Иосифа Фроловича был день рождения. Я был в числе приглашённых и впервые тогда увидел К. Н. Тарновского. Я был

очарован и его внешностью, и благородной осанкой, за которой безошибочно угадывалось внутреннее благородство, и простотой обращения, и каким-то ему одному свойственным изяществом — в жестах, словах, позднее я убедился, — и в его манере писать. После этого мы были знакомы с ним около 19 лет. За это время между нами, кажется, не было ни одного недоразумения. Это редкий случай. Его дар историографа, на мой взгляд, во многом проистекал от того, что он умел внимательно слушать и ловить главную мысль.

Писать — всё равно что рассказывать. Я, например, не умею рассказывать «никому». Когда я пишу, я обычно представляю себе какого-то человека, к которому и обращаю свой монолог. В прошлые годы, надо признаться, я «рассказывал» чаще всего именно Тарновскому.

На том же дне рождения, к сожалению, произошёл конфуз. Едва собрались гости и были наполнены бокалы, Иосиф Фролович взял слово для первого тоста и говорил его часа полтора, отвергая попытки членов семьи усадить себя на место. В конце речи гости начали наскоро выпивать и закусывать и разбежались вскоре после её окончания. На следующий день Иосиф Фролович выглядел смущённым, и мы с молчаливого согласия решили не придавать значения вчерашнему инциденту.

Это была трагедия последних лет жизни Иосифа Фроловича, может быть, и всей его жизни. Известно, что историк зреет очень медленно. Он должен десятилетиями начитываться, набирать фактов, совать свой нос куда надо и не надо, перерабатывать в себе прочитанное и услышанное, пока не произойдет в сознании диалектический перелом и он не начнёт мыслить в масштабах не узкой своей темы, а целой эпохи. Наша Муза любит тех, кому за 40–50 лет. У Иосифа Фроловича, вследствие длительных посадок и других отвлечений от науки, этот перелом наступил сравнительно поздно — наверно, лет за 60. И едва ли не вслед за этим стало проявляться мозговое расстройство. Он высказывал блестящие идеи, но отклонения в его поведении становились всё более удручающими.

Мне кажется, что его болезнь, выставя его в нелепом виде перед окружающими, долгое время щадила его творческие способности. Много позднее я редактировал одну из глав его монографии как статью для «Исторических записок»¹. Это было по-настоящему талантливо. Простодушным тоном, без нарочитых «аллюзий», автор описывал порядки на дореволюционных казённых заводах, по-

¹ С 2009 г. журнал называется «Российская история».

² И. Ф. Гиндин жил в Старопименовском переулке.

¹ П. Н. Зырянов в 1976–1990 гг. был ответственным секретарем «Исторических записок».

разительно напоминавшие методы управления нашей «социалистической» промышленностью: тот же план, тот же вал, отсутствие понятия о себестоимости продукции, прямое финансирование производства из казны. Так были обнаружены исторические корни «развитого социализма». Поразительно, но идеологические контролёры так и не обнаружили этой главной его «крамоль», а заклевали впоследствии бедного старика за сравнительно невинные попытки «нового прочтения» Ленина. И за изобретённый им термин «новое направление», в котором он объединял всех близких ему по духу историков.

Я надеюсь, я несколько дополнил своего учителя, подняв вопрос об исторических корнях колхозно-совхозного строя. Но я дошёл до этого, конечно, совсем в другой обстановке.

Осенью того же 1968 года я сдавал вступительные экзамены в аспирантуру Института истории. Дело обернулось не слишком удачно, и меня зачислили в заочную аспирантуру. С тем я и уехал опять в Челябинск.

Тем временем в Институте истории произошли важные события. Его разделили на два института. Первое время Институт истории СССР возглавлял академик Б.А. Рыбаков¹. Но он одновременно являлся директором и Института археологии, который рассматривал как свою законную «вотчину». Туда он и удалился при первой возможности. Директором Института истории СССР стал П.В. Волобуев, его заместителем В.И. Бовыкин. К власти вновь пришла «школа Сидорова». И.Ф. Гиндин, находившийся тогда в очень дружеских отношениях с Бовыкиным, добился перевода меня в очную аспирантуру. В январские морозы 1969 г. я получил бумагу, которая предписывала мне ехать в Первопрестольную и Белокаменную.

Институт в то время бурлил идеями «многоукладности». Это был, действительно, более широкий подход к проблемам российской истории, чем прежняя узкая нацеленность на промышленные монополии и банки. Заседания сектора капитализма, ведущего в Институте, не укладывались в рамки рабочего дня и переносились на следующий присутственный день. Главными говорунами были мой шеф Иосиф Фролович и П.Г. Рындзюнский². Они с не-

годованием отвергали призывы Б.С. Итенберга¹ ввести какой-нибудь регламент.

А.Я. Аврех держался как «сумрачный гений». Он мало с кем общался, нас, аспирантов, похоже, не замечал. Любил неожиданные парадоксы и слыл очень остроумным человеком. Дамская половина сектора была без ума от его устных выступлений и печатной продукции. Говорили об особом «авреховском стиле». Таковой, действительно, существовал. Но я не вижу ни остроумия, ни глубины, ни изящества в такой, например, коронной его фразе: «Когда израненный буреизвестник революции упал на землю, на добычу слетелись совы реакции».

Аврех, по моим наблюдениям, был законченный солипсист. Т.е. он, конечно, не думал, что весь мир — его представление, но он считал себя самым умным человеком из всех людей, когда-либо живших и живущих. Некоторое исключение он делал для своей жены и сына. Но для внучки такого исключения уже не делалось. Дедушка считал её пустой и глупой девицей. О всех героях своих исследований, начиная от царя и кончая меньшевиками, он всегда писал с величайшим презрением. Только большевиков не трогал — по понятным причинам.

Очень быстро я заметил, что Арон Яковлевич не в ладах с моим шефом. Причем Гиндин предлагал посидеть по-французски в кафе и выяснить отношения. Аврех же отвечал: «Только ещё в кафе мне не хватало Вас, Иосиф Фролович!»

Вскоре, однако, Арону Яковлевичу пришлось обратить внимание на гиндинского аспиранта. В конце 1969 г. появилась моя статья в «Истории СССР». С задиристостью молодого петушка я в ней немного поклевал маститого учёного.

Аврех считал, что в России после окончания Революции 1905–1907 гг. сохранялась «революционная ситуация», или «общая революционная ситуация» (этот последний термин был почерпнут из документов Коминтерна). В таких условиях, писал он, и реформы, и их отсутствие вели к одинаковому результату — к росту революционной активности масс. Получалось, что революция была неизбежной в любом случае — удалось бы или не удалось провести реформы.

Такой фатализм меня не устраивал ещё тогда, когда я был студентом. Критические замечания в адрес Авреха я перенес в статью из своей дипломной работы. Я писал, что сохранявшееся среди народа недовольство «не только не закрывало для третьей июняской

¹ Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) — директор Института истории СССР в 1968–1970 гг., директор Института археологии в 1956–1987 гг., академик АН СССР (1958), Герой Социалистического труда (1978), лауреат Ленинской и Сталинских премий.

² Рындзюнский Павел Григорьевич (1909–1993) — автор работ по истории капитализма в России, работал в Институте истории / ИРИ РАН с 1947 г.; канд. ист. наук (1941), д-р ист. наук (1959).

¹ Итенберг Борис Самуилович (р. 1921) — автор работ по истории революционного народничества; канд. ист. наук (1950), д-р ист. наук (1966).

монархии всех путей поиска выхода из кризиса, но, наоборот, требовало от царизма максимума мобильности, гибкости и дальновидности, чтобы приспособиться к новым условиям и продлить своё существование».

Реакция Арона Яковлевича была неожиданой. На ближайшем профсоюзном собрании он заявил протест по поводу того, что И. Ф. Гиндин подстрекает своего аспиранта, и что аспирантам почему-то разрешено критиковать докторов наук. К счастью, на том собрании не было ни меня, ни Иосифа Фроловича. И, конечно, собрание не приняло по поставленному вопросу никаких решений. Но обиженный доктор наук так просто это дело не оставил.

В начале 1972 г. Арон Яковлевич получил возможность отыгаться. Я закончил кандидатскую диссертацию на тему «Внутренняя политика третьеиюньской монархии в области местного управления». Где-то в конце января состоялось обсуждение в секторе. Аврех первым взял слово и говорил целый час, всё больше распаляясь. В конце концов, он призвал брать пример со своего сына, который закон Тафта-Хартли (один из важнейших законов Америки) изложил всего на 15 страницах, а диссертант размазал на 500 страниц эти никчемные столыпинские проекты. И вообще налицо явный отход от марксизма. Если сектор все-таки рекомендует эту диссертацию к защите, то он, Аврех, будет вынужден выступить на Учёном совете. Присутствующие были явно перепуганы. Только В. В. Шелохаев¹, мой друг по аспирантуре, поддержал меня. А. М. Анфимов, председательствовавший на заседании, казался самым напуганным. Он долго склеивал какие-то обрывки фраз насчёт того, что «ныне к диссертациям предъявляются повышенные требования» и, наконец, закрыл заседание.

Ехали мы из Института с Иосифом Фроловичем вместе — на «скорой помощи». Решили попить кофе в Доме учёных, но такси не попало, а нашёлся «левак» на скорой. Иосиф Фролович шутил по этому поводу, стараясь меня ободрить, но мне было не до шуток.

По Институту быстро разнеслась весть о моём отходе от марксизма. В. В. Кабанов², с которым мы были знакомы ещё в Историко-архивном институте, побежал за разъяснениями к учёному

¹ Шелохаев Валентин Валентинович (р. 1941) — главный научный сотрудник ИРИ РАН; канд. ист. наук (1971), д-р ист. наук (1985), лауреат Государственной премии РФ.

² Кабанов Владимир Васильевич (1934–2002) — историк-аграрник, выпускник МГИАИ, в Институте истории / ИРИ РАН работал с 1962 г., с 1988 г. преподавал в Историко-архивном институте (РГГУ), канд. ист. наук (1970), д-р ист. наук (1990).

секретарю С. В. Тютюкину¹. К удивлению Кабанова — и моему тоже — Тютюкин задумчиво ответил: «Ты знаешь, что-то такое тут действительно есть...». С Тютюкиным, одним из последних учеников Сидорова, мы всегда были в хороших отношениях — с тех времён и до нынешних дней. Но почему-то он не раз произносил такие вот задумчивые фразы — в самый неподходящий для меня момент. А словоохотливый Кабанов поделился этим не только со мной, но, кажется, и со всем Институтом.

Через несколько дней у Бовыкина состоялось совещание по вопросу о том, как быть со мной. Тем более что срок аспирантуры уже заканчивался. Пришли И. Ф. Гиндин, М. С. Симонова, К. Н. Тарновский, вышедший после болезни на работу. Пригласили и меня. Входя в кабинет Бовыкина, я успел услышать, как Симонова убеждала его: «Примите его на работу!». Быть может, оттого, что Бовыкин крепко не любил Авреха, решение было в общем-то в мою пользу. Мне предложили доработать диссертацию.

Доработка свелась в основном к сокращению. Аврех, почувствовав, что общественное мнение не на его стороне, больше не вмешивался. На новом обсуждении мою диссертацию рекомендовали к защите, для верности немного изменив заголовок: «Крах внутренней политики третьеиюньской монархии в области местного управления». По ходатайству П. В. Волобуева нам с В. В. Шелохаевым дали возможность прописаться в Москве, и институт смог принять нас на работу.

В июне 1972 г. состоялась моя кандидатская защита. Оппонировали В. С. Дякин и Н. П. Ерошкин. С Валентином Семёновичем Дякиным с той поры мы поддерживали контакт вплоть до нынешнего года. Встречались, переписывались. Он говорил, что у нас «родство душ». Последнее его письмо я вынул из почтового ящика в январе этого года, вернувшись из Петербурга с его похорон. После утраты родителей эти четыре потери для меня самые тяжёлые — И. Ф. Гиндина (1980), К. Н. Тарновского (1987), Н. П. Ерошкина (1988), В. С. Дякина (1994) — людей, которые сильно повлияли на мою судьбу и на меня как человека.

Защита прошла вполне удачно. После этого, как водится, отправились «отмечать». Я не перестаю удивляться тем временам. Всего за 170 рублей я накормил и напоил весёлую ораву своих друзей и коллег. Правда, на следующий день наступило похмелье. В кармане остались считанные копейки, а один из участников вчераш-

¹ Тютюкин Станислав Васильевич (р. 1935) — главный научный сотрудник ИРИ РАН, окончил истфак МГУ (1958); канд. ист. наук (1967), д-р ист. наук (1983).

него пиршества потребовал срочно вернуть долг. К сожалению, этому похмелью суждено было затянуться.

Конечно, идеологический контроль в те времена у нас в стране существовал для всех, и с конца 60-х гг. началось его ужесточение. Но мы, сотрудники Института истории СССР и особенно нашего сектора, с некоторых пор, примерно с 1971 г., почувствовали себя в особом положении. Мы были словно в осажденной крепости. Нам шили в строку каждое лыко, приписывали какие-то явно надуманные «ошибки», и под обстрел иногда попадали люди, не способные ни на какую крамолу. В то же время, как нам казалось, наши коллеги из других научных учреждений позволяли себе немислимые для нас вольности.

Так, например, Е. Д. Черменский всё более смело и с меньшим числом оговорок проводил мысль о том, что в России, начиная с 1906 г., установилась конституционная монархия. Эта точка зрения находила отклик у зарубежных русистов. Израильский историк Шмуэль Галай назвал Черменского «одним из лучших советских историков». Страшное дело — враг похвалил! Но Евгению Дмитриевичу и это сошло с рук. Правда, тут дело, наверно, в том, что «один из лучших советских историков» охотно выполнял «социальные заказы». Стоило «ответственному товарищу» указать на человека, допустившего ошибки, как Черменский вцеплялся в него с необыкновенной остротой.

Но тогда другой пример. Б. Н. Миронов из Ленинградского отделения нашего же Института никогда не выполнял «социальных заказов». И уже тогда, в те опасные годы, применял и пропагандировал социологические методы исследования, почерпнутые из «буржуазной» науки. И не имел никаких особых неприятностей. Только однажды у него сняли статью из «Исторических записок». Но это была самостоятельность наших институтских ретроградов, прежде всего П. Г. Рындзюнского. В те же годы Борис Николаевич спокойно защитил докторскую диссертацию¹.

Я всё же думаю, что не могла вестись травля против нас с такой настоящей страстью, с такой истерией, если бы в ней не был замешан какой-то личный момент. Позднее, размышляя над всем этим, припоминая носившиеся тогда неясные слухи, я пришел к некоторым предположениям. Не знаю, насколько они верны.

В 1965 г. на пост заведующего Отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПСС был назначен С. П. Трапезников, со-

ратник Л. И. Брежнева с молдавских времен¹. Говорили даже, что через своих жён они состояли в родстве. Занимая в партийной иерархии довольно скромное положение, Трапезников начал сосредоточивать в своих руках весь контроль в области идеологии. И здесь, по-видимому, он столкнулся с Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, во главе которого стоял быстро дряхлевший М. А. Сулов. В отличие от Трапезникова, он был членом Политбюро. Между двумя отделами, по-видимому, существовало соперничество.

Наш директор П. В. Волобуев был вхож в суловский отдел. Не раз, чуть ли не среди ночи, Павла Васильевича забирали, отвозили на подмосковную дачу в глухом лесу, и там он в составе авторского коллектива трудился над какими-то партийными документами. В те годы он быстро шёл в гору. Был делегатом XXIV съезда КПСС, был избран членом-корреспондентом АН СССР. А у Трапезникова «членкорство» долго не получалось. Через Отделение истории он проходил без помех, а на Общем собрании физики и химики забрасывали его чёрными шарами. Я думаю, что Трапезников вообразил, будто Волобуев хочет занять его место. Возникло желание выдернуть соперника из директорского кресла, скомпрометировать и загнать куда-нибудь подальше. Это оказалось делом нелёгким. Говорили, что готовые уже решения не раз блокировались Суловым. Тогда и началась кампания против нашего Института².

Как я уже говорил, первые толчки мы ощутили где-то в 1971 г. В начале 1972 г. умер Л. М. Иванов, многолетний заведующий сектором капитализма³. Но, кажется, ещё при нём сектор разделили — на секторы капитализма и империализма. Размежевание между «капиталистами» и «империалистами» было очень условным. Так, И. Ф. Гиндин был отнесён к первым, а я — к последним. Во главе

¹ Трапезников Сергей Павлович (1912–1984) — зав. отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС в 1965–1983 гг., д-р ист. наук (1957), член-корреспондент АН СССР (1976).

² Эту же версию приводит в своих воспоминаниях Н. И. Павленко, заведовавший в 1969–1975 гг. сектором источниковедения Института истории СССР, уточняя, что донос Трапезникову на П. В. Волобуева написал П. Н. Соболев (зав. сектором истории Октябрьской революции), а М. А. Сулов устранился от конфликта: Павленко Н. И. Воспоминания о друге // Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М.: Наука, 2000. С. 206–208.

³ Иванов Леонид Михайлович (1909–1972), выпускник Ярославского пединститута, работал в Институте истории АН СССР с 1937 г., канд. ист. наук (1939), д-р ист. наук (1956), с 1951 — и. о., а с 1958 г. зав. сектором истории СССР периода капитализма.

¹ Борис Николаевич Миронов (р. 1942) защитил докторскую диссертацию не в 1970-е, а в 1984 г.

сектора капитализма был назначен А. М. Анфимов. Исполняющим обязанности заведующего сектором империализма стал К. Ф. Шацилло, один из первых учеников Бовыкина, прекраснодушный либерал, несколько, правда, вспыльчивый, но отходчивый¹. Однако он недолго нами заведовал.

Главным объектом для нападок подручные Трапезникова избрали ту самую «многоукладность», с которой мы все тогда носились. По мнению «руководящих товарищей», этой самой концепцией мы ставили под сомнение победу капитализма в нашей стране, а тем самым — и социалистический характер Октябрьской революции. Ибо социализм, как известно, идёт на смену капитализму. А как быть, если вместо капитализма какая-то «многоукладность»?

Помню одно заседание в нашем секторе, на котором присутствовал Ф. М. Ваганов, один из помощников Трапезникова². Отвечая на начавшуюся тогда критику, Шацилло процитировал одну из речей первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова, в которой упоминался термин «многоукладность». Все знали, что Рашидов не имеет о ней представления, а речь писал один узбекский историк, весьма склонный к плагиату. Но ведь «золотое слово» сорвалось с уст кандидата в члены Политбюро!

Ваганов озадаченно посмотрел на Шацилло, а после заседания, мы все видели, зажал его в угол и стал что-то настойчиво ему втолковывать. Оказалось, он сказал, что не следовало цитировать Рашидова без консультаций с вышестоящими партийными инстанциями. После этого Шацилло подал в отставку.

Новым «исполняющим обязанности» стала И. М. Пушкарёва³. Она почти всю жизнь занималась рабочим классом, главным образом, железнодорожниками, и была известна не своими научными достижениями (таковых у неё не водилось), а весёлым нравом. После назначения весёлый нрав как рукой сняло. Во взоре появилась важная задумчивость, за которой легко угадывалось мнительное беспокойство, всерьёз ли её воспринимают как заведующую. Особые подозрения пали почему-то на меня. Начались придирки, на которые я отвечал со свойственной мне несдержан-

ностью. Словом, из всей череды быстро сменявшихся заведующих именно Пушкарёва глубже всех засела у меня в печёнках.

Однако её, как «исполняющую обязанности», тоже вскоре заменили — теперь уже на «настоящего» заведующего, коим стал В. С. Васюков, лицо, на этом посту довольно случайное и мало чем себя проявившее¹.

Тем временем назревали события с моей диссертацией, отправленной в ВАК на утверждение. О ней не поступало никаких известий — это было тревожным признаком. Мы с К. Н. Тарновским оказались товарищами по несчастью — его докторская диссертация лежала в ВАКе с 1970 г.

Было ясно, что моя диссертация попала к «чёрному рецензенту». Но к кому?

Попытки заслать в ВАК шпионов не приносили успеха. «Отослали в Ростов на рецензию!» — не моргнув глазом, отвечал член экспертной комиссии одному моему агенту. Хотя было очевидно, что слать в Ростов на рецензию совершенно некому.

В поле моего зрения попал и Е. Д. Черменский. К. Н. Тарновский, сохранявший с ним нормальные отношения, однажды прямо спросил его, не он ли мой читатель. Черменский ответил отрицательно.

Через год всё выяснилось неожиданным образом. Технический секретарь экспертной комиссии ВАК Н. И. Морковина с большим сочувствием относилась к Тарновскому. Он поговорил с ней обо мне, и она своё сочувствие распространила и на меня. Во время одного из моих визитов в ВАК она выдала мне Черменского. После этого она же буквально выбила из него отзыв. Конечно же, он был отрицательный. Рецензент писал, что он «затрудняется» рекомендовать мою диссертацию к утверждению. Это не помешало ему впоследствии брать из неё факты и делать на неё ссылки.

Немного остыв и поразмыслив над рецензией, я начал сочинять ответ. Потом я повёз его к Константину Николаевичу, и мы вместе доводили его до совершенства. Тарновский убил со мною целый день. Но зато ответ получился на славу. Все нападки и придирки Черменского были разбиты в пух и прах. Оставалась, правда, одна трудность. В диссертации говорилось, что монархия имела свою массовую социальную опору в лице общинного крестьянства. Этот тезис в своё время выдвинул А. Я. Аврех, основываясь на ленинских высказываниях, за что вскоре и был раскритикован (Аврех, а не Ленин). «В грехах не кайтесь», — напутствовал меня Тарновский, провожая на заседание экспертной комиссии.

1 Шацилло Корнелий Федорович (1924–1998) окончил истфак МГУ (1955), в Институте истории СССР/ИРИ РАН работал с 1958 г.; канд. ист. наук (1958), д-р ист. наук (1968).

2 Ваганов Федор Михайлович (1921–1993), до 1978 г. был на партийной работе, затем до 1991 г. зам. начальника, начальник Главархива СССР; канд. ист. наук (1960), д-р ист. наук (1970).

3 Пушкарёва Ирина Михайловна — ведущий научный сотрудник-консультант ИРИ РАН, автор работ по истории пролетариата и февральской революции 1917 г.; канд. ист. наук (1959), д-р ист. наук (1976).

¹ Васюков Вячеслав Сергеевич — автор работ по истории внешней политики Временного правительства, канд. ист. наук (1965).

Пока зачитывался ответ, я сидел в коридоре перед дверью. Потом позвали. Председательствовал А. М. Сахаров, ныне покойный¹. Он сказал, что комиссия удовлетворена ответом, но остались некоторые неясности. Как насчёт опоры на крестьянство? Я вынул из кармана заранее заготовленную ленинскую цитатку. Сахаров поморщился и стал объяснять, что её надо понимать не в прямом, буквальном смысле, а как раз наоборот. Признаться, я так и не понял суть его объяснений. Понял одно: классики марксизма-ленинизма бессильны перед волей высшего начальства. Мне предложили внести в диссертацию исправления и послали это решение на утверждение Президиума ВАК.

В 1973 г. Волобуева всё же сняли. Он был отправлен рядовым сотрудником в маленький и захудалый Институт истории естествознания и техники. На пост директора нашего Института был назначен А. Л. Нарочницкий, редактор журнала «Новая и новейшая история», недавно избранный академиком². Кое-кто тогда говорил, что это «не худший вариант», ибо назначен всё же не партийный служака, а человек из своей, академической среды. Но люди, его знавшие, остерегались нас обнадёживать.

Наблюдая за Алексеем Леонтьевичем на Учёных советах и других широких собраниях, я часто вспоминал прокурора из толстовского «Воскресения». Л. Н. Толстой писал, что этот прокурор от рождения был глуп, но имел несчастье окончить гимназию с золотой медалью, а затем и университет, отчего его глупость стала совсем уж непроходимой. Как-то раньше мне и в голову не приходило, что академик может быть глуп. Никогда не занимавшийся российской историей, А. Л. Нарочницкий, похоже, уверовал, что избрание академиком придало ему способность разбираться во всех её периодах и проблемах. Явившись в институт, он принялся рьяно искоренять «ошибки». Сразу было закрыто несколько тем, из издательства отзывали несколько монографий. Наш сектор, считавшийся самым «крамольным», ожидал большой грозы.

Гроза действительно разразилась — её подтолкнули события, связанные с появившейся в журнале «Вопросы истории КПСС»

¹ Сахаров Анатолий Михайлович (1923–1978) окончил истфак МГУ (1949), где и преподавал с 1950 г., в 1974–1978 гг. зав. кафедрой истории СССР периода феодализма МГУ, специалист по социально-экономической истории XIV–XVII вв.; канд. ист. наук (1953), д-р ист. наук (1972), лауреат Государственной премии СССР.

² Нарочницкий Алексей Леонтьевич (1907–1989) — выпускник Киевского университета (1930), специалист по истории внешней политики и международных отношений, академик АН СССР (1972), директор Института истории СССР в 1974–1979 гг.

(1974, № 5) рецензией Е. Д. Черменского и Е. Ф. Ерыкалова на книгу С. В. Тютюкина «Война, мир, революция. Идеинная борьба в рабочем движении России, 1914–1917 гг.» Автор обвинялся в излишне подробном пересказе «враждебных ленинизму концепций», в преувеличении влияния «мелкобуржуазных» партий, в подкопе под идею «гегемонии пролетариата» и в других страшных грехах.

Обсуждение рецензии на секторе было бурным. На сторону рецензентов стали только А. В. Пясковский, закалённый боец «пятой колонны» в нашем Институте, и И. М. Пушкарёва, занявшая место в рядах этой колонны. Другие сошлись во мнении, что Ерыкалов и Черменский написали прямо-таки злостную рецензию. Особо возмутительным казался пронизывавший её начётнический дух «Краткого курса». Заседание затянулось допоздна и было перенесено на следующий присутственный день.

Во время перерыва Тютюкин, по распоряжению Васюкова, написал заключительную резолюцию, в которой все замечания рецензентов признавались справедливыми. Васюкову хотелось быстрее отпартировать: работа проведена, ошибки признаны. Но сектор не согласился с такой резолюцией. По предложению Тарновского в неё была включена фраза: «Вместе с тем сектор не считает справедливыми некоторые замечания рецензентов». Васюков предлагал все усилия, чтобы отделаться от этой вставки: «Ставлю на голосование документ без фразы». — «Но это нарушение процедуры», — парировал Тарновский. В конце концов документ был принят «с фразой». Против голосовали только А. В. Пясковский, И. М. Пушкарёва, В. С. Васюков и Г. М. Деренковский, считавший, что рецензия несправедливая, но не надо обострять отношений. Мы разъехались в летние отпуска, уверенные, что с нами «что-то делают».

И действительно, была образована комиссия по рассмотрению деятельности сектора империализма. В неё вошли, насколько я помню, П. Н. Соболев (признанный глава «пятой колонны»), В. И. Буганов¹, Л. Г. Бескровный², В. И. Бовыкин, отошедший от Волобуева в разгар событий и порвавший почти со всей сидоровской «школой». От нашего сектора включили Васюкова и Симонову, секретаря парторганизации. Комиссия всё лето рылась в наших протоколах, которые, как на грех, оказались слишком подробными, и нашла в работе сектора недостатки, «переросшие

¹ Буганов Виктор Иванович (1928–1996) — выпускник МГИАИ, в Институте истории работал с 1955 г., в 1975–1984 гг. — зам. директора; канд. ист. наук (1955), д-р ист. наук (1968), член-корр. РАН (1994).

² Бескровный Любомир Григорьевич (1905–1980) — военный историк, полковник, д-р ист. наук (1950), в Институте истории работал с 1955 г.

в систему взглядов, чуждых советской исторической науке». Васюков и Симонов отказались подписать заключение комиссии.

На основании решения комиссии дирекция распустила сектор империализма. Пятерых сотрудников, в том числе Тарновского, Симонову, Васюкову, Авреха, рассредоточили по другим секторам. Остальных объединили в новый сектор буржуазно-демократических революций. Заведующим был назначен В. И. Бовыкин.

На организационное собрание нового сектора они пришли вдвоём — Нарочницкий и Бовыкин. Алексей Леонтьевич выступал как лев, царь зверей, явившийся на заседание овечек. Грозно прорывая краткую речь о необходимости исправления ошибок, он величаво удалился. Бовыкин же, оставшись с нами, начал мурлыкать что-то ласково-успокоительное. Началось определение тем будущей работы. Каждый получил то, что хотел. Но... «Вы, Валентин Валентинович (Шелохаев), будете писать о кадетах, но не о кадетах как таковых, а об их контрреволюционной роли. Вы, Павел Николаевич, будете писать о церкви, но не просто о церкви, а о её борьбе с революцией...» В дальнейшем, надо сказать, он жёстко выдерживал, чтобы писали «не просто о кадетах и не просто о церкви»¹.

Но в ближайшее время мы были задействованы совсем на другой работе. Готовился Учёный совет по критике ошибок, допущенных «новым направлением». Доклад хотел сделать сам академик. Наш сектор для его доклада должен был выявить все «ошибки». Началось распределение, кто у кого будет их искать. «Вы будете искать у Гиндина», — сказал мне Бовыкин.

Два дня я ходил, как оплеванный. Наконец, явился к Бовыкину и сказал, что у Гиндина я ошибок искать не буду. «Вы мне бросьте, Павел Николаевич!» — с сердцем сказал Бовыкин. — «Но это же не этично! Он мой учитель!» — воскликнул я. Наши глаза встретились, и я внезапно прочитал в его взгляде понимание. «Ну, хорошо, тогда ищите у Волобуева». — «Но у него уже искали». — «Искали, да не всё нашли. Как там насчёт опоры на крестьянство?» Я пошел в библиотеку, достал злополучный том с материалами советско-итальянского симпозиума, который чаще всего использовался для поиска ошибок², прочитал выступление бывшего директора и обнаружил, что он не разделяет этот тезис Ленина — Авреха. С удовольствием сделал соответствующую выписку и вручил её

¹ Результатом этой работы стала монография П. Н. Зырянова «Православная Церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг.» (М., 1984); в 1990-е гг. он вернулся к этой теме и написал новую книгу «Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века» (М., 1999).

² К 1974 г. были изданы материалы, как минимум, четырех советско-итальянских конференций историков, проходивших в 1960-х гг.

Бовыкину. Так мне удалось отвертеться от этого некрасивого дела. Не буду называть тех, кто не посмел отказаться.

Вскоре состоялся Учёный совет. Громовая речь Нарочницкого продолжалась, кажется, около двух часов — мои коллеги неплохо снабдили его материалом. Выступали и другие разоблачители.

После Учёного совета у меня была назначена встреча с профессором Коичи Ясудой. Но когда заседание закончилось, я нигде его не нашёл. Мы встретились дня через два. Я спросил, куда же он тогда исчез. Мой японский друг начал было ссылаться на свой живот, а потом сказал: «По правде говоря, мне надоело слушать вашего директора. Вы, русские, терпеливый народ. У нас в Японии давно бы затопали ногами, засвистели: давай, слезай, заканчивай! А вы сидите и слушаете»¹.

На этом месте, наверно, самое время опустить занавес, поставить точку. Что это было? Драма? Трагикомедия? Печальный фарс? Но это для тех, кто смотрит со стороны. Для нас это была целая полоса нашей жизни.

Несколько слов для эпилога.

Мне пришлось вырвать из диссертации «опору на крестьянство». В конце 1974 г. меня утвердили в звании кандидата исторических наук — через два с половиной года после защиты.

Тарновского так и не утвердили. В 1981 г. в Ленинградском отделении он защитил новую диссертацию — о ленинской «Искре». Дякин мне говорил, что они присудили ему докторскую степень фактически за ту, первую диссертацию.

Анфимова отстранили от заведования сектором. Позднее он печатно признал ошибочными некоторые свои взгляды. Это позволило ему издать две прекрасные книги о крестьянстве на рубеже XIX–XX вв. Как-то язык не поворачивается осудить его за такой шаг. И не знаешь, кого при этом вспомнить. То ли Галилея, который топнул: «А всё-таки она вертится!», то ли пушкинского Савельича из «Капитанской дочки», который советовал: «Ты плюнь да и поцелуй ручку-то!».

Гиндина вскоре отправили на пенсию. Его последняя монография в целом виде так и не опубликована.

Бовыкин заведовал сектором до 1988 г. Сейчас у него нелёгкие времена, и не хотелось бы бросать в него камень². Мы долго с ним

¹ На выборах директора Института истории СССР в 1979 г. А. Л. Нарочницкий был забаллотирован при тайном голосовании в Отделении истории АН.

² С 1988 г. научные труды и деятельность В. И. Бовыкина подвергались резкой критике сторонниками «нового направления», см.: Поликарпов В. В. «Новое направление» в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3.

работали, прошли через ряд конфликтов и в конце концов даже сработались. С ним можно было заключать джентльменские соглашения, в трудных случаях он приходил и на помощь. Но из песни слова не выкинешь: в своё время он был слишком ортодоксален и слишком много оказал услуг тем, кто громил наш Институт.

Бовыкин единственный из «школы Сидорова», кому удалось создать свою собственную «школу». Среди его учеников есть дельные и талантливые люди. Но, конечно, этой «школе» далеко до той, сидоровской.

«Школа Сидорова» распалась и постепенно сходит со сцены. Грустно то, что достойной смены ей я что-то не вижу.

Декабрь 1994. Саппоро

С 44–61; Россия 1917 год: Выбор исторического пути. (Круглый стол историков Октября 22–23 октября 1988 г.). М.: Наука, 1989 (выступления Е.Н. Городецкого, В.Г. Хороса и др.). Неоконченные воспоминания В.И. Бовыкина о своей исследовательской работе см.: Бовыкин В.И. Из опыта архивных разысканий (фрагмент) // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 15–62.

«Парадная беднота» и другие участники коллективизации

Рецензия на книги: Гончарова И. В. Деревня Центрально-Черноземья накануне «великого перелома». Орел, 2013. 207 с.; Деревня Центрально-Черноземной области: начало колхозного пути. Орел, 2014. 249 с.

В истории российских реформ коллективизация — самая масштабная, самая сложная и самая политизированная. Как подчеркнул однажды японский исследователь этой проблематики Юзуру Таниучи, «история коллективизации всегда принадлежала не столько исторической науке, сколько политике. Так было во времена СССР, такое положение остается и после его распада и в России, и на Западе. Добываемые историками архивные материалы часто оказываются на обслуживании политических нужд. Основной критерий политизированной истории — “превозносим или клеймим”» (Современные концепции, 1998: 120). Орловский историк Ирина Гончарова не делает ни того, ни другого. Превозносить в духе «Краткого курса» и неосталинизма 1970-х гг. сегодня как-то нелепо, советская историография эту задачу перевыполнила с лихвой. Клеймить в духе «трагедии советской деревни» ей, похоже, неинтересно. А интересно удивительное многообразие деревенских событий в 1920-е — начале 1930-х, способное сокрушать идейно-политические шаблоны самым безжалостным образом.

Так, довольно разнообразными были те формы, которые стали принимать в 1920-е гг. колхозы и коммуны. Их создание, как известно, было частью партийной доктрины большевиков в период Гражданской войны, когда обрушение внутреннего рынка сопровождалось гибелью сельхозкооперации. Мелкое по определению считалось бесперспективным, исторически отжившим. Но вот в 1920-е гг. то тут, то там стала возникать крестьянская кооперация, по выражению председателя Колхозцентра Г. Н. Каминского, «в условиях новой экономической политики <...> как-то сама собой, и пришлось считаться с ней как с фактом» (Гончарова, 2013: 49). Однако Гончарова не склонна рассматривать эти первые колхозы и коммуны как разновидность кооперации, которая вновь становится реальностью, приспособляясь к новым экономическим

условиям. Скорее — как акты политического конформизма, когда приспосабливались все категории деревенского населения.

Где-то маломощные хозяйства провозглашали себя колхозом прямо на общинных землях, не без основания рассчитывая и на налоговые послабления, и на земельную прибавку от администрации, и на морально-психологическую поддержку сверху. Последняя могла выражаться в возмущенных публикациях в местной печати, в которых чисто крестьянские методы борьбы общинников со своими «хитрыми» односельчанами клеймились как «кулацкие» (Гончарова, 2013: 50–51). Где-то члены одной семьи в стремлении сохранить за собой добытые еще до революции земли объявляли себя колхозниками и весьма успешно при этом хозяйствовались. А где-то местные деятели из бывших кооператоров предпочитали колхозную форму организации, рассчитывая в этой связи на имущество дворянских усадеб, которое можно было сдавать арендаторам с большой выгодой для себя.

«Очевидно многообразие мотивов организации колхозов в 1920-е гг.: от попытки реализовать мечту о совместном производстве и образе жизни в духе социалистов-утопистов до банального расширения землепользования или сохранения бывших владений, — заключает Гончарова. — Социальный состав товариществ (наиболее распространенной формы колхозов) по данным на 1926 г. в Орловской губернии, дублировал социальный спектр деревни: 34,5 % бедняков, 60 % середняков, 5,5 % зажиточных <...> Под “коллективизацией” в 1920-е гг. подразумевалось умение устроиться при новой власти. Косвенным доказательством этого является динамика колхозов черноземных губерний в 1920-е гг., которая повторяет колебания экономической ситуации в деревне. Допущение арендных отношений, развитие рынка вызвали устойчивый рост коллективов всех видов в 1925/26 г. по сравнению с 1924 г.» (Гончарова, 2013: 53).

В дискуссии на международном круглом столе «Сталинизм и крестьянство» Гончарова привела еще один любопытный мотив организации колхозов в 1920-е гг. Ей попадались в архивах документы, из которых следовало, что хотя сельским партиям тогда раздавались в пользование мельницы и другие средства производства в порядке материального поощрения, одновременно в партийных рядах звучали требования прекратить подобную практику распространения «мелкобуржуазной стихии». Так или иначе, образовался слой довольно-таки зажиточных деревенских коммунистов. «Встает вопрос: а против кого тогда был направлен тезис о ликвидации кулачества? <...> Возникла опасность частичного совпадения образа кулака с образом коммуниста. Этого власть до-

пустить не могла, и с такими коммунистами она старалась бороться вплоть до исключения их из партии. Однако наиболее предприимчивые представители слоя обогатившихся коммунистов-хозяев довольно быстро оформили среди своих родственников что-то вроде артелей и колхозов и под это нахватили кредитов. После этого им процесс раскулачивания был уже не страшен» (Марченя, 2013: 411). Что-то до боли знакомое и неприлично актуальное.

Однако помимо актуального образа неожиданно разбогатевшей родни местного чинуши или народного депутата, есть во всем этом более важный момент — это деактуализация популярного ныне мрачного образа Сталина как единственного творца и исполнителя политики «трагедии советской деревни». Тут явная переключка с тем, как ставил вопрос о предпосылках коллективизации М. Левин в своей классической монографии «Русские крестьяне и Советская власть» (Lewin, 1975), впервые опубликованной в Париже в 1966 г. Он писал тогда о том, насколько мощно ситуация воздействовала на политику, вела ее за собой. В 1928 г. в партийном руководстве до предела обострился вопрос о создании эффективного аграрного сектора национальной экономики как главным условием дальнейшего индустриального роста страны и обнаружилось, что сотни тысяч крестьянских хозяйств проявляют инициативу объединения в колхозы. В 1929 г., когда Сталину как никогда остро потребовалась собственная программа по аграрному вопросу для довершения политического разгрома Бухарина, тенденция к созданию колхозов продолжала отчетливо нарастать. «Решения ноябрьского Пленума ЦК зафиксировали, что надежды руководства устремились в этом направлении» (Современные концепции, 1994: 56–57).

Год публикации эта книга Левина — это время окончательно завершения «оттепели» с закручиванием идеологических гаек. В Москве тогда увидели свет работа ректора Высшей школы профдвижения Г. В. Шарапова (Шарапов, 1966) и двухтомник заведующего Отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезникова (Трапезников, 1967), где ясно указывалось, куда должны стремить свои мысли советские историки коллективизации. А вот для западной историографии, как вспоминает французский специалист по истории СССР А. Берелович о книге Левина, «это был настоящий поворот. Поворот от чисто политической истории, где всё сводилось к борьбе за власть и интенциям власти, к истории социальной, к истории общества» (Современные концепции, 1994: 66). Поворачивали, разумеется, не многие, большинству уютнее было в накатанной колее антисталинизма. И спустя четверть века оценочные суждения американского профессора Р. Такера (Tucker, 1990: 172–203; Такер,

2012), французского историка Н. Верта (Куртуа, Верт и др., 1999: 145–187) и т.п. легко переключались в постсоветскую историографию. И рецензируемые работы Гончаровой хороши как раз тем, что в них есть много материала, затрудняющего эту «невыносимую легкость» смены парадигмы.

Вот еще один пример из этого смыслового ряда, он тоже из выступления Гончаровой на круглом столе «Сталинизм и крестьянство». «Статистика показывает, — говорила она, — что на первых порах большую часть организованной крестьянской бедноты на самом деле составляли советские служащие. Эти служащие впоследствии составили костяк так называемых групп бедноты. С “Положением о группах бедноты” в нашем регионе познакомилась уже после того, как провели смотр групп бедноты. То есть партийные органы еще не знали, *что* они создают, но уже работу в этом направлении вели. С самого начала очерчивается круг людей, которых я бы назвала “профессиональными бедняками”. Это такие завсегдатаи собраний, которые посещали все возможные мероприятия и активно поддерживали политику Советской власти. Вот такая “парадная”, если можно так сказать, беднота, на мой взгляд, появилась уже в конце 1920-х гг.» (Марченко, 2013: 412). Любопытные словосочетания: «профессиональные бедняки», «парадная беднота». Их употребление понятно: в рамках краткого устного выступления это хороший способ донести до слушателей суть явления. Но это уже становится каким-то буквально фирменным знаком крестьяноведения как метода познания: моральная экономика, этика пропитания, оружие слабых, этика праздности, циклическая мобильность...

Для какой-то части деревенского населения — и не только, кстати, для реальных бедняков — переход в категорию «парадной бедноты» в начале колхозного пути стал неплохой стратегией активного приспособления к политике центральной власти и действиям местных властей. Другие участники коллективизации из крестьян либо просто плыли по течению, либо использовали такое оружие слабых, как «самораскулачивание», «самораскрестьянивание», отход с предварительной распродажей имущества и покупкой профсоюзных билетов по 2 тыс. руб. и т.д. (Гончарова, 2013: 108–110).

Местные партийцы реагировали на давление сверху тоже очень по-крестьянски, слабо представляя себе, что такое «колхоз», однако давая в отчетах ту информацию, которую хочет видеть начальство. Секретари окружкомов эмоционально просили область о включении своих территорий в заветный список районов сплошной коллективизации. Областное руководство предпочитало рапортовать наверх, отталкиваясь от информации с мест и, в общем-то, пре-

красно зная ей цену. А крестьяне потом платили по 5 руб. за номер «Правды» с «Головокружением от успехов» (Гончарова, 2014: 97), где, как известно, партийная верхушка делает попытку понять, что происходит.

Происходило вроде бы переключивание с больной головы на здоровую, только очень трудно было понять, какая — где. Товарищ Жужжалов рассказывал участникам второй областной партконференции в июне 1930 г., как всё происходило, искренне недоумевая, за что теперь ему пеняют из округа: «Куравский, секретарь Курского окружкома, на совещании секретарей заявил, что теперь задача практического укрепления колхозов. Мы это поняли. Только уезжаем 14 февраля, получаем телеграмму — срочно обком требует сообщить, сколько коллективизировано? Я говорю на 50%. О, товарищи, вы отстали, надо 75%. Если бы аппарат наш не действовал так, не было бы безобразий. Я тогда прямо сообщил, думая, не попасть бы в правые оппортунисты (смех), написал т. Исаеву, что к 20 марта будет 90% (смех). И представьте себе, вышло 100% (смех). 100% потому, что у нас было назначено сразу несколько учредительных съездов (15–16–20 февраля), и вот с 20 февраля даем сведения 100% (Куравский: ты дал 105%) (смех). Нет, это не я. (т. Рябинин: сколько осталось сейчас? Осталось 7% (смех))» (Гончарова, 2014: 89–90).

И. В. Гончарова охотно дает высказываться героям своих книг — жителям доколхозной черноземной деревни, рядовым участникам коллективизации, партийным работникам всех уровней. И это очень ценно. От того, к примеру, лучше понимаешь, как возник уникальный язык произведений Андрея Платонова. Осмыслить, что происходило тогда, невозможно, продолжать и продолжать осмысливать — совершенно необходимо. И книги Гончаровой — очень качественное пособие для такой работы. Поэтому воздержусь от комментирования некоторых обобщений и выводов, которыми автор, кстати, не злоупотребляет. А вот общий взгляд на события столь авторитетного эксперта, каким был их современник, один из лидеров «Крестьянской России» Сергей Семенович Маслов, будет уместен в завершение этого краткого обзора монографий о коллективизации в Центральном Черноземье, где он и приводится в подтверждение изученных исторических материалов:

«Она [политика коллективизации. — В.Б.] не имела почти никакого плана и осуществлялась стихийно, зигзагами и скачками. Всякого рода регулирующие нормы в нее вносились центральной властью в самом ходе ее и обычно задним числом, когда регулируемое явление уже существовало в жизни. Роль стихии в ходе коллективизации играла коммунистическая партия с действенностью

всесилия и организационной изобретательностью местных организаций, а скачки и зигзаги обуславливались, с одной стороны, внешними толчками, шедшими от хлебозаготовок власти, и, с другой стороны, тем сопротивлением, которое оказывало коллективизации крестьянство. <...> Теперь деревня, разбитая в боях 1929–1930 гг. и короткой схватки 1932 г., может пользоваться только оружием слабых — пассивным сопротивлением» (Гончарова, 2014: 51, 225).

Чтобы не заканчивать на печальной ноте, хочу заявить, что это — как раз таки очень веселая, жизнеутверждающая нота. Это оно только так называется — «оружие слабых», а на самом деле применение его способно изменять все намерения и программы «сильных» до неузнаваемости. И последние в нашей стране будут по-настоящему сильными, без кавычек, когда научатся признавать это обстоятельство в своих учебниках истории и этот фактор в своих политических программах.

Список литературы

1. Гончарова И. В. (2013). Деревня Центрального Черноземья накануне «великого перелома». Орел: Издательство ОГУ.
2. Гончарова И. В. (2014). Деревня Центрально-Черноземной области: начало колхозного пути. Орел: Издательство ОГУ.
3. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. (1999). Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М.: Три века истории.
4. Марченя П. П., Разин С. Ю. (2013). Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола — третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013 / под ред. А. М. Никулина, М. Г. Пугачевой, Т. Шанина. М.
5. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. (1994). № 4–5.
6. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар (1998) // Отечественная история. № 6.
7. Такер Р. (2013). Сталин — диктатор. 1928–1941. М.: Центрполиграф.
8. Трапезников С. П. (1967). Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. М.: Мысль,
9. Шаранов Г. В. (1966). Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. М.: Мысль.

10. Lewin M. (1975). Russian Peasants and the Soviet Power: A Study of Collectivization. N.Y.: Norton.
11. Tucker R. (1990). Stalin in Power. The Revolution from Above. 1928–1941. N.Y., L.: W. W. Norton and Co.

Ключевые вопросы и темы исследований сельскохозяйственной кооперации в мире (по итогам конференции МКА)

Слабая вовлеченность отечественных специалистов в области кооперации в международное научное сообщество приводит к тому, что приходится заново выстраивать как тематическую карту исследований кооперации, так и «табель о рангах» ведущих ученых. Для преодоления ситуации группа сотрудников Центра аграрных исследований РАНХиГС приняла участие в международной конференции, посвященной изучению кооперации.

Конференция под названием «Будущее кооперативной модели: креативность, инновации и исследования» (*Future of the Cooperative Model: Creativity, Innovation, and Research*) прошла 27–30 мая 2015 г. в Париже. Она была организована исследовательским комитетом Международного кооперативного альянса (МКА)¹. МКА — это всемирная организация, объединяющая кооперативы на всей планете. Ее исследовательский комитет занимается координацией и поддержкой академических исследований кооперативов. Конференция собрала участников со всех континентов.

Среди участников — около 150 представителей из 37 стран. С докладами выступили 90 человек. Парижской конференции предшествовали конференции 2013 г. в Никосии (Кипр) и 2014 г. в Пуле (Хорватия), а она стала своего рода прелюдией к совместной конференции МКА и МОТ (Международная организация труда) 8–10 ноября 2015 г. в Анталье (Турция).

Группа сотрудников РАНХиГС (аффилированных также с НИУ-ВШЭ, РУК и РУДН) представила два доклада: «Методологические подходы к изучению российской кооперации и теория и практика кооперации как академическая дисциплина» и «Кооперация в сельской России: многообещающий потенциал и противоречивые перспективы».

На пленарном заседании выступил Майкл Кук (Michael Cook, Университет Миссури, США). Он остановился, в частности, на том, почему в развитых странах среди лидеров кооперативов мало жен-

щин и почему американские сельскохозяйственные кооперативы существуют так долго. Действительно, средний возраст таких кооперативов в Америке — 80 лет, тогда как некооперативные сельскохозяйственные предприятия функционируют менее 20 лет. Кук обратил внимание и на странную тенденцию критиковать успешные кооперативы. Насколько важна изначальная цель, с которой создавался кооператив? — спрашивает Кук. Именно цель, а не миссия. Эта цель может со временем меняться, или, напротив, быть очень устойчивой. Следующий вопрос — какая среда благоприятна для создания кооператива? Американский исследователь подчеркивает важность изучения доформальной стадии кооператива, т. е. стадии, когда будущие члены кооператива решали его создать, но еще не оформили как формальную организацию. А как сохранить энтузиазм членов кооператива, ведь выясняется, что апатия актуальна и для стран с развитой кооперацией. Наконец, докладчик коснулся проблемы нестабильности в управлении, указав на частую смену в управленческом составе кооперативов. В этом отношении кооперативы противоположны, например, акционерным обществам, где исполнительный директор, если он хорош, будет сидеть до самой смерти.

Несколько докладов были посвящены проблемам управления в кооперативах. Мюррей Фултона (Murray Fulton, Университет Саскатчеван, Канада) рассмотрел вопросы управления в федерациях кооперативов (*cooperative federations*), т. е. объединениях первичных кооперативов, имеющих свои структуры управления¹. Иными словами, это второй, третий и т. д. уровни управления над управленческими структурами первичных объединений. Различные организационные теории, начиная с 1970-х гг., ставят под сомнение эффективность таких сложных организаций, поскольку они порождают многочисленные проблемы в отношениях принципалов и агентов и увеличивают транзакционные издержки. Тем не менее федерации кооперативов продолжают существовать и порой довольно успешно работать. Опираясь на концепцию организационного познания (*organizational cognition*), Фултон предлагает три варианта объяснения их успешности. Во-первых, федеративное управление создает особую интерпретативную систему, которая позволяет обладать набором локальных знаний, недоступных централизованной организации. Во-вторых, благодаря распределению власти и влиянию федеративная организация может получить доступ к ресурсам, которых не имеют другие организации.

¹ Спонсорами конференции также выступали Coop FR, AgroParisTech и Французский национальный институт сельскохозяйственных исследований (INRA).

¹ Мы указываем только докладчика или первого в списке авторов, не смотря на то, что, как правило, у докладов было несколько авторов.

В-третьих, федеративная организация, используя нормы автономии и взаимозависимости, может усиливать склонность к компромиссу и коллективному действию по достижению общих (или даже общественных) интересов.

Вопросу о том, как глобальная конкуренция меняет отношения кооператива со своими членами, был посвящен доклад Йоса Биймана (Jos Bijman, Университет Вагенинген, Нидерланды). С его точки зрения, конкуренция между кооперативами и некооперативными организациями на мировых рынках продовольствия усиливается. Концентрация розничной торговли, строгий контроль качества продукции и глобализация приводят к изменению отношений кооперативов со своими членами. Автор рассматривает влияние четырех управленческих механизмов (рынка, иерархии, сообщества и демократии) на кооперацию и координацию внутри сельскохозяйственных кооперативов и высказывает предположение, что координация становится более важной составляющей успеха, нежели кооперация.

Новые перспективы изучения кооперативных организаций в рамках институционализма предложил Карло Борцага (Carlo Borzaga, Университет Тренто, Италия). Внутриорганизационные механизмы и управление, специфические для кооперативов, способны сделать эту организационную форму более эффективной, нежели классические предпринимательские организации (*entrepreneurial organizations*). Кооперативы в большей степени полагаются на доверие, реципрокные отношения и социальный капитал. Борцага выделяет добровольную спонтанную кооперацию в качестве механизма координации, наряду с традиционными механизмами рынка и иерархии. Доминирование в кооперативах подобного рода координации может обеспечить им конкурентное преимущество перед альтернативными формами организации экономической деятельности.

Интерес представляет тема лояльности (приверженности) членов кооператива своей организации. Проблема измерения вовлеченности членов кооператива во внутриорганизационную жизнь рассмотрена в докладе Ричарда Симмонса (Richard Simmons, Университет Стерлинга, Шотландия). Он предлагает подход, разработанный за пределами исследований кооперации, и носящий довольно броское название Outcomes Star¹. С помощью этого подхода измеряются такие ключевые для кооператива параметры, как демократичность, участие, лояльность, приверженность и идентич-

ность. Ключевыми для работы кооператива являются: представленность интересов и идентичностей членов; возможность членов повлиять на решения; способность создать чувство приверженности и лояльности.

Фабрис Кассу (Fabrice Cassou, Университет Ренн-1, Франция) рассказал о положительном влиянии солидарности на результаты работы кооперативов Франции в сегменте розничной торговли. Он аналитически разделил солидарность на шесть компонент: экономическую, техническую, управленческую, финансовую, правовую и политическую. Традиция устной передачи кооперативных ценностей, норм и знаний предполагает активную вовлеченность членов в жизнь кооператива.

Несколько выбивающийся из общего контекста доклад представил Луиджино Бруни (Luigino Bruni, Университет LUMSA, Италия), который на основе межстранового сравнения рассмотрел вопрос, влияет ли кооперативность на счастье. Статистика показывает, что даже в одинаково развитых экономически странах уровень счастья (по самооценке респондентов, естественно) может сильно колебаться. Подобная неоднозначная связь экономического благосостояния и счастья известна как парадокс Истерлина (*Easterlin paradox*). На основе математической модели делается вывод, что влияние кооперативности на счастье есть и идет оно через так называемые отношенческие блага (*relational goods*), т. е. блага, наслаждаться которыми невозможно в одиночку (например, в командных видах спорта, хоровом пении или карточных играх).

Отдельная рабочая панель конференции была посвящена теме жизненного цикла в сельскохозяйственных кооперативах. Константин Илиопулос (Constantine Piopoulos, Сельскохозяйственный университет Афин, Греция) остановился на проблеме управления издержками собственников в течение жизненного цикла сельскохозяйственного кооператива. Собственники сталкиваются с двумя видами издержек: контрактными и собственности. На начальных этапах жизненного цикла первостепенное значение имеет минимизация контрактных издержек, тогда как потом на передний план выступают издержки собственности. Этим сдвигом автор объясняет организационные преобразования, которые нередко происходят в кооперативах на более поздних стадиях их жизненного цикла.

Фабио Чаддад (Fabio Chaddad, Университет Миссури, США) представил доклад о новом поколении сельскохозяйственных кооперативов в Бразилии и постарался объяснить, как этим фермерским кооперативам удалось преодолеть проблемы коллективного действия и проблемы начального этапа их существования.

¹ Название можно перевести как «Звезда результатов», где различные параметры оценки работы графически выстраиваются в виде звезды.

Все доклады описать невозможно. Поэтому ограничимся некоторыми докладами из разных панелей. Моррис Альтман (Morris Altman, Университет Ньюкасла, Австралия) привлек внимание к дилемме, затрагивающей всякий кооператив, который начинает доминировать в какой-либо сфере: превращается ли он в монополию или остается саморегулируемым конкурентным предприятием. Согласно автору, производственный кооператив вполне может вести себя как заправский монополист, но это не будет верно в отношении потребительского кооператива.

Синтия Джанокаво (Cynthia Giagnocavo, Университет Альмерии, Испания) представила доклад о возможностях и преградах к созданию фермерских кооперативов. Несмотря на кажущуюся очевидной выгоду кооперации, она распространяется неравномерно, процветая в одних местах и оставаясь неразвитой в других. В качестве примера в докладе приводятся Испания, где кооперация успешно развивается, и Болгария, где она не только не развивается, но, напротив, сворачивается. Автор задается вопросом, достаточны лишь утилитарные аргументы (о выгоде кооперации) для успешного продвижения кооперативных форм организации или существуют иные возможности и препятствия.

Нора Хаддад (Nora Haddad, *FAO*, Италия) рассказала о роли социального и организационного капитала в развитии кооперации на примере движения *CUMA* (кооперативы по использованию сельскохозяйственной техники)¹.

Одно из пленарных заседаний было целиком посвящено кооперативным ценностям, точнее, эволюции кооперативных принципов, которые уже несколько раз пересматривались. Таким образом, исследования кооперации являются вполне благодатным объектом, и приходится сожалеть, что российские ученые пока находят не на виду в мировом академическом сообществе.

¹ Оригинальное название на французском: *Coopérative d'Utilisation de Matériel Agricole*.

XXXIV сессия международного Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы

В сентябре 2014 г. в Самаре состоялась очередная сессия Симпозиума — объединения историков-аграрников России, непрерывно действующего с 1958 г., единственного сохранившегося из ряда профессиональных советских научных ассоциаций. Нашему Симпозиуму повезло — в непростые 1990-е гг. его возглавлял выдающийся ученый и организатор Леонид Васильевич Милов. Сейчас знамя несет известный московский историк Елена Николаевна Швейковская, спокойно, но уверенно решающая сложные финансово-административные вопросы; большую работу проводит ученый секретарь Наталья Викторовна Соколова.

Наше сообщество собирается через каждые два года в разных городах. На этот раз свои объятия гостеприимно распахнула Самара, где все оргвопросы принимающей стороны взял на себя один из старейших историков-аграрников Поволжья Петр Серафимович Кабытов. Хозяева постарались — конференция удалась. Выступили около сотни участников из десятков регионов России, гости из Белоруссии и Китая; украинские докладчики ограничились публикацией статей. Работали в трех секциях, материалы самарской сессии и даже фотоотчет уже выложены на сайте Симпозиума (<http://sites.google.com/site/sahee1958/home>).

Каждые два года, забрасывая все дела и расходуя свои деньги (в этот раз хозяева компенсировали затраты), я отправляюсь на этот единственный среди гуманитарного пространства России Симпозиум. Зачем? В чем его ценность? Прежде всего, это проверка своей квалификации, здесь слушаешь коллег, листаешь подаренные книги, участвуешь в дискуссиях и проверяешь себя, ты на уровне или нет. Бесценное общение открывает новые технологии, анализируя доклады и сообщения понимаешь, куда движется наука, какие тренды в моде, какая тематика доминирует, кто над чем работает.

В этом отношении самарская сессия дала обильную пищу. Предложенная организаторами магистральная тема — «Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.» — довольно строго выдерживалась в докладах и сообщениях. Примечательно само восприятие темы научным сообществом России — спокойное, академическое: налоги платить

все же надо при любых царях. Старые советские эмоции про угнетение народа через жуткое бремя налогообложения редко звучали в выступлениях. Вообще политическая компонента, которая еще 10 лет назад бурлила в страстных речах В. П. Данилова, почти ушла. Почти. По крайней мере, она теперь скрывается под флером академичности и цифрами якобы беспристрастной статистики.

По старинной, из прошлого тысячелетия, традиции открытие сессии и пленарное заседание состоялись в Министерстве сельского хозяйства Самарской области, и первый доклад сделал лично министр В. В. Альтергот. Секции прошли в дружеской и теплой обстановке, атмосфера была очень демократичная, но молнии все же сверкали.

На пленарном заседании одним из центральных докладов стало выступление пензенского историка, одного из лидеров современной российской науки в своей области, чьи книги стоят на полках магазинов, наверное, всей страны, Виктора Викторовича Кондрашина. Его вклад в разоблачение украинской пропаганды о Голодоморе хорошо известен всему научному сообществу. И на самарской трибуне он подробно рассказал о хлебозаготовках, еще раз помянул манипуляции наших соседей, а вывод сделал свой традиционный: крестьянство СССР в начале 1930-х гг. принесло себя в жертву (было принесено) на алтарь индустриализации. Да, были кровь и мучения, но требовалось крепить оборону, вот хлебушек и вырывали из голодных детских ртов и везли проклятым буржуинам. Это, повторюсь, классическая версия В. В. Кондрашина, изложенная в его работах. Идея классоцида им отвергается.

Но сообщество специалистов даже на убедительные конструкции смотрит критически. Из зала прозвучал «наивный» вопрос: а какова была доля хлеба во всем экспорте СССР в начале 1930-х гг.? Ведь везли за рубеж лес и металлы, золото и пушнину, нефть и массу всякого иного. Может, удельный вес доходов от продажи зерна, которое сбывалось за бесценок в условиях мирового кризиса, был небольшой? И ради таких, возможно, скромных результатов не стоило умерщвлять миллионы крестьян? Придерживающийся своей концепции Виктор Викторович остается настоящим ученым с большой буквы. Он честно рассказал, что понимает вопрос, что пытался в центральных архивах найти подобные цифры, но все засекречено и даже он, Кондрашин, с его допусками к тайнам нашей истории, ничего не узнал. Экспорт СССР в 1930-х гг. — государственная тайна.

И резюме: раз мы не знаем истинной цены выкаченного, вырванного из голодных ртов русского, украинского, белорусского, казахского крестьянина и вывезенного за рубеж хлеба, то чего

стоят филиппики о неизбежности, необходимости жертвоприношения? Честный ответ: мы не знаем! Пока.

Традицией последних сессий Симпозиума давно уже стали круглые столы в последний день работы. В 2014 г., естественно, он был посвящен Первой мировой войне. После добротных докладов Н. Ф. Тагировой (Самара), поразившей аудиторию своим анализом ценовой динамики, и М. В. Оськина (Тула) началось обсуждение. В «рукопашной» сошлись М. Д. Карпачев (Воронеж) и Г. Е. Корнилов (Екатеринбург) с двух разных секций, «досоветской» и «советской».

Михаил Дмитриевич, как всегда образно, ярко, со вкусом, поведал, как разбогатела деревня в годы Первой мировой войны. Поток обесценивавшихся, правда, денег, бурный рост цен на продукты, вздорожание рабочих рук для зернопроизводящих регионов стало источником стремительного обогащения. Хлеб стал главной деньгой, и горожане пошли на поклон в деревню к мужикам. Это вообще-то очевидно и нормально. Во время любой войны возникает нехватка продовольствия, и сельхозпроизводители (страны, губернии, социальные группы) наживаются на дефиците, невзирая на призывы к патриотизму.

Уже подуставшие участники Симпозиума благодушно и с удовольствием слушали красочный спич М. Д. Карпачева. Видимо, именно этот успокоительный настрой и вызвал внезапную реакцию Геннадия Егоровича Корнилова. Оказалось, у них на секции живописали страдания и мучения деревни под разваливающимся игом самодержавия в годы Первой мировой. Война и прибыль, кровь и процветание, возможно ли такое? А если учесть, что в своих работах Корнилов постоянно ставит знак равенства между царским и советским самодержавием: и там голодали и тут. Кто виноват? Отсутствие модернизации и Санта Клаус, кстати, родом из Евросоюза. При чем тут Сталин и иже с ним?

Самарская сессия подтвердила сложившуюся «расстановку сил» в аграрно-исторической науке. Если «советская» секция была разделена на две подсекции из-за большого количества участников, то в «досоветскую» вошли все историки от Киевской Руси до Николая I: бурный интерес к советской эпохе (все жаркие споры касались только ее) и, напротив, — царство академизма по предшествующим столетиям, потерявшим актуальность в глазах власти.

Отметим падающую роль обеих столиц. Санкт-Петербург был представлен лишь на первой секции славными именами Зои Васильевны Дмитриевой и Михаила Борисовича Свердлова. Если на первой секции руководство пополам делили Москва и Самара, то вторую вели Воронеж, Калининград и Самара, третью — Ново-

сибирск, Пенза, Калуга и Самара. В Москве интерес к непрестижной (и неприбыльной) аграрной истории весьма скромнен. Среди организаторов сессии присутствует один Институт славяноведения, среди участников — еще МГУ, Институт всеобщей истории и др. Представителей головного Института российской истории РАН последние годы вообще не видно. Крестьянство, составлявшее еще полвека назад большинство населения страны, почти никто не изучает, считая тему второстепенной. Наука ушла в провинцию.

А вообще было очень интересно и полезно. Самарская сессия останется в памяти. Идем дальше.

Кооперация, самоуправление, самоорганизация и продовольственная безопасность

24–25 сентября 2015 г. Центром аграрных исследований РАНХиГС при участии Интерцентра и МВШСЭН, а также при поддержке Фонда Розы Люксембург прошла международная конференция «Кооперация, самоуправление, самоорганизация и продовольственная безопасность», посвященная истории и современности кооперативного и муниципального развития, движению местных экономических и культурных инициатив, а также вопросам самоорганизации общества «снизу» в рамках политики обеспечения продовольственной безопасности. В конференции приняли участие специалисты в области социально-экологических и социально-экономических проблем регионального развития, представители муниципалитетов, активисты общественных организаций, реализующие проекты развития местных территорий, агропроизводители.

В первый день конференции обсуждались основные методологические подходы к исследованию сельскохозяйственной кооперации в широкой исторической и сравнительной перспективе, в частности, в свете российского и немецкого исторического опыта создания аграрных кооперативов с конца XIX века; форматы развития сельскохозяйственной кооперации (низовые инициативы отдельных производителей и государственное проектирование «сверху»); гражданские практики сельских сообществ в отдельных регионах России (прежде всего, в Алтайском и Пермском краях, а также в ряде регионов Сибири и Поволжья) как способствующие самозанятости сельского населения, обеспечению продовольственной безопасности и устойчивого социально-экономического развития.

В докладах *А. В. Соболева* (Москва, Российский университет кооперации) и *Ш. Мерля* (Германия, Билефельдский университет), отталкивавшихся от теоретических идей и практических предложений выдающихся российских и немецких основоположников кооперации Райффайзена, Чаянова, Емельянова были проанализированы особенности более чем столетней истории кооперативного развития двух стран, показаны успехи и неудачи российской и немецкой кооперации, поставлены вопросы совершенствования кооперативов России и Германии.

В докладе *А.В. Морозова* (Москва, Президент Российской организации ревизионных союзов сельскохозяйственных кооперативов) критически переосмыслились проблемы и перспективы российской кооперации в современных условиях. Докладчик отметил основные трудности в развитии кооперации, связанные с отсутствием доверия среди членов кооперативов, бюрократическим несовершенством законов, деструктивным воздействием индивидуалистического поведения на коллективистские идеалы кооперации.

В выступлении *А.А. Куракина* (Москва, Центр аграрных исследований РАНХиГС) особо отмечалось традиционно сильное воздействие российского государства на кооперацию. Обратившись к конкретным примерам современного успешного развития сельской кооперации в Белгородской и Липецкой областях, докладчик подчеркнул, что их успехи были связаны с эффективным и неустанным контролем за развитием кооперации со стороны государства. С другой стороны, отмечалось, что подобная государственная гиперопека деформирует кооперативы, которые страдают старой отечественной «болезнью» огосударствления общественных институтов.

Подводя итоги кооперативной секции, ее участники отмечали, что в год 100-летнего развития отечественной кооперации ее членам предстоит решать множество проблем, связанных как с несовершенством формальных правил кооперативного законодательства, так и с реальной угрозой апатии, недостаточной солидарностью участников российской кооперации.

От проблем кооперации как одного из исторически первых и самых известных примеров самоорганизации населения, участники конференции обратились к современным структурным и региональным особенностям самоорганизации, также (как и кооперация) связанных с проблемами продовольственной безопасности.

В презентации *К.В. Аверкиевой* (Москва, Институт географии РАН) «Отходники и бездельники в структуре занятости сельского населения» был проанализирован широко распространенный в современной России массовый отход сельских трудящихся в города, представлены различные виды и группы современных отходников, описаны стратегии их социально-экономического поведения.

О.П. Фадеева (Новосибирск, ИЭОПП СО РАН) в своем докладе «Земля как ресурс сельского развития: сибирские практики» убедительно продемонстрировала многообразие формальных и неформальных отношений в вопросах землепользования в сибирском регионе, где разнообразные уклады сельской жизни сосуществуют и конкурируют между собой при частном, семейном и коллективном использовании земли.

И.П. Басалаева (Новокузнецк, НФИ КемГУ) на примере Кемеровского региона проанализировала политику продовольственной безопасности, осуществляемую областным руководством.

В.А. Болотова (Оханский район, Пермь) представила результаты социального проекта, поддержанного Фондом Розы Люксембург и направленного на укрепление взаимодействия поколений при устойчивом сельском развитии Оханского района Пермского края.

А.М. Сергиенко (Барнаул, Алтайский филиал РАНХиГС), анализируя гражданские практики сельских сообществ в Алтайском крае, показала, как в последние десятилетия из одиноких инициатив возникали местные общественные институты.

А. Вуст (Германия, Лейпцигский институт социальной географии) представил результаты междисциплинарного российско-германского академического проекта, направленного на устойчивое технико-экологическое и социально-экономическое развитие Кулундинской степи Алтайского края.

Второй день конференции начался с обсуждения вопросов самоуправления, самоорганизации и продовольственной безопасности на конкретных «кейсах» из разных регионов России. На примере села Лох Саратовской области *В.Г. Виноградский* (Социально-экономический институт РЭУ им. Г.В. Плеханова) продемонстрировал возможности регенерации крестьянских хозяйственных практик в конкретных сельских микромирах, подчеркивая, что сегодня некорректно говорить о крестьянских мирах, но сельские миры все еще могут сохраниться благодаря усилиям, в первую очередь, «пришлых» людей. В этом его убеждает четверть века полевых наблюдений за жизнью российских сельских поселений — с начала первого крестьяноведческого проекта в новейшей истории России под руководством Т. Шанина. Повсеместно в сельской местности начинаются «микродвижения» местных и пришлых активистов, за которыми просматривается будущее малого экологически чистого производства. Подобные движения необходимо отслеживать социально-антропологическими исследовательскими инструментами, поскольку они являют собой примеры того социального возрождения села и восстановления его социальной ткани, что сегодня скрепляет воедино множество новых и прежних сельских миров.

Н.И. Тормосова (Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей, Архангельская область) сфокусировалась на истории и современном состоянии системы сельского расселения в Каргополье, убедительно показав, что понять причины и общую логику сохранения богатейшего культурного наследия и сельской жизни на этих северных территориях невозможно,

не увидев особенностей сельского расселения. Это сочетание всех типов расселения, доминирование приозерного типа, наличие самого северного агроландшафта в Европе на безводных территориях, катастрофическое сокращение числа деревень вследствие разрушения совхозных хозяйств в постсоветский период, однако именно это часто оказывалось вне внимания исследователей. Характерные для постсоветской истории России проблемы сельских территорий проявляются в Каргополье особенно выпукло: сжимание освоенных сельских пространств в результате миграционного выталкивания молодежи в более социально-экономически благополучные центральные районы страны ведет не только к депопуляции, но и к исчезновению исторической памяти, разрушению культурных артефактов.

Совершенно иначе прозвучал доклад *Ю.Г. Тереховой* (Санкт-Петербург, музей «Дом со львом»), в котором были продемонстрированы возможности сохранения сельских поселений за счет предельно локальных, но эффективных для мобилизации местной инициативы и социального капитала культурных проектов. Яркий пример тому — частный музей в селе Поповка Саратовской области «Дом со львом», где удивительным образом сохранились наивные росписи начала XX в., созданные примерно с 1905 по 1917 г., — на этой основе создан культурный центр для проведения мероприятий просветительно-развлекательного характера. Второй кейс, пока еще находящийся на начальных стадиях реконструкции и восстановления, — терем в селе Асташово Костромской области, построенный в 1897 г. отходником Марьяном Сазоновым. В нем планируется создать музей личных историй местных жителей, объединенных разными тематическими акцентами. Данные кейсы наглядно иллюстрируют, что благодаря культурным проектам местные жители начинают видеть в никому прежде не интересных руинах не просто некий культурно значимый музейный объект, понимать смысл выражения «сохранение культурного наследия», но лишаются своей «когнитивной слепоты», мобилизуются в целях удержания в селе молодежи, вовлечения в общественную жизнь пожилых односельчан, поддержки социального капитала и связей сельской интеллигенции.

В выступлении *И.В. Коптевой* (Центр аграрных исследований РАНХиГС) был осуществлен сопоставительный анализ научной терминологии описания стратегий локального развития в зарубежной и отечественной литературе, а также конкретных форматов его осуществления на примерах северо-западных регионов России и отдельных поселений Финляндии. Как показывает ее исследовательский опыт, даже в самых малых поселениях Финляндии обя-

зательно существуют общественные организации разных уровней (национальные, региональные и местные), иными словами, повсеместно распространено и весьма influentially гражданское общество. В России подобных организаций не так много, поэтому речь пока может идти только об отдельных проектах, но они зачастую имеют более ярко выраженный, длительный и устойчивый социальный эффект, чем в Финляндии, поскольку обучают людей проектной деятельности в целом и успешным стратегиям получения грантов в частности. В итоге наиболее инициативные селяне запускают социальную активность в своих поселениях, несмотря на то, что в России проектная деятельность развита слабо, информации о грантах мало, отчетность слишком сложная, и зачастую проще отказаться от проекта, чем согласиться на ведение его отчетности и найти партнеров. Однако даже малые гранты дают толчок для социального развития села, стимулируют формирование социальных сообществ территорий, повышают уровень социального доверия и моральной ответственности жителей.

Завершил второй день конференции круглый стол «*Сельское развитие: Россия и мир*», на котором проблематика конференции была рассмотрена в международном контексте. Проблемы стран BICAS (Бразилия, Индия, Китай, Южная Африка) с точки зрения возможностей их научного изучения в формате критических аграрных исследований обозначил координатор международного проекта BICAS *Джун Боррас* (главный редактор журнала *Journal of Peasant Studies*, Международный институт социальных исследований в Гааге). Прикладной формат реализации подобной исследовательской ориентации в изучении ситуации в конкретных регионах раскрыли *Рут Холл* (Институт исследования бедности, земледелия и аграрных проблем, Кейптаун) и *Сержио Шнайдер* (Национальный университет Рио-Гранде-до-Сул в Бразилии и Центр продовольственной политики в Лондоне). Общую тональность выступлений и дискуссий в рамках круглого стола задавал *Теодор Шанин*, предварив доклад Дж. Борраса уточнением, что аграрные исследования сегодня как никогда важны, причем именно в так называемых странах третьего мира и развивающихся странах. Анализируя общую логику, особенности и проблемы сельского развития в неиндустриальных странах, можно не только выявить стратегии самоорганизации и выживания неформальных крестьянских экономик, но и лучше понять, в чем же своеобразие жизни в развитых индустриальных странах, где сегодня с большой натяжкой можно говорить лишь о сельских мирах, но отнюдь не о крестьянских — с точки зрения производственных моделей и общей организации повседневной жизни.

Боррас, один из лидеров и вдохновителей международной исследовательской сети BICAS, в своем докладе сосредоточился на принципах и задачах данной организации, частью которой на базе Центра аграрных исследований РАНХиГС может стать и Россия. В последние годы стала очевидна тенденция возрождения критической ориентации в сфере аграрных исследований, фактически можно говорить о втором «золотом веке» аграрных исследований после всплеска интереса к трансформациям жизни в сельской местности в период 1960-х — 1980-х гг. и нескольких десятилетий их игнорирования после. По мнению Борраса, рост интереса ученых в разных странах и различных дисциплинарных полях к критическим аграрным исследованиям связан в значительной степени с выходом стран БРИКС на международную арену и укреплением позиций стран со средним уровнем доходов (например, Индонезии, Таиланда, Чили и др.), которые потянулись за странами БРИКС. Это важный контекст понимания аграрных преобразований в каждой отдельно взятой стране, прежде всего из числа входящих в группу БРИКС, поскольку в них повсеместно происходит аграрное переструктурирование хозяйственных, производственных и повседневных жизненных практик. В частности, в странах БРИКС, с одной стороны, все еще относительно дешева рабочая сила, хотя уровень заработной платы здесь растет, о чем ярко свидетельствует пример Китая; с другой стороны, в этих странах растет и уровень потребления, и разнообразие видов предпринимательской деятельности, и возможности социальной (само)организации. По уточнению Борраса (и по небольшому числу кейсов из нынешней российской действительности, которые были представлены на конференции в первой половине дня), очевидно, что сегодня даже в рамках одной отдельно взятой страны нет и не может быть единого пути аграрной эволюции — существует множество разнообразных сценариев трансформации сельской местности — в тесном взаимодействии с городами и под влиянием ситуации в соседних странах.

Соответственно, задача BICAS как практически ориентированной исследовательской команды ученых из разных стран мира — не вычленять некую срединную и правильную стратегию сельскохозяйственного развития или жестко критиковать какую-то неправильную (скажем, агрессивно-захватническую политику Китая по скупке все новых земель сельскохозяйственного значения в Африке), не сравнивать разные страны и подходы, чтобы выбрать оптимальный/срединный/нужный, а попытаться понять самим и объяснить максимально широкой аудитории (включая сельхозпроизводителей, а не только академическое сообщество),

что происходит в разных странах. И уже в свете этих тенденций, сквозь эту аналитическую и реалистическую призму посмотреть на собственные общества. Фактически негласный лозунг BICAS можно сформулировать следующим образом: «Взгляни на мир по-новому — тогда ты сможешь изменить его».

Доклады *С. Шнайдера* и *Р. Холл* и были призваны продемонстрировать познавательные возможности и практические следствия данной исследовательской ориентации на примере двух стран, представителями которых они являются, — Бразилии и Южно-Африканской Республики. Шнайдер отметил, что все эффективные инициативы по возрождению сельского хозяйства в Бразилии и в Латинской Америке в целом сегодня осуществляются посредством государственной и грантовой поддержки небольших кооперативов, в полном соответствии с пропагандируемой (в том числе и католической церковью, чьи позиции сильны в стране) с 1980-х гг. задачей упрочения социальной солидарности. Сегодня в Бразилии возникает новое мощное кооперативное движение (прежнее имело скорее предпринимательский характер, будучи ориентировано на рост масштабов и темпов экспортного сельскохозяйственного производства), для которого приоритетны идеалы взаимной поддержки и социальной солидарности сельских жителей, чему способствует и государство, принявшее, в частности, программу государственных закупок продовольствия только и исключительно у небольших объединений фермеров — у кооперативов.

Схожие процессы протекают и в Южной Африке. По мнению Холл, здесь сильный прежде семейный сектор сельской экономики постепенно утрачивает свои позиции, превращаясь в кооперативный при поддержке государства; параллельно возникают все новые мелкие коммерческие и производственные кооперативы фермеров. Безусловно, пока кооперация остается несколько маргинальным явлением в сельском хозяйстве страны, однако существует множество важных примеров, показывающих выгоды кооперации. Оба докладчика подчеркнули, что у BICAS, активными членами которого они являются, нет задачи проведения сопоставительного анализа: главное — понять суть происходящих внутри каждой страны трансформаций, используя для этого весь комплекс релевантных методологических и методических подходов. Иными словами, аграрным ученым сегодня нужны многослойные исследования глобального характера, а не сравнительные проекты глобального масштаба.

Владимир Фоменко (представитель Фонда Розы Люксембург) отметил чрезвычайную важность тематики конференции в вопро-

сах продовольственной безопасности и сельского развития, конечно, не только для России, но также для стран ее ближнего зарубежья. Бесспорно, чрезвычайно перспективным, по его мнению, может стать ее продолжение в формате БРИКС.

В заключение круглого стола выступили его российские организаторы. *Т. Шанин* подчеркнул недопустимость экономоцентрических перекосов в работе BICAS. Сегодня крайне важно дополнять привычную нам экономическую макрооптику социологическими и антропологическими подходами, особенно их методологическими и методическими наработками, в частности, восстанавливая позиции несправедливо забытых трудов российских ученых начала XX в., например А. В. Чаянова.

А. М. Никулин (руководитель Центра аграрных исследований) отметил, что международный контекст вновь показал, сколь схожи проблемы и родственны сюжеты сельского и сельскохозяйственного развития в самых разных странах мира. И наиболее остро они стоят там, где речь реформаторов и государственных чиновников идет исключительно об экономике, а вопросы социального развития сельских поселений и территорий игнорируются.

Подытожил работу круглого стола Дж. Боррас, отметив, что у BICAS нет четких ответов — скорее есть множество вопросов, в обсуждение которых должно быть вовлечено как можно больше стран, причем дебаты эти должны быть одновременно интеллектуальными и политическими и вестись обязательно в междисциплинарном поле. В этом смысле России, безусловно, необходимо присоединиться к работе BICAS, поскольку, с одной стороны, вопросы российского сельскохозяйственного развития всемирно важны, а с другой — в России существует огромная интеллектуальная традиция критических аграрных исследований, которую следует интегрировать в международное поле современных аграрных исследований.

Сведения об авторах

Бабашкин Владимир Валентинович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций РАНХиГС

Божков Олег Борисович — старший научный сотрудник Социологического института РАН, руководитель научно-исследовательского центра «Биографический фонд»

Вегрен Стивен — профессор политологии, директор Центра международных и региональных исследований Южно-Методистского Университета (Даллас, США)

Виссер Оане — профессор антропологии Международного института социальных исследований, Гаага, Нидерланды

Гордон Александр Владимирович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Данилов Виктор Петрович — доктор исторических наук, профессор

Игнатова Светлана Николаевна — научный сотрудник сектора исследований социальной структуры Социологического института РАН

Кондрашин Виктор Викторович — доктор исторических наук, профессор, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

Копотева Инна Викторовна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС

Кузнецов Игорь Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС

Куракин Александр Александрович — старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ-ВШЭ, научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС

Мамонова Наталья — доктор антропологии Международного института социальных исследований, Гаага, Нидерланды

Мерль Штефан — профессор истории, Билефельдский университет (Германия)

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС

Никулина Екатерина Сергеевна — научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС

Посадский Антон Викторович — доктор исторических наук, доцент, профессор Поволжского института управления им. П. А. Столыпина РАНХиГС (Саратов)

Пугачева Марина Геннадиевна — старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

Роднов Михаил Игоревич — доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

Соболев Александр Валерьевич — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Российского университета кооперации, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС

Споор Макс — профессор социологии Международного института социальных исследований, Гаага, Нидерланды

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета Дружбы народов

Фадеева Ольга Петровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

Annotation

Visser O., Mamonova N., Spoor M., Nikulin A.
Quiet food sovereignty within loud food security

The authors analyze the meaning of the food sovereignty concept in a situation, when public initiative and activism of rural dwellers are weakened by the previous Soviet and post-Soviet experience of the political indifference on the background of the state loud ideological campaign to strengthen food security. Focusing on the Russian reality, the authors outline the contours of a particular type of food sovereignty based on the concept of ‘peaceful resistance’, and define this type as a diversified, camouflaged and formed ‘from below’ “quiet food sovereignty”. The role and importance of smallholdings within this type of food sovereignty are strongly deemphasized by the state and partly by the households themselves: they both tend to view smallholdings not as an alternative to the agricultural complex, but rather as its supplement (although sometimes it is the production of households that has higher efficiency, ecology and social significance indices). The “quiet food sovereignty” completely excludes the open debate, which is usually associated with guarantees of food security. The article outlines prospects of “quiet food sovereignty” as a movement for the food security ‘from below’, and stresses the importance of the study of implicit everyday forms of its support.

Key words: food sovereignty; food security; rural activism; smallholdings; small farmers; dachas; post-socialist period.

Gordon A. V. Chinese town and village under
the disintegrated growth

The article analyzes the dynamics of inequality between urban and rural populations and forms of its manifestations in the course of China’s transition to the market economy and intensive industrial growth. The author notes the importance of this inequality as a factor of redistribution of resources from the agrarian sector to the development of

the industry, stresses the growing crisis in rural areas, and draws attention to the attempts of the Chinese leadership to overcome it.

Key words: China; villages and towns; reforms; economic growth; social inequality; urbanization; labor migration; demographics; ecology.

Posadskiy A. V. The help for the families of peasants called to the army in the Saratov province in 1915

The article describes the help for the families of peasants of the Saratov province called to the army during the First World War. This help was of extreme importance under the massive outflow of workers from the villages. The main source of data for the article — reports of the heads of zemstvos, and such data is relatively rarely used by researchers. The author makes some suggestions about the factors that could have made the help for the families of peasants more effective.

Key words: peasants, the First World War, agriculture, mutual aid, zemstvo, head of the zemstvo.

Sobolev A. V. Russian Institute of Agricultural Cooperation in Prague

The article reconstructs the largely unknown and forgotten page in the history of Russian cooperation describing the work of the Russian Institute of Agricultural Cooperation in Prague. The author examines the birth and the development of the cooperative scientific-educational school of the Russian emigrant thought on the basis of the data of the State Archive of the Russian Federation (Russian foreign historical archive, fund 5938).

Key words: agricultural cooperation, scientific-educational school, Russian emigrant thought.

Merl S. How did Stalin manage to prevent the “green revolution” in Russia? On the question of slowing down the agro-technical progress (1927–1941)

The author seeks to answer the following questions: what was the essence of the efforts to implement the agro-technical progress in the transition to the forced collectivization; what were the long-term trends in the changes of productivity. He analyzes the events of

the forced collectivization, the problems with the introduction of crop rotation (1932–1935), and the efforts made to restore order in land relations through the “transfer of land to collective farms ‘forever’” (1935–1937). On the example of the “Program for the Nechernozemie” in 1935–1936 the article shows the gap between the plans and bitter realities. The author describes the state reaction to the loss of state reserves of high-quality seed grain after the poor harvest in 1936, and how the party leadership blamed experts for the failure of the “green revolution” and “better life”. Finally, the article considers the fourth attempt of the “green revolution” in 1939 in connection with the works of Benediktov, the cruel violence against agricultural producers, and the grandiose regional plans to transform the nature and their results.

Key words: “green revolution”, collectivization, Stalinism, crop rotation, agrarian policy.

Danilov V. P. On the Russian chastushka

The article considers the Russian chastushka as a source of data on the history of rural culture in 1920s. An immense number of chastushkas were recorded at that time, and they seem to have left no fact of rural life undescribed. Some chastushkas served as vivid illustrations for historical studies of the village at that time, however the goal of introducing folk chastushkas in the list of the historical research sources had not been set yet, which expands the range of relevant tasks. Within the limited scope of the article, the author addresses only the most general questions of chastushka’s sources related to its nature and the degree of reflecting the historical reality.

Key words: chastushka, folk culture, historical sources, the history of 1920s, the village, rural studies.

Kondrashin V. V.

Teodor Shanin — a scientist and science organizer

The author of the article is a colleague, a student and a friend of Teodor Shanin, that took the liberty to describe some important, in his view, milestones of his scientific career. The author does not claim to categorical and indisputable conclusions, realizing the impossibility of a deep and comprehensive analysis of such an outstanding biography in just one article. The article focuses on those aspects of Teodor Shanin’s biography that are connected with his peasant and

historical studies. The article is based on the works of Teodor Shanin and author's interviews with him.

Key words: Teodor Shanin: rural research, biography, and peasant studies.

Ignatova S. N., Bozhkov O. B.
Russian agricultural entrepreneurs: the formation
and reproduction of the social group

Based on the data of a number of long-term sociological expeditions the article examines the mechanisms of formation and reproduction of a relatively new social stratum in Russia — rural entrepreneurs providing commodity agricultural production. The recognition of the agricultural productive incapacity of collective and state farms and calls for the transition to the so-called market economy in the first years of perestroika did not create automatically rural owners and entrepreneurs. The property reform in agriculture is far from being complete: the process of formation of a new social stratum is long and difficult, and only now (after more than 20 years) we can summarize some interim results and describe the reform in general terms. That is the task of the article.

Key words: rural entrepreneurs, factors of success and failure, a social group, Nonchernozem area, resources, capital.

Fadeeva O. P. "It happened in Pen'kovo":
How agrohholdings conquer the rural areas of Siberia

The article examines the motives, conditions and consequences of the large agricultural companies coming to the small rural district of the Novosibirsk region, and the resulting transformations of the local economy, local labor market and land redistributions. The author identifies the role of municipalities in attracting major investors in rural areas and the risks of public-private partnership; analyzes positive and negative results of the large holdings dominance that helped agriculture to get to a higher technological level, and contributed to the growth of labor productivity and the district leadership in the production of milk and linen products with large investments. However, the monopoly of the large enterprises destroyed the multi-structural rural economy and traditional way of life, and resulted in a serious decline in employment and a break of ties between the employment system and rural settlements. On the example of just one case, the

author shows that big agricultural companies that control large agricultural lands are the main 'beneficiaries' of the Russian state agricultural policy, including the measures taken after Russia entered WTO.

Key words: agroholding, transformation of land and labor relations, public-private partnership, the drivers of rural development, the multi-structural rural economy.

Wegren S., Trotsuk I.
Rural households under the Russian food embargo

The article aims to assess the extent to which Russian households are able to compensate at least partially for the shortage of products, which is a result of the August food embargo. According to the data on the productivity of the households in the first half of the 1990s, which has increased in response to the rapid decline in the food production in the country, Russian households have the potential to produce more and basically are interested to sell more. The authors take into account, but do not make systematic comparisons of the regional differences in productivity of rural households, rather focusing on their role in achieving goals of the food security strategy in the production and sales of meat, which is the scarcest commodity in Russia, and therefore deserves special attention. The authors show that it is in terms of meat production that rural households are an underrated and unused resource, whose contribution to the national food security could be much more significant. Since 1992, Russian rural households have demonstrated a steady ability to adapt to the new economic conditions and increase food production, so the state policy should stimulate them to sale more meat products.

Key words: rural households; food embargo; food security; meat production; the economic potential of the households.

Kopoteva I. Koivuselga — 20 years later

The questions of socio-economic development of the forestry settlement Koivuselga, Republic of Karelia are discussed. Forestry is one of the main branches in the structure of industry in the Republic and in Koivuselga village. In the village forestry was the only one settlement-forming component around which objects of related infrastructure functioned. The research works took place in Koivuselga in 1994 and 2014, with a break in 20 years. The entire survey of all permanent and non-permanent villagers were conducted. The article

presents results of the research. What happened during 20 years in the Koivuselga village? Demography, socio-economic development of the village, local government activities, land questions are discussed in the article.

Key words: forestry settlement, rural development, Republic of Karelia, local government.

Nikulin A. M., Nikulina E. S. The Moshinsky bush:
some branches of life in the northern countryside

The authors conducted a qualitative study based on the method of participant observation in a group of rural settlements around the lake Mosha in the Arkhangelsk Region to write an anthropological essay on the history and contemporary everyday life of the Russian northern countryside. The article pays special attention to the analysis of local social institutions, such as rural communities, municipalities, agricultural enterprise, households, and church, for their interaction demonstrates an attempt to prevent the degradation of rural settlements in the northern Nechernozemie.

Key words: Russian North, rural community, municipality, agricultural enterprise, social infrastructure, migration, subsidiary plot, dacha, TPS, church.

Научное издание

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ

Теория. История. Современность.
Ученые записки. 2015. Выпуск 10

Выпускающий редактор *Е.В. Попова*
Редактор *В.Л. Ларина*
Художник *Е.В. Трушина*
Оригинал-макет *О.З. Элоева*
Компьютерная верстка *Е.В. Немешаевой*

Подписано в печать 24.12.2014. Формат 60×90^{1/16}
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Century Schoolbook. Усл. печ. л. 22,13
Тираж 200 экз. Заказ № 919

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий отдел — (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82